

Том 30. № 5

2025

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 30. No. 5

2025

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, M.V. Gayval, U.V. Naumova, Yu.A. Nikitina, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on Oct. 7, 2025.

Date of publication: Dec. 23, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 23.9. Published pages 25.7.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 101. «С» 34.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, М.В. Гайваль, У.В. Наумова, Ю.А. Никитина, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 07.10.2025 г.

Дата выхода в свет: 23.12.2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 23,9. Уч.-изд. л. 25,7.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 101. «С» 34.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48.

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англояз. версия сайта: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

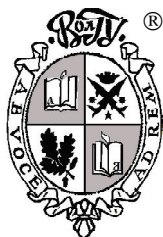
Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025

Том 30. № 5

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2025

Volume 30. No. 5

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2025. Vol. 30. No. 5

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
A.S. Smirnov – Assistant Editor (Volgograd);
P.I. Lysikov – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc. *Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Stelnik* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc. *E. Yu. Girya* (Saint Petersburg);

Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szváák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam);
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkiđ* (Novi Sad, Serbia)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025. Т. 30. № 5

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
А.С. Смирнов – технический секретарь (г. Волгоград);
П.И. Лысиков – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *В.А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Стельник* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);

канд. ист. наук *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С.В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Дэннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиоупулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, доц. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Тацров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

СОДЕРЖАНИЕ

ДРЕВНИЙ МИР И АРХЕОЛОГИЯ

Лихтер Ю.А., Кокорина Ю.Г. Передача технической информации в традиционных обществах [На англ. яз.] 6

Дьяченко А.Н., Перерва Е.В. Погребения предсавроматского времени на территории Нижнего Поволжья по данным археологии и палеопатологии [На англ. яз.] 15

Балабанова М.А. Половозрастная специфика кочевников Волго-Донского региона по материалам средневековых могильников 34

Самарджич Г. Свидетельства миграции населения с Востока (эллиноязычных стран) в муниципалитет Дарданорум на юге провинции Верхняя Мезия [На англ. яз.] 52

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРИОДИКИ

XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Арчебасова Н.А. Материалы периодической печати второй половины XIX – начала XX в. по истории народного образования Казанского учебного округа в диссертациях научной специальности «Отечественная история» начала XXI века 59

Стеблянская А.Н., Васиев М.П. История периодики первой половины XX в. на основе музейных материалов Харбина 71

Власов Н.А. «Панслависты сейчас задают тон в России»: образ Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов 89

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Иванов В.А. Роль женщин-медиков в подпольном движении Крыма в 1941–1944 гг. (на примере Кореиза и Саки) 102

Линец С.И. Взаимодействие местных органов власти и населения Ставрополя в оказании помощи эвакуированным на территорию края гражданам в 1941–1942 гг.: проблемы и пути их решения 118

Стельник А.К. Глава Сталинградского городского комитета обороны А.С. Чуянов и вопрос эвакуации гражданского населения г. Сталинграда в июле – сентябре 1942 года 128

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В СССР

И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Дашковский П.К., Траудт Е.А. Деятельность уполномоченных Совета по делам религий в национальных автономиях во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. (на примере Бурятской АССР) 140

Мязин Н.А. Пятидесятничество и общество в России в 1991–2024 годах 153

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Фролова Ю.Н. Моделирование процессов сепаратизма в Европе 164

Петров А.Л. Трансформация внешней политики Сенегала: новые возможности для России? 178

Ляхтионова Е.С. Международное сотрудничество в области изучения российского индустриального наследия: обзор уральской историографии [На англ. яз.] 191

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е. Детерминанты и барьеры развития интеграционного потенциала образа будущего России 199

Соколов А.В., Чже С. Х., Бабаджанян П.А. Особенности реализации систем социального рейтингования 2024 г. в политической сфере 210

Панкратов С.А., Морозов С.И. Аксиология семьи и электоральный суверенитет российских избирателей в эпоху глобальных политических трансформаций 224

Калашникова С.К., Погодина М.Я. Институциональный аспект политики идентичности в столичных агломерациях: анализ нормативных правовых актов 234

Колыхалов М.И. Международно-политическая деятельность мегаполисов как объект политической урбанистики 244

CONTENTS

ANCIENT WORLD AND ARCHEOLOGY

- Likhter Yu.A., Kokorina Yu.G.* Transmission of Technical Information in Traditional Societies 6
- Dyachenko A.N., Pererva E.V.* Pre-Sauromatian Burials in the Lower Volga Region According to Archaeological and Paleopathological Data 15
- Balabanova M.A.* Age and Gender Specificity of Nomads of the Volga-Don Region Based on Materials from Medieval Burial Grounds 34
- Samardžić G.* Evidence of the Relocation of the Population from the East (Hellenic-Speaking Countries) to the Municipium Dardanorum in the South of the Province of Upper Moesia 52

STUDY OF PERIODICALS

OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES

- Archebasova N.A.* Periodical Press Materials of the Second Half of the 19th Century and Early 20th Century About the History of Public Education of the Kazan Educational District in Dissertations on Scientific Specialty “National History” of the Early 21st Century 59
- Steblyanskaya A.N., Vasiev M.P.* History of Periodicals of the First Half of the 20th Century Based on Museum Materials of Harbin 71
- Vlasov N.A.* “Pan-Slavists Are Now Setting the Tone in Russia”: The Image of the Russian Empire in the German Liberal Press of the Early 1880s 89

POWER AND SOCIETY

DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

- Ivanov V.A.* The Role of Female Doctors in the Underground Movement of Crimea in 1941–1944 (On the Example of Koreiz and Saki) 102
- Linets S.I.* Interaction of Local Authorities and the Population of the Stavropol Territory in Providing Assistance to Citizens Evacuated to the Territory in 1941–1942: Problems and Ways to Solve Them 118

- Stelnik A.K.* The Head of the Stalingrad City Defense Committee A.S. Chuyanov and the Issue of Evacuation of the Civilian Population of Stalingrad in July–September 1942 128

RELIGIOUS QUESTION IN THE USSR AND POST-SOVIET RUSSIA

- Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.* Activities of Authorized Council for Religious Affairs in National Autonomies from the Mid-1960s to the First Half of the 1980s (The Example of the Buryat ASSR) 140
- Miazin N.A.* Pentecostalism and Society in Russia in 1991–2024 153

INTERNATIONAL RELATIONS

- Frolova Yu.N.* Modelling of Separatism in Europe 164
- Petrov A.L.* The Transformation of Senegal’s Foreign Policy: New Opportunities for Russia? 178
- Lakhtionova E.S.* International Cooperation in the Study of Russian Industrial Heritage: A Review of Ural Historiography 191

POLITICAL PROCESSES

- Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E.* Determinants and Barriers to the Development of the Integration Potential of the Image of the Future of Russia 199
- Sokolov A.V., Jeh S.-H., Babajanyan P.A.* Implementation Features of Social Rating Systems in 2024 in the Political Sphere 210
- Pankratov S.A., Morozov S.I.* Family Axiology and Electoral Sovereignty of Russian Voters in the Era of Global Political Transformations 224
- Kalashnikova S.K., Pogodina M.Ya.* The Institutional Aspect of Identity Politics in the Metropolitan Agglomerations: Analysis of Legal Documents 234
- Kolykhalov M.I.* International Political Activity of Megacities as an Object of Political Urbanism 244

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.1>

UDC 902:93:94:39

LBC 63.4:63.5:7

Submitted: 17.02.2024

Accepted: 16.01.2025

TRANSMISSION OF TECHNICAL INFORMATION IN TRADITIONAL SOCIETIES

Yulia A. Likhter

Archaeological Research in Construction Business LTD, Moscow, Russian Federation

Yulia G. Kokorina

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article is theoretical in nature. The objective of this work is to raise the problem of information transfer in the formation of ancient technical reality. The novelty of this article raises the problem of transmitting technical information in antiquity as being posed for the first time, despite the abundance of works on the history of craftsmanship in foreign and Russian archeology. *Methods and materials.* The multidisciplinary nature of modern archeology determined the choice of research material, which includes publications by foreign and Russian archaeologists, anthropologists, folklorists, ethnologists, and historians. Research methods: comparative and systematic approach. The methodological basis of the work is a systematic approach to an object as a set of subsystems: morphology (the study of form in the general scientific sense), material, technology, and function. *Analysis.* These subsystems are presented in the form of two triads: historical and cultural (“morphology, material, and function”) and historical and industrial (“morphology, material, and technology”). The subject of research is the second triad. *Results.* As a result, we have identified the following ways of transmitting technical information in ancient times: replication according to a ready-made sample; imitation in another technology or material; the use of matrices or stamps; templates in the manufacture of complex artifacts; semi-finished products, the shape of which indicated the processing technology; and relocation of craftsmen. Presumably, “designers” or “interpreters” broadcast information from other-cultural “customers” about the peculiarities of decorating things with a high semiotic status; the focus on human characteristics; the preservation of technical information in folklore (epos and songs) and scientific treatises; and the proportions and sizes of the human body and its parts (transmitting metric ratios). *Authors' contribution.* Yu.A. Likhter proposed the article's concept, justified the methods and methodology used, and contributed some of the factual material. Yu.G. Kokorina collected the second part of the factual material, including foreign material, and conducted an analysis.

Key words: archaeological theory, knowledge transfer system, ancient craft, culture contact, ancient technical reality.

Citation. Likhter Yu.A., Kokorina Yu.G. Transmission of Technical Information in Traditional Societies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 6-14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.1>

УДК 902:93:94:39
ББК 63.4:63.5:7

Дата поступления статьи: 17.02.2024
Дата принятия статьи: 16.01.2025

ПЕРЕДАЧА ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТРАДИЦИОННЫХ ОБЩЕСТВАХ

Юлия Абрамовна Лихтер

ООО «Археологические изыскания в строительстве», г. Москва, Российская Федерация

Юлия Георгиевна Кокорина

Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Данная статья носит теоретический характер. Целью работы является постановка проблемы о путях передачи информации о формировании древней технической реальности, под которой понимается материальная составляющая искусственной среды обитания, создаваемой человеком в прошлом. В условиях современного информационного общества выявление путей передачи технической информации в древности как одного из важнейших факторов развития человечества представляется актуальным. Новизна данной статьи состоит в том, что, несмотря на обилие работ по истории ремесла в зарубежной и российской археологии, проблема реконструкции путей трансляции технической информации в древности ставится впервые. *Методы и материалы.* Мультидисциплинарный характер современной археологии определил выбор материала для исследования, которым являются публикации зарубежных и российских археологов, антропологов, фольклористов, этнологов, историков. Методы исследования: компаративный, системный подход, дескриптивный, классификационный, моделирование. Методологической основой работы является системный подход к вещи, рассматриваемой как совокупность подсистем: морфология (в общенаучном смысле как учение о форме), материал, технология и функция. *Анализ.* Эти подсистемы представлены в виде двух триад: историко-культурной («морфология, материал и функция») и историко-производственной («морфология, материал и технология»). Предметом исследования в данной работе является вторая триада. Композиция работы построена в зависимости от составляющих второй триады по хронологическому принципу. *Результаты.* В результате нами выделены следующие пути передачи информации о технической реальности в древности: повторение по готовому образцу; имитация в другой технологии или материале; использование матриц или штампов; шаблонов; схем и образцов при изготовлении сложных артефактов; полуфабрикатов, форма которых указывала на технологию обработки; переселение мастеров. Предположительно – использование «дизайнеров» или «переводчиков» для трансляции информации от инокультурных «заказчиков» об особенностях выполнения декора вещей с высоким семиотическим статусом; ориентация на особенности человека, пропорции и размеры человеческого тела и его частей (при передаче метрических соотношений). Сохранение технических сведений в фольклоре (эпос, песни) и ученых трактатах. *Вклад авторов.* Ю.А. Лихтер предложила концепцию статьи и часть фактического материала, обосновала методику и методологию. Ю.Г. Кокорина собрала вторую часть фактического материала, в том числе иностранного, провела анализ.

Ключевые слова: археологическая теория, система передачи знаний, древнее ремесло, контакт культур, древняя техническая реальность.

Цитирование. Лихтер Ю. А., Кокорина Ю. Г. Передача технической информации в традиционных обществах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 6–14. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.1>

Introduction. The exceptional role of information in the modern world is well known. The transmission of information ensures the existence of the technical reality of the 21st century. An ancient technical reality today is not only an object of academic interest but also a means of self-identification for various modern nations, and its study is used for educational purposes [12; 28;

30; 40; 62; 65]. We define technical reality, following Yu.L. Shchapova, as the material component of the artificial environment created by humans [54, p. 11; 57, p. 2].

Historical reconstructions of ancient technologies as a phenomenon of the cultural heritage of currently existing peoples are widespread [69]. The problem of transmitting

technical information is closely related to the problem of folk pedagogy [6]. As will be shown later, the study of the craft of traditional societies is at the center of attention of archaeology, ethnology, and historical anthropology [27, p. 24]. Therefore, it is relevant to study how people in ancient times transmitted information and created their own technical reality. Although the history of craftsmanship in traditional societies has been extensively researched, the specific issue of transmitting information in creating ancient technical reality has not been addressed or studied. This is where the novelty of this article lies. The purpose of this work is to address the issue of technical information transfer in ancient societies and identify the main pathways of this process.

Methods and materials. The work bears a theoretical nature. The research in the field of archaeology as well as ethnology and history served as the main source for it. In the foreign historiography of recent years, attention is paid to the history of the development of traditional crafts of individual peoples [1; 11; 16], types of production [46; 49; 53; 68], preservation of ancient crafts [18], and features of their social organization [66]. Domestic archaeological literature is represented by a significant number of works [63; 64; 19; 20; 21; 48; 51; 54].

Methodologically, the authors follow Yu.L. Shchapova and her scientific school, to which they have the honor of belonging. Yu.L. Shchapova recommended creating a set of features when analyzing archaeological monuments. Its initial form acts as a certain general knowledge about the subject undifferentiated in time and space [56, pp. 22-23]. Therefore, this work uses archaeological and ethnological materials from different eras and cultures. When studying ancient artifacts, their internal properties are divided into subsystems: morphology, material, technology, and function [33; 34; 38, p. 88].

These features can be summarized into two triads: “morphology, material, and function” and “morphology, material, and technology.” In the first case, we consider what was used, from what, and how, while in the second case, we focus on what was made, from what, and how. We can say that the first triad is historical and cultural, while the second triad is historical and production-related. When operating the first triad, we study

an object as part of the material culture of a particular society, and when using the second triad, we examine it as part of the ancient production system [38, p. 185]. It is the second triad that forms the ancient technical reality and is the subject of our research.

Analysis. In a nonliterate society, researchers identify four main methods of information transfer and learning: verbal, visual, music, and dance [50, p. 105]. In addition, the shape of the product itself serves as the repository of all vital information collected during the evolution of the craft, which is stored in the form of standards and technical skills necessary for reproducing the traditional form of the product. “These repositories contain the ‘genetic code’ necessary for the evolution of the craft” [29, p. 35].

As the modern research shows, the rudiments of abstract thinking can already be noticed in the tools of the Oldowan era, which required abstract thinking and the ability to perform complex sequences of actions [15, pp. 321-322; 67]. Since the moment standardized tools appeared, we can say that humans had emerged, albeit in a very primitive form. They had a concept not only of the function of a tool but also of the fact that a tool should have a specific shape that all craftsmen complied with.

The emergence of the concept of form signals the emergence of the human species, human intelligence, and the development of speech as a characteristic of the human race [25; 58]. Information was likely transmitted through imitation and learning. In the future, we can see a greater variety of methods for transmitting information.

Transfer of craft information by imitating. During the Bronze Age, for instance, stone axes remaining still in use were sometimes imitated by bronze axes, preserving all the details. Thus, jade axes were found in Troy, imitating metal ones (Troy, second half of the 3rd millennium BC) [41], and stone axes with imitations of a casting seam are known among the tribes of the Fatyanovo culture (the center of the European territory of Russia, the first half of the 2nd millennium BC) [5, p. 3; 11; 13; 67, p. 264]. A wooden replica of a broken European pouring spoon, probably made of metal, which was then repaired with a screw, is interesting. It was probably made by a craftsman from Congo [59, p. 101].

Perhaps technical information was passed on from one nation to another, initially through luxury goods utilized by the elite of the borrowing ethnic group. The upper class of the Scythian-Sarmatian world were the consumers of ancient craftsmanship, but in Ancient Rus, the products of Byzantine craftsmen were primarily sought after by the princely and boyar classes. The same tendency manifests in modern times. As noted by 19th-century ethnographers, the Orenburg region's knitting of lace shawls is "exclusively practiced by the Russian population of the province. The Bashkirs and Teptyars do not use knitting on needles, and these items are not in use at all. The poor do not know about them, but the rich and prosperous people buy them at the market" [63, p. 7].

The decor of objects developed at the intersection of two cultures has a number of features in terms of creating technical reality. Thus, among the glass vessels found on the territory of the Chernyakhov culture, there are examples of the reproduction of complex-technique decor using simpler methods. For example, a cup with convex ovals made of an overhead thread (hot lining) from the Kholmsky, Odessa region [37, fig. 1,16, fig. 3a], clearly imitates a cup with convex ovals obtained by removing the top layer of glass from a thick-walled vessel (cold grinding) – a technique close to the technology of a *vas-diatretum* from Malaesti [37, fig. 1,11].

The study of cultural contacts in ancient technical reality raises a number of problems. In particular, it is unclear how craft information was transmitted during such contacts. For example, the Scythian pectoral from Tolstaya Mogila and the vase from Chertomlyk were made by ancient Greek craftsmen, but their decoration reflects the complex ideas of the Scythians about the mythological universe [2, p. 212; 45, p. 473]. Other works of Greek art have been proven to bear a high level of semiotic content, reflecting the Scythian mythological beliefs. Therefore, we can assume that the ancient Greeks had "designers" or special "interpreters" who explained all the requirements of the Scythian "customer" to the craftsmen.

The shape of the semi-finished product as a means of transmitting information about the technology. Studying the metal of the Middle

East in the Eneolithic, Early Bronze, and Middle Bronze Ages, L.I. Avilova suggested that information about the properties of the metal and the types of possible products made from it was contained in the form of the semi-finished product. "The shape of the thin flattened pommel may indicate the malleability of copper. The volumetric <...> pommels emphasize the casting properties of the blanks made from copper with natural impurities of arsenic and lead. Thus, the blacksmith could understand the shape of the pommel as a kind of "instruction manual" for using the ingot" [4, p. 165].

Using matrices, templates, and standards to transfer craft information. The use of templates also contributed to transmitting information, as, for example, ancient Russian craftsmen used templates to create enamel coatings, in contrast to the Byzantine method of individually drawing and stamping a pattern [55, pp. 183-184].

Technological information was transmitted using stamps and matrices, which were used to create casting molds for objects with simple shapes but complex surface decorations. [3; 9; 12, p. 28; 42, p. 66; 60; 61]. Matrices were also used for the production of tiles [23; 39]. In the "Orders of the Old Years" for 1682, "Living Records of Apprenticeship" were found, which mentioned "tile seals" that were given to apprentices after they completed their training as a tiler [39, p. 344].

Crafting items based on patterns and samples. Weaving is a unique combination of art and craft. There is evidence of using the so-called filling patterns in the Muslim East, which consist of three elements: a weave pattern, a broom pattern, and a cardboard pattern [43, p. 117]¹. Ethnographic data on Armenian carpets show that weavers developed their own patterns. "Sometimes, the craftsman would indicate the colors of the yarn and the number of knots. Sometimes there would be a sample next to the loom" [32, p. 46]. In the medieval East, there were also ready-made patterns for constructing architectural ornaments, the so-called *girihs*. "Long, rolled-up strips of paper, made up of several sheets, passed from father to son. These strips were carefully drawn with fragments of architectural patterns, as well as inscriptions that had already been divided into individual bricks for

accuracy. The oldest of these scrolls dates back to the 16th century, but there is no doubt that they existed before that” [22, p. 116].

Folklore and early scientific works as means of transmitting craft knowledge. Texts, primarily folklore texts, served as a means of transmitting technical information. For example, the folklore of the Agaria people (Central India) tells about the origin and basic techniques of iron smelting and blacksmithing [36; 50, pp. 46-47]. The Epic of Gilgamesh also mentions metallurgy:

“Let the people of Aratta
Bring down the mountain stones,
And build the great shrine for me, the great sanctuary,
Their task of plying gold,
Like the silver in the lode,
Load the packs on the donkeys
of the mountains” [35, pp. 32-40].

There are known fragments about tempering steel, as in the Odyssey:
As a blacksmith plunges an axe or hatchet
Into cold water to temper it –
For it is this that gives strength to the iron [24, p. 219].

Also, in the Karelian-Finnish epic:
“And the blacksmith Ilmarinen,
Deeply thought and long reflected,
Steeped the ashes in the water,
Made a lye to harden iron.” [64, p. 58].

The transfer of information took place in the form of craft apprenticeship. For example, the ancient Indian Dharmasastra of Narada (Naradasmṛti) states that after completing the apprenticeship, the student could remain working with the craftsman, who was required to indicate the student’s qualification, referred to as ante-Vasi, next to his name. The statues of Buddha from Kashmir, dating back to the 2nd century BC, bear inscriptions indicating that they were created (with the name) by the ante-Vasi of Kunika [11, p. 31]. According to Naradasmṛti, a craftsman is obliged to treat his disciple as a son and to teach him honestly and with an open heart [11, p. 31]. The idea that knowledge, including about craft, is sacred and is passed down from father to son is common in ancient societies. For example, medical knowledge was passed down in the Hippocrates family for 18 generations [11, p. 121].

There are scholarly treatises that provide information about the craft. The oldest text

containing glass recipes dates back to the Middle Babylonian Kingdom, around 1700 BC [10, p. 44], and similar works can be found in ancient [44] and medieval [8; 60] literature. However, it is unclear how familiar contemporary craftsmen were with these treatises. Technical information was also transmitted by travelling craftsmen [70, p. 214; 51, p. 246], as well as in the form of crafts’ imitation of other cultures. Examples include gray-clay imitations of ancient kantharos found in late Scythian settlements [14; 17], encolpion crosses from Ancient Rus that imitated Byzantine crosses, imitations of Khwarezmian ceramics in the Golden Horde cities of the Volga region [52, p. 503], and so on.

Methods of transmitting information about the product metric. Some knowledge might be implicit in the products, for example, in the metrics of the products, primarily in the proportions. The concept of “ancient metrological culture” has been introduced in modern archaeology [7; 26; 31].

Turning to the analysis of metric ratios in ancient objects, Yu.L. Shchapova highlights the concept of a module as the smallest common measure that different elements should possess [56, p. 72]. Modules and proportions are an integral part of the ancient technical reality: the module in the proportions’ construction of bells was the thickness of the “bell lip”; vessels – the diameter of the bottom or crown; the size of the vessel was determined by the metric of the main decorative element; the module of a sword or a dagger – the width of the blade under the cross; the module of a ship – the gap between the oarlocks, etc. [56, p. 76]. Information about what the module of the product is was passed on during training.

Archaeologists discover standards that are special artifacts containing samples of measures in a particular culture. Such artifacts depicting a human head with an outstretched arm or foot as a metric standard are known in Ancient Greece [31]. The figure of the “moduler” belongs to antiquity, where the human body is used as the basis for proportional relations. In Ancient Rus, “babylons” (a term by B.A. Rybakov) were used, which were rectangular ceramic and stone artifacts marked in a special way that allowed the calculation of the dimensions of ancient temples [47]. They were passed down through training.

Results. Thus, we can identify the following ways of transmitting craft information: replication by a ready-made model, imitation in another technology or material, use of matrices or stamps, reproduction of templates, reference to schemes and models in the manufacture of complex artifacts, the use of semi-finished products, and the shape of which indicated the processing technology. Presumably, the presence of “designers” or “interpreters” to broadcast information about the peculiarities of decorating things with a high semiotic status. These include the focus on human characteristics, the proportions and sizes of the human body and its parts (transmitting metric ratios), the migration of craftsmen, whether voluntary (wandering artisans) or forced, folklore (epics, songs), and scholarly treatises. It should be noted that the use of all these methods of transmitting information, which was an integral part of the so-called “primitive” craft production, often concealed a subtle and reliable system of information transmission that was perhaps more effective than the modern “drafting” method of design.

ACKNOWLEDGMENTS

¹ The authors thank O.V. Orfinskaya for providing an opportunity to review the unpublished dissertation.

REFERENCES

1. Abdullah K., Shujaul M., Pieroni A., Haq Z., Ahmad Z. Mazri (Nannorrhops ritchiana (Griff) Aitch.): A Remarkable Source of Manufacturing Traditional Handicrafts, Goods and Utensils in Pakistan. *Journal of Ethnobiology and Ethnomedicine*, 2020, vol. 16. URL: <https://ethnobiomed.biomedcentral.com>
2. Alekseev A.Yu., Murzin V.Yu., Rolle R. *Chertomlyk (Skifskiy tsarskiy kurgan IV v. do n.e.)* [Chertomlyk (Scythian Royal Burial Mound of the 4th Century BC)]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1991. 416 p.
3. *An Ancient Matrix Was Discovered at Sarmizegetusa Regia*. URL: http://www.historia.ro/exclusiv_web/actualitate/articol/totul-matruta-antica-sarmizegetusa-regia-cum-au-ajuns-grifoni
4. Avilova L.I. *Metall Blizhnego Vostoka: modeli proizvodstva v eneolite, rannem i srednem bronzovom veke* [Metal of the Middle East: Production Models in the Eneolithic, Early and Middle Bronze Age]. Moscow, Pamyatniki ist. mysli Publ., 2008. 227 p.
5. Bader O.N. *Epoha bronzy lesnoy polosy SSSR* [The Bronze Age of the USSR Forest Belt]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 470 p.
6. Balabolkin A.S., Vahitova R.R. Rol printsipov narodnoy pedagogiki v obuchenii traditsionnym narodnym promyslam: istoriko-kulturny aspekt [The Role of the Principles of Folk Pedagogy in Teaching Traditional Folk Crafts: Historical and Cultural Aspect] *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern Problems of Science and Education], 2011, no. 6. 152 p.
7. Bekabrov V.A. *Mery dliny Sredizemnomorya: ot Drevnego Egipta k srednevekovoy Vizantii* [Measures of the Length of the Mediterranean: From Ancient Egypt to Medieval Byzantium]. Moscow, Sam Poligrafist, 2020. 472 p.
8. Belenitskiy A.M. Glava “O zheleze” mineralogicheskogo traktata Biruni [The Chapter “On Iron” in Biruni’s Mineralogical Treatise]. *Kratkie soobshcheniya o dokladah i polevykh issledovaniyakh Instituta istorii materialnoy kultury* [Brief Summaries on the Reports and Field Research of the Institute of the History of Material Culture]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1950, no. 33, pp. 139-144.
9. Bessonova S.S., Zimovets R.V., Skoriy S.A. Bronzovaya matritsa skifskogo vremeni, naydannaya v poyme r. Trubezh [The Bronze Matrix of the Scythian Period Found in the Floodplain of the Trubezh River]. *Arheologiya i davnaya istoriya Ukrainy* [Archeology and the Ancient History of Ukraine], 2016, no. 2 (19), pp. 189-205.
10. Bezborodov M.A. *Himiya i tehnologiya drevnih i srednevekovykh stekol* [Chemistry and Technology of Ancient and Medieval Glasses]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1969. 276 p.
11. Bezrogov V. *Traditsii uchenichestva i institut shkoly v drevnih tsivilizatsiyakh* [Traditions of Apprenticeship and the Institute of School in Ancient Civilizations]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008. 458 p.
12. Brashinskiy I.B. *V poiskakh skifskikh sokrovishch* [In Search of Scythian Treasures]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Department, 1979. 142 p.
13. Brey U., Tramp D. *Arheologicheskiy slovar* [Archaeological Dictionary]. Moscow, Progress Publ., 1990. 368 p.
14. Britova N. *Iskusstvo Severnogo Prichernomorya* [The Art of the Northern Black Sea Region]. URL: <http://artyx.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st037.shtml?ysclid=ls79yivk89590833586>
15. Bromley Yu.V. *Istoriya pervobytnogo obshchestva. Obshchie voprosy* [The History of Primitive Society. General Questions]. Moscow, Nauka Publ., 1983, vol. 1. 432 p.

16. Coleman M. *The Culture and Crafts of Mexico*. New York, PowerKids Press, 2016. 32 p.
17. Dashevskaya O.D. *Pozdnie skify v Krymu. Svod arheologicheskikh istochnikov* [The Late Scythians in the Crimea. A Set of Archaeological Sources], vol. D1-07. Moscow, Nauka Publ., 1991. 144 p.
18. Ela P. A Case for the Development of World Crafts. *Museum International*, 1988, vol. 40, iss. 1, pp. 39-42. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-0033.1989.tb00724>
19. Gaydukov P.G. A.V. Artsihovskiy i B.A. Kolchin (1935–1950) [Artsikhovskiy A.V. and Kolchin B.A. (1935–1950)] *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], 2003, no. 4, pp. 147-155.
20. Gaydukov P.G. Spisok pechatnyh rabot B. A. Kolchina [List of Printed Works by B. A. Kolchin]. *Estestvennonauchnye metody v arheologii* [Natural Science Methods in Archaeology]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 6-13.
21. Gaydukov P.G., Zavyalov V.I. K 100-letiyu Borisa Aleksandrovicha Kolchina (1914–1984) [To the 100th Anniversary of Boris Kolchin (1914–1984)] *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], 2014, no. 3, pp. 188-192.
22. Gerchuk Yu.Ya. *Chto takoe ornament. Struktura i smysl ornamentalnogo obraza* [What Is an Ornament? The Structure and Meaning of the Ornamental Image]. Moscow, RIP-holding, 2013. 301 p.
23. Glazunova O.N. Izraztsovye shtampy XVII v. iz novo-ierusalimskih goncharnykh masterskikh [Tile Stamps of the 17th Century from the New Jerusalem Pottery Workshops]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archaeology]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., 2015, no. 239, pp. 196-200.
24. Gomer. *Iliada; Odisseya: per. s drevnegrech. V.V. Veresaeva* [Iliad; Odyssey. Transl. from Ancient Greek by V.V. Veresaev]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 398 p.
25. Grinchenko S.N., Shchapova Yu.L. Informatsionnye tehnologii v istorii chelovechestva [Information Technologies in the History of Mankind]. *Informatsionnye tehnologii* [Information Technologies], 2013, no. 58, pp. 1-32.
26. Gyllenbok J. *Encyclopedia of Historical Metrology, Weights and Measures. Birkhäuser Basel, Series: Science Networks. Historical Studies*, 2018, vol. 1-3.
27. Haritonovich D.E. Srednevekoviy master i yego predstavleniya o veshchi [The Medieval Craftsman and His Ideas About Things]. *Hudozhestvenniy yazyk Srednevekovya* [The Artistic Language of the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 24-39.
28. Hasanov E.L. Innovative Research of the Main Features of Some Craft and Other Local Traditions of Ganja. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 2013, vol. 6(10), pp.55-66. DOI: <https://doi.org/10.15863/TAS.2013.10.6.10>
29. Jones Ch.J. *Inzhenernoye i khudozhestvennoye konstruirovaniye. Sovremennyye metody perspektivnogo analiza* [Engineering and Artistic Design. Modern Methods of Prospective Analysis]. Moscow, Mir Publ., 1976.
30. Jueming H., Jinsong L., Lianhai W. *Chinese Handicrafts*. Singapore, Springer, 2023. 1160 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-981-19-5379-8>
31. Kardoza Fernandes M.L. *Traditsionnaya metrologicheskaya kultura: sushhnost i znachenije* [Traditional Metrological Culture: Essence and Meaning]. Moscow, Prometey Publ., MPGU, 2006. 380 p.
32. Kazaryan M.M. *Armjanskije kovry* [Armenian Carpets]. Moscow, Sovetskiy hudozhnik Publ., 1985. 112 p.
33. Kokorina Yu.G., Likhter Yu.A. Logicheskaya sistema izucheniya dekora [Logical System for Studying Decor]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istoriya* [Bulletin of the Moscow University. Series 8, History], 1991, no. 2, pp. 113-120.
34. Kokorina Yu.G., Likhter Yu.A. *Morfologiya dekora* [Morphology of Decor]. Moscow, URSS, 2010. 199 p.
35. Kramer S.N. *Istoriya nachinaetsya v Shumere* [History Begins in Sumer]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 256 p.
36. Kudryavtsev M.K. *Malye narody Yuzhnoy Azii* [Small Peoples of South Asia]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 242 p.
37. Likhter Yu.A. Steklo chernyahovskoy kultury [Glass of Chernyakhov Culture]. *Rossiyskaya arheologiya* [Russian Archeology], 1998, no. 2, pp. 41-53.
38. Likhter Yu.A. *Veshchestvenniy istochnik i baza dannyh – printsipy vzaimodeystviya* [Material Source and Database – Principles of Interaction]. Moscow, TM Prodakshn, 2015. 414 p.
39. Markina I.B. Keramicheskiye shtampy-matritsy iz tul'skoy Goncharnoy slobody (po materialam raskopok 2013–2014 godov) [Ceramic Matrix Stamps from the Tula Pottery Settlement (Based on the Materials of Excavations in 2013–2014)]. *Arheologiya Podmoskovya* [Archeology of the Moscow Region]. Moscow, IAN, 2023, no. 19, pp. 344-352.
40. Matsin A. Native Craft Study at University Level as a Tool for Maintaining Craft Heritage: The Example of the University of Tartu Viljandi Culture Academy, Estonia. *Acta Ethnographica Hungarica*, 2021, iss. 66, no. 2, pp. 293-303. DOI: <https://doi.org/10.1556/022.2021.00034>
41. Mueller W. *Troja: Wiederentdeckung der Jartausende*. Leipzig, VEB E.A. Seeman, Buch und Kunstverlag, 1972. 152 S.

42. Murasheva V.V., Yeniosova N.V., Fetisov A.A. Kuznechno-yuvelirnyaya masterskaya poymennoy chasti Gnyozdovskogo poseleniya [Blacksmithing and Jewelry Workshop of the Floodplain Part of the Gnezdovsky Settlement]. *Gnezdovo – rezultaty kompleksnogo issledovaniya* [Gnezdovo – The Results of a Comprehensive Study]. Saint Petersburg, Alfaret Publ., 2007, pp. 31-77.
43. Orfinskaya O.V. *Tekstil VIII–IX vv. iz kollektsii Karachaevo-Cherkesskogo muzeya: tehnologicheskie osobennosti v kontekste kultury rannesrednevekovoy Yevrazii: dis. ... kand. ist. nauk* [Textiles of the 8th – 9th Centuries from the Collection of the Karachay-Cherkess Museum: Technological Features in the Context of the Culture of Early Medieval Eurasia. Cand. hist. sci. diss.]. Moscow, 2001. 477 p.
44. Pliniy Starshiy. *Yestestvoznaniye. Ob iskusstve: Kn. 33–36* [Natural Science. About Art: Books 33–36]. Moscow, Nauch.-izd. tsentr “Ladomir”, 1994 (1995). 939 p.
45. Rayevskiy D.S. Model mira skifskoy kultury [The Model of the World of Scythian Culture]. Rayevskiy D.S. *Mir skifskoy kultury* [The World of Scythian Culture]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ., 2006, pp. 265-550.
46. Reswick I. *Traditional Textiles of Tunisia and Related North African Weavings*. Washington, University of Washington Press, 1985. 272 p.
47. Rybakov B.A. Arhitekturnaya matematika drevnerusskikh zodchih [Architectural Mathematics of Ancient Russian Architects]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet Archeology], 1957, no. 1, pp. 83-112.
48. Rybakov B.A. *Remeslo Drevney Rusi* [The Craft of Ancient Russia]. Moscow, Izd. dom AN SSSR, 1948. 792 p.
49. Santacreu D.A. *Materiality, Techniques and Society in Pottery Production: The Technological Study of Archaeological Ceramics Through Paste Analysis*. Warsaw-Berlin, De Gruyter Open Poland, 2014. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.2478/9783110410204>
50. Semenovker B.A. *Evolutsiya informatsionnoy deyatel'nosti. Bospismennoe obshchestvo* [The Evolution of Information Activity. The Unwritten Society]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2007. 144 p.
51. Sergeeva M.S. K voprosu o vneshnem faktore razvitiya hudozhestvennoy rezby po kosti v Yuzhnoy Rusi [On the Question of the External Factor of the Development of Artistic Bone Carving in Southern Russia]. *Drevnosti* [Antiquities], 2014–2015, pp. 244-256.
52. Seydaliev E.I., Halilova D.E. Keramika kak indikator innovatsiy v traditsionnoy kochevnicheskoy kulture Zolotoy Ordy (na primere nahodok s poseleniya “Stariy Fontan”) [Ceramics as an Indicator of Innovations in the Traditional Nomadic Culture of the Golden Horde (On the Example of Finds from the Settlement “Old Fountain”)]. *Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials on Archeology, History and Ethnography of Tavria]. Simferopol, Krym. feder. un-t im. V.I. Vernadskogo, 2018, no. 23, pp. 499-509.
53. Shaw-Smith D. *Ireland's Traditional Crafts*. London, Thames & Hudson, 1984. 223 p.
54. Shchapova Yu.L. *Materialnoye proizvodstvo v arheologicheskuyu epokhu* [Material Production in the Archaeological Era]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2011. 238 p.
55. Shchapova Yu.L. *Steklo Kievskoy Rusi* [Glass of Kievan Rus]. Moscow, Izd. dom MGU, 1972. 215 p.
56. Shchapova Yu.L. *Vvedenie v veshchevedenie: yestestvennonauchniy podhod k izucheniyu drevnih veshchey* [Introduction to Material Science: A Natural Science Approach to the Study of Ancient Things]. Moscow, Izd. dom MGU, 2000. 142 p.
57. Shchapova Yu.L. Yeshcho raz o peregorodchatykh emalyakh Drevney Rusi [Once Again on the Cloisonné Enamels of Ancient Russia]. *Drevnosti Pskova: Arheologiya, istoriya, kultura* [Pskov Antiquities: Archaeology, History, Culture]. Pskov, OIAMZ, 1999, pp. 62-72.
58. Shchapova Yu.L., Grinchenko S.N. *Vvedenie v teoriyu arheologicheskoy epokhi: chislovoe modelirovaniye i logarifmicheskie shkaly prostranstvenno-vremennykh koordinat* [Introduction to the Theory of the Archaeological Era: Numerical Modeling and Logarithmic Scales of Space-Time Coordinates]. Moscow, Ist. fak-t Mosk. un-ta, FITS IURAN, 2017. 236 p.
59. Smirnit'skaya Ye.V. *Proiskhozhdeniye veshchey. Ocherki pervobytnoy kultury* [The Origin of Things. Essays of Primitive Culture]. Moscow, NNN Publ., 1995. 271 p.
60. Strikalov I.Yu., Chernetsov A.V. Yuvelirnyaya matritsa s izobrazheniem svyatogo iz raskopok Staroy Ryazani [A Jewelry Matrix with the Image of a Saint from the Excavations of Old Ryazan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. Moscow, IA RAN, 2018, no. 253, pp. 327-334.
61. Teofil. Sochineniya o razlichnykh iskusstvakh [Essays on Various Arts]. *Mastera iskusstva ob iskusstve* [Masters of Art About Art]. Moscow, Iskustvo Publ., 1965, vol. I, pp. 227-244.
62. Van Ch. Sostoyaniye etnohudozhestvennogo obrazovaniya v oblasti prikladnogo tvorchestva v Kitae [The State of Ethnic Art Education in the Field of Applied Creativity in China]. *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya “Problemy etnologii i etnopedagogiki” (21–24 apr. 1999 g.)* [International Scientific and Practical Conference “Problems of Ethnology and Ethnopedagogy” (April 21–24, 1999)]. Novosibirsk, 1999, pp. 170-172.
63. Vasilchenko A.A. Istoriya tekhniki vyazaniya (k voprosu o vozniknovenii azhurnogo puhovoyazaniya

na Yuzhnom Urale) [The History of Knitting Techniques (On the Issue of the Origin of Lace Down Knitting in the Southern Urals)]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2015, no. 5, pp. 4-10.

64. Vinogradov A.S. Remeslennaya traditsiya i remeslennik: spetsifika poznaniya mira chelovekom srednevekovya [Craft Tradition and Craftsman: The Medieval Man's Perception of the World in the Middle Ages]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat* [History and Historical Memory], 2012, no. 5, pp. 55-70.

65. Vnukov S.Yu. *Prichernomorskie amfory I v. do n.e. – II v. n.e. (morfologiya)* [Black Sea Amphorae from the 1st Century BC to the 2nd Century AD (Morphology)]. Moscow, IAN RAN, 2003. 234 p.

66. Weiner J.F. The Social Organization of Foi Silk Production, The Anthropology of Marginal Development. *Journal of the Polynesian soc Auckland*, 1986, vol. 95, no. 4, pp. 421-439.

67. Yanin V.L., ed. *Arheologiya* [Archeology]. Moscow, Izd. dom MGU, 2006. 604 p.

68. Yoon-Hee H., Toshiharu E., Isogai A. Traditional Papermaking Techniques Revealed by Fibre Orientation in Historical Paper. *Studies in Conservation*, 2006, vol. 51, iss. 4, pp. 267-276.

69. Zabulis X. Digitisation of Traditional Craft Processes. *ACM Journal on Computing and Cultural Heritage*, 2022, vol. 15, no. 3, art. 53, pp. 3-24. DOI: <https://doi.org/10.1145/3494675>

70. Zavyalov V.I., Terehova N.N. Formirovanie proizvodstvennykh modeley zhelezoobrabotki v lesostepnoy i stepnoy Skifii (Belskoye i Kamenskoye gorodishcha) [Formation of Production Models of Ironworking in Forest-Steppe and Steppe Scythia (Belskoye and Kamenskoye Settlements)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta Arheologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. Moscow, IAN RAN, 2019, no. 256, pp. 207-217.

Information About the Authors

Yulia A. Likhter, Candidate of Sciences (History), Scientific Director, Archaeological Research in Construction Business LTD, B. Savvinsky Lane, 2-4-6, Bld. 4, 119435 Moscow, Russian Federation, ulialikhter@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4795-7398>

Yulia G. Kokorina, Candidate of Sciences (History), Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, Bolshaya Semenovskaya St, 38, 107023 Moscow, Russian Federation, kokorina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>

Информация об авторах

Юлия Абрамовна Лихтер, кандидат исторических наук, научный руководитель, ООО «Археологические изыскания в строительстве», Б. Саввинский переулок, 2-4-6, стр. 4, 119435 г. Москва, Российская Федерация, ulialikhter@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4795-7398>

Юлия Георгиевна Кокорина, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Московский политехнический университет, ул. Большая Семеновская, 38, 107023 г. Москва, Российская Федерация, kokorina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.2>

UDC 903'1(470.4)

LBC 63.442.7(235.47)

Submitted: 28.07.2025

Accepted: 27.09.2025

PRE-SAUROMATIAN BURIALS IN THE LOWER VOLGA REGION ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL AND PALEOPATHOLOGICAL DATA

Alexander N. Dyachenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Evgeniy V. Pererva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The time period between the 9th and the 7th centuries BC in the Volga-Ural and the Lower Volga regions is commonly referred to in scholarly literature as the “Pre-Sauromatian period.” This article analyzes previously unpublished archaeological and paleoanthropological materials from five pre-Sauromatian burial mounds: Solodovka I (2 burials), Lenin II, Tingutinsky (Volgograd region), and the single kurgan Evdyk (Republic of Kalmykia). Four of the five burial complexes presented here have not been published before. *Methods and materials.* Due to the poor preservation of the paleoanthropological material, the study employed a standard protocol for assessing the occurrence of pathological conditions in the bones of the postcranial skeleton and skull. *Analysis and discussion.* The burials examined in this publication, originating from the Lower Volga region, date back to the 8th – early 7th century BC. The most characteristic feature of the archaeological complexes of this period in the Lower Volga region is the “impoverishment” of the material artifacts. *Conclusions.* Pre-Sauromatian burials are most often secondary insertions. The grave pits are predominantly rectangular in shape. The deceased individuals are typically placed in a flexed or semi-flexed position on their side with their heads oriented eastward or westward. The burials are usually accompanied by animal remains and characteristic ceramic vessels, while metal objects are relatively rare. The study of pathological features in individuals from the pre-Sauromatian burials in the Lower Volga region suggests that the diet of this population was dominated by tough and hard foods rich in animal protein. Traumas and markers of intense physical activity indicate some degree of social tension within the community, likely related to competition for resources under changing conditions. Signs of episodic and specific stress suggest that the population experienced stress during childhood. Indicators of negative environmental (vascular reactions) and social influences (traumas, arthrosis, and spinal diseases) allow us to hypothesize that nomadic communities of the 9th – 7th centuries BC were highly mobile. *Authors' contribution.* A.N. Dyachenko analyzed the archaeological material examined in this study. E. V. Pererva analyzed the anthropological material from pre-Sauromatian burials. *Funding.* The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-68-00011 “Tempora incognita in the history of the Volga-Ural region: culturalhistorical, anthropological paleoecological prerequisites and consequences of the change of eras and cultures at the turn of the Late Bronze Age – at the beginning of the Early Iron Age”, <https://rscf.ru/project/25-68-00011/>.

Key words: archaeology, Pre-Sauromatian period, nomadic communities, Early Iron Age, paleopathology, traumas.

Citation. Dyachenko A.N., Pererva E.V. Pre-Sauromatian Burials in the Lower Volga Region According to Archaeological and Paleopathological Data. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 15-33. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.2>

**ПОГРЕБЕНИЯ ПРЕДСАВРОМАТСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ПАЛЕОПАТОЛОГИИ ¹****Александр Николаевич Дьяченко**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Евгений Владимирович Перерва

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Временной отрезок с IX по VII в. до н. э. для территории Волго-Уралья и Нижнего Поволжья в научной литературе принято именовать как «предсавроматский период». В предлагаемой статье анализируются ранее не опубликованные археологические и палеоантропологические материалы из пяти подкурганых захоронений предсавроматского времени: Солодовка I (2 погребения), Ленина II, Тингутинский (Волгоградская область) и одиночный курган Эвдык (Республика Калмыкия). *Материалы и методы.* Из-за неудовлетворительной сохранности палеоантропологического материала в процессе исследования использовалась стандартная программа оценки встречаемости патологических состояний на костях посткраниального скелета и черепа. *Анализ и дискуссия.* Дата рассмотренных в данной публикации погребений, происходящих с территории Нижнего Поволжья, – VIII – первая половина VII в. до н. э. Наиболее характерной чертой археологических комплексов вышеуказанного периода на территории Нижнего Поволжья является «обедненность» вещевого материала. *Заключение.* Погребения предсавроматского времени чаще всего впускные. Могильные ямы в основном имеют округлую форму. Погребенный в них человек преимущественно располагается скорченно на боку головой на восток. В захоронениях встречаются останки животных, разнообразная керамика, а металлические изделия крайне редки. Изучение патологических особенностей индивидов из погребений предсавроматского времени Нижневолжского региона позволяет предположить, что у населения в диете преобладали вязкие и твердые продукты, богатые животным белком. Травмы и маркеры интенсивной физической активности указывают на некоторое социальное напряжение в обществе, связанное с борьбой за ресурсы в новых условиях. Признаки эпизодического и специфического стресса свидетельствуют о том, что население этого периода испытывало стресс в детстве. Индикаторы негативного воздействия окружающей (васкулярная реакция) и социальной среды (травмы, артрозы и болезни позвоночника) позволяют предположить, что сообщества кочевников IX–VII вв. до н. э. отличались высокой степенью мобильности. *Вклад авторов.* А.Н. Дьяченко провел анализ археологического материала, который исследован в работе. Е.В. Перерва проанализировал антропологический материал, происходящий из погребений предсавроматского времени. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-68-00011 «Tempora incognita в истории Волго-Уральского региона: культурно-исторические, антропологические, палеоэкологические предпосылки и последствия смены эпох и культур на рубеже поздней бронзы – в начале раннего железного века», <https://rscf.ru/project/25-68-00011/>.

Ключевые слова: археология, предсавроматское время, кочевники, ранний железный век, палеопатология, травмы.

Цитирование. Дьяченко А. Н., Перерва Е. В. Погребения предсавроматского времени на территории Нижнего Поволжья по данным археологии и палеопатологии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 15–33. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.2>

Introduction. The beginning of the 1st millennium BC marked the advent of a new era in the history of the Eurasian steppes, defined primarily by the transition of its inhabitants into the Early Iron Age and the establishment of a nomadic pastoral economy (“nomadism”), the earliest manifestations of which had already

emerged by the end of the Late Bronze Age. The period from the 9th to the 7th centuries BC in the Northern Black Sea region, the steppe foreland of the Caucasus, and the Lower Don region is commonly referred to in scholarly literature as the “pre-Scythian period,” “pre-Scythian era,” or “Cimmerian era.” In contrast, for the Volga-Ural

and the Lower Volga regions, the term “pre-Sauromatian period” is more frequently used, denoting the epoch preceding the appearance of the historical Sauromatians in the 6th century BC [33, p. 240; 35, p. 84].

The archaeological sites of the southern Russian steppes from the 9th – 7th centuries BC are typically associated with the Chernogorovka and Novochoerkassk archaeological cultures [41, p. 55; 24, p. 129; 31, pp. 6-19; 11, p. 43]. Although issues of cultural genesis, periodization, and chronology of pre-Scythian archaeological cultures have received considerable attention in Russian historiography in recent decades [38; 16; 19; 31, among others], questions regarding the ethnic attribution of these sites, as well as the chronological and spatial relationship between the Chernogorovka and Novochoerkassk cultural lineages, remain unresolved.

For the Lower Volga region, these issues are further complicated by the relatively small number of burial sites from the 9th – 7th centuries BC, their sparse distribution, and the small number of available absolute dates. At the same time, the discovery of new pre-Scythian (pre-Sauromatian) archaeological sites in the region in recent decades has shown some progress. Most of these materials have been published and assigned cultural-chronological characteristics within the broader context of synchronous Eurasian steppe antiquities [10; 22; 33; 25; 31; 17; 36; 6].

There has also been progress in the study of the anthropological aspects of pre-Sauromatian sites. In this regard, the works by M.A. Balabanova are particularly noteworthy, as the author has examined paleoanthropological materials from kurgan cemeteries in the Lower Volga and Lower Don regions. Based on craniological analysis, the researcher characterized the intragroup structure of the 11th – 7th centuries BC population as heterogeneous, suggesting that the pre-Sauromatian craniotype was formed from several components. According to M.A. Balabanova, the primary bearers of this morphological complex (a mesocranial cranium with a broad, slightly flattened upper face and a sharply protruding nose) were representatives of the Srubnaya cultural-historical community and ethnic groups that migrated to the Lower Volga region from Central Asia at the beginning of the 1st millennium BC [4, pp. 167-168]. Later, M.A. Balabanova proposed

that various ethnic groups and tribal unions contributed to the formation of the pre-Scythian population in the Lower Volga region [5, p. 16].

It is important to note the closely related works by E.V. Pererva, which analyze the paleopathological characteristics of the nomads from 9th – 7th century BC burials [28; 29]. The author concludes that the pre-Sauromatian population exhibited a distinctive steppe pathological complex, manifested through low frequencies of caries, abscesses, signs of inflammatory processes and infections, as well as markers of diseases associated with micronutrient deficiencies in adults. At the same time, individuals from the 9th – 7th centuries BC showed high rates of dental calculus, periodontal disease, vascular reactions in bone tissue resembling “orange peel” texture, and enamel hypoplasia. Of particular significance is the researcher’s conclusion about the non-local origin of the pre-Sauromatian culture bearers in the Lower Volga region, which is supported by craniological data [28, p. 12]. It should be noted that data on the paleopathology of the population buried in Chernogorovka-type cemeteries from adjacent territories is currently unavailable.

This article analyzes archaeological and paleoanthropological materials from five pre-Sauromatian period (9th – 7th centuries BC) under kurgan burials in the Lower Volga region, most of which have not been previously published and are being introduced into scholarly discourse for the first time.

Methods and materials. The study is based on archaeological and anthropological materials from five burials in the Solodovka I, Lenin II, and Tingutinsky kurgan cemeteries (Volgograd region) and the single Evdyk kurgan (Republic of Kalmykia), dating back to the pre-Sauromatian (pre-Scythian) period – 9th – 7th centuries BC (Fig. 1).

The archaeological analysis of these complexes employed an accepted typological approach using the method of dated analogies.

The anthropological collection consists of skeletal remains of 5 individuals – 4 males and 1 female. The preservation of the anthropological material varies. Sex and age determination was conducted based on cranial and postcranial morphology using the anthropological methods of V.P. Alekseev and G.F. Debets [1] and

V.P. Alekseev [2]. Age estimation for adults considered cranial suture closure patterns and dental crown wear [1; 2; 7; 27]. Due to the poor preservation and incompleteness of the paleoanthropological material for objective reasons, the study of the bone remains was based solely on a standard program for assessing the occurrence of pathological conditions on the bones of the postcranial skeleton and the skull [8].

Analysis. Archaeological Context

Solodovka I cemetery, kurgan 12, burial 2.

The Solodovka I cemetery was located on the left-bank floodplain terrace of the Akhtuba River, 0.2 km northeast of the village of Solodovka in the Volgograd region (Fig. 1). The excavations were conducted in 2002 by the Gulistan archaeological team of the Volga Humanitarian Institute (Volgograd State University) under the supervision of A.A. Glukhov [13]. In kurgan 12, pre-Sauromatian burial 2 was an insertion burial located in the central part of the kurgan. The shape of the grave pit could not be determined. The skeleton of a male aged 25–35 was placed in a flexed position on his left side, tilted forward onto the chest, with the head oriented east-northeast (ENE). The skull rested on its left side, with the facial bones facing south. The legs were bent at the knees, and the arms were flexed at the elbows, with the forearms positioned in front of the face (Fig. 2, 1).

The skeleton of a calf lay above the human skull. The animal's skeleton was oriented along a south-southwest to north-northeast (SSW–NNE) axis, with the skull facing SSW. Scattered bones of a sheep's legs and bird bones were also found nearby (Fig. 2, 1). No grave goods were present.

Solodovka I cemetery, kurgan 19, burial 2.

Kurgan 19 was also excavated in 2002 by the Gulistan archaeological team of the Volga Humanitarian Institute of Volgograd State University under the supervision of A.A. Glukhov [13]. The pre-Sauromatian burial 2 was the primary burial in the kurgan. It was placed in an elongated oval grave pit with its long axis oriented west-east (W–E). The southwestern corner of the pit was damaged by the burial structure of Sarmatian burial 4. At the bottom of the pit lay the extended skeleton of a male aged 45–50, originally positioned on his back, likely with his head oriented west. The skull, right humerus, ribs, and spinal column were not preserved: these parts had been destroyed

and were found in the backfill of the adjacent burial 4. The left arm bones and the right ulna were extended along the body. The legs were stretched out, with the right leg slightly bent (Fig. 3, 1).

A fragment of the upper part of a clay vessel was found in the fill near the western wall of the grave pit, though its complete form could not be reconstructed. It likely had a jar-like shape with a straight, slightly inward-curving rim. The approximate mouth diameter was 20 cm. Below the rim was a horizontal row of deep indentations (0.7 cm in diameter), alternating with perforations of the same size (Fig. 3, 2). The ceramic paste was black in cross-section, with grit temper. The outer surface was also black, while the inner surface had a pinkish hue.

Lenin II cemetery, kurgan 3, burial 7. The cemetery was situated on a coastal terrace of the Aksai Kurmoyarsky River, 2 km west of the settlement named after Lenin in the Kotelnikovskiy area, Volgograd region (Fig. 1). Excavations were conducted in 2017 by the expedition of the State Budgetary Cultural Institution of the Volgograd Regional Cultural Heritage Protection Center under the leadership of V.G. Blokhin [6]. Burial 7 was inserted into the central part of the kurgan. The eastern side of the burial structure was completely destroyed by a later Sarmatian insertion burial, which also damaged the lower part of the human skeleton. Judging by the preserved outlines, the grave pit had a sub-rectangular shape, oriented along a west-east (W–E) axis. The pit walls were vertical with a flat bottom. At the bottom of the burial structure, the upper remains of a male aged 30–40 were discovered, lying on his back with a slight turn onto the chest, head oriented west. The skull rested on the right temple, with the facial bones facing south. The bones of the left arm, slightly bent at the elbow, were extended along the torso, while the right arm was stretched and slightly abducted from the body. The right hand lay palm down. The left hand, pelvic bones, and lower limbs were missing, likely removed during later Sarmatian burials (Fig. 4, 1). No grave goods were present.

Tingutinsky cemetery, kurgan 2, burial 1.

The Tingutinsky kurgan mound (2 mounds) was located in the southern part of the Volga-Don interfluve, Svetloyarsky District, Volgograd region, 2.5 km northeast of Tingut Station. The kurgan

group occupied a flat inter-ravine watershed east of the Volgograd-Kotelnikovo railway (Fig. 1). Excavations were conducted in 2014 by the ANO "Research Center for Cultural Heritage Preservation" (Saratov) under the leadership of V.V. Tikhonov. According to the preliminary publication, burial 1 was attributed to the Early Iron Age and interpreted as a Sarmatian burial [37]. But according to a number of characteristic features, this complex exhibits indicators suggesting an earlier pre-Sauromatian (pre-Scythian) "transitional" period affiliation, as argued below.

Burial 1 was an insertion, located 3.1 m west of the kurgan center. The circular grave pit (diameter ~1.1 m) was dug 40 cm into the subsoil. At the bottom lay the disarticulated bones of a male aged 25–35; the body position of the buried individual could not be determined (Fig. 5, 1). Among the human bones, a handmade flat-bottomed vessel was found with a rounded, almost spherical body, a short neck, and a low bell-shaped neck. Dimensions of the vessel: height 17.5 cm, max body diameter 17.7 cm, rim diameter 13 cm. The surface is grayish-brown with burnishing traces and soot marks on the exterior/interior. The paste in the fracture is black, tempered with sand and grog (Fig. 5, 2). Additionally, animal astragali (likely small cattle) were recovered.

Evdyk single kurgan, burial 5. The Evdyk kurgan was located on a virgin terrace of Lake Sarpa's southwestern shore, near the eastern outskirts of the Evdyk settlement (Oktyabrsky District, Kalmykia), within the Volga-Chogray Canal construction zone (Fig. 1). The excavations were carried out in 1988 by the Volgograd State University under the supervision of A.V. Lukashov [23]. The large mound had adjacent circular ditches on its NW and SW sides. Burial 5, dated back to the pre-Sauromatian period, was an insertion placed 2 m northeast of the kurgan center. The rectangular pit (2×1.2×1.8 m) was oriented WNW-ESE. At the bottom lay the female skeleton remains, aged 20–25, in a right-side flexed position with her skull oriented to the west and her face facing south. The right arm extended along the torso; the left arm bent at an obtuse angle, forearm crossing the right wrist. The lower limbs: slightly flexed at the hips but generally extended. Judging by the position of the limb bones, the wrists and shins were tied during burial (Fig. 5, 3).

Near the elbow of the right arm lay a bronze conical tubular pendant, 6 cm long, with protruding ring-shaped ridges at the ends and in the middle. One side of the pendant features a relief zigzag pattern (Fig. 5, 5).

Paleopathological data

Solodovka I cemetery, 2002, kurgan 12, burial 2. The study examined a fragmented cranial vault with a mandible and an incomplete set of postcranial skeletal bones (humeri, ulnae, radii, lower limb diaphysis, clavicles, scapulae, sternum, and individual ribs). The remains belong to a male who died at 20–25 years of age, as evidenced by incomplete ossification of metaphyseal zones in the ulnae and radii.

Examination of the dental system revealed several anomalies and pathologies. Thus, diastemas were found between the second incisors and canines in both upper and lower jaws. The disturbances of the dental row in the form of crowding of the lower incisors were also noted.

Mineralized deposits (grade 2, light yellow in color) were observed on the preserved tooth crowns (Fig. 2, 2B). Horizontally oriented enamel hypoplasia lines were recorded on incisors, canines, and premolars of both jaws, with defect formation occurring at 2–3.5 years of age. Despite the individual's young age, significant wear was noted on the lower anterior incisors, likely resulting from malocclusion. Slightly exposed roots indicate early-stage periodontitis development. Interproximal grooves were observed on the distal surfaces of the upper first molars (Fig. 2, 2A).

Among the pathologies of the cranial vault bones, a grade 1 "orange peel" vascular reaction should be noted. The periosteal changes affect the frontal, parietal, and occipital bones.

It is also necessary to point out the curvature of the vomer and deformation of the frontal processes of the maxillary bones, most likely caused by trauma to the nasal area (Figs. 2, 3A).

Attention should be drawn to the pathology recorded on the right maxillary bone in the area of the infraorbital foramen, through which the eponymous canal passes. The edges of the foramen are widened, sharp, and uneven, with the walls covered by an inflammatory process. The inner surface of the canal also shows traces of periostitis. Radiological examination of the

maxillary sinuses revealed the presence of additional trabeculae and bridges within the sinus, as well as signs of sclerosis caused by an inflammatory process in the right maxillary sinuses (Figs. 2, 3Б, 4, 5).

Examination of the postcranial skeleton revealed signs of premature wear in the young individual's osteoarticular system. Thus, osteoarthritic changes were found in the shoulder, elbow, wrist, knee, sternoclavicular, and acromial joints bilaterally.

Schmorl's nodes were identified on the 10th, 11th, and 12th thoracic vertebrae, with horizontally oriented osteophytes affecting the 3rd through 5th lumbar vertebrae.

The muscle relief on both upper and lower limbs shows pronounced development. Particularly notable is hypertrophy at the deltoid tuberosity of the humeri, along the lateral edge where m. brachioradialis and m. extensor carpi radialis longus attach. The radial tuberosity (attachment site of m. biceps brachii) shows marked muscle relief. The ulnae exhibit strongly developed supinator crests and distal lateral crests. The clavicles show hypertrophy at the ligamentum costoclaviculare and ligamentum coracoclaviculare attachment sites. Femoral bones display enthesopathies along the entire linea aspera, while the fibulae show ossification of ligamentum tibiofibulare anterior et posterior.

Solodovka I cemetery, 2002, kurgan 19, burial 2. The study examined a damaged cranial capsule missing the right facial skeleton and a partially preserved postcranial skeleton (diaphyses of upper and lower limbs).

Judging by dental wear, cranial suture obliteration, and the presence of degenerative joint changes, the remains belong to a male aged 40–50 years.

The cranial vault bones show signs of “orange peel” vascular reaction (grade 3 according to A.P. Buzhilova [8]) (Fig. 3, 3). The occipital region displays increased bone relief at muscle attachment sites (m. occipitalis, m. rectus capitis posterior minor, m. rectus posterior major). Masticatory muscle attachments on the mandible and cranium are significantly developed.

Dental examination revealed mineralized deposits on the tooth crowns. Enamel hypoplasia was found on the lower left canine as horizontal lines (Fig. 3, 4 А, Б, В).

The upper jaw shows antemortem loss of left molars (Fig. 3, 5). The lower jaw exhibits enamel chips on the left canine and the first premolar. Dental wear is even, with exposed pulp and secondary dentin formation observed on incisors and premolars.

Notable anomalies include a diastema between the second incisor and canine on the right side of the lower jaw.

Most articular surfaces of limb diaphyses were not preserved. However, the study of the long bones revealed signs of deforming arthrosis in the left elbow and the wrist joints. Deformation and marginal osteophytes were observed in the knees and ankle joints of both lower limbs.

The muscle attachment relief on limb diaphyses is well-developed (grade 2), particularly showing hypertrophy at the distal lateral crest of ulnae (m. pronator quadratus attachment) and along the linea aspera of femora.

Lenin II cemetery, 2014, kurgan 3, burial 7. Preserved fragments include the cranial vault, mandible, upper limb bones, clavicles, and selected thoracic/lumbar vertebrae. The robusticity of the remains and the specific cranial features indicate the male sex of the buried individual. Dental wear to dentin and joint degeneration suggest the individual died at 35–40 years of age.

The cranial sutures are unfused, which is inconsistent with the degree of dental wear. The inner surface of the cranial bones exhibits digital impressions. Two triangular Wormian bones (“os triquetrum”) were identified in the occipital region. The external surface of cranial vault bones exhibits a grade 3 “orange peel” vascular reaction.

The occipital region shows pronounced bone relief at muscle attachment sites (m. occipitalis, m. rectus capitis posterior minor, m. rectus posterior major). Masticatory muscle attachments on the mandible and cranium are significantly developed.

Grade 1 light-yellow mineralized deposits were observed on the tooth crowns. Antemortem loss of the right upper first incisor is evident (Fig. 4, 2). Enamel chips are present on premolars of both jaws, with exposed tooth roots. An interproximal groove was identified on the right lower first molar.

The shoulder, elbow, and wrist joints show signs of wear. Osteochondrosis signs appear on clavicular acromial ends, with hypertrophied

attachment sites for ligamentum costoclaviculare and ligamentum coracoclaviculare. The left ulna displays a completely healed oblique fracture in the distal diaphysis (Fig. 4, 4), showing no inflammatory traces and demonstrating successful healing.

Thoracic and lumbar vertebrae fragments exhibit grade 2 horizontal osteophytosis (Fig. 4, 3).

The upper limb muscle attachments show above-average development with right-side dominance. Particularly strong development is noted at m. extensor carpi radialis longus attachment sites on humeri. Scapulae reveal developed attachment areas for m. triceps brachii and m. deltoideus.

Tingutinsky cemetery, 2014, kurgan 2, burial 1. Small fragments of cranial vault and facial bones, mandible, diaphyseal portions of limb bones, pelvic bone fragments, sacrum, vertebrae, and ribs were available for study. Skeletal analysis indicates the remains belong to a male aged 25–35.

The cranial bones display digital impressions. Additional Wormian bones appear in the occipital suture. The frontal bone shows a grade 3 vascular reaction in the area of the superciliary arches.

Dental examination revealed interproximal grooves on molars and premolars of both jaws, possibly resulting from toothpick use or dental tool utilization. Light-yellow mineralized deposits appear on the crowns, with half-exposed roots indicating periodontosis development. Horizontally oriented enamel hypoplasia lines on the premolars and canines reflect childhood stress episodes (chronic malnutrition/diarrhea) at 2–3 years of age.

Postcranial examination revealed degenerative changes in the right hip and the left knee joints. Pathological manifestations include horizontal osteophytosis and osteochondrosis in thoracic/lumbar vertebrae. Central-oriented cartilage herniations were identified on the 9th thoracic vertebra (Fig. 5, 4). Cervical vertebrae exhibit bone growths at the atlas-axis articulation.

Among the anomalies of the postcranial skeleton, lateral facets on distal epiphyses of the tibiae should be noted.

The muscular relief on the long bones and clavicles shows intensive development up to grade 3.

Single kurgan Evdyk, 1988, burial 5. The preserved remains include femora, tibiae, and

fibulae. The gracility of long bones suggests the remains belong to a female. Based on epiphyseal fusion evidence, the buried individual died around 20 years of age.

The osteoarticular system shows no signs of excessive wear. Only the medial condyle of the right femur displays minor marginal osteophytes. Another notable feature includes gnawing marks on the medial surface of the right femur slightly below the lesser trochanter.

The muscle attachment relief on the lower limb long bones is generally weakly developed. However, increased development is observed at m. gluteus maximus attachment sites (gluteal tuberosity) on femora. Among the bone anomalies, hypotrochanteric foramina are present on both femora.

Discussion. Despite the geographical dispersion of the studied sites, some variations and “impoverishment” of the material culture in the presented archaeological complexes, and their basic cultural characteristics, we can include the entire sample in the Chernogorovka culture burial antiquities of the pre-Scythian (pre-Sauromatian) Early Iron Age period. The formation of the Chernogorovka culture involved various groups of mobile pastoral and semi-sedentary populations from the Northern Black Sea region, steppe Ciscaucasia, and the Don region. These processes probably also extended to the territory of the Lower Volga region at certain stages.

Like most “transitional” period sites, the published complexes are located near major water systems. The Lenin II and Tingutinsky cemeteries (near the sources of Esaulovsky Aksai, a left tributary of the Don) gravitate towards the Don River and its tributaries; Solodovka I cemetery towards the Akhtuba valley; and Evdyk kurgan towards coastal terraces of Lake Sarpa (Fig. 1). Almost all of them were inserted into existing kurgans, typically in central parts of kurgan mounds. The exception is primary burial 2 in kurgan 19 of the Solodovka I cemetery. Regarding grave construction forms, simple rectangular pits with latitudinal orientation dominate this sample. This grave form prevails throughout the Chernogorovka culture area [10; 11; 24; 31]. In one case the grave pit was circular (Tingutinsky cemetery), and in another case the grave form was undetermined (Solodovka I, kurgan 12, burial 2).

The body positions in the sample vary, essentially representing the main postures of the deceased characteristic of Chernogorovka culture burials in general: flexed on the side with head to the east (Solodovka I, kurgan 12), extended on the side, and extended supine with head to the west (Evdyk, Lenin II, Solodovka I kurgan 19). The predominant postures and orientations of the buried may indicate a relatively late chronological position of the sample burials, placing them within the boundaries of the 8th to early 7th centuries BC.

As a rule, the pre-Sauromatian burials in the Lower Volga region contain animal remains, often in the form of carcasses or their parts, which is also noted in the presented materials. This is a very characteristic cultural indicator that should be taken into account, especially when determining the cultural-chronological attribution of burials without inventory.

The burial inventory of the sample is few in number but quite interesting in its own way. The ceramic collection consists of a vessel from the Tingutinsky cemetery (Fig. 5, 2) and a fragment of a pot from kurgan 19 of the Solodovka I cemetery (Fig. 3, 2).

Of particular interest is the vase-shaped vessel on a distinct base from the Tingutinsky cemetery. Its form and polishing techniques have no analogues in the local Late and Final Bronze Age pottery; this type of tableware was clearly introduced to the Lower Volga region from outside. At the same time, similar ceramics are present in pre-Scythian antiquities of the 9th – 8th centuries BC in adjacent regions – the Lower and Middle Don regions, the steppe Ciscaucasia, and the Northern Black Sea region – and not only in burial sites but also in synchronous settlement sites [24, pp. 170-175; 34, p. 8, 38, table XVIII; 39].

The ceramic fragment from kurgan 19 of the Solodovka I cemetery belongs to a different type of pottery – weakly profiled pots, including jar-shaped forms. Below the rim, there is an ornament consisting of a circular row of deep punctures made with the end of a stick, alternating with through holes. This primitive form of tableware, widespread in the preceding Late and Final Bronze Age of the Lower Volga region, would become perhaps the most common in the Early Iron Age, primarily in the Sauromatian material complex. K.F. Smirnov attributed this type of pottery to the “transitional” period, dating

back to the 8th – 7th centuries BC [36, table 6]. Apparently, burial 2 was made no earlier than the mid-8th century BC, and possibly somewhat later, including the first half of the 7th century BC.

The only metal artifact among the presented burial complexes is a unique cast bronze tube (or pendant, bead) of an elongated-conical shape from the Evdyk kurgan (Fig. 5, 5). We know of no direct parallels to this artifact in pre-Sauromatian period burials either in the Volga-Urals region or the Volga-Don interfluvium. Only in the material collection of the Yertzovka I settlement, located on the right bank of the Volgograd Reservoir north of Volgograd, was an identical artifact (8 cm long) found in layers containing so-called “Nur-type” pottery transitional to the Early Iron Age [12, pp. 124, 125]. The closest parallels to these tubes can be found only in materials of the Ananyino culture from the Volga-Kama region – nearly a thousand kilometers northeast of Volgograd. There, in early Ananyino cemeteries such as Starshij Akhmylovsky or Tetyushsky, such “tubular pendants” or “tubular beads” (according to A.Kh. Khalikov) represent a common category of bronze artifacts [14, pp. 30, 31, 59, 61]. Considering the date of the early Ananyino phase (9th – first quarter of 7th centuries BC) [21, p. 25], the pre-Sauromatian burial 5 in the Evdyk kurgan should apparently be dated back to the same period, with a more narrow timeframe within the 8th century BC. Thus, the most optimal combined dating for the published burials from the Lower Volga region is the 8th – early 7th centuries BC.

When evaluating the pathological conditions observed on skeletal remains from these 9th – 7th century BC archaeological complexes, we should highlight several key criteria.

First of all, it should be noted that the group shows no evidence of caries or abscesses, while three individuals exhibited antemortem tooth loss. The latter observation is probably due to the fact that practically all individuals, regardless of age, showed severe dental wear that sometimes exposed the pulp. This led to inflammatory processes in the periodontal area. It's also important to note that all individuals with preserved teeth or jaw fragments showed signs of periodontitis development and dental calculus deposits. We should also mention the presence of interproximal grooves in three males, associated with the use of mechanical toothpicks.

All of the above-mentioned conditions indicate a specific dietary pattern among the pre-Sauromatian population, which was likely based on foods with high animal protein content and had a viscous consistency. The significant chewing effort required for such a meat-heavy diet is further evidenced by cases of temporomandibular joint arthrosis found in both male and female individuals.

A similar complex of dental pathologies has been identified among nomadic populations of Sarmatian cultures from the 4th – 1st centuries BC, 1st – 2nd centuries AD, and 2nd – 4th centuries AD, as well as among Early and Middle Bronze Age pastoralists of the Lower Volga region and Sauromatian period nomads [29; 30].

Enamel hypoplasia was observed in half of the studied individuals, indicating childhood stress periods when the body is most vulnerable to negative factors such as intestinal diseases, poisoning, infections, and parasites [15, p. 97]. Accordingly, half of all pre-Sauromatian nomads experienced stress periods in childhood.

A single case of “cribra orbitalia” (CO) was recorded in a 35–40-year-old female from the Vesely I cemetery. This pathology appears to be an isolated case. It is generally accepted that CO serves as an indicator of generalized stress resulting from a high pathogenic load [28, pp. 9].

Notably, all pre-Sauromatian individuals showed an “orange peel” vascular reaction on their cranial vaults. This condition develops as a consequence of cold stress from regular exposure to open air in windy, cold, or humid weather conditions [8, pp. 104-105; 3, pp. 52-53; 30, p. 149]. It may also result from activation of peripheral blood circulation in head soft tissues during specific labor activities or under increased pressure [9, p. 44; 26, p. 52].

The studied individuals exhibited various traumatic injuries. The male from burial 2 of kurgan 19 showed nasal trauma. The male from Lenin II cemetery had a fracture of the left ulna. This same male also displayed antemortem loss of the right upper first incisor with subsequent alveolar healing – a condition that could also result from trauma caused by a frontal impact. We should also note the cartilage hernia in the male from Tingut cemetery. The main causes of such conditions include spinal trauma, normal aging processes of the spine, and high physical activity

[15, p. 186; 18, pp. 94-95; 20, pp. 146-147; 32, p. 27; 40, p. 45].

The high frequency of injuries in the studied group supports previously proposed theories about elevated social and political tensions in the Volga-Don steppes during the 9th – 7th centuries BC [28].

The population’s high physical activity is further evidenced by spinal and joint pathologies. Moreover, degenerative-dystrophic changes were observed in both young and elderly individuals. Due to poor representativeness of paleoanthropological material, it is difficult to conclusively state that these populations spent extended periods horseback riding. However, the nature of the identified pathological conditions and degree of muscle attachment development do not exclude this possibility.

Conclusions. The probable dating of the pre-Sauromatian burials from the Lower Volga region examined in this publication falls within the 8th – early 7th centuries BC.

The most characteristic feature of archaeological complexes from this period in the Lower Volga region is the “impoverishment” of material culture, which may serve as an important cultural marker of Chernogorovka culture burial antiquities from the pre-Scythian (pre-Sauromatian) period. This factor should be particularly considered when interpreting burials without inventory.

Pre-Sauromatian burials in the Lower Volga region are predominantly secondary insertions. Grave pits are mainly sub-rectangular in shape. The deceased are typically positioned in flexed or semi-flexed positions on their sides, often extended, with heads oriented east or west. Burials frequently contain animal remains, distinctive ceramics, and occasional metal artifacts.

Analysis of pathological features in individuals from pre-Sauromatian burials suggests their diet consisted primarily of viscous, solid foods rich in animal protein.

The life of Early Iron Age nomads was challenging. Traumas and markers of intense physical activity indicate social tensions within the community, likely related to competition for resources under changing conditions. Signs of episodic (enamel hypoplasia) and specific stress (iron-deficiency anemia markers) show that some nomads of this period experienced childhood stress. Indicators of negative environmental (vascular reactions) and social impacts (traumas,

arthrosis, and spinal pathologies) suggest that communities of the 9th – 7th centuries BC maintained high mobility levels.

It cannot be ruled out that part of the population at this time could have been riding a horse for a long time, as indicated by pathologies of the spinal column, degenerative joint changes, and characteristic muscle attachment development patterns on long bones of the skeleton.

ACKNOWLEDGEMENTS

¹ The authors express their gratitude to A.A. Glukhov, Candidate of Sciences (History), Director of the “Volga Research and Production Center for Archaeological Research and Expertise,” and to E.A. Kekeev, Junior Researcher of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, for the opportunity to work with and publish archival materials.

APPENDIX

Some pathological conditions recorded in individuals and burials of the pre-Sauromatian period

No.	Burial ground	No. of mound/ burial ¹	Skull/ skull fragments	Parts of the postcranial skeleton	Sex	Age	IG ²	TA ³	EH ⁴	Periodontosis	TJA ⁵	PAT ⁶	VRBCV ⁷	CO ⁸	ID ⁹	Injuries	Arthrosis	SD ¹⁰
1	Solodovka I, 2002	M. 19 b. 2	1	1	male	45-50	1	1	1	1	1	1	1	-	-	1	1	-
2	Solodovka I, 2002	M. 12 b. 2	1	1	male	25-35	-	1	1	1	1	1	1	-	1	-	1	1
3	Lenin II, 2014	M. 3 b. 7	1	1	male	30-40	1	1	-	1	1	1	1	-	1	-	1	-
4	Tingutinsky, 2014	M. 2 b. 1	1	1	male	25-35	1	1	1	1	-	-	1	-	-	-	-	1
5	Evdyk	M. 1 b. 5	-	1	female	20-25	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-

Notes. ¹M./b. – mound/burial; ²IG – interproximal grooves; ³TA – tartar; ⁴EH – enamel hypoplasia; ⁵TJA – temporomandibular joint arthrosis; ⁶PAT – pathological abrasion of teeth; ⁷VRBCV – vascular reaction of the bones of the cranial vault; ⁸CO – cribraorbitalia; ⁹ID – impressions digitate; ¹⁰SD – spinal diseases.

Fig. 1. Location map of pre-Sauromatian period burial sites in the Lower Volga region:

1 – Lenin II kurgan cemetery, 2 – Solodovka I kurgan cemetery, 3 – Tingutinsky kurgan cemetery, 4 – Evdyk cemetery

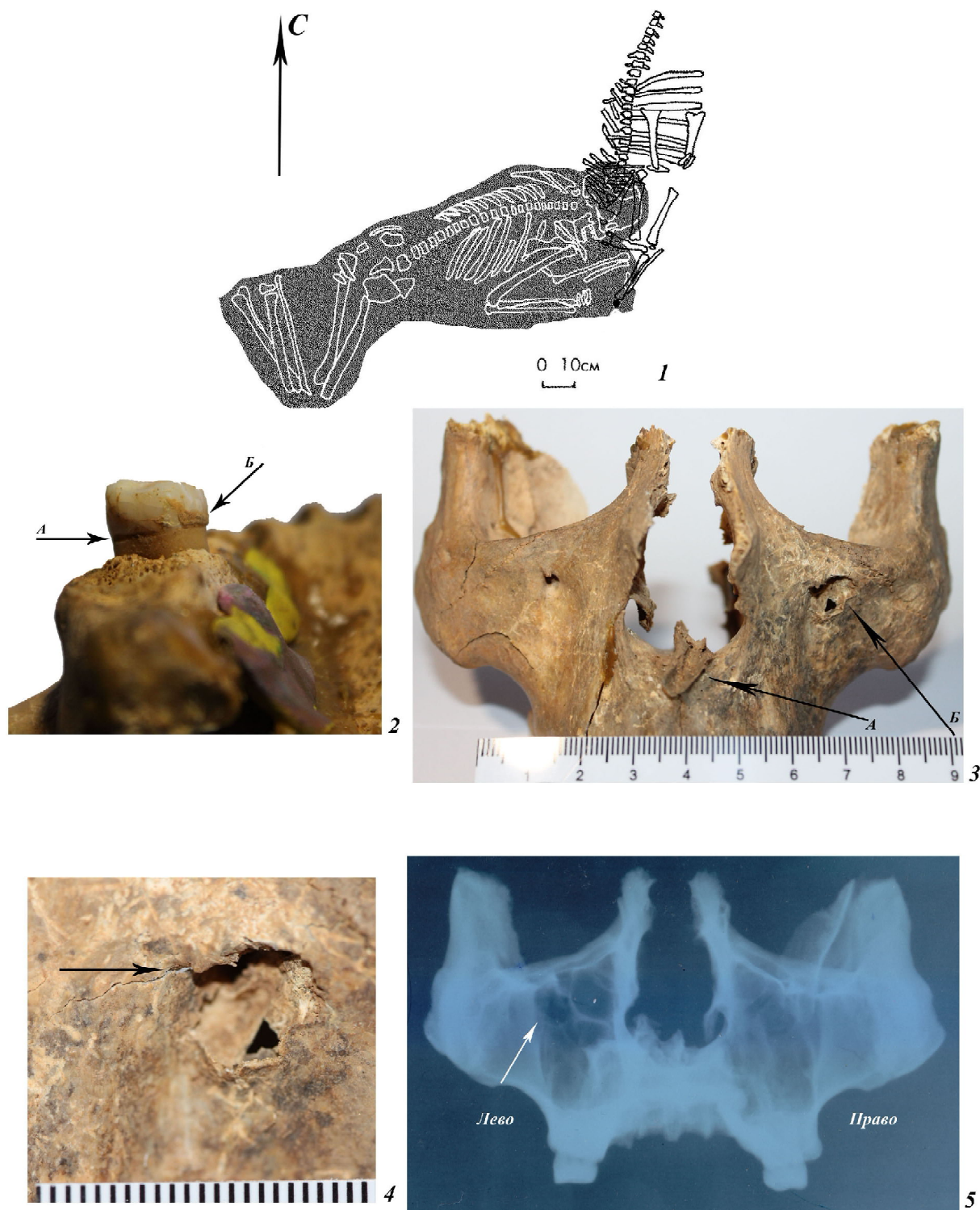

Fig. 2. Burial plan and pathological features of a skeleton from burial 2, mound 12, Solodovka I cemetery:

- 1 – plan of burial 2, kurgan 12, Solodovka I cemetery;
- 2, A – interproximal groove on the distal surface of the right upper first molar in a male from burial 2, kurgan 12, Solodovka I cemetery, B – dental calculus (tartar);
- 3, A – curvature of the anterior nasal spine; B – expansion of the infraorbital canal in the right maxilla;
- 4 – enlarged view of the expanded infraorbital canal in the right maxilla showing signs of inflammatory process;
- 5 – radiograph of the facial portion of the skull of a male from burial 2, kurgan 12, Solodovka I cemetery

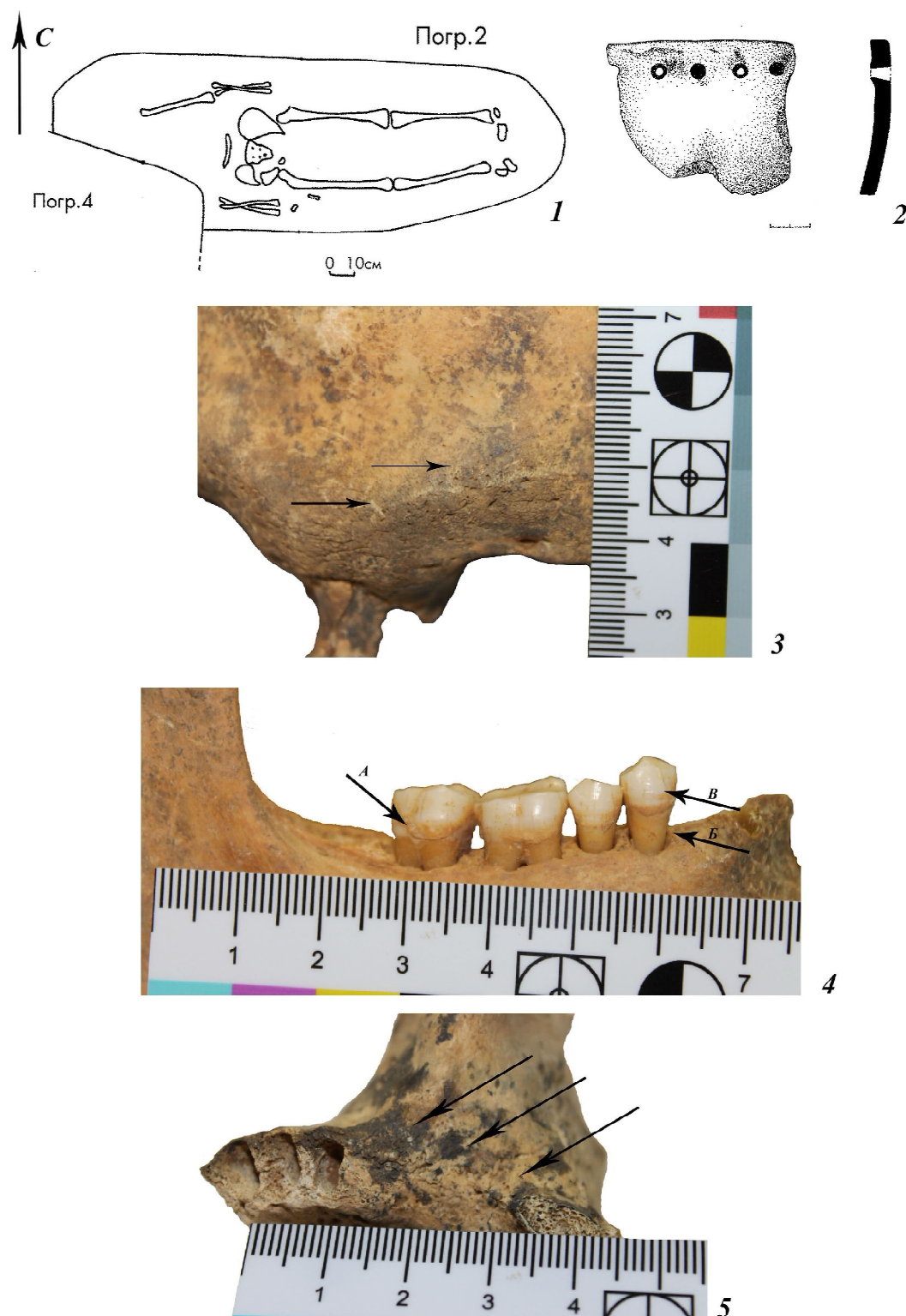

Fig. 3. Burial plan and paleopathological features of an individual buried in burial 2, mound 19, Solodovka I cemetery:

- 1 – plan of burial 2, kurgan 19, Solodovka I cemetery; 2 – ceramic fragment found in burial 2, kurgan 19, Solodovka I cemetery;
 3 – signs of vascular reaction on the frontal bone in the supraorbital region of a male from burial 2, kurgan 19, Solodovka I cemetery;
 4, A – dental calculus; B – exposed tooth roots; B – horizontal enamel hypoplasia on the lower jaw first premolar;
 5 – antemortem loss of left upper molars in a male from burial 2, kurgan 19, Solodovka I cemetery

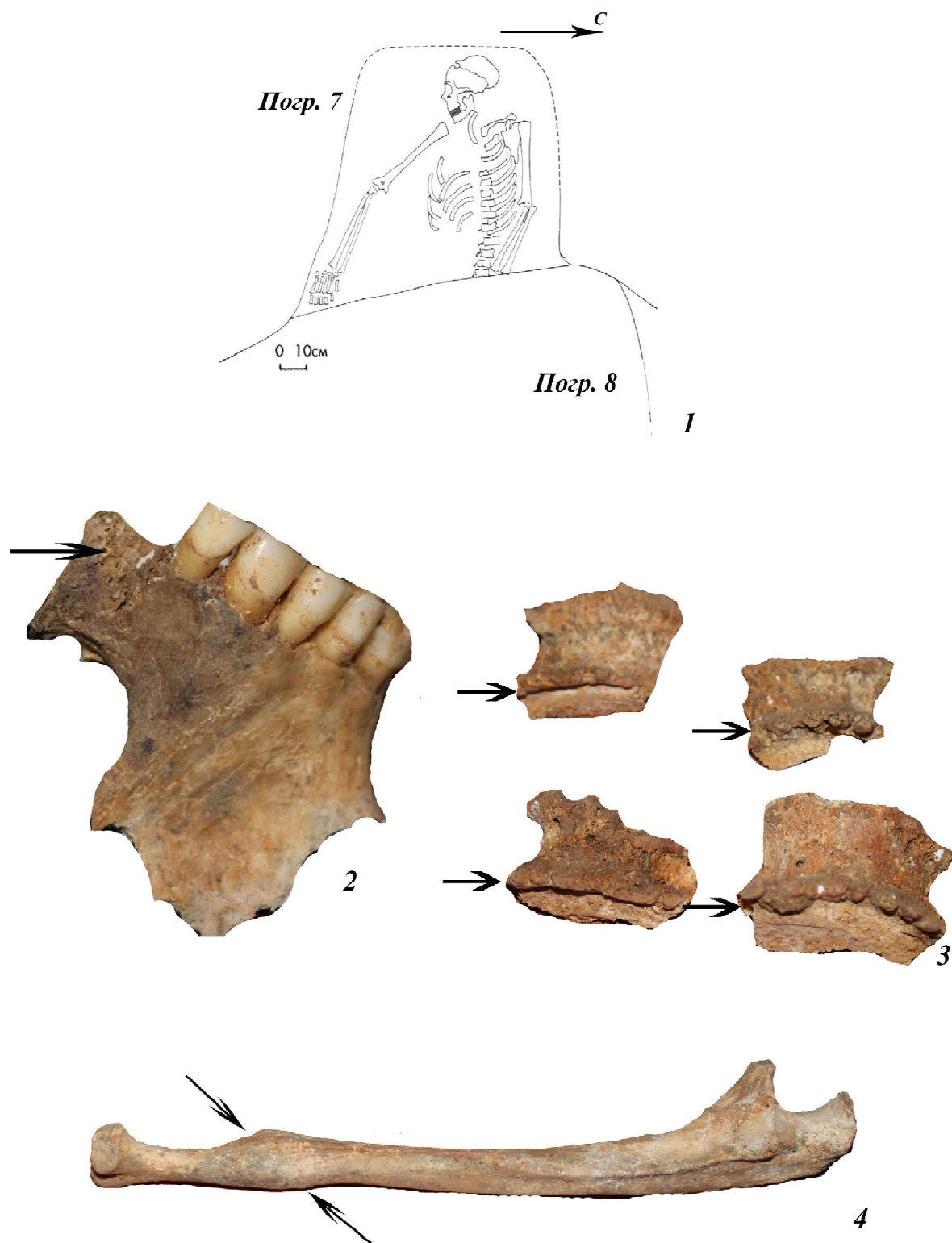

Fig. 4. Burial plan and paleopathological features on the skeletal remains of a man from burial 7, mound 3, Lenin II cemetery:

1 – plan of burial 7, kurgan 3, Lenin II cemetery; 2 – evidence of antemortem loss of the right upper first incisor in a 35–40 year old male from burial 7, kurgan 3, Lenin II cemetery; 3 – osteophytosis of thoracic and lumbar vertebrae; 4 – healed fracture traces on the distal diaphysis of the left ulna in a male from burial 7, kurgan 3, Lenin II cemetery

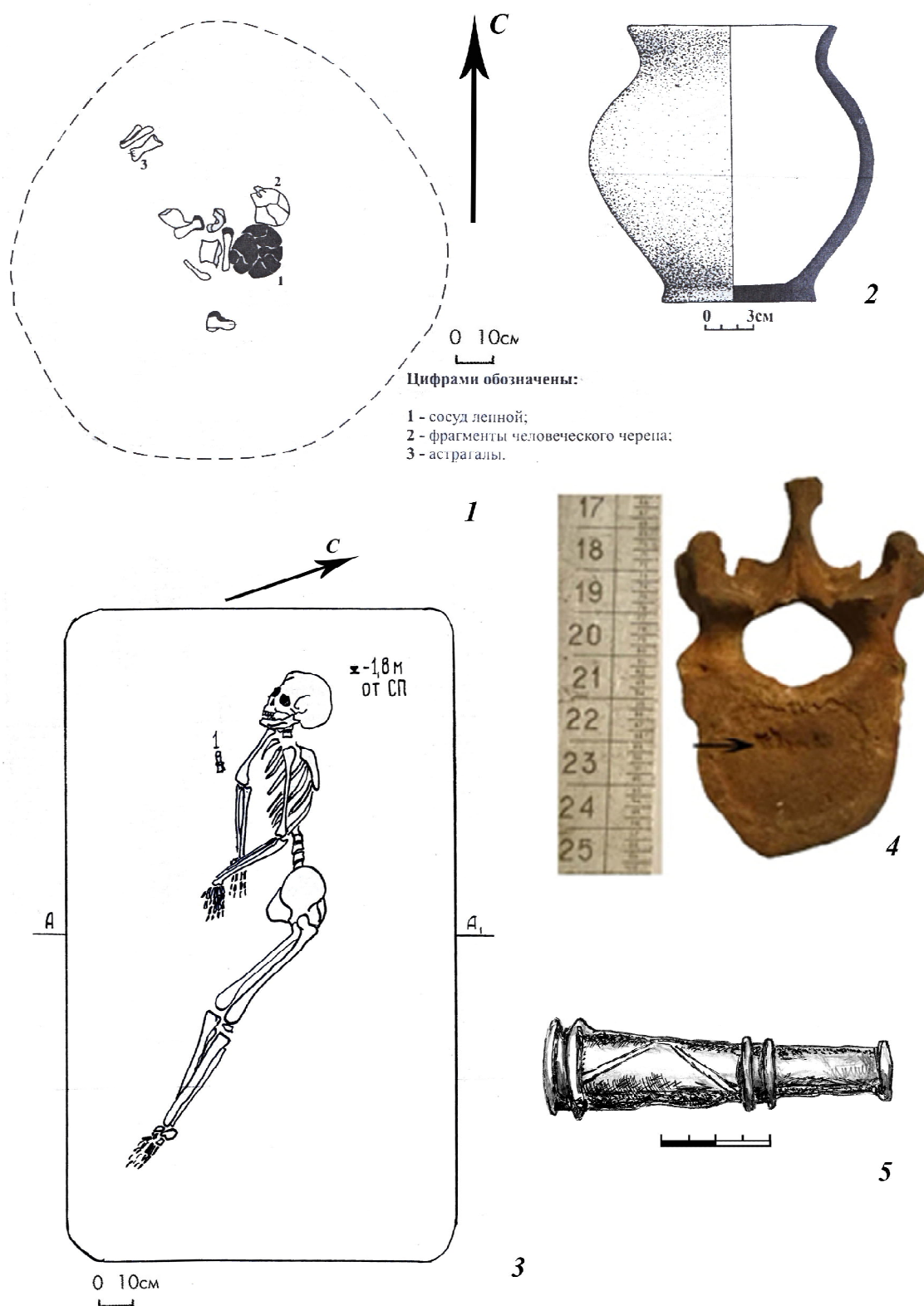

Fig. 5. Burial plan, artifacts and pathological abnormalities from burials at the Tingutinsky cemetery and the Evdyk mound:

1 – plan of burial 1, kurgan 2, Tingutinsky cemetery; 2 – handmade vessel from burial 1, kurgan 2, Tingutinsky cemetery; 3 – plan of burial 5, kurgan 1, Evdyk; 4 – Schmorl's node on a thoracic vertebra of a male from burial 1, kurgan 2, Tingutinsky cemetery; 5 – copper tube from burial 5, kurgan 1, Evdyk

REFERENCES

1. Alekseev V.P., Debets G.F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry: Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 127 p.
2. Alekseev V.P. *Osteometriya. Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 250 p.
3. Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V. *Vlahi. Antropo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistikhali)* [Vlachs. Anthro-ecological Research (Based on Materials from the Medieval Necropolis of Mistikhali)]. Moscow, Nauchnyy mir Publ., 2003. 132 p.
4. Balabanova M.A. Antropologiya naseleniya Vostochnoevropejskikh stepej v predskifskoe vremya [Anthropology of the Population of the East European Steppes in Pre-Scythian Times]. *II Gorodcovskie chtenija* [The 2nd Gorodtsov Readings]. Moscow, s. n., 2005, pp. 156-170.
5. Balabanova M.A., Dyachenko A.N. Arheologicheskie i antropologicheskie aspekty issledovaniya pogrebenij predskifskogo vremeni Volgo-Donskogo mezhdurechya [Archaeological and Anthropological Aspects of the Study of the Pre-Scythian Burials from the Volga-Don Interfluvium]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2024, vol. 23, no. 4, pp. 5-27. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.4.1>
6. Blohin V.G. Otchet o provedenii raskopok OKN: «...kurgany № 2, 3, 4 kurgannogo mogilnika "Lenina II" v Kotelnikovskom rajone Volgogradskoj oblasti v 2014 g.» [Report on the Excavations of the Cultural Heritage Site: "...Mounds No. 2, 3, 4 of the Burial Mound 'Lenin II' in the Kotelnikovsky District of the Volgograd Region in 2014"]. *Arhiv VOKM* [Archive of the Volgograd Cultural Heritage Site], 2014, no. 113, 113 a.
7. Brothwell D.R. *Digging up Bones*. London, Cornell University Press, 1981. 316 p.
8. Buzhilova A.P. Paleopatologiya v bio-arkheologicheskikh rekonstruktsiyakh [Paleopathology in Bioarchaeological Reconstructions]. *Istoricheskaya ekologiya cheloveka. Metodika biologicheskikh issledovaniy* [Historical Ecology of Man. Methods of Biological Research]. Moscow, Staryi sad Publ., 1998, pp. 87-147.
9. Dobrovolskaja M.V. Iskusstvennaya deformatsiya golovy u nositelej traditsij srednedonskoj katakombnoj arheologicheskoy kultury (po materialam pervogo Vlasovskogo mogilnika) [Artificial Deformation of the Head Among the Bearers of the Traditions of the Middle Don Catacomb Archaeological Culture (Based on the Materials of the First Vlasovsky Burial Ground)]. *Iskusstvennaya deformatsiya golovy v proshlom Evrazii. Opus: Mezhdisciplinarnye issledovaniya v arheologii* [Artificial Head Deformation in the Eurasian Past. Opus: Interdisciplinary Research in Archaeology]. Moscow, IA RAN Publ., 2006, no. 5, pp. 37-46.
10. Dvornichenko V.V. Pogrebeniya predskifskogo vremeni na Nizhnej Volge [Burials of the Pre-Scythian Period on the Lower Volga]. *KSIA* [Brief Communications from the Institute of Archaeology], 1982, vol. 170, pp. 59-64.
11. Dyachenko A.N. Novye pogrebeniya predskifskogo vremeni s territorii Volgogradskoy oblasti. Problemy interpretatsii [New Pre-Scythian Burials from the Volgograd Region. Interpretation Problems]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2021, vol. 20, no. 1, pp. 39-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2021.1.3>
12. Dyachenko A.N. Poselenie Erzovka-1 i nekotorye problemy finalnoj bronzy Nizhnego Povolzhya [The Settlement of Erzovka 1 and Some Problems of the Final Bronze Age of the Lower Volga Region]. *Arheologiya vostochno-evropejskoj stepi* [Archaeology of the East European Steppe], 1992, iss. 3, pp. 115-126.
13. Gluhov A.A. Otchet o rabote arheologicheskogo otrjada «Gjulistan» Volzhskogo humanitarnogo instituta Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta v 2002 g. [Report on the Work of the Archaeological Team "Gulistan" of the Volga Humanitarian Institute of Volgograd State University in 2002]. *Arhiv VOKM* [Archive of the Volgograd Cultural Heritage Site], 2003, no. 188, 188a.
14. Halikov A.H. *Volgo-Kamye v nachale epokhi rannego zheleza (VIII–VI vv. do n.e.)* [The Volga-Kama Region at the Beginning of the Early Iron Age (8th – 6th Centuries BC)]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 263 p.
15. Hudaverdjan A.Ju. *Atlas paleopatologicheskikh nahodok na territorii Armenii* [Atlas of Paleopathological Findings in the Territory of Armenia]. Erivan, Arjan Publ., 2005. 288 p.
16. Ivanchik A.I. K voprosu ob etnicheskoy prinadlezhnosti i arheologicheskoy kulture kimmerijcev. I. Kimmerijskie pamjatniki Perednej Azii [On the Question of Ethnicity and Archaeological Culture of the Cimmerians. I. Cimmerian Monuments of Western Asia]. *Vestnik drevnej istorii* [Herald of Ancient History], 1994, no. 3 (210), pp. 159-179.
17. Klepikov V.M. Pogrebeniya rannego zheleznoego veka kurgannogo mogilnika Shljahovskij [Burials of the Early Iron Age of the Shlyakhovsky Burial Mound]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [Lower Volga Archaeological Bulletin], 2016, vol. 15, no. 1, pp. 95-104.

18. Klioner I.L. *Starcheskie i degenerativnye izmenenija v sustavah i pozvonochnike* [Senile and Degenerative Changes in Joints and Spine]. Moscow, Medgiz Publ., 1962. 151 p.

19. Koltuhov S.G. *Kimmerijcy Stepnogo i Predgornogo Kryma (pogrebalnye pamjatniki i «komplekty» IX–VII vv. do n.e.)* [Cimmerians of the Steppe and Foothill Crimea (Burial Monuments and “Sets” of the 9th – 7th Centuries BC)]. Simferopol, Arial Publ., 2022. 116 p.

20. Kosinskaja N.S. *Degenerativno-distroficheskie porazhenija kostno-sustavnogo apparata (klinicheskaja rentgenodiagnostika i ekspertiza trudospособnosti)* [Degenerative-Dystrophic Lesions of the Musculoskeletal System (Clinical X-Ray Diagnostics and Assessment of Working Capacity)]. Leningrad, Medgiz Publ., 1961. 190 p.

21. Kuzminyh S.V., Chizhevskij A.A. *Vvedenie v arheologiju ananyinskoj kulturno-istoricheskoy oblasti: severo-vostok Evropy v finale bronzovogo i rannem zheleznom vekah* [Introduction to the Archeology of the Ananyino Cultural and Historical Region: Northeastern Europe in the Late Bronze and Early Iron Ages]. *Arheologija evrazijskih stepej. Epoha bronzy i rannij zheleznyj vek* [Archeology of the Eurasian Steppes. The Bronze Age and the Early Iron Age], 2017, no. 3, pp. 22–36.

22. Lukashov A.V. *Novyj pamjatnik VIII–VII vv. do n.e. v Zavolzhye* [A New Monument from the 8th – 7th Centuries BC in the Trans-Volga Region]. *Drevnosti Evrazii v skifo-sarmatskoe vremja* [Antiquities of Eurasia in the Scythian-Sarmatian Period]. Moscow, Nauka Publ., 1984, pp. 157–161.

23. Lukashov A.V. *Otchet o rabote arheologicheskoy ekspedicii VolGU v zone stroitelstva kanala Volga – Chograj v Oktjabrskom rajone Kalmyckoj ASSR v 1988 g.* [Report on the Work of the VolSU Archaeological Expedition in the Volga-Chogray Canal Construction Zone in the Oktyabrsky District of the Kalmyk ASSR in 1988]. *Nauchnyj arhiv Kalmyckogo nauchno-issledovatel'skogo instituta istorii i ekonomiki* [Scientific Archive of the Kalmyk Research Institute of History and Economics], 1988, f. 14, inv. 2.

24. Lukyashko S.I. *Predskifskiy period na Nizhnem Donu* [Pre-Scythian Period on the Lower Don]. Azov, Azovskiy kraevedcheskiy muzey Publ., 1999. 240 p.

25. Mamontov V.I. *O pamjatnikah «perehodnogo» tipa Volgo-Donskih stepej* [On the Monuments of the “Transitional” Type of the Volga-Don Steppes]. *Problemy istorii i kultury sarmatov* [Problems of the History and Culture of the Sarmatians]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. un-ta, 1994, pp. 48–49.

26. Mednikova M.B., Moiseev V.G., Hartanovich V.I. *Obrjady perehoda v kamennom veke po dannym*

fizicheskoy antropologii [Transitional Rites in the Stone Age Based on Data Relating to Physical]. *KSIA* [Brief Communications from the Institute of Archaeology], 2015, vol. 237, pp. 50–63.

27. Pashkova V.I., Reznikov B.D. *Sudebno-medicinskoe otozhdestvlenie lichnosti po kostnym ostankam* [Forensic Identification of Individuals Using Skeletal Remains]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1978. 320 p.

28. Pererva E.V. *Kochevniki rannego zhelezного века (IX–VII i VI–IV vv. do n.e.): sravnitel'nyy analiz po dannym paleopatologii* [Nomads of Early Iron Age of 9th – 7th and 6th – 4th Centuries BC: Comparative Paleopathology Data Analysis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 5, pp. 6–26. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.5.1>

29. Pererva E.V. *Antropologiya naseleniya pedsavromatskogo vremeni iz podkurgannyh zahoroneniij s territorii Nizhnego Povolzhya (paleopatologicheskij aspekt)* [Anthropology of the Population of the Pre-Sauromatian Time from Burial Mounds from the Territory of the Lower Volga Region (Paleopathological Aspect)]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2018, no. 8, pp. 81–93. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.8.26917

30. Pererva E.V. *Paleopatologiya cherepov iz zolotoordynskogo gorodishcha Sharennyy Bugar* [Paleopathology of Skulls from Golden Horde Settlement Sharenny Bugar]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 141–161. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.12>

31. Potapov V.V. *Predskifskie plemena stepej Vostochnoj Evropy* [Pre-Scythian Tribes of the Steppes of Eastern Europe]. *Donskaja arheologija* [Don Archaeology], 2000, no. 1 (16), pp. 6–21.

32. Rogers J., Waldron T. *A Field Guide to Joint Disease in Archaeology*. West Sussex, John Wiley & Sons Ltd., 1995. 119 p.

33. Sergackov I.V. *Pogrebenija pedskifskogo vremeni na Ilovle* [Burials of the Pre-Scythian Period on Ilovlya]. *Sovetskaja arheologija* [Soviet Archaeology], 1991, no. 2, pp. 240–244.

34. Sharafutdinova E.S. *Pamjatniki pedskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobjakovskaja kultura)* [Monuments of the Pre-Scythian Period on the Lower Don (Kobyakovo Culture)]. *Svod arheologicheskikh istochnikov* [Collection of Archaeological Sources]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 128 p.

35. Skripkin A.S., Klepikov V.M. Rannij zheleznyj vek [Early Iron Age]. *Arheologicheskoe nasledie Volgogradskoj oblasti. K 100-letiju Volgogradskogo kraevedcheskogo muzeja* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Museum of Local History]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013, pp. 81-136.
36. Smirnov K.F. *Savromaty* [Sauromates]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 376 p.
37. Tihonov V.V. Kurgannyj mogilnik Tingutinskij v Svetloyarskom rajone Volgogradskoj oblasti [Tingutinsky Burial Mound in the Svetloyarsky District of the Volgograd Region]. *Arheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraja* [Archaeological Heritage of the Saratov Region], 2015, vol. 13, pp. 91-104.
38. Valchak S.B. Kulturno-hozjajstvennyj tip i arheologicheskij oblik kimmerijcev (kratkij istoriograficheskij obzor) [Cultural and Economic Type and Archaeological Appearance of the Cimmerians (A Brief Historiographical Review)]. *Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost* [East. Afro-Asian Societies: History and Modernity], 2021, no. 6, pp. 19-37. DOI: 10.31857/S086919080017794-0
39. Vanchugov V.P. O pojavlenii korchag v pamjatnikah epohi pozdnej bronzy Severo-Zapadnogo Prichernomorja [On the Appearance of Pots in the Monuments of the Late Bronze Age of the Northwestern Black Sea Region]. *Arheologicheskie pamjatniki Severo-Zapadnogo Prichernomorja* [Archaeological Monuments of the Northwestern Black Sea Region]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1982, pp. 44-52.
40. Waldron T. *Palaeopathology*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 268 p.
41. Zhelezchikov B.F., Sergackov I.V., Skripkin A.S. *Drevnjaja istorija Nizhnego Povolzhja po pismennym i arheologicheskim istochnikam* [Ancient History of the Lower Volga Region Based on Written and Archaeological Sources]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 1995. 124 p.

Information About the Authors

Alexander N. Dyachenko, Researcher, Laboratory of Archaeological Research named after A.S. Skripkin, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Evgeniy V. Pererva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

Информация об авторах

Александр Николаевич Дьяченко, научный сотрудник лаборатории археологических исследований им. А.С. Скрипкина, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, arhlab@volsu.ru, djachenko_an@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-1922>

Евгений Владимирович Перерва, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, evgeniy.pererva@volsu.ru, perervafox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8285-4461>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.3>

UDC 930.26:903.5(470+571)

LBC 63.48(2)-3

Submitted: 31.07.2025

Accepted: 27.09.2025

AGE AND GENDER SPECIFICITY OF NOMADS OF THE VOLGA-DON REGION BASED ON MATERIALS FROM MEDIEVAL BURIAL GROUNDS

Maria A. Balabanova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article presents the results of a demographic analysis of medieval nomads of the Volga-Don region, which are brought into scientific discourse for the first time. *Material and methods.* The research material was four cultural-chronological series: early Turkic, Khazar, pre-Golden Horde, and Golden Horde times. The first two groups were formed from anthropological materials of separate burial grounds; their numbers were 59 and 154. The other two groups were obtained as a result of excavations of individual burial grounds: the nomadic burial ground of Sarkel-Belaya Vezha (46 skeletons) and the burial ground of Bakhtiyarovka (121 skeletons). The age and sex structure and demographic indicators were determined based on mortality tables. The calculation of paleodemographic parameters was performed using the computer program of D.V. Bogatenkov, *PDemography 3R Acheron*, built on the basis of MS Excel. *Analysis and discussion.* The results of the study demonstrated for all studied groups of medieval nomads violations from the normal distribution associated with the deformation of the sexual structure towards the predominance of men over women and a significant reduction in children of all ages in burials under kurgans. Comparative analysis of demographic indicators such as the average age of survival of the adult population and the proportion of the cohort of young people (15–35 years old) and people over 50 years old demonstrated similarities both among themselves and with the urban Golden Horde series. *Results.* The violations of the age and sex structure of the medieval nomads revealed as a result of the study can be associated with their Turkic origin and nomadic way of economy, which involves the use, in addition to inhumations, of other types of burials (air, on-ground, etc.), which were noted by ethnographers and travelers among the Turkic nomads of the modern era of Siberia and Central Asia. *Funding.* The work was supported by the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00772, “Anthropological Study of Polyethnic Medieval Societies in the Lower Volga Region”, <https://rscf.ru/project/24-28-00772/>.

Key words: nomads, age and sex structure, demography, Golden Horde, Khazars, Pechenegs, Polovtsians, steppe, nomadic way of economy.

Citation. Balabanova M.A. Age and Gender Specificity of Nomads of the Volga-Don Region Based on Materials from Medieval Burial Grounds. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 34-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.3>

УДК 930.26:903.5(470+571)

ББК 63.48(2)-3

Дата поступления статьи: 31.07.2025

Дата принятия статьи: 27.09.2025

ПОЛОВОЗРАСТНАЯ СПЕЦИФИКА КОЧЕВНИКОВ ВОЛГО-ДОНСКОГО РЕГИОНА ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ¹

Мария Афанасьевна Балабанова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье приводятся результаты демографического анализа средневековых кочевников Волго-Донского региона, которые впервые вводятся в научный оборот. *Материал и методы.*

Материалом исследования послужили четыре культурно-хронологические серии: раннетюркского, хазарского, дозолотоордынского и золотоордынского времени. Первые две группы были сформированы из антропологических материалов разрозненных могильников, их численность – 59 и 154. Две другие группы были получены в результате раскопок отдельно взятых могильников: кочевнический могильник Саркел – Белая Вежа (46 костяков) и могильник Бахтияровка (121 костяк). Половозрастная структура и демографические показатели определялись на основе таблиц смертности. Расчет палеодемографических параметров производился при помощи компьютерной программы Д.В. Богатенкова PDemography 3R Acheron, построенной на базе MS Excel. *Анализ и обсуждение.* Результаты исследования продемонстрировали для всех исследуемых групп средневековых кочевников нарушения нормального распределения половозрастной структуры в сторону преобладания мужчин над женщинами и значительного сокращения детей всех возрастов в погребениях под курганами. Сравнительный анализ таких демографических показателей, как средний возраст дожития взрослого населения, доля когорты молодых людей (15–35 лет) и лиц старше 50 лет, показал сходство как между собой, так и с городскими золотоордынскими сериями. *Выводы.* Выявленные в результате исследования нарушения половозрастной структуры исследуемых средневековых кочевников можно связать с их тюркским происхождением и кочевным способом хозяйствования, который предполагает использование, кроме ингумаций, иных типов погребений (воздушный, наземный и др.), отмеченных этнографами и путешественниками у тюрков-кочевников нового времени Сибири, Средней Азии и Казахстана. *Финансирование.* Работа выполнена при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00772 «Исследование антропологии полиэтничных социумов Нижнего Поволжья в эпоху средневековья», <https://rscf.ru/project/24-28-00772/>.

Ключевые слова: кочевники, половозрастная структура, демография, Золотая Орда, хазары, печенеги, половцы, степь, кочевник, кочевничество, кочевнический.

Цитирование. Балабанова М. А. Половозрастная специфика кочевников Волго-Донского региона по материалам средневековых могильников // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 34–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.3>

Введение. Восстановление половозрастных структур кочевого населения степей Волго-Донского региона, основанное на данных палеоантропологии с проведением межпопуляционных сравнений демографических параметров и кривых смертностей, позволяет оценить ведущие механизмы адаптации к экологическим и культурно-историческим трансформациям окружающей среды. Важным условием реконструкции демографических структур в любом исследовании является получение наиболее полной половозрастной информации, когда привлекается весь материал могильника [1]. Для городского и оседлого населения, некрополи которых содержат большое количество могил, это условие соблюдается, даже если раскопан не весь могильник. Когда же исследуются материалы групп населения с кочевым бытом, оно нарушается, так как человек в момент смерти мог находиться далеко от родового кладбища, которое располагалось на зимнем стойбище и относилось к родовой собственности. Погребать своих сородичей на родовом кладбище было очень важно, так как в последний путь провожали не только близкие родственники и со-

седы, но и друзья и знакомые с отдаленных стойбищ [19, с. 152, 153; 44, с. 584; 47, с. 98–100]. Собраться же всем вместе было затруднительно как летом, когда большая часть населения кочевала и находилась вдали от зимних стойбищ, так и зимой, которая исключалась из проведения погребального обряда, так как природно-климатические условия препятствовали этому. На территории современной Южной Сибири, Киргизии, Казахстана и восточно-европейских степей зимой земля промерзает на метр и более, что вызывало затруднения в сооружении погребального устройства. Этому еще способствовало и то, что у кочевников зимний период был сопряжен с высоким уровнем смертности не только для людей, когда силы и здоровье истощались и очень многие не могли пережить суровую пору, но и для скотины [19, с. 152–157; 47, с. 110–113]. В связи с этим тела людей, умерших в зимний период, сохраняли во временных так называемых отложенных захоронениях, которые у казахов и киргизов называются аманат [47, с. 109, 110]. Именно эти причины являлись главными для переноса погребения умерших сородичей на более теплое время года, поэтому совершали

обряд погребения умершего только в начале лета и осенью [19, с. 152, 153]. Об аналогичной практике у средневековых тюрков есть информация в китайской хронике Таншу: «Умершего весной и летом хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть и опадать, умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают развертываться...» [9, с. 230].

Наличие временных захоронений у казахов, киргизов и тюркских народов Южной Сибири отмечали китайские источники, путешественники и этнографы XVIII–XX веков. У них есть и данные, какие типы временных захоронений практиковались. Обычно тело умершего заворачивалось в кожаный саван и помещалось в специальной юрте или пещере, засыпанной снегом и камнями; сооружали специальные склепы; подвешивали на дерево и др. [3, с. 29; 19, с. 152–157; 21, с. 106–170, 225; 25, с. 128; 47, с. 109–113 и др.].

Нередко временные захоронения у тюрков практиковали по отношению к знатым умершим, о чем свидетельствуют китайские письменные источники начала VII века. Опираясь этой информацией, В.Е. Войтов дает такое описание: «Кюль-тегин был похоронен через 9 месяцев, а Бильге-каган – через 7 месяцев после кончины» [14, с. 109]. Так как обе исторические личности относились к политической верхушке Восточно-тюркского каганата VII–VIII вв., предполагалось и бальзамирование тела, что также требовало определенного времени до совершения погребения. Примером такой ситуации может служить наличие трепанационного отверстия в теменной области черепа диаметром 4 см у мужчины из погребения могильника Каракаба, относящегося к раннетюркскому времени. О его высоком статусе свидетельствуют и следы маски из серебряной пластины [36, с. 678–679]. Есть и другие примеры случаев трепанаций, обнаруженные на территории Казахстана. Видимо, бальзамирование проводилось с целью сохранения тела до погребения [19, с. 153].

Временные захоронения практиковались и в случае, когда человек умирал вдали от родного стойбища, о чем свидетельствуют этнографические данные. Такую практику у киргизов и казахов вплоть до XVIII в. отмечает Ф.А. Фильсруп: «Не имея возможнос-

ти отвезти к святыне умерших, казахи “вешают” на деревьях, обвив войлоками и бязями, поколь земля не растает» [47, с. 109–113]. После этого родные старались перевезти покойного и похоронить на родовом кладбище.

Кроме временных захоронений этнографы и путешественники сообщают об особых типах захоронений у кочевников. В специальной статье, посвященной типам и способам погребения у народов Сибири, Л.Р. Павлинская выделяет четыре типа: воздушное (на дереве или помосте), наземное, ингумация и кремация [30, с. 29].

Обряд воздушного погребения практиковали в прошлом многие народы Сибири: алтайцы, барабинские татары, буряты, ительмены, кеты, нганасаны, ненцы, селькупы, тувинцы, хакасы, шорцы, эвенки, якуты и представители некоторых других коренных народов. Сведения об этом впервые появляются в китайской хронике эпохи династии Суй (581–618 гг.) [9]. Есть описание воздушных погребений у путешественников и этнографов XIX в. (А.М. Горохов, В.И. Вербицкий, Д.Я. Самоквасов, Н.Ф. Катанов и др.). При этом отмечается, что не ко всем умершим применялся этот обряд [9, с. 348; 49, с. 95, 99]. Г.Ю. Ситнянский сообщает, что многие народы практиковали такой обряд к умершим не своей смертью: алтайцы хоронили на деревьях людей, погибших от удара молнии, а также девушек, не доживших до свадьбы [42, с. 175].

В свою очередь телеуты, шорцы и другие народы такой обряд совершали над умершими детьми. Он различался у детей разного возраста. Так, тело умершего младенца обычно помещали в дупло, прикрывая его корой, чтобы никто не мог увидеть эту могилу. Если же умирал подросток, то, прежде чем привязать его труп к дереву, помещали в деревянный гроб или же заворачивали в бересту [18; 43].

Воздушное погребение применяли и к служителям культа, шаманам. Этнографы XX в. не раз фиксировали такие захоронения у якутов, тувинцев и др. Для этого иногда устраивали специальные помосты высоко на дереве. Есть мнение, что коренные народы Сибири воздушные погребения практиковали ко всем умершим, а впоследствии стали применять только к детям, шаманам и уважаемым старикам [18].

Наземный тип захоронения практиковали многие народы Сибири: алтайцы, сибирские татары, ханты, манси, кеты, эвенки и др. Этот обряд просуществовал у агинских бурят до XIX – начала XX в. и предусматривал захоронение умерших, не погребая их в земле, а оставляя в специально отведенных местах (шаманская роща, гора или возвышенность и т. д.) для «растаскивания» тел хищниками и птицами. Они полагали, что чем быстрее исчезнет тело, тем быстрее душа обретет перерождение [48, с. 327, 328]. Наземное захоронение на помосте практиковали как к умершим шаманам, так и к бедным и богатым сородичам. Вот что об этом сообщает И.Г. Георги, который писал в XVIII в.: «В прежние времена клали они их на землю с оружием, верховую сбрую и домашнюю рухлядь и зарывали, покрывая сверху камнем или хворостом» [15, с. 36].

Хакасы также вплоть до XVIII в. не имели постоянных кладбищ и практиковали наземные способы захоронения, оставляя умерших в гробу, установленном на помосте [11, с. 121; 15, с. 176; 16, с. 313, 328, 329]. У Н.Ф. Катанова также есть сведения, что урянхайцы умершего оставляли в степи [20, с. 128, 130].

Ф.А. Фиельструп пишет, что место захоронения у некоторых казахов и киргизов находится там, где его настигла смерть: «...на урочище; на дорогах для того, чтобы родные и почитатели при каждом удобном случае могли исполнить молитву над умершим; другое условие – близость воды» [47, с. 108].

У монголов также встречался обряд, когда тело покойного из простой, небогатой семьи вместо похорон оставляли в степи или в горах. Другой способ был связан с тем, что покойного помещали на повозку с лошастью и отпускали в степь. Этот тип погребального практики существовал у монголов задолго до принятия ими ламаизма [48, с. 327–328].

Сведения об оставлении умершего, завернутого в шубу или халат, на поверхности земли в укромном месте имеются у Е.К. Яковлева [51, с. 97, 98], у Ф.Я. Кона [22, с. 38], который этот обряд зафиксировал у тувинцев, хотя и относил его к новациям, связанным с принятием ими ламаизма.

Известный этнограф Л.П. Потапов, описывая погребальный обряд тувинцев Монгун-Тайгинского и Бай-Тайгинского районов, впер-

вые дает подробное описание наземного погребального сооружения шамана в виде двухъярусной гробницы, установленной на четырех столбах [33].

Другие этнографы также затрагивают эту тему, но более подробное описание особых типов погребений у тувинцев дает В.П. Дьяконов в своей монографии [18], где проводит сравнительный анализ погребального обряда восточного и западного районов Тувы.

Обряд наземного захоронения практиковали тофалары по отношению к старикам, которые не могли себя обслуживать и были обузой семье. Для них строили специальный чум, крепко сколоченный и наглухо закрытый, и оставляли умирать в нем [35, с. 159]. У хакасов – сагайцев рода халар к почтенным старикам также применялся наземный тип: на помосте, установленном на четырех столбах [38, с. 109].

Во всех описанных случаях могилой умершего становилась степь под открытым небом или же специальное помещение. Иногда через определенное время родственники могли вернуться на это место и посмотреть, что стало с останками.

Таким образом, путешественники и исследователи XVIII–XXI вв. отмечают, что особое место в практике тюркских народов Южной Сибири, Средней Азии и Казахстана занимали воздушный и наземный типы погребений [13, с. 86; 18, с. 68–84; 22, с. 38 и др.]. Есть мнение, что эти обычаи были связаны с кочевым образом жизни, который не давал возможности хоронить покойников в земле [42, с. 178].

Что касается кремаций, то сведения о таком типе погребений у средневековых тюрков имеются в китайских письменных и археологических источниках. У современных тюркских народов также отмечали этот обряд путешественники и этнографы XIX–XXI вв. [9, с. 301, 346; 17; 18; 28].

Обряд ингумации у кочевников эпохи средневековья Сибири, Средней Азии, Казахстана и восточно-европейских степей связан с местами захоронений в могилах под курганными насыпями. Об этом свидетельствуют как результаты археологических раскопок на территории Евразийской степи, так и письменные свидетельства (Иоанн де Плано Карпини, Гильом де Рубрук и др.).

Несмотря на большое количество раскопанных комплексов по средневековым тюркским культурам Сибири, нет ни одной работы, в которой отразились бы данные по половозрастной структуре и демографическим показателям. За все годы исследований была охарактеризована мужская, женская и детская субкультуры, а также рассматривалась возрастная дифференциация ранних тюрков [8; 12; 39; 41; 46]. Отсутствуют такие исследования и по средневековым кочевникам Средней Азии и Казахстана.

Что касается средневековых кочевнических комплексов с территории восточно-европейских степей, то специфика их погребального обряда отражена в археологической литературе, а изучение половозрастного состава и демографических показателей находится на начальном этапе [5]. Поэтому цель данной работы – представить результаты палеодемографического исследования по средневековым кочевникам восточно-европейских степей и дать им интерпретацию, привлекая этнографические данные, информацию письменных источников и записки путешественников.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили наиболее полные антропологические серии по кочевым культурам раннетюркского, хазарского, дозолотоордынского и золотоордынского времени. При формировании культурно-хронологических серий применялись принципы палеодемографии, высказанные В.П. Алексеевым в специальной работе [1].

Изучение памятников средневековых кочевников восточно-европейских степей показало, что компактных могильников, в которых было бы вскрыто более десятка могил, немного. В связи с этим для анализа использовались как суммарные серии из-за малочисленности материалов могильников, так и материалы отдельных могильников, всего четыре группы:

- 1) раннетюркское время (конец V – первая половина VII в.) – 59 костяков (суммарная серия);
- 2) хазарское время (вторая половина VII – IX (X) в.) – 154 костяка (суммарная серия);
- 3) дозолотоордынское время (кочевнический могильник Саркел – Белая Вежа, X – начало XI в.) – 46 костяков;

- 4) золотоордынское время (могильник Бахтияровка) – 121 костяк.

Демографические структуры кочевников изучались с помощью стандартных «таблиц дожития», исследовательские процедуры которых включают расчет демографических показателей, построение полных и сокращенных (отдельно для разнополых групп) таблиц смертности, кривые распределения смертности детей, пики смертности и др. [2, с. 19–49].

Предварительная работа предполагала половозрастную диагностику всех материалов, а по ее результатам индивиды группировались в возрастные когорты, на основании которых и рассчитывались все показатели таблиц смертности, иллюстрирующие демографические закономерности. На основе табличных значений строились кривые смертности. Форма кривых является, по своей сути, новым генерализованным популяционным признаком, удобным для проведения внутrigрупповых и межгрупповых сравнений. На их основе дается демографическая оценка группы исследуемого населения.

Расчет палеодемографических параметров произведен при помощи компьютерной программы Д.В. Богатенкова PDemography 3R Acheron, построенной на базе MS Excel. Анализировались основные демографические параметры: А – средний возраст смерти в группе с учетом детей, АА – средний возраст смерти взрослого населения; ААm / ААf – средний возраст смерти отдельно по мужчинам и женщинам; PCD – доля детей в группе; PSR – процентное соотношение мужчин и женщин в группе; C (15+35) – процент индивидов, умерших в возрастной группе 15–35 лет, в целом по серии (отдельно по мужчинам и женщинам); C50+ – процент индивидов, доживших до финальной возрастной когорты (отдельно по мужчинам и женщинам).

В качестве сравнительного материала привлекались серии раннесарматского, среднесарматского, позднесарматского времени, серии городского золотоордынского населения (список серий и источники данных приведены в таблице). Кроме того, использовалась половозрастная информация по средневековым тюркским культурам Сибири.

Анализ и обсуждение. Результаты демографического анализа по кочевому населению Волго-Донского региона эпохи средневековья приведены в таблице, в которой присутствуют данные и по предшествующему населению сарматского времени, и по городским золотоордынским сериям, используемые для проведения сравнительного анализа.

Прежде всего, следует обратить внимание на половозрастную структуру, которая характеризуется нарушениями как по полу, так и по возрасту начиная со среднесарматского времени. Видимо, эта ситуация напрямую связана с вариантами оформления могильников и погребений под ними (см. таблицу).

Так, раннесарматское общество в погребальной практике применяло в основном курганы-кладбища, в которых хоронило всех умерших сородичей. Об этом свидетельствует демографическая ситуация, которая соответствует эталонным нормам для палеопопуляций, то есть нормальное соотношение по полу и достаточная доля детей (0,96 и 33,8 %).

Среднесарматское общество хоронило своих умерших как в курганах-кладбищах, так и под индивидуальными насыпями. Иногда единственная могила в кургане могла выполнять функцию коллективной усыпальницы, так как имеются случаи коллективных захоронений. Видимо, такой вариант предполагал определенные нарушения половозрастной структуры, о чем свидетельствуют данные таблицы: детских захоронений вдвое меньше (16,7 %), чем в предшествующую эпоху; сокращается и количество женских захоронений (соотношение по полу 1,3). Интересно, что в отдельных могильниках, в которых сохраняются раннесарматские традиции в среднесарматское время (могильник Первомайский), демографические показатели двух культурно-хронологических групп обладают сходством. В этом случае и соотношение по полу в норме, и детей более 30,0 % в обеих сериях. И наоборот, в могильниках, где большая часть захоронений среднесарматского времени под индивидуальными насыпями, резко сокращается доля детей (могильник Перегрузное I) [7, с. 139, табл. 3].

Что касается позднесарматского общества, то оно практиковало только индивидуальные насыпи с захоронением одного умершего. Очень редко встречаются парные, и в

исключительных случаях – более двух лиц. В связи с этим для данной группы кочевников наблюдаются половозрастные перекосы: практически полное отсутствие детей – в суммарной серии они составляют 2,8 %, более чем двукратное преобладание мужских захоронений над женскими.

Эти половозрастные перекосы сохраняются во всех группах средневековых кочевников (см. таблицу, рис. 1, 2):

1) в серии раннетюркского времени дети составляют 15,2 %; соотношение по полу – 1,9;

2) в хазарское время – 9,7 % и 1,7, соответственно;

3) в дозолотоордынское время – 6,5 % и 4,4;

4) в золотоордынское время – 5,0 % и 1,4.

В погребальной практике всех культурно-хронологических групп средневековых кочевников присутствуют либо индивидуальные насыпи, либо под курганами два погребения. Исключения очень редки [24; 29; 32].

Таким образом, вышеприведенные показатели половозрастной структуры средневековых кочевников демонстрируют стандартную, но не нормальную демографическую ситуацию, так как доля детей в могильниках должна составлять не менее 25–30 %, а половая структура – 1,0–1,1. Такие показатели демонстрируют материалы городских могильников Золотой Орды, где детей не менее 21,0 %, а соотношение по полу близко к норме (см. таблицу) [4, с. 107; 6, с. 33; 10, с. 168; 37; 50, с. 143 и др.].

Попытаемся определить причины прежде всего незначительного количества детских погребений у средневековых кочевников Волго-Донского региона. На наш взгляд, такие показатели связаны с их тюркским происхождением и со спецификой номадного хозяйствования. Несмотря на то что нет полноценных данных по демографии населения средневековых тюркских памятников Сибири для проведения полноценного сравнения, ряд авторов, в работах которых рассматривается специфика детских захоронений, отмечают их низкий процент [26, с. 22; 39, с. 70; 46, с. 138 и др.].

Указанные результаты, видимо, указывают на то, что к детям различного возраста использовались иные погребальные традиции. О наличии особых погребальных традиций в культурах древних тюрков Алтая свидетель-

ствуют случаи захоронения младенцев в гротах, межкурганном пространстве. В культуре чаатас Хакасско-Минусинской котловины к детям до 10 лет не применяли кремацию в отличие от взрослых, а хоронили по обряду трупоположения [26, с. 21–23; 27, с. 47; 40, с. 150].

Наличие особых погребальных практик по отношению к детям у различных тюркских народов подкрепляется этнографическими свидетельствами. Наиболее полная и ранняя подборка имеется в специальной работе Н.Ф. Катанова [20, с. 124, 125]. Подробное описание погребального обряда тувинцев дает В.П. Дьяконова [18, с. 60, 63, 70], которая приводит различные способы обращения с детским телом и способами его захоронения. Опираясь на полевые исследования своих предшественников, А.С. Суворова отмечает, что у бурят старинный обычай «терiania» умерших до двух лет детей в степи широко распространялся вплоть до 1960-х гг. [45, с. 160].

Кроме того, есть сведения о том, что в различных кочевых группах, например хакасов, детей хоронили отдельно на детских кладбищах, расположенных рядом с аалом. В этих могилах обычно погребали малышей в возрасте до семи лет. Младенцев и детей, до того как они начинали ходить, заворачивали в бересту или зашивали в войлок и хоронили на деревьях (обычно лиственницах), в гротах гор, в насыпях древних курганов [11, с. 113; 16, с. 312; 34, с. 74]. У тофаларов для умерших детей существовали отдельные погребальные места. Их могли похоронить в дупле дерева или в колоде, которая представляла собой часть толстого дерева.

Таким образом, небольшой процент детских захоронений в курганных могильниках средневековых кочевников Волго-Донского региона также можно связать с особыми обрядами обращения с телом умершего ребенка, что являлось древней традицией тюркских народов и сохранилось до начала XX века. При этом следует отметить, что небольшое количество детей под средневековыми курганами чаще всего размещалось в индивидуальном погребении, но рядом со взрослым. Изредка подростку сооружалась отдельная насыпь [24; 29].

Во всех культурно-хронологических группах нарушена и половая структура, о чем

свидетельствует третичное соотношение по полу. С эволюционной точки зрения стабильной стратегией является нормальное соотношение: 1 : 1 или же 1,1 : 1,0 (см. таблицу, рис. 2). Для объяснения демографической ситуации, характеризующей средневековых кочевников, следует ответить на вопрос: что способствовало отклонению от нормы? В связи с этим нужно обратиться к материалам средневековых групп кочевников Сибири. По этому поводу есть только сведения по группе ранних тюрок Саяно-Алтая, в которой отмечается деформация половой структуры, связанная с доминированием мужских захоронений над женскими почти в два раза [8; 39]. Авторы, исследовавшие социальную структуру средневековых тюрок, сообщают, что большая часть раннетюркских могильников дает еще большее численное преобладание мужских захоронений над женскими, в 2,5–2,8 раза [41, с. 74; 46, с. 142].

Есть и официальные сведения о преобладании мужчин над женщинами в пределах 10,0 % в кочевом обществе киргизов XIX в., которые сообщил Л.Ф. Костенко [23, с. 335]. Он объясняет эту диспропорцию высокой женской смертностью, связанной с их тяжелым и угнетенным положением. Вышеприведенные сведения согласуются с данными по исследуемым сериям средневековых кочевников о преобладании мужских захоронений над женскими, а объяснить эту ситуацию, наверное, можно было бы более частым применением особых типов погребений по отношению к женщинам, нежели к мужчинам.

Определить данные показатели более высокой вероятной смертностью мужского населения можно с оговоркой, так как, с одной стороны, весь исследуемый период характеризовался нестабильностью политической ситуации и участием мужчин в боевых действиях, а с другой – они обусловлены собственными мужскими занятиями. И если для серии дозолотоордынского времени кочевнического могильника Саркел – Белая Вежа, где соотношение по полу 4,4, можно согласиться с автором публикации, что в нем был захоронен военный гарнизон [32], то для более ранних групп раннетюркского и хазарского времени такое объяснение не имеет под собой обоснования. Большее количество мужских

погребений по сравнению с женскими характеризует и позднесарматское общество [7, с. 83–84]. Таким образом, можно предположить, что такая половозрастная структура характерна для подвижных кочевых социумов, важным фактором которых являются перекочевки и миграции мужской части населения, оставляющего семью и детей на зимних стоянках. Нельзя исключать культурные нормы и традиции кочевников, наиболее очевидной из них является трудовая специализация, которая определялась столетиями и была неизменной вплоть до XIX – начала XX в., а также практику иных типов погребений.

Следующий параметр, который нужно рассмотреть, – это средний возраст смерти как в целом, так и у взрослого населения во всех средневековых кочевнических группах (см. таблицу, рис. 3). С учетом детей этот показатель находится в пределах 30–32 лет, а без их учета – 32–35 лет, что демонстрирует незначительную разницу и нормальное распределение смертности, так как городское золотоордынское население имеет похожие значения. В исследуемых разнополых группах этот показатель отличается, и почти всегда он на несколько лет меньше в женских сериях, что можно считать показателем стресса, испытываемого женщиной в детородном возрасте. Следует отметить, что абсолютные значения этого признака у взрослого населения всех средневековых групп, включая городское золотоордынское, приближаются к минимальным показателям для данного региона: он ниже, чем в группах сарматского времени.

Анализ суммарных характеристик возрастного распределения демонстрирует высокую смертность в группе 15–35 лет. Она очень высокая прежде всего в женских группах: от 47,1 до 75,0 % (см. таблицу, рис. 4), причем пик смертности приходится на период максимальной фертильности: 15–25 лет. У мужчин этот показатель находится в пределах 41,3–60,3 %. Здесь пик смертности смещается к возрастной группе 20–35 лет.

По показателю «смертность в когорте 15–35 лет» наблюдается некоторая динамика: доля умерших возрастает от раннетюркского времени к золотоордынскому (см. рис. 4). Наибольший максимум наблюдается у груп-

пы, оставившей могильник Бахтияровка, в которой пик женской смертности локализуется в когорте 15–25 лет и составляет около 50,0 % смертей. Похожее распределение смертности женщин в возрасте 15–25 лет наблюдается и в городских группах могильников Красноярского городища золотоордынского времени [6, с. 32]. Традиционно такую ситуацию объясняют патологиями, связанными с беременностью и деторождением.

Последний показатель, который следует рассмотреть, – это распределение смертности в финальной когорте, старше 50 лет. Он имеет одинаковое значение (в пределах 6,5–7,4 %) и не сильно различается по сравнению с городскими золотоордынскими группами (см. таблицу, рис. 5).

Выводы. Демографический анализ групп средневековых кочевников позволил обозначить как общие, так и специфичные показатели. Первые, видимо, определяются этнокультурной принадлежностью, и их можно считать универсальными для всей совокупности исследуемых материалов рассматриваемого времени. К ним относятся зафиксированные отклонения половой и возрастной структуры, которые могут объясняться практикой особых типов погребений по отношению к детям всех возрастов и к женщинам, вероятно, обладающим особым статусом. Наличие таких типов погребений для исследуемых групп населения может быть связано с внешними факторами, которые приводили к отказу коллектива от захоронения умерших по канонам традиционного обряда.

К специфичным показателям относится четырехкратное преобладание мужчин над женщинами в группе кочевников дозолотоордынского времени, которое связывают с воинской спецификой погребенных мужчин в могильнике Саркел – Белая Вежа, и очень высокую смертность мужчин и женщин в молодом возрасте (более 60,0 %) в группе из могильника Бахтияровка. В данном случае можно предположить неблагоприятную эпидемиологическую ситуацию в регионе, так как аналогичные результаты демонстрируют и показатели двух могильников Красноярского городища (Маячный и Вакуровский бугор), и суммарная группа кочевников Золотой Орды [6, с. 156; 31, с. 220, 221].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что половозрастная структура и демографические показатели средневековых кочевников Волго-Донского региона выстроены по канонам тюркских культур юга Западной Сибири. Результаты изучения палеоантропологических материалов подтверждаются комплексом сведений из письменных, археологических и этнографических источников.

БЛАГОДАРНОСТИ

¹ Автор выражает благодарность А.И. Нечвалоду, научному сотруднику отдела этноло-

гии Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, за предоставление половозрастной информации по могильнику Бахтияровка эпохи средневековья.

ACKNOWLEDGEMENTS

¹ I would like to express my gratitude to A.I. Nechvaloda, Researcher, Department of Ethnology, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences for providing sex and age information on the Bakhtiyarovka burial ground of the Middle Ages.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Основные демографические показатели в хронологических группах населения Волго-Донского региона

Main demographic parameters by chronological population groups in the Volga-Don region

Хронологическая группа	Nr	A / AA (AAm / AAf)	PCD (0–14 лет), Nr (%)	PSR ♂/♀	Взрослое население (Nr (%))	C 15+35 (Cm 15–35 / / Cf 15–35)	C50 + + (C50 + m / C50 + f)
Раннесарматская гр.	323	26,4 / 36,7 (37,8 / 35,8)	108 (33,8)	0,96	214 (66,2)	29,3 (40,1 / 48,6)	10,2 (14,3 / 16,5)
Среднесарматская гр.	233	31,1 / 36,4 (36,5 / 36,3)	39 (16,7)	1,3	194 (83,3)	34,3 (40,0 / 42,3)	6,0 (5,5 / 9,4)
Позднесарматская гр.	568	41,0 (42,8 / 36,6)	16 (2,8)	2,2	552 (97,2)	34,7 (28,6 / 49,1)	32,5 (36,8 / 22,5)
Раннетюркское вр.	59	32 (36,1 / 36,3)	9 (15,3)	1,9	50 (84,7)	37,4 (42,5 / 47,1)	6,8 (6,1 / 11,8)
Хазарское вр.	154	30,7 / 35,3 (36,7 / 32,4)	15 (9,7)	1,7	139 (90,3)	44,8 (41,3 / 63,4)	7,1 (9,2 / 5,7)
Дозолотоордынское вр. Коч. мог-к Саркел – Белая Вежа	46	31,6 / 33,1 (33,3 / 32,5)	3 (6,5)	4,4	43 (93,5)	54,2 (59,8 / 50,0)	6,5 (8,6 / 0,0)
Золотоордынское вр. Бахтияровка	122	30,4 / 31,7 (34,3 / 28,0)	6 (5,0)	1,4	116 (95,0)	62,8 (60,3 / 75,0)	7,4 (10,3 / 4,2)
Золотоордынское вр. Маячный бугор [6]	292	25,3 / 34,4 (37,2 / 31,7)	88 (30,1)	0,94	202 (69,9)	53,9 (40,4 / 66,7)	5,4 (4,0 / 6,7)
Золотоордынское вр. Вакуровский бугор [6]	111	22,4 / 33,0 (36,6 / 29,1)	40 (36,0)	1,09	71 (64,0)	37,8 (43,2 / 76,5)	3,7 (5,4 / 5,9)
Золотоордынское вр. Новохарьковский мог-к [10]	107	21,2 / 33,6 (33,8 / 33,4)	42 (38,2)	0,97	65 (61,8)	33,4 (48,1 / 50,0)	1,9 (3,4 / 3,3)
Золотоордынское вр. Царевское гор. и его округа [37]	212	28,4 / 35 (40,2 / 37,2)	65 (30,7)	0,96	147 (69,3)	29,0 (32,0 / 45,4)	11,3 (13,3 / 9,4)
Золотоордынское вр. Селитренное гор. [50]	362	32 / 39,1 (41,5 / 36,0)	76 (20,9)	1,25	288 (79,1)	50,2 (38,2 / 64,7)	10,9 (11,4 / 10,5)
Золотоордынское вр. Водянское гор. [4]	108	31,4 / 35,7 (36,0 / 34,8)	16 (14,8)	1,1	92 (85,2)	44,4 (55,3 / 52,4)	12,0 (12,8 / 14,3)

Примечание. Nr – объем выборки; A – средний возраст смерти в группе с учетом детей, AA – средний возраст смерти взрослого населения; AAm / AAf – средний возраст смерти отдельно по мужчинам и женщинам; PCD – доля детей в группе; PSR – процентное соотношение мужчин и женщин в группе; C (15 + 35) – процент индивидуумов в возрастной группе 15–35 лет в целом по серии (отдельно по мужчинам и женщинам); C50+ – процент индивидуумов в финальной возрастной когорте (отдельно по мужчинам и женщинам). Далее, в таблице и в рис. 1–5, используются следующие сокращения: гр. – группа; вр. – время; коч. мог-к – кочевнический могильник; гор. – городище.

Note. Nr – the sample size; A – the average age of death in the group, taking into account children; AA – the average age of death for the adult population; AAm / AAf – the average age of death for males and females separately; PCD – the percentage of child mortality in the group; PSR – the percentage of males and females in the group; C (15 + 35) – the percentage of individuals in the 15–35 age group in the overall series (separately for males and females); C50+ – the percentage of individuals in the final age cohort (separately for males and females). Further, in the table and in Figs. 1–5, the following abbreviations are used: gr. – group; ti. – time; nom. bur. gr. – nomadic burial ground; anc. set. – ancient settlement.

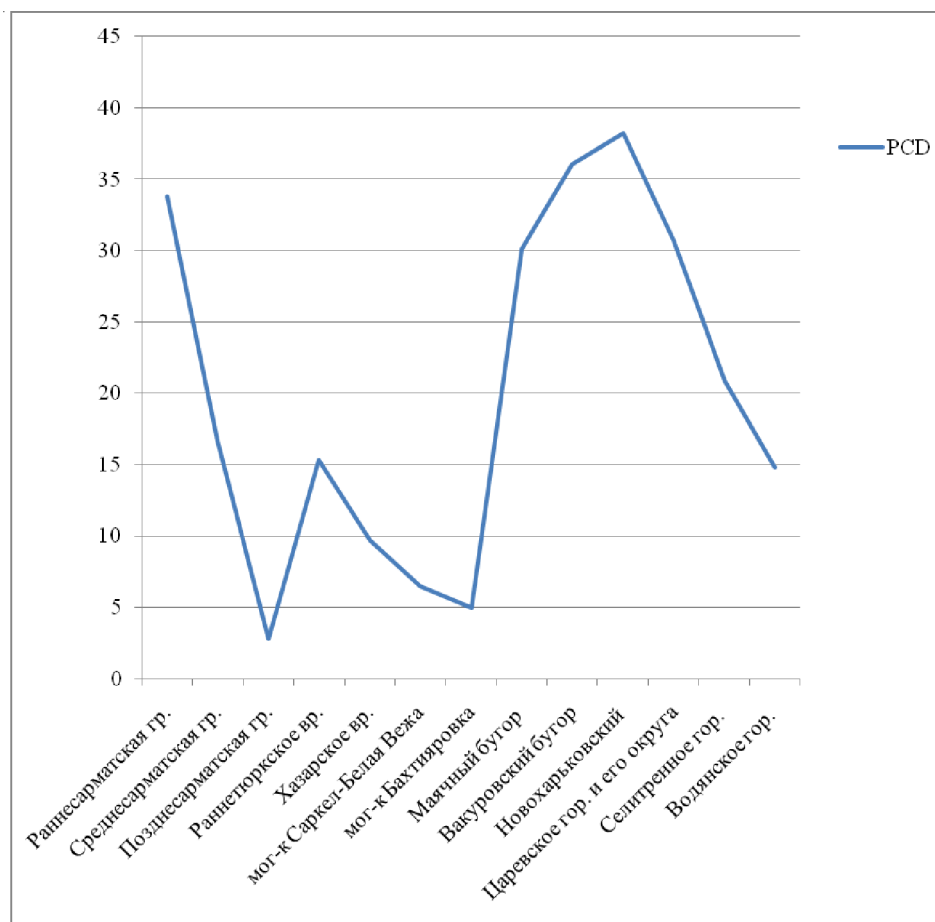

Рис. 1. Доля детей в культурно-хронологических группах
Fig. 1. Share of children in the cultural and chronological groups

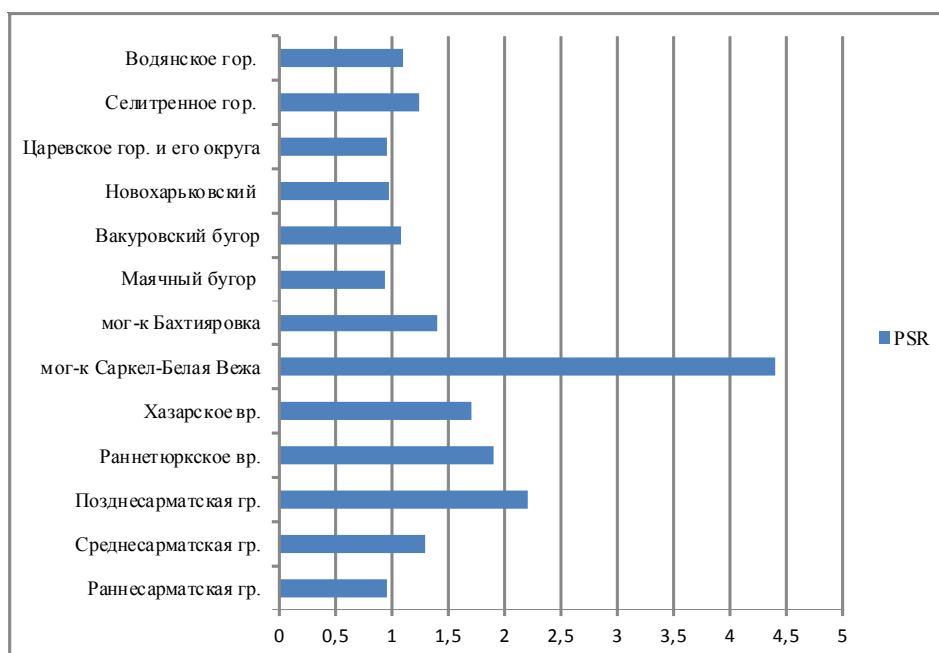

Рис. 2. Соотношение пола в культурно-хронологических группах
Fig. 2. Gender ratio in cultural and chronological groups

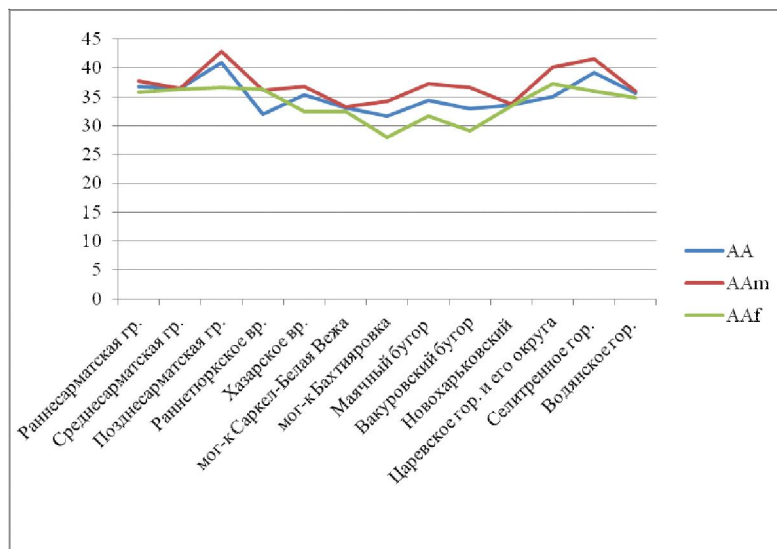

Рис. 3. Средний возраст смерти взрослого населения и в разнородных группах

Fig. 3. Average age of death in the adult population and in mixed-sex groups

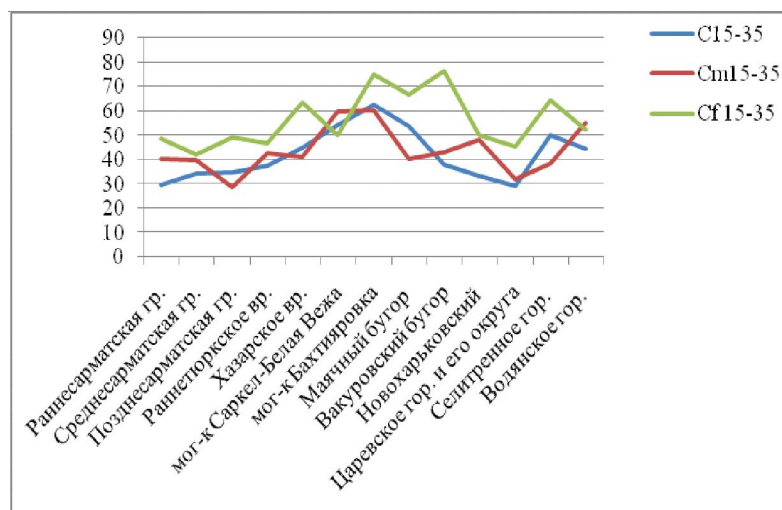

Рис. 4. Смертность в возрастной когорте 15–35 лет

Fig. 4. Mortality in the 15–35 age cohort

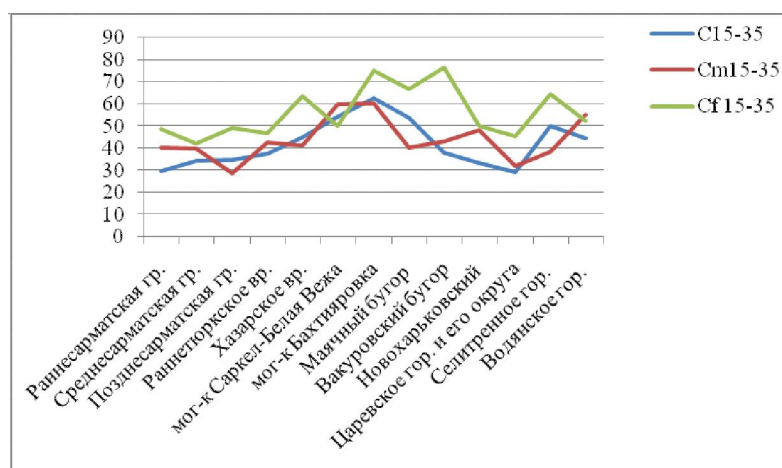

Рис. 5. Доля людей в финальной возрастной когорте (50 лет и старше)

Fig. 5. Share of people in the final age cohort (50 years and older)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П. Палеодемография: содержание и результаты // Историческая демография: проблемы, суждения, задачи. М.: Наука, 1989. С. 63–90.
2. Алексеева Т. И., Богатенков Д. В., Лебединская Г. В. Влахи. Антрополого-экологическое исследование (по материалам средневекового некрополя Мистихали). М.: Науч. мир, 2003. 132 с.
3. Андреев И. Г. Описание Средней орды киргиз-кайсаков. Алматы: Гылым, 1998. 280 с.
4. Балабанова М. А. Палеодемографическая характеристика Водянского городища эпохи Золотой Орды (по материалам христианизированной части кладбища) // Нижневолжский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 102–111.
5. Балабанова М. А. Стратегия выживания в кочевых обществах Восточной Европы в древности и в средневековье // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 5. В 2 ч. Ч. 1. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2016. С. 15–18.
6. Балабанова М. А., Перерва Е. В., Зубарева Е. Г. Антропология Красноярского городища эпохи Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2011. 180 с.
7. Балабанова М. А., Клепиков В. М., Коробкова Е. А., Кривошеев М. В., Перерва Е. В., Скрипкин А. С. Половозрастная структура сарматского населения Нижнего Поволжья: погребальная обрядность и антропология. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. 272 с.
8. Белинская К. Ы. Классификация древнетюркских женских захоронений Горного Алтая // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. С. 199–204.
9. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 375 с.
10. Бужилова А. П., Медникова М. Б., Козловская М. В. Демографическая и социальная структура средневековой популяции // Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. С. 168–175.
11. Бутанаев В. Я. Погребально-поминальные обряды хакасов в XIX – начале XX вв. // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан: Хакас. науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории, 1988. С. 107–132.
12. Васютин С. А. Возрастная дифференциация в раннесредневековых погребальных комплексах кочевников Саяно-Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. С. 198–201.
13. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. М.: Скоропечатни А.А. Левенсона, 1893. 221 с.
14. Войтов В. Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. М.: Гос. музей Востока, 1996. 150 с.
15. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 1, 4. СПб.: Имп. Акад. наук, 1799. 434 с.
16. Грачев И. А. Похоронные обряды хакасов в XVIII – начале XX в. // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб.: Кунсткамера, 2010. С. 303–331.
17. Гыргеева К. А. К погребальной обрядности бурятского шамана: способ кремации // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: Музей антропологии и этнографии Рос. акад. наук, 2009. С. 147–151.
18. Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 164 с.
19. Исаков К. А., Умиткалиев У. У., Тлеугабулов Д. Т., Дукомбайев А. Т. Предварительное сохранение тел умерших в погребальной обрядности казахов (по материалам археологических, исторических и фольклорно-литературных источников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21, № 7. С. 150–162. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162
20. Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. XII, вып. 2. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1894. С. 109–142.
21. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 642 с.
22. Кон Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю // Известия Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1904. Т. XXXIV, № 1–2. С. 19–69.
23. Костенко Л. Ф. Туркестанский край: Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1880. Т. 1. 356 с.
24. Круглов Е. В. Печенеги и огузы: некоторые проблемы археологических источников // Степи Европы в эпоху средневековья. Половецко-золотоордынское время. Донецк: Донец. нац. ун-т, 2003. С. 13–82.
25. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 304 с.

26. Кубарев Г. Я. Культура древних тюрок. По материалам погребальных памятников. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2005. 400 с.
27. Кызласов Л. Р. Древнехакасская культура чаатас VI–IX вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 46–52.
28. Митько О. А. Кремация в погребальной обрядности теленгитов (по материалам этнографических наблюдений) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3. С. 260–267.
29. Мыськов Е. П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Изд-во Волгогр. фил. РАНХиГС, 2015. 484 с.
30. Павлинская Л. Р. Типы и способы погребения у народов Сибири в контексте представлений о «потустороннем мире» // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 1. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2009. С. 29–33.
31. Перерва Е. В. Кочевое население Нижнего Поволжья второй половины XIII – XIV в. по результатам палеопатологического исследования // Нижневолжский археологический вестник. 2022. Т. 21, № 1. С. 208–243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
32. Плетнева С. А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Материалы исследования по археологии. Т. III, № 109. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. С. 216–259.
33. Потапов Л. П. Материалы по этнографии тувинцев района Монгун-Тайги и Кара-Холя // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Академии наук СССР. М.; Л.: [Б. и.], 1960. Т. 1. С. 171–237.
34. Прокофьева Е. Г. Некоторые религиозные культы тазовских селькупов // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1977. Т. XXXIII. С. 66–79.
35. Рассадин И. В. О похоронном обряде и типах захоронения у тофаларов // Сибирский сборник – 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2009. С. 157–160.
36. Самашев З. Культура ранних тюрок Казахского Алтая (по материалам некрополя Каракаба) // Восхождение к вершинам археологии. Алматы: [Б. и.], 2014. С. 669–690.
37. Сапухина Е. А. Демографические особенности населения Царевского городища и его округа // Международная полевая школа в Болгаре. Казань, Болгар: [Б. и.], 2014. С. 105–109.
38. Семейная обрядность народов Сибири: опыт сравнительного изучения. М.: Наука, 1980. 240 с.
39. Серегин Н. Н. Структура социума раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона (по материалам погребальных комплексов) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 1 (32). С. 66–77. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-32-1-066-077>
40. Серегин Н. Н., Матренин С. С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. 272 с.
41. Серегин Н. Н., Матренин С. С. Социальная история населения Алтая в эпоху кочевых империй (II в. до н. э. – XIV в. н. э.): по материалам археологических комплексов. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. 268 с.
42. Ситнянский Г. Ю. О происхождении древнего киргизского погребального обряда // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. IV. М.: Наука, 2001. С. 175–180.
43. Соколова З. П. О некоторых погребальных обрядах северных хантов и манси // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 169–175.
44. Стасевич И. В. Современная погребально-поминальная обрядность казахов и киргизов в сравнительно-историческом аспекте // Лавровский сборник: этнология, история, археология, культурология (2012–2013). СПб.: Изд-во Музея антропологии и этнографии, 2013. С. 582–587.
45. Суворова А. С. Формы погребения бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 14. С. 160–164.
46. Тишин В. В., Серегин Н. Н. Возрастная дифференциация у древних тюрок VI–X вв.: опыт комплексного анализа // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 136–152.
47. Фиельструп Ф. А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М.: Наука, 2002. 300 с.
48. Цыденова Д. Ц. Похоронно-погребальный обряд агинских бурят // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. Вып. 18. С. 325–346.
49. Шатинова Н. И. Семья алтайцев. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1981. 184 с.
50. Яблонский Л. Т. К палеодемографии средневекового города Сарай-Бату (Селитренное городище) // Советская археология. 1980. № 1. С. 142–148.
51. Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. 357 с.

REFERENCES

1. Alekseev V.P. Paleodemografiya: sodержanie i rezultaty [Paleodemography: Content and Results]. *Istoricheskaya demografiya: problemy, suzhdeniya,*

zadachi [Historical Demography: Problems, Judgments, Tasks]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 63-90.

2. Alekseeva T.I., Bogatenkov D.V., Lebedinskaya G.V. *Vlahi. Antropologo-ekologicheskoe issledovanie (po materialam srednevekovogo nekropolya Mistihali)* [Vlachs. Anthropological and Ecological Study (Based on the Materials of the Medieval Necropolis of Mistikhali)]. Moscow, Nauchnyj mir Publ., 2003. 132 p.

3. Andreev I.G. *Opisanie Srednej ordy kirgiz-kajsakov* [Description of the Middle Horde of Kirghiz-Kaysaks]. Almaty, Gylm, 1998. 280 p.

4. Balabanova M.A. Paleodemograficheskaya harakteristika Vodyanskogo gorodishcha epohi Zolotoj Ordy (po materialam hristianizirovannoj chasti kladbishcha) [Paleodemographic Characteristics of the Vodyanskoe Settlement of the Golden Horde Time (Based on the Christian Part of the Cemetery)]. *Nizhnevolzhskij arheologicheskij vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2014, iss. 14, pp. 102-111.

5. Balabanova M.A. Strategiya vyzhivaniya v kochevyh obshhestvakh Vostochnoj Evropy v drevnostii v srednevekovye [Survival Strategy in Nomadic Societies of the Eastern Europe in Ancient Time and the Middle Ages]. Matveeva N.P., ed. *Ekologiya drevnikh i tradicionnykh obshhestv. Vyp. 5. V 2 ch. Ch. 1* [Ecology of Ancient and Traditional Societies. Iss. 5. In 2 Pts. Pt. 1]. Tyumen, Izd-vo TyumGU, 2016, pp. 15-18.

6. Balabanova M.A., Pererva E.V., Zubareva E.G. *Antropologiya Krasnoyarskogo gorodishcha epohi Zolotoj Ordy* [Anthropology of the Krasnoyarskoe Settlement of the Golden Horde Time]. Volgograd, Volgogr. fil. RANHiGS Publ., 2011. 180 p.

7. Balabanova M.A., Klepikov V.M., Korobkova E.A., Krivosheev M.V., Pererva E.V., Skripkin A.S. *Polovozrastnaya struktura sarmatskogo naseleniya Nizhnego Povolzhya: pogrebalnaya obryadnost i antropologiya* [The Sex and Age Structure of the Sarmatian Population of the Lower Volga Region: Funeral Rituals and Anthropology]. Volgograd, Volgogr. fil. RANHiGS Publ., 2015. 272 p.

8. Belinskaya K.Y. Klassifikaciya drevnetyurkskih zhenskikh zahoronenij Gornogo Altaya [Classification of Ancient Turkic Female Burials in Gorny Altai]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2007, vol. 6, iss. 3, pp. 199-204.

9. Bichurin N.Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena. T. 1* [Collection of Information About the Peoples Who Lived in Central Asia in Ancient Times. Vol. 2]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1950. 335 p.

10. Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Kozlovskaya M.V. Demograficheskaya i socialnaya struktura srednevekovoj populyacii [Demographic and

Social Structure of the Medieval Population]. *Novoharkovskij mogilnik epohi Zolotoj Ordy* [Novokharkiv Cemetery of the Golden Horde Era]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2002, pp. 168-175.

11. Butanaev V.Ya. Pogrebalno-pominalnye obryady hakasov v XIX – nachale XX vv. [Funeral and Memorial Rites of the Khakas in the 19th – Early 20th Centuries]. *Istoriko-kulturnye svyazi narodov Yuzhnoj Sibiri* [Historical and Cultural Ties of the Peoples of Southern Siberia]. Abakan, Hakas. nauch.-issled. in-t yaz., lit. i istorii Publ., 1988, pp. 107-132.

12. Vasyutin S.A. Vozrastnaya differenciatsiya v rannesrednevekovykh pogrebalnykh kompleksakh kochevnikov Sayano-Altaya [Age Differentiation in the Early Medieval Burial Complexes of the Sayano-Altai Nomads]. *Rol estestvennonauchnykh metodov v arheologicheskikh issledovaniyakh* [The Role of Natural Science Methods in Archaeological Research]. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2009, pp. 198-201.

13. Verbickij V.I. *Altajskie inorodcy* [Altai Aliens]. Moscow, Skoropechatni A. A. Levensona 1893. XIV. 221 p.

14. Voitov V.E. *Drevnetiurkskii panteon i model mirozdaniia v kultovopominalnykh pamiatnikakh Mongolii VI–VIII vv.* [Ancient Turkic Pantheon and Model of the Universe in Cult and Memorial Monuments of Mongolia]. Moscow, Gos. muzey Vostoka, 1996. 150 p.

15. Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov, ih zhitejskikh obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. Ch. 1, 4* [Description of All the Peoples Living in the Russian State, Their Daily Rituals, Customs, Clothes, Dwellings, Exercises, Amusements, Faiths and Other Memorabilia. Pts. 1, 4]. Saint Petersburg, Imp. Akad. nauk, 1799. 434 p.

16. Grachev I.A. Pohoronnye obryady hakasov v XVIII – nachale XX v. [Funeral Rites of the Khakas in the 18th – Early 20th Century]. *Ot bytiya k inobytiyu: Folklor i pogrebalnyj ritual v tradicionnykh kulturakh Sibiri i Ameriki* [From Existence to Otherness: Folklore and funeral Ritual in the Traditional Cultures of Siberia and America]. Saint Petersburg, Kuntskamera Publ., 2010, pp. 303-331.

17. Gyrgeeva K.A. K pogrebalnoj obryadnosti buryatskogo shamana: sposob kremacii [On the Funeral Rites of the Buryat Shaman: Method of Cremation]. *Sibirskij sbornik – 1: Pogrebalnyj obryad narodov Sibiri i sopredelnykh territorij. Kn. 2* [Siberian Collection – 1: Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book 2]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii Ros. akad. nauk, 2009, pp. 147-151.

18. Dyakonova V.P. *Pogrebalnyj obryad tuvincev kak istoriko-etnograficheskij istochnik* [The Funeral Rite of the Tuvinians as a Historical and Ethnographic Source]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 164 p.

19. Iskakov K.A., Umitkaliev U.U., Tleugabulov D.T., Dukombajev A.T. Predvaritelnoe sohranenie tel umershih v pogrebalnoj obryadnosti kazahov (po materialam arheologicheskikh, istoricheskikh i folklorno-literaturnykh istochnikov) [Preliminary Preservation of the Bodies of the Deceased in the Funeral Rites of Kazakhs (Based on the Materials of Archaeological, Historical and Folklore-Literary Sources)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], 2022, vol. 21, no. 7, pp. 150-162. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-7-150-162
20. Katanov N.F. O pogrebalnykh obryadah u tyurkskikh plemyon s drevnejshih vremyon do nashih dnei [On Funeral Rites Among Turkic Tribes from Ancient Times to the Present Day]. *Izvestiya Obshchestva arheologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete. T. XII, vyp. 2* [Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at the Kazan University. Vol. 12, iss. 2]. Kazan, Tip. Imp. un-ta, 1894, pp. 109-142.
21. Kiselev S.V. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoj Sibiri* [Ancient History of South Siberia]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. 642 p.
22. Kon F.Ya. Predvaritelnyj otchet po ekspedicii v Uryanhajskuyu zemlyu [Preliminary Report on the Expedition to Urianhai Land]. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Russian Geographical Society], 1904, vol. XXXIV, no. 1-2, pp. 19-69.
23. Kostenko L.F. *Turkestanskij kraj: Opyt voenno-statisticheskogo obozreniya Turkestanskogo voennogo okruga. Materialy dlya geografii i statistiki* [Turkestan Region: Experience of the Military Statistical Review of the Turkestan Military District. Materials for Geography and Statistics]. Saint Petersburg, tip. t-va «Obshchestvennaya polza», 1880, vol. 1. 356 p.
24. Kruglov E.V. Pechenegi i oguzy: nekotorye problemy arheologicheskikh istochnikov [Pecheneg and Oguze Tribes: Certain Problems of Archaeological Sources]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekovya. Polovecko-zolotoordynskoe vremya* [The European Steppes in the Middle Ages. The Polovets and Golden Horde Times]. Donetsk, Donets. nats. un-t, 2003, pp. 13-82.
25. Kubarev V.D. *Kurgany Ulandryka* [Ulandryk Mounds]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987. 304 p.
26. Kubarev G.Ya. *Kultura drevnih tyurok. Po materialam pogrebalnykh pamyatnikov* [Culture of Ancient Turks of Altai (On Materials of Funeral Sites)]. Novosibirsk, Izd-vo In-ta arkheologii i etnografii Sib. otd-niya Ros. akad. nauk, 2005. 400 p.
27. Kyzlasov L.R. Dnevnekhakasskaya kultura chaatas VI–IX vv. [The Late Khakass Culture of Chaatas of the 6th – 9th Centuries]. *Stepi Evrazii v epokhu srednevekovya* [Steppes of Eurasia in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 46-52.
28. Mitko O.A. Kremaciya v pogrebalnoj obryadnosti telengitov (po materialam etnograficheskikh nablyudenij) [Cremation in the Funeral Rite of the Telengites (Based on Ethnographic Observations)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of the NSU. Series: History, Philology], 2009, vol. 8, iss. 3, pp. 260-267.
29. Myskov E.P. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepey v epokhu Zolotoy Ordyy* [Nomads of the Volga-Don Steppes in the Era of the Golden Horde]. Volgograd, Volgogr. fil. RANHiGS Publ., 2015. 484 p.
30. Pavlinskaya L.R. Tipy i sposoby pogrebeniya u narodov Sibiri v kontekste predstavlenij o «potustoronnem mire» [Types and Methods of Burial Among the Peoples of Siberia in the Context of Ideas About the “Other World”]. *Sibirskij sbornik – 1: pogrebalnyj obryad narodov Sibiri i sopredelnykh territorij. Kn. 1* [Siberian Collection – 1: The Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book 1]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii, 2009, pp. 29-33.
31. Pererva E.V. Kochevoe naselenie Nizhnego Povolzhya vtoroy poloviny XIII – XIV v. po rezultatam paleopatologicheskogo issledovaniya [Nomadic Population of the Lower Volga Region Second Half of the 13th – 14th Centuries According to the Results of Paleopathological Research]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], 2022, vol. 21, no. 1, pp. 208-243. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2022.1.11>
32. Pletneva S.A. Kochevnicheskij mogilnik bliz Sarkela-Beloj Vezhi [Nomadic Burial Ground Near Sarkel – Belaya Vezha]. *Trudy Volgo-Donskoj arkheologicheskoy ekspedicii. T. III, № 109* [Proceedings of the Volgodonsk Archaeological Expedition. Vol. 3, no. 109]. Moscow; Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1963, pp. 216-259.
33. Potapov L.P. Materialy po etnografii tuvincev rajona Mongun-Tajgi i Kara-Holya [Materials on the Ethnography of Tuvans of the Mongun-Taiga and Kara-Khol Regions]. *Trudy Tuvinskoj kompleksnoj arheologo-etnograficheskoy ekspedicii Akademii nauk SSSR* [Proceedings of the Tuvan Complex Archaeological and Ethnographic Expedition of the USSR Academy of Sciences]. Moscow; Leningrad, s. n., 1960, vol. 1, pp. 171-237.
34. Prokofyeva E.G. Nekotorye religioznye kulty tazovskikh selkupov [Some Religious Cults of the Taz Selkups]. *Pamyatniki kultury narodov Sibiri i Severa (vtoraya polovina XIX nachala XX v.)*

[Cultural Monuments of the Peoples of Siberia and the North (The Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Leningrad, Nauka Publ., 1977, vol. XXXIII, pp. 66-79.

35. Rassadin I.V. O pohoronnom obryade i tipah zahoroneniya u tofalarov [On the Funeral Rite and Types of Burial Among Tofalars]. *Sibirskij sbornik – 1: Pogrebalnyj obryad narodov Sibiri i sopredelnyh territorij. Kn. 2* [Siberian Collection – 1: Funeral Rite of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories. Book 2]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii, 2009, pp. 157-160.

36. Samashev Z. Kultura rannih tyurkov Kazahskogo Altaya (po materialam nekropolia Karakaba) [The Culture of the Early Nomads of the Kazakh Altai (Based on the Materials of the Karakaba Necropolis)]. *Voskhozhdenie k vershinam arheologii* [Ascension to the Crowns of Archeology]. Almaty, s. n., 2014, pp. 669-690.

37. Sapuhina E.A. Demograficheskie osobennosti naseleniya Carevskogo gorodishcha i ego okrug [Demographic Characteristics of the Population of the Tsarevskoye Settlement and Its Surroundings]. *Mezhdunarodnaya polevaya shkola v Bolgare* [International Field School in Bolgar]. Kazan, Bolgar, s. n., 2014, pp. 105-109.

38. *Semejnaya obryadnost narodov Sibiri: opyt sravnitel'nogo izucheniya* [Family Rituals of the Peoples of Siberia: The Experience of Comparative Study]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 240 p.

39. Seregin N.N. Struktura sociuma rannesrednevekovykh tyurok Altae-Sayanskogo regiona (po materialam pogrebalnykh kompleksov) [Society Structure of Medieval Turks in Altai-Sayan Region (On Materials of Funeral Complexes)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography], 2016, no. 1 (32), pp. 66-77. DOI: <https://doi.org/10.20874/2071-0437-2016-32-1-066-077>

40. Seregin N.N., Matrenin S.S. *Pogrebalnyi obryad kochevnikov Altaya vo II v. do n.e. – XI v. n.e.* [Funeral Rite of Altai Nomads in the 2nd Century BC – 11th Century AD]. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2016. 272 p.

41. Seregin N.N., Matrenin S.S. *Sotsialnaya istoriya naseleniya Altaya v epokhu kochevykh imperiy (II v. do n.e. – XIV v. n.e.): po materialam arheologicheskikh kompleksov* [Social History of the Altai Population in the Era of Nomadic Empires (The 2nd Century BC – 14th Century AD): Based on Materials from Archaeological Complexes]. Barnaul, Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2020. 268 p.

42. Sitnyanskij G.Yu. O proiskhozhdenii drevnego kirgizskogo pogrebalnogo obryada [On the Origin of the Ancient Kyrgyz Funeral Rite]. *Sredneaziatskij*

etnograficheskij sbornik. Vyp. IV [Central Asian Ethnographic Collection. Iss. 4]. Moscow, Nauka Publ., 2001, pp. 175-180.

43. Sokolova Z.P. O nekotorykh pogrebalnykh obryadah severnykh hantov i mansi [About Some Funeral Rites of the Northern Khanty and Mansi]. *Etnografiya narodov Altaya i Zapadnoj Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, pp. 169-175.

44. Stasevich I.V. Sovremennaya pogrebalno-pominalnaya obryadnost kazahov i kirgizov v sravnitel'no-istoricheskom aspekte [Modern Funeral and Memorial Rituals of the Kazakhs and Kirghiz in a Comparative Historical Aspect]. *Lavrovskij sbornik: etnologiya, istoriya, arheologiya, kulturologiya (2012–2013)* [Lavrovsky Collection: Ethnology, History, Archeology, Cultural Studies (2012–2013)]. Saint Petersburg, Izd-vo Muzei antropologii i etnografii, 2013, pp. 582-587.

45. Suvorova A.S. Formy pogrebeniya buryat [Buryat Burial Forms]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 2012, no. 14, pp. 160-164.

46. Tishin V.V., Seregin N.N. Vozrastnaya differenciatsiya u drevnykh tyurkov VI–X vv.: opyt kompleksnogo analiza [Age Differentiation Among the Ancient Turks of the 6th – 10th Centuries: The Experience of a Comprehensive Analysis]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2016, no. 1, pp. 136-152.

47. Fielstrup F.A. *Iz obryadovoj zhizni kirgizov nachala XX veka* [From the Ritual Life of the Kirghiz People of the Early 20th Century]. Moscow, Nauka Publ., 2002. 300 p.

48. Cydenova D.C. Pohoronno-pogrebalnyj obryad aginskih buryat [Funeral and Burial Rites of the Agin Buryats]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture], 2007, iss. 18, pp. 325-346.

49. Shatinova N.I. *Semya altajcev* [The Altai Family]. Gorno-Altaysk, Alt. kn. izd-vo, 1981. 184 p.

50. Yablonskij L.T. K paleodemografii srednevekovogo goroda Saraj-Batu (Selitrennoe gorodishche) [On the Paleodemography of the Medieval City of Sarai-Batu (Selitrennoe gorodishche)] *Sovetskaya arheologiya*, 1980, no. 1, pp. 142-148.

51. Yakovlev E.K. *Etnograficheskij obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i obyasnitelnyj katalog etnograficheskogo otdela muzeya* [An Ethnographic Review of the Non-Native Population of the Southern Yenisei Valley and an Explanatory Catalog of the Ethnographic Department of the Museum]. Minusinsk, Tip. V. I. Kornakova. 1900. 357 p.

Information About the Author

Maria A. Balabanova, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Russian and World History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

Информация об авторе

Мария Афанасьевна Балабанова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, mary.balabanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1565-474X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.4>

UDC 94(37):314.742

LBC 63.3(0)323-27

Submitted: 08.05.2025

Accepted: 15.08.2025

EVIDENCE OF THE RELOCATION OF THE POPULATION FROM THE EAST (HELLENIC-SPEAKING COUNTRIES) TO THE MUNICIPIUM DARDANORUM IN THE SOUTH OF THE PROVINCE OF UPPER MOESIA

Gligor Samardžić

University of Pristina, Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia

Abstract. *Introduction.* In this paper, evidence is presented about the relocation of certain citizens of oriental origin to the *Municipium Dardanorum* in Dardania. The territory of Dardania, which included today's Kosovo and Metohija, belonged to Upper Moesia (86 CE). These territorial changes also caused ethnic changes in the south of Upper Moesia, about which we do not have enough information. The previous period was marked by events related to the military conquest of Dardania, while the upcoming period, from the second half of the 1st century CE, is typical of the penetration of Roman culture and civilization into the Balkans and work on the organization of administration in Upper Moesia. *Methods and materials.* The article focuses on the analysis of mainly epigraphic material: these are inscriptions on tombstones, altars, and temple slabs from the Roman era. *Analysis and results.* The political and economic occupation of these areas was carried out by organizing the administration, building roads, establishing colonies and municipia, settling the Italic population and veterans, and granting civil rights to individual members of the local population, as well as settling the population of eastern origin. It is believed that the local population was unable to meet the increased need for labor in the mines, or rather in the production of precious metals, so a number of new residents of oriental origin (Asia Minor region) were relocated (by imperial decree) in an organized manner to the Roman settlement near the present-day village of Sočanica (*Municipium Dardanorum*). The original data that is the basis of research on the population structure of the Roman provinces, and thus Upper Moesia, is almost exclusively based on the epigraphic texts. Epigraphic monuments mentioning persons of oriental origin, dated to the reigns of Antoninus (98–192 CE) and Severus (193–235 CE), are especially important. The names and naming formulas contained in the inscriptions allow us to draw conclusions about the regional and ethnic origin and legal and social status of individuals, as well as the degree of Romanization. *Funding.* This research was supported by the Ministry of Science, Technological Development, and Innovation of the Republic of Serbia (Contract No. 451-03-136/2025-03200184).

Key words: oriental population, relocation, Dardania, *Municipium Dardanorum*, Upper Moesia, Kosovo and Metohija.

Citation. Samardžić G. Evidence of the Relocation of the Population from the East (Hellenic-Speaking Countries) to the Municipium Dardanorum in the South of the Province of Upper Moesia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 52-58. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.4>

УДК 94(37):314.742

ББК 63.3(0)323-27

Дата поступления статьи: 08.05.2025

Дата принятия статьи: 15.08.2025

СВИДЕТЕЛЬСТВА МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ С ВОСТОКА (ЭЛЛИНОЯЗЫЧНЫХ СТРАН) В МУНИЦИПАЛИТЕТ ДАРДАНОРУМ НА ЮГЕ ПРОВИНЦИИ ВЕРХНЯЯ МЕЗИЯ

Глигор Самарджич

Приштинский университет, г. Косовска-Митровица, Республика Сербия

Аннотация. Введение. В этой статье представлены свидетельства о миграции граждан восточного происхождения в муниципалитет Дарданорум в Дардании. Территория Дардании, которая включала сегодняшние Косово и Метохию, принадлежала Верхней Мезии (86 г. н. э.). Эти территориальные изменения также вызвали этнические изменения на юге Верхней Мезии, о которых у нас недостаточно информации. Предыдущий период был отмечен событиями, связанными с военным завоеванием Дардании, вместе с тем время, начиная со второй половины I в. н. э., является типичным для проникновения римской культуры и цивилизации на Балканы и работы по организации управления в Верхней Мезии. *Методы и материалы.* В статье уделяется внимание анализу преимущественно эпиграфического материала – надписей на надгробьях, алтаре, храмовых плитах римской эпохи. *Анализ и результаты.* Политическая и экономическая оккупация этих районов осуществлялась путем организации администрации, строительства дорог, создания колоний и муниципалитетов, расселения италийского населения и ветеранов, предоставления гражданских прав отдельным представителям местного населения, а также расселения населения восточного происхождения. Считается, что местное население не могло удовлетворить возросший спрос на рабочую силу в рудниках, а точнее, в добыче драгоценных металлов, поэтому часть новых жителей восточного происхождения (из Малой Азии) была переселена (по императорскому указу) в римское поселение муниципалитет Дарданорум (сегодня это деревня Сочаница). Исходные данные, лежащие в основе исследований структуры населения римских провинций и, следовательно, Верхней Мезии, почти исключительно основаны на эпиграфических текстах. Особенно важны эпиграфические памятники, упоминающие лиц восточного происхождения, датируемые правлениями Антонина (98–192 гг. н. э.) и Севера (193–235 гг. н. э.). Имена и формулы присвоения имен, содержащиеся в надписях, позволяют нам сделать выводы о региональном и этническом происхождении, правовом и социальном статусе отдельных лиц, а также степени латинизации. *Финансирование.* Данное исследование поддержано Министерством науки, технологического развития и инноваций Республики Сербия (контракт № 451-03-136/2025-03200184).

Ключевые слова: восточное население, миграция, Дардания, муниципалитет Дарданорум, Верхняя Мезия, Косово и Метохия.

Цитирование. Самарджич Г. Свидетельства миграции населения с Востока (эллиноязычных стран) в муниципалитет Дарданорум на юге провинции Верхняя Мезия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 52–58. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.4>

Introduction. The end of the campaign of Marcus Licinius Crassus against the Bastarnae and their allies in 28 BCE is taken as the end of Dardanian independence. The regions north of this area, up to the Danube, were probably organized then as the province of Moesia in the first years of the Principate (from 12 CE to 15 CE). Thus, the present-day area of Kosovo and Metohija found itself within the borders of the Roman state. After the division of Moesia into two provinces in the first years of Domitian's reign (81–96 CE), Kosovo and Metohija belonged to Upper Moesia, forming its southwestern part, which bordered on the west with the province of Dalmatia and on the south with Macedonia [2, ill. 30, 86; 12, p. 317; 22, p. 22; 25, pp. 49–50; 26, pp. 82–85; 30; 31, pp. 163, 192; 35, pp. 17–29; 37; 38; 39; 40; 47, vol. I, p. 80; vol. VI, p. 39; 46, pp. 512–513].

It is believed that the area of Kosovo and Metohija was appealing in Roman times for several reasons: for strategic military-political reasons, due to the large mineral wealth,

especially on the slopes of Kopaonik (Sokoljača), Rogozna, and Kukavica (Plakaonica, Grebna, Grkalje), and also because of the agricultural potential of the plains in Kosovo and in the Metohija valley. The first reliable data on the settlement of Roman citizens in the present-day territory of Kosovo and Metohija come from the end of the 1st and the beginning of the 2nd century CE, when the process of their increased relocation began. It is believed that the main reasons for their settlement in these areas of the province of Upper Moesia lay in the increased needs of the Empire for silver, gold, and zinc ore in order to maintain its monetary system. The empire organized these regions as imperial domains and mining regions, trying to initiate the exploitation of their mineral wealth. One such center was organized in the center of the Ibar region, most likely near the present-day village of Sočanica (*Municipium Dardanorum*) [5, p. 50; 7, p. 57; 8, pp. 163–177; 9, pp. 27–30; 13; 15; 20, p. 252, no. 242 (41); 29, p. 181, no. 65; 35, pp. 184–199; 36, pp. 127–137; 37; 38; 39].

The archaeological finds discovered in the settlement near Sočanica testify that it existed from the end of the 1st to the first half of the 4th century. The serious crisis that the Empire was faced with after the Severan dynasty (193–235 CE), during the era of the barracks emperors (235–284 CE), did not spare this city either. If we add the rapid decline of towns and the reduction of the population, the causes that led to the end of life in the settlement, based on the mining activity, become understandable. With the end of life, the reasons for its existence also disappeared [5, p. 83; 21, p. 356; 35, pp. 184–199].

Analysis and criticism of epigraphic materials. Archaeological research has confirmed the assumption regarding the existence of a Roman settlement near today's village of Sočanica, but its exact name and location remain unknown. Hierocles mentioned the towns of Scupi, Ulpiana, and Merium or Merion in Dardania [16, 655, 7]. According to Mócsy, Merium or Merion was the original name of the settlement near Sočanica [25, p. 44]. Three epigraphic monuments indicate the status of the settlement and also provide some information about its possible name. The first is a fragment of a tombstone that the decurion of the municipality, whose abbreviated name was *DD*, erected for his wife (1.25 × 0.50 × 0.60 m). The text of the damaged inscription reads: *Sta[- - -]la[- - -]a[- - -]fave[- - -] / vixit ann[is] VI [- - -] / M(arcus) Aurel(ius) Felicianus / dec(urio) mun(icipii) D(ar)d(anorum) coniugi / rarissimae b(ene) m(erenti) f(ecit)* [3, 8297; 10, p. 56, fig. 27; 5, p. 62, no. 1; 21, p. 349]. The *nomen gentilicium* Aurelius provides only a *terminus post quem* for dating the monument, which is the reign of Marcus Aurelius (161–180 CE). Some researchers believe that it was built in the 3rd century [20, p. 270, no. 352 (46); 21, p. 349]. A fragment of a sandstone slab with a poorly preserved inscription was discovered in the rubble in the atrium of a basilica. The inscription reads: *[- - -] / [- - -]O[- - -] / [- - -] mun(icipii) D(ar)d(anorum) [- - -] / [- - -] Herculanus [- - -] / [- - -]MO[- - -] / [- - -]* [43, 517; 5, p. 66, no. 17]. Traces of mortar suggest that it was used as a building material. The next testimony to the status of the settlement is an altar (0.98 × 0.37 × 0.31 m) from the village of Slatina near Sočanica. The text of the inscription reads: *I(ovi) O(ptimo) M(aximo) et Nemesi / Reg(inae)*

Genio / stat(ionis) m(unicipii) Dard(anorum) / Sep(timius) Vitalis / b(ene)f(iciarius) co(n)s(ularis) leg(ionis) / VII Cl(audiae) v(otum) l(ibens) s(olvit) [5, p. 63, no. 8; 21, p. 349; 43, 69 = 41, 602; 49, p. 102, no. 223]. Septimius Vitalis is believed to have lived in the first half of the 3rd century [5, p. 63, no. 8; 20, p. 270, no. 353 (47)].

All three mentioned epigraphic monuments mention a municipium. Therefore, it is assumed that the Roman settlement somewhere near the village of Sočanica had the status of a municipium. The abbreviation *DD* on these inscriptions is read as *D(ar)d(anorum)*. Since the same wording, *MVNDD* is mentioned on monuments of different characters and apparently of different times of production, it is considered that this abbreviation already contained well-known geographical terms. Čerškov and Mirdita believe that the cause should also be found in the fact that the monuments originate from the innermost town area, so the radical shortening of the name was understandable for local use. Finally, these researchers believe that the location of the Roman municipium *DD* is no longer questionable. It (*Municipium Dardanorum*) was located in the center of the ore-bearing area of Rogozna and Kopaonik, and its remains can be identified with the ruins of a construction complex near the village of Sočanica in the Ibar valley [5, p. 63, no. 8; 21, p. 349]. However, Dušanić's conclusion is completely different. He believes that only the center of the imperial mines was located in the village of Sočanica and that the *Municipium Dardanorum* was in Bresje (2 km south of the village of Sočanica), where a votive altar was found with the words *statio m( ) Dard(anorum)* [43, 69; 6, p. 253].

At the end of the 1st century, when the settlement of the area of Kosovo and Metohija, i.e., the southern area of Dardania in Upper Moesia, began, the Romans began to exploit mining areas. They found mines in these regions that were exploited by the Dardani; they increased production and made them the basis of their economy in the area of Kosovo and Metohija [5, p. 50]. The Ibar mining region includes the Rogozna mountain massifs and the southern and southeastern slopes of Kopaonik. The *Municipium Dardanorum* (a Roman settlement near the village of Sočanica) was built at the foot of these mining areas, which

became the main mining center of the Ibar region [34, p. 27]. In addition to the small local population, freedmen and slaves of foreign origin worked in the Dardanian mines, who were relocated from different areas for the purpose of greater exploitation of mineral wealth. This is evidenced by examples from the wider area of the *Municipium Dardanorum* [4, p. 57].

Among the finds that indicate the importance of the settlement near Sočanica as a mining center and the presence of settlers, it is necessary to mention the marble slab with an inscription ($0.60 \times 0.50 \times 0.09$ m) discovered in the porch of the temple on a forum (in the village of Sočanica). This is a votive inscription that testifies to the construction of a temple to the deified Antinous and a mine procurator [5, pp. 65-66; 6, pp. 241-247]. The text of the inscription reads: *Antinoos He[roi aedem (?) iussu] / Imp(eratoris) Caesaris T[raiani Hadriani Aug(usti)] / et L. Aelii [Caesaris Aug(usti) f(ili)] / coloni arg[entariarum Dardanicarum ?] / curante Telesph[oro proc(uratore) Aug(usti) lib(erto) fec(erunt)]*. Based on the mention of Hadrian's stepson Lucius Aelius, the inscription is dated to 136–137 CE, during the short period of their joint reign [5, pp. 65-66, no. 15; 6, pp. 241-247; 20, pp. 266-267, no. 331 (25); 32, p. 131, no. 12; 44, 501]. The *Coloni* from the silver mines of Dardania most likely took care of this undertaking (*argentariae Dardanae*). Dušanić believes that the *coloni*, who erected the monument, were from Bithynia, since the Bithynians, as experts in working in quarries and mines, were already witnessed in Dacia, in the iron mines near Malo Trnovo, as well as the possible migration of a large number of inhabitants of northwest Asia Minor, an area quite close to Antinous' homeland, headed by a mining procurator [6, p. 255]. Although part of the name of the mine is missing, scholars assume that these are the silver mines of Dardania [6, pp. 246, 255]. The mine procurator could have been from the Hellenic-speaking provinces of the Roman Empire, as indicated by his Greek name, *Telesphorus* [18, vol. I, IIA, IIIA, IIIB, IV, VA]. It is important to emphasize that the monument states that he was the imperial procurator who worked from the settlement near Sočanica [8, p. 172], which means that the Dardania mines were part of the imperial fiscus and were not leased to private individuals (conductors).

It is believed that the migration of a large number of inhabitants from northwestern Asia Minor (freedmen and slaves from large imperial estates) at Hadrian's request would have coincided (before 136–137 CE) with the time of the construction of a temple in the Roman settlement of Sočanica. Dušanić states that such conclusions are supported by an epigraphic monument found in Prizren [6, p. 255; 43, 531a]. Certain researchers dated the inscription to the second half of the 2nd century or the first half of the 3rd century [20, p. 262, no. 303 (8)], whereas Dušanić pointed out that nothing more precise can be said about the date [6, p. 256]. *Iuppiter Melanus*, mentioned on this monument, may be analogous to Zeus with the epithet Melenus, attested on Trajan's coin from the city of Dorylaeum in Asia Minor [6, pp. 256-257; 14, pp. 129-130]. This would indicate the claim that the dedicators of the monument from Prizren moved from Asia Minor. The presence of inhabitants from the east in Dardania is linked to work in the mines [6, pp. 256-257].

About 20 km northwest of Sočanica, at the site of Rudnica, a tombstone ($0.138 \times 0.62 \times 0.8$ m) was discovered with the following inscription: *D(is) M(anibus) / Fl(aviae) Atalantes / vix(it) annis L / P. Aelius Aug(usti) / l(ibertus) Menander / (contrascriptor) officinar(um) / coniug(i) pientis(simae) / b(ene) m(erenti) / h(ic) s(ita) e(st) [3, 14606 = 45, 1378; 5, p. 68, no. 28; 33, pp. 166-167, no. 66; 20, p. 265, no. 318 (12)]*. The *nomen gentilicium* Aelius provides only a *terminus post quem* for dating the monument, which is the reign of Emperor Hadrian (117–138 CE). The cognomen Menander is of Greek origin and is known everywhere, especially in Italy [1, p. 245]. Publius Aelius Menander was an imperial freedman and worked as a *contrascriptor* in an ore smelter controlled by the emperor [17, p. 357].

A fragment of a marble tombstone ($0.60 \times 0.38 \times 0.16$ m) with a damaged inscription was discovered in the village of Sočanica. The text reads: *D(is) [M(anibus)] / Aeli[- - -] / vixit [annis] / XXXXV[- - - m(ensibus) - - -] / d(iebus) XVI[- - -] / Teles[- - -] / [- - -]s[- - -] / [- - -] [5, p. 62, no. 4; 45, 1383; 48, p. 93, no. 218]*. The *nomen gentilicium* Aelius provides a *terminus post quem* for dating the monument, which is the reign of Emperor Hadrian (117–138 CE). The name in the sixth line can also be completed as

Teles[phorus] [18, vol. I, IIA, IIIA, IIIB, IV, VA]. Some of them are *Telesinus*, *Telesphorianus*, *Telesphoris*, etc. [28, p. 111]. We could assume that the dedicator's family originated from some of the eastern provinces (Hellenic-speaking countries) of the Roman Empire. A colonist from the east was also discovered on the monument, which was discovered in Prizren. The monument is dated to the 2nd century [21, p. 192, no. 1; 22, p. 261, no. 297 (2); 43, 1438; 48, p. 133, no. 322]. The monument is dedicated to Telesphorus, Hygia, Asclepius, the Genius of the cohort, and the genius of Dolichen [24, p. 49, no. 9; 23, pp. 129-131; 27, p. 278]. It is assumed that the dedicator, Surus, may have been originally from Syria. The researchers concluded that most likely the dedication to the Genius of Dolichen, with the epithet *paternus deus*, is in fact a dedication to the deity of the native region [11, p. 474; 23, p. 128; 42, p. 182].

Results. Evidence from the *Municipium Dardanorum* that mentions settlers of eastern origin (Hellenic-speaking provinces of the Roman Empire) dates from the reigns of the Antonine (98–192 CE) and Severus (193–235 CE) dynasties. It is believed that this refers to the population that was relocated (by imperial decree) from the eastern provinces of the Empire to the Roman settlement near the present-day village of Sočanica (south of Upper Moesia). In the south of Upper Moesia, one of the colonists of eastern origin is Telesphorus, the procurator of the mines in the vicinity of the *Municipium Dardanorum*. His name is recorded on a votive inscription dedicated to Antinous in 136–137 CE, which was found in Sočanica. It is believed that the settlers from Bithynia erected this monument, because the cult of the deified young man was particularly widespread there. Such examples of the settlement of population from the eastern provinces of the Empire in mining towns were recorded in Ulpiana, as well as in other Roman provinces. It is believed that the relocation of a large number of inhabitants from northwestern Asia Minor (freedmen and slaves from large imperial estates) at Hadrian's request would have coincided (before 136–137 CE) with the time of the construction of a temple in the Roman settlement of Sočanica. The claims about the settlement of inhabitants of eastern origin to the south of Upper Moesia are also supported by the

fragment of the tombstone found in Sočanica with an incomplete name that can be completed as *Teles[inus]*, *Teles[phorianus]*, and *Teles[phoris]*. It is also confirmed by a *stela* from the Rudnica site north of the village of Sočanica. It mentions Publius Aelius Menander, an imperial freedman, who worked (*contrascriptor*) in an ore smelter. The cognomen *Menander* is of Greek origin and is known everywhere, especially in Italy.

The epigraphic evidence discovered so far indicates that the arrival of inhabitants of eastern origin in the *Municipium Dardanorum* was most likely connected with work in the mines. It is believed that this resettlement of the population of eastern origin was supposed to contribute to more fruitful production in the mines in the south of Upper Moesia. It is assumed that the policy of relocating the population of eastern origin into this area during the reign of Antoninus and Severus was connected with the intensive exploitation of mineral wealth in the area of Upper Moesia, since this was a period of serious crisis when the reserves of precious metals, largely all silver, in Spanish and British mines were exhausted.

ABBREVIATIONS

- AE* – L' Année épigraphique. Revue des publications épigraphiques relatives à l'Antiquité romaine. Paris, 1972.
- ANRW* – Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung. Berlin, New York, 1977, 1979.
- CBFIR* – Schallmayer E. et al. Corpus der griechischen und lateinischen Beneficiärer-Inschriften des Römischen Reiches. Der römische Weihebezirk von Osterburken I. Stuttgart, 1990.
- CIL* – Corpus Inscriptiones Latinarum. Berolini, 1873.
- ILJug* – Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia. Ljubljana, 1963, 1978, 1986.
- IMS* – Inscriptions de la Mésie supérieure. Vol. I. Beograd, 1976.
- JÖAI* – Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien. Wien, 1900.
- LPGN* – Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I, IIA, IIIA, IIIB, IV, IVA, VA. Oxford, 1988, 1998, 2001, 2005, 2010.
- OPEL* – Onomasticon provinciarum Europae Latinarum. Vols. I–IV. Budapest, Wien, 1994, 1990, 2000, 2002.

REFERENCES

1. Alföldy G. *Die Personennamen in der römischen Provinz Dalmatia*. Heidelberg, Carl Winter Universitätsverlag, 1969. 400 p.
2. Appiani. *Romanorum Historiarum quae supersunt*. Paris, Ed. Firmin Diodot, 1877. 616 p.
3. Corpus Inscriptionum Latinarum. *Consilio et auctoritate Academiae litterarum regiae Borussicae editum*. Berolini, Ed. Th. Mommsen, 1873, vol. III, 8297, 14606.
4. Čerškov E. *Rimljani na Kosovu i Metohiji*. Priština, Beograd, Muzej Kosova, Arheološko društvo Jugoslavije, 1969. 139 p., 22 ill.
5. Čerškov E. *Municipium DD kod Sočanice*. Priština, Beograd, Muzej Kosova, Arheološko društvo Jugoslavije, 1970. 89 p.
6. Dušanić S. Нови Антинојев натпис и метала municipii Dardanorum [New Antinous' Inscription and metalla municipii Dardanorum]. *Živa antika* [Living Antiquity], 1971, god. XXI, sv. 1, pp. 241-261.
7. Dušanić S. Aspect of Roman Mining in Noricum, Panonia, Dalmatia and Moesia Superior. *ANRW*, 1977, vol. II, no. 6, pp. 52-94.
8. Dušanić S. Iz istorije rimskog rudarstva u Gornjoj Meziji [From the History of Roman Mining in Upper Moesia]. *Arheološki vestnik*, 1977, vol. XXVIII, pp. 163-179.
9. Dušanić S. Организација римског рударства у Норику, Панонији, Далмацији и Горњој Межији [The Organization of Roman Mining in Noricum, Pannonia, Dalmatia, and Upper Moesia]. *Историјски гласник* [Historical Herald], 1980, vol. 1–2, pp. 7-56.
10. Evans A.J. *Antiquarian Researches in Illyricum*. Vols. III–IV. Vestminster, Nichols & Sons, 1885. 168 p.
11. Ferjančić S. Religija rimske vojske u Gornjoj Meziji: epigrafska svedočanstva. Gadjanski K.M., ur. *Antička kultura, evropsko i srpsko nasleđe*. Beograd, Zbornik radova, Društvo za antičke studije Srbije, 2010, pp. 465-479.
12. Ferjančić S. *Ale i kohorte u vojsci rimskih provincija Mezije i Dakije od I do III veka n.e.* Beograd, Društvo za antičke studije Srbije, 2018. 392 p.
13. Goddard C.J., Dabas M., Hajdari A., Berisha M., Mukai T., Bernollin V., Jedrusiak F., Laenger A. D'Ulpiana à Iustiniana secunda, d'une cité à l'autre dans l'Antiquité tardive. (Prospection géophysique 2019). *Revue archéologique*, 2022, vol. 73, pp. 153-162. DOI: 10.3917/arch.221.0153
14. Grbić D. Ancestral Gods and Ethnic Associations: Epigraphic Examples from Upper Moesia. *Lucida intervalla*, 2015, vol. 44, pp. 125-136.
15. Hajdari A., Goddard C., Kabashi P. Deux inscriptions romaines inédites découvertes à Korishë au Kosovo (Mésie supérieure). *Latomus*, 2021, vol. 80, no. 3, pp. 632-662.
16. Hieroclis. *Synecdemvs; accedvnt fragmenta apvd Constantinvm Porphyrogennetvm servata et nomina vrbivm mvtata; recensvnt Avgvstv Bvrckhardt*. Lipsiae, Ed. B.G. Teubneri, 1893. 88 p.
17. Hirt A.M. *Imperial Mines and Quarries in the Roman World, Organizational Aspects 27 BC AD 235*. Oxford, Oxford Classical Monographs, 2010. 568 p.
18. *Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I, IIA, IIIA, IIIB, IV, IVA, VA*. Oxford, University of Oxford, 1988, 1998, 2001, 2005, 2010.
19. Mirdita Z. Novitates epigraphicae e Dardania collectae. *Arheološki vestnik*, 1980, vol. 31, pp. 186-198.
20. Mirdita Z. *Antroponimia e Dardanisë në kohën romake (Die Anthroponymie Dardanien zur Römerzeit)*. Prishtinë, Rilindja, 1981. 307 p.
21. Mirdita Z. *Dardanci i Dardanija u antici*. Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 2015. 624 p.
22. Mirković M. *Rimski gradovi na Dunavu u Gornjoj Meziji*. Beograd, Arheološko društvo Jugoslavije, 1968. 174 p.
23. Mirković M. Car i Jupiter Dolichenus u Gornjoj Meziji. *Зборник Матице Српске за класичне студије* [The Collection of Matica Srpska for Classical Studies], 2011, vol. 13, pp. 123-132.
24. Mirković M., Dušanić S., eds. *Inscriptions de la Mésie Supérieure. Vol. I*. Beograd, Centre d'études épigraphiques et numismatiques, 1976. 171 p.
25. Mócsy A. Moesia Superior. *Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesiam Superior*. Budapest, Akademiai Kiadó, 1970. 284 p.
26. Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia, a History of the Middle Danube Provinces of Roman Empire*. London, Boston, Routledge & Kegan Paul, 1974. 453 p.
27. Mócsy A. *Nomenclator provinciarum Europae Latinarum et Galliae Cisalpine cum indice inverso*. Budapest, Dissertationes Pannonicae, 1983. Vol. III/1. 397 p.
28. *Onomasticon provinciarum Europae Latinarum. Onomasticon provinciarum Europae Latinarum. Vol. IV*. Wien, ed. B. Lörincz, 2002. 210 p.
29. Papazoglu F. *Srednjobalkanska plemena u predrimsko doba*. Sarajevo, Djela, knj. XXX, CBI knj. 1. Sarajevo, Akadeija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine, 1969. 497 p.
30. Papazoglu F. Quelques aspects de l'histoire de la province de Macédoine. *ANRW*, 1979, vol. II / 7, 1, pp. 302-369.
31. Papazoglu F. Илirsка и дарданска краљевина; поријекло и развој, структура, хеленизација и романизација [Illyrian and Dardanian Kingdom; Origin and Development, Structure, Hellenization and Romanization]. Garashanin M., ed. *Илири и Албанци* [The Illyrians and Albanians]. Belgrade, SANU, 1988, pp. 145-199.

32. Petrović P. *Палеографија римских натписа у Горњој Мезији* [Paleography of Roman Inscriptions in Upper Moesia]. Belgrade, Archaeoloski Institut, 1975. 171 p.

33. Premerstein A., Vulić N. Antike Denkmäler in Serbien. *JÖAI*, 1900, vol. III, pp. 105-178.

34. Premović-Aleksić D. Рудник Жежна на Рогозни [Žežna Mine on Rogozna]. *Новопазарски зборник* [The Herald of Novi Pazar], 1993, vol. 17, pp. 27-36.

35. Samardžić G. *Косово и Метохија у римско доба* [Kosovo and Metohija in the Roman Period]. Kosovska Mitrovica, Filozofski fakultet, 2020. 326 p.

36. Samardžić G. Проблем убијације путних станица Gabuleum и Theranda на римској комуникацији Lissus-Naisus (Горња Мезија) [The Problem of Locating the Gabuleum and Theranda Road Stations on the Roman Road Lissus-Naisus (Upper Moesia)]. *Зборник радова Филозофског факултета* [Collection of Papers of the Faculty of Philosophy], 2021, vol. LI (01), pp. 127-137.

37. Samardžić G. Проблем убијације путних станица Vellanis, Vindenaе и Ad Fines на римској комуникацији Lissus-Naisus (Горња Мезија) [The Problem of Locating the Vellanis, Vindenaе, and Ad Fines Road Stations on the Roman Road Lissus-Naisus (Upper Moesia)]. *Зборник радова Филозофског факултета* [Collection of Papers of the Faculty of Philosophy], 2021, vol. LI (02), pp. 211-223.

38. Samardžić G. Јупитер и његови епитети (карактер посвете) са југа провинције Горње Мезије [Jupiter and His Entities (Character of Dedication) from the South of Upper Moesia]. *Црквене студије* [Church Studies], 2022, vol. 19, pp. 325-332.

39. Samardžić G. Римски путеви и њихов значај за развој привреде на југу Горње Мезије [Roman Roads and Their Importance for the Economic Development in the South of Upper Moesia]. *Збор-*

ник радова Филозофског факултета [Collection of Papers of the Faculty of Philosophy], 2023, vol. LIII (02), pp. 185-207.

40. Samardžić G. A Contribution to the Study of Population from the East (Hellenic-Speaking Countries) in the municipium Ulpiana in the South of the Province of Upper Moesia. *Science International Journal*, 2024, vol. 3, no. 4, pp. 87-91.

41. Schallmayer E. et al. *Corpus der griechischen und lateinischen Beneficiarier Inschriften des Römischen Reiches*. Stuttgart, Der römische Weihebezirk von Osterburken I, 1990. 602 S.

42. Speidel M. P. An Altar to the Healer Gods and the Genius of Iuppiter Dolichenus. *Arheološki vestnik*, 1980, vol. XXXI, pp. 182-185.

43. Šašel A. et J. *Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia Inter annos MCMXL et MCMLX repertae et editae sunt*. Ljubljana, Narodni muzej Slovenije, 1963. Situla 5. 226 p.

44. Šašel A. et J. *Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia Inter annos MCMLX et MCMLXX repertae et editae sunt*. Ljubljana, Narodni muzej Slovenije, 1978. Situla 19. 242 p.

45. Šašel A. et J. *Inscriptiones Latinae quae in Iugoslavia inter annos MCMII et MCMXL repertae et editae sunt*. Ljubljana, Narodni muzej Slovenije, 1986. Situla 25. 533 p.

46. Šašel-Kos M.P. *Appian and Illyricum*. Ljubljana, Narodni muzej Slovenije, 2005. 671 p.

47. Tacit K. *Анали* [Annals]. Belgrade, Srpska književna zadruga (pre. LJ. Crepajac), 1970. 697 p.

48. Vulić N. *Антички споменици наше земље* [Antique Monuments of Our Country]. 1931. 684 p. (Споменик [Monument], vol. LXXI).

49. Vulić N. *Антички споменици наше земље* [Antique Monuments of Our Country]. 1941/1948. 342 p. (Споменик [Monument], vol. XCVIII).

Information About the Author

Gligor Samardžić, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History, Faculty of Philosophy, University of Pristina, Philippa Vishnic St, 66, 38220 Kosovska Mitrovica, Republic of Serbia, gligorijas@yahoo.com, gligor.samardzic@pr.ac.rs, gligor.s@ucg.ac.me, <https://orcid.org/0000-0001-7166-2042>

Информация об авторе

Глигор Самарджич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философский факультет, Приштинский университет, ул. Филиппа Вишнич, 66, 38220 г. Косовска-Митровица, Республика Сербия, gligorijas@yahoo.com, gligor.samardzic@pr.ac.rs, gligor.s@ucg.ac.me, <https://orcid.org/0000-0001-7166-2042>

ИЗУЧЕНИЕ ПЕРИОДИКИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.5>

UDC 94(47+57):070«18/19»

LBC 63.3(2)52-7

Submitted: 28.06.2024

Accepted: 01.08.2025

PERIODICAL PRESS MATERIALS OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY AND EARLY 20TH CENTURY ABOUT THE HISTORY OF PUBLIC EDUCATION OF THE KAZAN EDUCATIONAL DISTRICT IN DISSERTATIONS ON SCIENTIFIC SPECIALTY “NATIONAL HISTORY” OF THE EARLY 21ST CENTURY

Nadezhda A. Archebasova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The topics of scientific and qualification works of the beginning of the 21st century reflect a multifactorial approach to the study of Russian regional history. The history of primary public education remains a relevant direction of Russian historiography. *Methods and materials.* The article uses historical-statistical and historical-comparative methods to analyze historical abstracts of dissertations and dissertations in which periodical press materials are classified as the main types of sources. *Analysis and results.* The territorial scope of the scientific and qualification works covers the entire territory of the Kazan educational district, and the chronological one is mainly the second half of the 19th to early 20th centuries. A quarter of all authors addressed a wide range of periodicals, but their dissertations demonstrate a superficial analysis of the periodical press, limiting them to listing the contents of publications. Only a fifth of the researchers addressed periodicals at the district level. Regional periodicals were used on an equal basis with central ones, but in terms of the number of newspaper and magazine titles, they were several times inferior to the latter. They used periodical press materials in four main areas of scientific research: taking into account public opinion, studying the chronology of events, preparing interdisciplinary studies, and supplementing other types of sources. An analysis of dissertations showed that the potential of the periodical press (central, regional, and local) as a comprehensive historical source on the history is underutilized. The diversity of the central and regional periodical press of the Kazan district has resource potential in modern scientific research.

Key words: periodical press materials, dissertation, Kazan educational district, history of public education, primary education, modern scientific research.

Citation. Archebasova N.A. Periodical Press Materials of the Second Half of the 19th Century and Early 20th Century About the History of Public Education of the Kazan Educational District in Dissertations on Scientific Specialty “National History” of the Early 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 59-70. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.5>

**МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.
ПО ИСТОРИИ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАЗАНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В ДИССЕРТАЦИЯХ
НАУЧНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Надежда Анатольевна Арчебасова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Тематика научно-квалификационных работ начала XXI в. отражает многофакторный подход к изучению региональной истории России. История начального народного образования остается актуальным направлением отечественной историографии. *Методы и материалы.* В статье с применением историко-статистического и историко-сравнительного методов проанализированы исторические авторефераты диссертаций и диссертации, в которых материалы периодической печати отнесены к основным видам источников. *Анализ и результаты.* Территориальные рамки научно-квалификационных работ охватывают всю территорию Казанского учебного округа, а хронологические – преимущественно вторую половину XIX – начало XX века. Четвертая часть всех авторов обращалась к широкому перечню периодических изданий, но фактически все авторы представили краткий поверхностный обзор периодической печати или материалов периодической печати. Внутренняя критика периодических изданий часто ограничивается для авторов перечислением содержания публикаций. Только пятая часть исследователей обращалась к периодическим изданиям окружного уровня. Региональные периодические издания были использованы наравне с центральными, но по количеству наименований газет и журналов они уступают последним в несколько раз. В результате практически во всех диссертациях характеристика периодической печати произведена не в полном объеме и без учета значительной части периодических изданий второй половины XIX века. Историки ориентировались преимущественно на публикации в официальных правительственных, ведомственных и педагогических светских периодических изданиях. Они применили материалы периодической печати по четырем основным направлениям научного поиска: учет общественного мнения, изучение хронологии событий, подготовка междисциплинарных исследований, дополнение другие видов источников. Определение степени использования материалов периодической печати в диссертациях подтвердило научную гипотезу о ее недостаточности. Многообразие центральной, региональной и местной периодической печати обладает большим ресурсным потенциалом и позволяет использовать публикации в них в качестве комплексного исторического источника по широкому перечню аспектов истории Казанского учебного округа в дальнейших научных исследованиях.

Ключевые слова: материалы периодической печати, диссертация, Казанский учебный округ, история народного образования, начальное обучение, современные научные исследования.

Цитирование. Арчебасова Н. А. Материалы периодической печати второй половины XIX – начала XX в. по истории народного образования Казанского учебного округа в диссертациях научной специальности «Отечественная история» начала XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 59–70. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.5>

Введение. Изучение истории начального народного образования в XIX – начале XX в. остается актуальным направлением отечественной историографии в контексте развития региональных образовательных систем. Только три диссертации по различным аспектам истории начального народного образования, представленные к защите в начале XXI в.

по специальности «Отечественная история» и одобренные Высшей аттестационной комиссией РФ, основаны на общероссийской источниковой базе. К ним относятся научно-квалификационные работы В.В. Карповой «Роль периодической печати в формировании общественного мнения о проблемах начального народного образования в сельской местности

России: 1890 – 1904 гг.» [8], С.И. Катунцева «Реформы начальной школы России: общественно-политическая мысль и государственная политика второй половины XIX в.» [9] и А.П. Романова «Начальное образование русского крестьянства в последней четверти XIX – начале XX в.: официальная политика и общественные модели» [20]. Историки, учитывая значительную специфику административно-территориальных образований России как в прошлом, так и в настоящем, отдают предпочтение региональным исследованиям.

Формирование системы управления народным образованием в Российской империи в XIX – начале XX в. тесно связано с административно-территориальной организацией учебных округов. В 1803 г. для управления учебными заведениями Министерства народного просвещения были созданы шесть учебных округов. К 1915 г. их количество увеличилось до пятнадцати за счет постепенного выделения новых округов и перераспределения губерний между всеми существующими. Один из старейших и крупнейших – Казанский учебный округ – охватывал губернии Поволжья и Южного Урала. Сопоставление географических областей России с губерниями, входившими в Казанский учебный округ в 1840–1870-е гг. и 1915 г., показано в таблице 1 (см. Приложение). В настоящее время территории бывшего Казанского учебного округа включены в Южный и Приволжский федеральные округа РФ.

Тематический спектр диссертаций, основанных на источниковой базе Казанского учебного округа, отражает многофакторный подход современных историков к истории начального народного образования. В этих работах рассматриваются такие ключевые аспекты, как: народное образование и просвещение (часто в контексте начального обучения); светское, религиозное, национальное образование; специализированное образование детей (сельскохозяйственное, гуманитарное и пр.); профессиональное образование учителей; государственно-церковная образовательная политика; деятельность государственных чиновников и органов общественного самоуправления в сфере образования и пр. Три научно-квалификационные работы основаны на источниковой базе всего Казанского учеб-

ного округа. Это работы И.Е. Крапоткиной (2005 г.) «Деятельность Казанского учебно-окружного центра на рубеже XIX–XX вв.» [12], Ч.Х. Саматовой (2010 г.) «Школьная политика самодержавия в отношении татар-мусульман во второй половине XIX – начале XX в.: на примере Казанского учебного округа» [23] и В.Е. Слотина (2010 г.) «Провинциальное училищное чиновничество России в XIX в.: на материалах Казанского учебного округа» [24]. Третья часть диссертаций написана на материалах одной из епархий [17] или губерний Казанского учебного округа, среди которых преобладают Пензенская [18; 19; 25] и Саратовская [5; 6]. В качестве границ пятой части всех работ выделены территории одной из современных национальных республик Поволжья: Чувашии [4], Башкирии [7], Мордовии [11], Удмуртии [14] и Марий Эл (Марийского края) [1]. Соотнесение губерний, относившихся к Казанскому учебному округу, с территориями современных республик Поволжья приведено в таблице 2 (см. Приложение). В пяти исследованиях в качестве территориальных границ выделены географические области Поволжья и Приуралья: Южного Урала в составе Оренбургской и Уфимской губерний [13], Нижнего Поволжья в составе Астраханской и Саратовской губерний [3; 16] и Среднего Поволжья в составе Пензенской, Самарской и Симбирской губерний [1; 2; 21]. Одно исследование проведено на территории двух соседних губерний округа (Казанская и Вятская губернии) [22]. В целом территориальные рамки работ по истории начального народного образования Казанского учебного округа охватывают практически всю его территорию, а хронологические – преимущественно вторую половину XIX – начало XX века. Сопоставление количества диссертаций с хронологическими рамками, затрагиваемыми в них, представлено в таблице 3 (см. Приложение).

М.Е. Яковлев, защитивший в 2024 г. диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Диссертационная культура в работах российских историков (2014–2020 гг.)», проанализировал научно-квалификационные работы докторов исторических наук «в качестве особой группы исторических источников» [27, с. 29] по разным тематическим направлениям, включая исто-

рию образования. Историографический поиск новейшей научной литературы по теме нашей статьи показал солидарную с мнением М.Е. Яковлева ситуацию, в которой публикации, «затрагивающие современное состояние диссертационной культуры российских историков, отсутствуют как в русскоязычном, так и в зарубежном научном пространстве» [27, с. 6]. Так, источниковедческое исследование современных научно-квалификационных работ кандидатов исторических наук, посвященных истории начального народного образования Казанского учебного округа во второй половине XIX – начале XX в., проводится впервые.

В исследуемый период система периодической печати Российской империи была широко представлена на центральном, окружном, региональном и местном уровнях, отражая текущее состояние и тенденции в сфере народного образования. Научная гипотеза – степень использования материалов периодической печати в научно-квалификационных работах начала XXI в. – остается недостаточной. Цель данной статьи – определить степень использования материалов периодической печати в диссертациях по истории народного образования Казанского учебного округа второй половины XIX – начала XX в., защищенных по научной специальности «Отечественная история» в начале XXI века.

Методы и материалы. В статье проанализированы защищенные в ВАК РФ в начале XXI в. (2001–2024 гг.) диссертации на соискание степени кандидата исторических наук (докторских диссертаций за данный период не было защищено), в источниковедческих обзорах которых материалы периодической печати отнесены к основным историческим источникам. Сплошная выборка составила двадцать шесть научно-квалификационных работ, состоящих из автореферата и диссертации каждая. Их источниковые базы проанализированы с применением историко-сравнительного и историко-статистических методов.

Анализ. Практически все вузы, ответственные за выполнение проанализированных научных исследований, расположены на территории бывшего Казанского учебного округа. Исключение составил Ленинградский государственный областной университет [8].

Около половины всех диссертаций выполнено в государственных классических университетах. Вклад федеральных и педагогических университетов составил две и четыре работы соответственно. Большинство работ подготовлено и защищено в вузах Казани, Саратова и Челябинска. Лишь две защиты проведены в городах других регионов: Краснодаре и Санкт-Петербурге. Следовательно, региональную тему готовят и защищают преимущественно в региональных вузах. Авторами около сорока процентов диссертаций являются мужчины, что опровергает ложное представление о данной теме как сугубо женской.

Сравнение источниковой базы, представленной в авторефератах диссертаций и диссертациях историков начала XXI в., показало следующие особенности:

1. Все историки применили неопубликованные и опубликованные источники.
2. Архивные материалы у всех выделены в качестве приоритетных.
3. Подавляющее большинство авторов к основным видам опубликованных и неопубликованных источников отнесло законодательно-актовые, делопроизводственные, статистические, периодическую печать или материалы периодической печати, документы личного происхождения. Однако третья часть авторов ошибочно добавила к ним группу архивных источников.

Например, А.Л. Ефимов выделил шесть основных групп источников: «архивные источники; опубликованные законодательные документы и акты; делопроизводственная и отчетная документация; статистические материалы; периодическая печать; воспоминания и мемуары» [4, с. 27]. С.И. Катунцев выделил «законодательные и нормативные акты <...> публикации документального характера; труды отечественных мыслителей по теории и практике начального образования; справочные и статистические материалы; дневники, воспоминания и письма; периодические издания; архивные материалы» [9, с. 21]. В работе В.Н. Паршиной перечислены «законодательные и нормативно-правовые акты <...> статистические источники <...> архивные источники <...> региональные публикации <...> периодические издания <...> мемуары и дневники [18, с. 25–31]. И.В. Романова указала

пять групп источников: «архивные материалы; официально-законодательные документы; опубликованные источники; периодическая печать; мемуары» [21, с. 18].

С учетом подобных, спорных с научной точки зрения, видов основных источников мы определили в них место периодической печати, материалов периодической печати и периодических изданий.

Изучение постраничных ссылок в основных текстах работ и списков источников второй половины XIX – начала XX в. показало обращение четвертой части всех авторов к широкому перечню периодических изданий. Лидируют по количеству наименований представленных периодических изданий С.И. Катунцев (36 наименований), Н.И. Полосин (34) и В.В. Карпова (19). Однако важно отметить, что обзор данного основного вида источников у большинства авторов краток и практически полностью совпадает в текстах автореферата и диссертации (61 % работ) или дополнен краткими перечнями периодических изданий или тематики публикаций (15 % работ). Наиболее емкий источниковедческий обзор периодической печати провела В.В. Карпова [8, с. 26–29], но у двух исследователей он помещен в одном предложении [11, с. 16; 14, с. 28].

Применение историками разной терминологии привело к тому, что периодическую печать выделили в источниковедческих обзорах девять человек; периодические издания – три человека. К последним мы отнесли диссертацию А.М. Торгашина, так как он в качестве основного источника указал не вид, а конкретное издание: «Пензенские епархиальные ведомости» [25, с. 11]. Периодическую печать и периодические издания выделили пять человек. Из них, по факту, рассмотрел периодические издания только Н.И. Полосин [19, с. 26, 27], а остальные – материалы периодической печати. Например, Р.И. Ишмухамедова при характеристике источниковой базы выделила периодическую печать и «значительный материал <...> в периодических изданиях» [6, с. 26, 28]. С.И. Катунцев среди групп основных источников указал периодические издания, но далее отметил «разнообразный интересный источниковый материал <...> в периодической печати» [9, с. 21, 25]. О.В. Осипов выделил в числе основных ви-

дов источников периодическую печать [17, с. 18]. При этом он подчеркнул, что «центральные и местные периодические издания составили большую группу источников по истории Оренбургской епархии» [17, с. 25]. И.В. Романова упомянула, что среди выбранных ею основных видов источников есть периодическая печать и периодические издания [21, с. 18, 21].

В качестве синонимичных названий рассматривал в диссертации материалы периодической печати или периодические издания один человек, периодическую печать или материалы периодической печати – три человека. Например, Р.Р. Мустафин среди основных видов источников назвал «периодическую печать», но с оговоркой, что «отдельную группу источников представляют материалы <...> периодической печати» [15, с. 17, 22]. В работе А.Н. Кутявина указаны периодическая печать, и «материалы местной прессы» [14, с. 26, 28]. Материалы периодической печати выделили в качестве основного источника пять человек. В.В. Карпова изучила органы периодической печати как заглавный исторический источник [8, с. 26]. Проведенное сравнение источниковедческих обзоров авторефератов диссертаций и диссертаций показало, что, по сути, везде вместо заявленной авторами в качестве одного из ключевых исторических источников периодической печати или периодических изданий в основном тексте речь идет о материалах периодической печати.

В пользу использования преимущественно материалов периодической печати свидетельствуют и поверхностные характеристики самих изданий как социокультурных и информационных институтов. Во второй половине XIX – начале XX в. в России были представлены все уровни периодических изданий в соответствии с географией их распространения: столичные, центральные, окружные, региональные, местные. Из них, по понятным причинам, в диссертациях по Казанскому учебному округу редко упоминают столичные. География распространения периодических изданий и их уровень представлены в таблице 4 (см. приложение). Использовали периодические издания четырех уровней только два человека: И.Е. Крапоткина [12] и О.С. Уколова [26]; трех и двух уровней – по десять человек, одного уровня – четыре человека. Авторы

обращались преимущественно к центральным и региональным изданиям. Из центральных периодических изданий преобладают «Журнал Министерства народного просвещения», «Русская школа», «Вестник воспитания», «Народное образование», «Вестник Европы» и «Народная школа». В материалах центральной периодической печати исследователи фиксировали изменения правительственной политики и общественного мнения в области народного образования, фактический материал об учебных заведениях из других регионов России.

Лишь пятая часть авторов обращалась к периодическим изданиям окружного уровня [4; 7; 12; 23; 26]. Из шести изданий они использовали четыре по Казанскому учебному округу: «Циркуляр по Казанскому учебному округу», «Начальное обучение» (приложение к «Циркуляру по Казанскому учебному округу»), «Вестник образования и воспитания», «Городской и сельский учитель». Два периодических издания относятся к Оренбургскому учебному округу (часть губерний Казанского учебного округа отошла к нему в 1874 г.): «Циркуляр по Оренбургскому учебному округу» и «Вестник Оренбургского учебного округа». Больше всего обращений было к «Циркуляру по Казанскому учебному округу» для проведения примеров делопроизводственной документации и статистических данных.

Региональные периодические издания изучены в научно-квалификационных работах начала XXI в. наравне с центральными (двадцать одна и двадцать две работы соответственно), но по количеству наименований газет и журналов уступают центральным изданиям в три раза. При этом в более чем в четверти диссертаций не представлена работа исследователей с официальными региональными светскими газетами – «Губернские ведомости», издаваемыми в губернских городах с 1838 по 1917 г., и официальными местными православными газетами – «Епархиальные ведомости», издаваемыми в епархиях Русской православной церкви с 1860-х до 1910-х годов. Только в работах О.М. Казаковой [10], В.Н. Паршиной [18] и Н.И. Полосина [19] указаны материалы периодической печати из изданий «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости» всего рас-

сматриваемого региона. Шесть человек указали одни «Епархиальные ведомости», пять – «Губернские ведомости» по всей территории исследования.

Самыми востребованными оказались Вятские, Саратовские, Пензенские, Пермские, Самарские и Симбирские губернские ведомости; Вятские, Пензенские и Саратовские епархиальные ведомости, но отсутствуют обращения к Пермским (1867–1919 гг.) и Уфимским (1879–1916 гг.). Авторы, исследовавшие территорию Уфимской губернии [7; 13; 14], не отметили роль региональных губернских и епархиальных ведомостей. В диссертациях перечислен ряд других региональных периодических изданий, среди которых лидируют «Вятская речь» (г. Вятка) и «Учительский вестник» (г. Оренбург). Всего несколько человек обратили внимание на различия материалов официальной и неофициальной частей губернских и епархиальных ведомостей. О.В. Осипов [17, с. 24] и А.М. Торгашин [25, с. 11–12] провели наиболее полное сравнение обеих частей епархиальных ведомостей своего региона. Из наименований периодических изданий местного уровня преобладают саратовские, казанские и астраханские. В результате фактически во всех научно-квалификационных работах характеристика периодической печати по территории распространения не произведена в полном объеме.

Обращений к иностранным и российским нелегальным периодическим изданиям, за исключением единичных упоминаний «Колокола», не выявлено. Исследователи ориентировались в основном на публикации в официальных правительственных, ведомственных и педагогических периодических изданиях. Обращений современных историков к православной периодической печати выражено значительно меньше, чем к светской, хотя учителя Закона Божия были во всех типах учебных заведений, на всех уровнях образования, а количество духовных начальных общих учебных заведений в России XIX в. конкурировало с количеством светских. Язык публикаций в периодической печати преимущественно русский, на иностранных языках публикаций не выявлено. Из периодических изданий на языках народов России историки использовали материалы пятнадцати периодических изданий на татарском языке в пяти из шести дис-

сертаций, посвященных образованию нерусских народов разных регионов Казанского учебного округа [6; 7; 13; 16; 23]. Больше всего обращений авторы сделали к национальным периодическим изданиям «Вақыт» (Время) и «Шура» (Совет). Преимущественно их интересовали мнения представителей татарской интеллигенции по поводу развития национальной татарской школы в разных регионах России.

При работе с периодической печатью исследователи показали слабую заинтересованность в установлении жанровой принадлежности материалов. Встречаются единичные упоминания очерков [15], обзорных статей [1; 23], публицистических сочинений [21] и заметок [1]. О.С. Уколова отметила «письма учителей о насущных проблемах образования и речи педагогов как активных участников различных общественных организаций, заметки из истории городских учебных заведений» [26, с. 31]. А.М. Торгашин перечислил жанровое разнообразие публикаций неофициальной части «Пензенских епархиальных ведомостей»: «Кроме материалов для проповедей, исторических данных о церквях и монастырях епархии, биографий духовных деятелей содержала и статьи о духовных учебных заведениях <...> работы и статьи семинарских преподавателей и выпускников, а священники дальних приходов печатали исторические очерки о своих селах» [25, с. 11–12].

Сложно определить основной период использованных материалов периодической печати, так как их указали в списках источников около шестидесяти процентов авторов. Проведенный нами постраничный поиск ссылок на материалы периодической печати позволяет утверждать, что преимущественно в диссертациях начала XXI в. использованы материалы периодической печати конца XIX – начала XX в., что свидетельствует о неполном учете всего многообразия периодических изданий второй половины XIX века.

В целом российские издания данного периода имеют сложную классификацию. Приведем примеры названий изданий, наиболее часто используемые современными историками: центральный «Правительственный вестник», окружной «Циркуляр по Казанскому учебному округу», региональные «Саратовские губернские ведомости» и местный

«Астраханский справочный листок». Среди них были журналы разных министерств (Народного просвещения, Государственных имуществ, Внутренних дел и пр.), педагогическое издание «Учитель»; специализированное по жанру публикаций «Городское дело»; для женщин – «Женское образование»; религиозные по содержанию «Саратовские епархиальные ведомости»; по идеологическим взглядам – либеральный «Вестник Европы» и пр. Многообразие центральной, региональной и местной периодической печати обладает большим ресурсным потенциалом и позволяет использовать публикации в них в качестве комплексного исторического источника по широкому перечню аспектов истории Казанского учебного округа, но степень их использования в российских научно-квалификационных исследованиях начала XXI в. остается неполной.

Материалы периодической печати представлены в научно-квалификационных работах по четырем основным направлениям.

Во-первых, для учета общественного мнения. Историки выделили мнения региональных обществ, чиновников, экспертов, общественных и земских деятелей, интеллигенции, благотворителей, авторов публикаций в периодической печати, преподавателей и учителей, обучающихся и выпускников учебных заведений и пр. Кроме того, ими учтены мнения о развитии образования, оперативных проблемах обучения, преподавателях и учителях и др.

Во-вторых, для изучения в хронологическом порядке фактов и событий из истории начального народного образования: светской и духовной деятельности региональных и местных обществ и семей; мужских, женских и смешанных начальных учебных заведений; деятельности учителей и попечителей Казанского учебного округа.

В-третьих, для проведения междисциплинарных исследований в рамках истории повседневности: женщин, духовенства, учебных заведений, чиновников и др.

В-четвертых, для дополнения других видов источников. В официальных разделах периодических изданий авторы изучили делопроизводственную документацию, законодательно-актовый материал и статистику.

В неофициальных разделах – справочные материалы по начальному народному образованию. По мнению А.А. Дорофеевой, «значительно расширили возможности исследования материалы, опубликованные на страницах церковных периодических изданий, где официальные сообщения, нормативно-правовые акты, отчеты учебных заведений позволяют восполнить низкую репрезентативность некоторых фондов региональных архивов» [3, с. 23]. По нашему мнению, заместительный характер использования периодической печати с целью закрытия белых пятен в архивных документах и статистических отчетах снижает ценность данного вида исторических источников.

Результаты. Источниковедческое исследование современных научно-квалификационных работ с применением историко-сравнительного и историко-статистических методов является актуальным и новым направлением. Тематика диссертаций начала XXI в. отражает многофакторный подход к изучению истории крупных регионов России. Территориальные рамки научно-квалификационных работ, посвященных истории начального народного образования Казанского учебного округа во второй половине XIX – начале XX в., охватывают всю территорию Казанского учебного округа, а хронологические – преимущественно вторую половину XIX – начало XX века. Практически все вузы, ответственные за выполнение диссертаций и их защиту в начале XXI в., расположены на территории региона проведения исследования.

В исследуемый период система периодической печати Российской империи была широко представлена на центральном, окружном, региональном и местном уровнях, отражая текущее состояние и тенденции в сфере народного образования. Четвертая часть всех авторов обращалась к широкому перечню периодических изданий, но подавляющее большинство авторов представило краткий поверхностный обзор данного основного вида источников как в авторефератах диссертаций, так и в диссертациях. Вместо заявленной пе-

риодической печати в основном тексте многих работ речь идет о материалах периодической печати. Внутренняя критика периодических изданий часто ограничивается для авторов перечислением содержания публикаций. Можно утверждать, что реализация с начала XXI в. широкомасштабного федерального проекта оцифровки российских периодических изданий не оказала существенного влияния на степень их использования в диссертациях. Только пятая часть авторов обращалась к периодическим изданиям окружного уровня. Региональные периодические издания изучены историками наравне с центральными, но по количеству наименований газет и журналов они уступают последним в несколько раз. В результате практически во всех научно-квалификационных работах характеристика периодической печати была произведена не в полном объеме и без учета значительной части периодических изданий второй половины XIX века. Историки ориентировались преимущественно на публикации в официальных правительственных, ведомственных и педагогических светских периодических изданиях. Они представили материалы периодической печати по четырем основным направлениям: учет общественного мнения, изучение в хронологии событий, проведение междисциплинарных исследований, дополнение других видов источников.

В итоге определение степени использования материалов периодической печати в диссертациях по истории народного образования Казанского учебного округа второй половины XIX – начала XX в., защищенных по научной специальности «Отечественная история» в начале XXI в., подтвердило научную гипотезу о ее недостаточности. Многообразие центральной, региональной и местной периодической печати России прошлых веков обладает большим ресурсным потенциалом и позволяет использовать публикации в них в качестве комплексного исторического источника по широкому перечню аспектов региональной истории в дальнейших научных исследованиях.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Состав Казанского учебного округа во второй половине XIX – начале XX века

Table 1. The composition of the Kazan educational district in the second half of the 19th and early 20th centuries

Географическая область России	Губернии в составе Казанского учебного округа (КУО)	
	1840–1870-е гг.	1915 г.
Верхнее Поволжье	Нижегородская	перевели в Московский УО
Среднее Поволжье	Казанская	
	Симбирская	
	Самарская (с 1850 г.)	
	Пензенская	перевели в Харьковский УО
Нижнее Поволжье	Астраханская	
	Саратовская	
Южный Урал	Вятская	
	Оренбургская, Пермская, Уфимская (с 1865 г.)	перевели в Оренбургский УО (с 1874 г.)
Итого	11	6

Таблица 2. Территории, относившиеся к Казанскому учебному округу, в составе современных республик Поволжья Российской Федерации

Table 2. Territories that belonged to the Kazan educational district, part of the modern Volga republics of the Russian Federation

№ п/п	Современные республики Поволжья	Губернии, относившиеся к Казанскому учебному округу
1	Башкирия	Оренбургская, Уфимская
2	Марий Эл (Марийский край)	Казанская, Вятская, Нижегородская
3	Мордовия	Пензенская, Симбирская, Нижегородская
4	Удмуртия	Вятская, Пермская, Казанская, Уфимская
5	Чувашия	Казанская, Симбирская

Таблица 3. Хронологические рамки диссертаций, защищенных по истории народного образования Казанского учебного округа в начале XXI века

Table 3. A chronological analysis of dissertations on the history of public education in the Kazan educational district in the early 21st century

Период	Годы
XIX в. (1)	—
XIX – начало XX в. (3)	—
Вторая половина XIX в. (2)	1864–1884 (1)
Вторая половина XIX – начало XX в. (8)	1864–1917 (1)
Вторая треть XIX – начало XX в. (2)	1870–1917 (1)
Последняя треть XIX – начало XX в. (1)	1888–1917 (1)
Последняя четверть XIX – начало XX в. (1)	1890–1904 (1)
Конец XIX – начало XX в. (2)	—
Рубеж XIX–XX вв. (1)	—

Примечание. В скобках указано количество диссертаций. Полу жирным выделен период, который чаще всего выбирают авторы научно-квалификационных исследований по данной теме.

Note. In brackets, the number of dissertations is given. In bold, the period most often chosen by authors of scientific and qualification research on this topic is highlighted.

Таблица 4. География распространения периодических изданий, использованных в диссертациях начала XXI в. об истории начального народного образования Казанского учебного округа

Table 4. Geographical distribution of periodicals used in dissertations of the early 21st century on the history of primary public education in the Kazan educational district

Количество диссертаций	География распространения периодических изданий / уровень издания			
	Страна / центральный	Округ / окружной	Регион / региональный	Местность / местный
2	+	+	+	+
2	+	+	+	—
1	+	+	—	+
7	+	—	+	+
8	+	—	+	—
1	+	—	—	+
1	—	—	+	+
2	—	—	+	—
2	+	—	—	—
26	22	5	21	12

REFERENCES

1. Almeteva I.V. *Nachalnoe shkolnoe obrazovanie v Mariiskom krae vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Primary School Education in the Mari Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Cheboksary, 2003. 314 p.
2. Anokhina I.A. *Prosveshchenie nerusskikh narodov Srednego Povolzhia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Education of Non-Russian Peoples of the Middle Volga Region in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Samara, 2009. 216 p.
3. Dorofeeva A.A. *Gosudarstvenno-tserkovnaia politika v sfere zhenskogo obrazovaniia v Rossii v kontse XIX – nachale XX v. (na materialam Nizhnego Povolzhia): dis. ... kand. ist. nauk* [State and Church Policy in the Sphere of Women's Education in Russia in the Late 19th – Early 20th Century (Based on Materials from the Lower Volga Region. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2023. 239 p.
4. Efimov A.L. *Stanovlenie i razvitie zhenskogo obrazovaniia v Chuvashii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Development of Female Education in Chuvashia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saransk, 2012. 239 p.
5. Guseva O.V. *Stanovlenie sistemy narodnogo obrazovaniia v Saratovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation of the System of Public Education in the Saratov Province in the Second Half of the 19th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saratov, 2004. 183 p.
6. Ishmuxomedova R.I. *Shkolnoe obrazovanie sredi tatar Saratovskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [School Education Among the Tatars of the Saratov Province in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saratov, 2019. 205 p.
7. Kamaliev G.F. *Razvitie obrazovaniia nerusskikh narodov Bashkirii v 1870 – 1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Education of Non-Russian Peoples of Bashkiria in 1870 – 1917. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Ufa, 2013. 230 p.
8. Karpova V.V. *Rol periodicheskoi pechati v formirovanii obshchestvennogo mneniia o problemakh nachalnogo narodnogo obrazovaniia v selskoi mestnosti Rossii: 1890 – 1904 gody: dis. ... kand. ist. nauk* [The Role of the Periodical Press in Shaping Public Opinion on the Problems of Primary Public Education in Rural Areas of Russia. 1890–1904. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg, 2003. 256 p.
9. Katuntsev S.I. *Reformy nachalnoi shkoly Rossii: obshchestvenno-pedagogicheskaiia mysl i gosudarstvennaia politika vtoroi poloviny XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Reforms of Primary School in Russia: Social and Pedagogical Thought and State Policy of the Second Half of the 19th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saratov, 2005. 222 p.
10. Kazakova O.M. *Provintsialnoe uchitelstvo v XIX – nachale XX vekov: na materialam Viatskoi gubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [Provincial Teaching in the 19th – Early 20th Centuries. Based on Materials from the Vyatka Province. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Cheboksary, 2009. 277 p.
11. Koshina O.V. *Razvitie obrazovaniia na territorii Mordovii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: sotsiokulturnyi analiz: dis. ... kand. ist. nauk* [Development of Education in the Territory of Mordovia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Socio-Cultural Analysis. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Saransk, 2001. 191 p.
12. Krapotkina I.E. *Deiatelnost Kazanskogo Uchebno-okruzhnogo tsentra na rubezhe XIX–XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the Kazan Educational District Center at the Turn of the 19th – 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kazan, 2005. 219 p.
13. Kurmakayev R.F. *Stanovlenie i razvitie sistemy nachalnogo i srednego obrazovaniia musulman Iuzhnogo Urala: 1888–1917: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Development of the Primary and Secondary Education System of Muslims in the Southern Urals. 1888–1917. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 208 p.
14. Kutiaev A.N. *Formirovanie i razvitie sistemy obshchego i professionalnogo obrazovaniia v Udmurtii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Development of the System of General and Vocational Education in Udmurtia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk, 2006. 322 p.
15. Mustafin R.R. *Deiatelnost uezdnogo zemstva po razvitiu zdavookhraneniia i obrazovaniia v Nizhegorodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [The Activities of the District Zemstvo on the Development of Health Care and Education in the Nizhny Novgorod Province in the Second Half of the 19th Century. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Nizhny Novgorod, 2011. 192 p.
16. Nureev R.R. *Natsionalnye shkoly Nizhnego Povolzhia v poslednei treti XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [National Schools of the Lower Volga Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kazan, 2006. 168 p.
17. Osipov O.V. *Tserkovno-prikhodskie shkoly Orenburgskoi eparkhii (1864–1917 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Church Parish Schools of the Orenburg Diocese (1864–1917). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2002. 250 p.
18. Parshina V.N. *Stanovlenie sistemy zhenskogo obrazovaniia v Rossii vo vtoroi polovine XIX –*

nachale XX veka: na materialakh Penzenskoi gubernii: dis. ... kand. ist. nauk [Formation of the System of Female Education in Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th Century: Based on Materials from the Penza Province. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Penza, 2007. 277 p.

19. Polosin N.I. *Pravoslavnoe dukhovnoe obrazovanie Penzenskoi gubernii v XIX – nachale XX veka: dis. ... kand. ist. nauk* [Orthodox Spiritual Education in the Penza Province in the 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Samara, 2005. 307 p.

20. Romanov A.P. *Nachalnoe obrazovanie russkogo krestianstva v poslednei chetverti XIX – nachale XX vekov: ofitsialnaia politika i obshchestvennye modeli: dis. ... kand. ist. nauk* [Primary Education of the Russian Peasantry in the Last Quarter of the 19th – Early 20th Centuries: Official Policy and Social Models. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Chelyabinsk, 2003. 235 p.

21. Romanova I.V. *Stanovlenie i razvitie svetskogo obrazovaniia Srednevolzhskikh gubernii v poreformennyi period XIX veka: 1864–1884 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Formation and Development of Secular Education in the Middle Volga Provinces in the Post-Reform Period of the 19th Century. 1864–1884. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tolyatti, 2002. 203 p.

22. Saifulova R.R. *Sotsialno-professionalnyi status uchitelstva Rossiiskoi provintsii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (na materialakh Kazanskoi i Viatskoi gubernii): dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-Professional Status of Teachers in the Russian Provinces in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (On the Materials of the Kazan and Vyatka Provinces). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Orenburg, 2019. 276 p.

23. Samatova Ch.Kh. *Shkolnaia politika samoderzhavii v otnoshenii tatar-musulman vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.: na primere Kazanskogo uchebnogo okruga: dis. ... kand. ist. nauk* [School Policy of the Autocracy Towards Tatar Muslims in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. The Example of the Kazan Educational District. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Kazan, 2010. 263 p.

24. Slotin V.E. *Provintsialnoe uchilishchnoe chinovnichestvo Rossii v XIX v.: na materialakh Kazanskogo uchebnogo okruga: dis. ... kand. ist. nauk* [Provincial School Bureaucracy of Russia in the 19th Century. Based on Materials from the Kazan Educational District. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Izhevsk, 2010. 243 p.

25. Torgashin A.M. *Sistema pravoslavno obrazovaniia i pravoslavnye dukhovno-uchebnye zavedeniia Penzenskoi gubernii v kontekste sotsialno-politicheskikh peremen v XIX – nachale XX vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [The System of Orthodox Education and Orthodox Religious Educational Institutions of the Penza Province in the Context of Socio-Political Changes in the 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Penza, 2001. 254 p.

26. Ukolova O.S. *Sotsioprofessionalnyi oblik gorodskogo uchitelstva Permskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX vekov: dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-Professional Appearance of the Urban Teaching Staff of Perm Province in the Late 19th – Early 20th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Yekaterinburg, 2013. 213 p.

27. Yakovlev M.E. *Dissertatsionnaja kultura v rabotakh Rossijskikh istorikov (2014–2020 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [Dissertation Culture in the Works of Russian Historians (2014–2020). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Moscow, 2024. 308 p.

Information About the Author

Nadezhda A. Archebasova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskii, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, nadezhda.archebasova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0814-9080>

Информация об авторе

Надежда Анатольевна Арчебасова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, nadezhda.archebasova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0814-9080>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.6>

UDC 930:070(510)

LBC 63.3(5Кит)6-27

Submitted: 05.02.2025

Accepted: 06.05.2025

HISTORY OF PERIODICALS OF THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY BASED ON MUSEUM MATERIALS OF HARBIN

Alina N. Steblyanskaya

Harbin Engineering University, Harbin, People's Republic of China

Maksim P. Vasiev

Harbin Engineering University, Harbin, People's Republic of China

Abstract. *Introduction.* The influence of the Chinese Eastern Railway on the development of the northeastern provinces of China, including the development of education, science, and periodicals in Heilongjiang Province, was enormous. The great scientific heritage of Russian periodicals in China has been preserved in a small volume in Harbin. Created by Russian emigrants, Harbin Russian periodicals made a great contribution to the establishment of good-neighbourly and cultural relations between Russia and China. *Methods and materials.* In the article, the authors use the comparative-historical method of research as one of the main research methods in historical science. The authors identify the general patterns of the presentation of periodicals in the museums of Harbin. *Analysis.* A vivid illustration of the vision of the development of printed publications in Harbin is the Museum of Impressions of the Chinese Eastern Railway in Harbin. The museum has preserved a large amount of information about the Russian periodicals in Harbin at the end of the 19th century and the beginning of the 20th century. The article analyses historical information from museum stands and analyses the degree of its representation in the museums of Harbin. *Results.* Having analysed the information on the museum stands, the authors came to the conclusion that in both museums information about periodicals is given selectively. Of the 42 publications mentioned in the list of the Nangang District Library as Russian-language periodicals of Harbin, 10 publications are mentioned on the stands of the Museum of Impressions of the Chinese Eastern Railway, 16 publications are mentioned on the stands of the Harbin City Museum, and different publications are mentioned in the museums; that is, in one museum the publications presented in another museum are partially not mentioned. *Authors' contribution.* A.N. Steblyanskaya – conceptualisation and article text; M.P. Vasiev – data collection in museums, article proofreading.

Key words: Russian Harbin, Russian emigration, Museum of Impressions of the Chinese Eastern Railway (Harbin), Harbin City Museum, Russian press in Harbin, scientific journals in Harbin, periodicals in Harbin.

Citation. Steblyanskaya A.N., Vasiev M.P. History of Periodicals of the First Half of the 20th Century Based on Museum Materials of Harbin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 71-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.6>

УДК 930:070(510)
ББК 63.3(5Кит)6-27

Дата поступления статьи: 05.02.2025

Дата принятия статьи: 06.05.2025

ИСТОРИЯ ПЕРИОДИКИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в. НА ОСНОВЕ МУЗЕЙНЫХ МАТЕРИАЛОВ ХАРБИНА

Алина Николаевна Стеблянская

Харбинский инженерный университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

Максим Петрович Васиев

Харбинский инженерный университет, г. Харбин, Китайская Народная Республика

Аннотация. *Введение.* Роль Китайско-Восточной железной дороги (далее – КВЖД) в развитии северо-восточных провинций Китая, в частности в формировании образовательной, научной и медийной

среды Хэйлунцзяна, была чрезвычайно велика. Научное наследие русской периодики в Китае сохранилось в небольшом объеме в г. Харбине. Созданная русскими эмигрантами харбинская русская периодика внесла большой вклад в установление добрососедских и культурных отношений между Россией и Китаем. *Методы и материалы.* В статье авторы используют сравнительно-исторический метод исследования, выявляют общие закономерности представления периодических изданий в музеях г. Харбина. *Анализ.* Яркой иллюстрацией к видению развития печатных изданий в Харбине является Парк-музей КВЖД г. Харбина, где в большом объеме сохранилась информация о русской периодической печати в Харбине конца XIX – начала XX века. Чуть менее объемный материал о периодике Харбина начала XX в. сохранился в Харбинском городском музее. В статье анализируется историческая информация с музейных стендов и степень ее представленности в музеях г. Харбина. *Результаты.* Проанализировав информацию на музейных стендах, авторы пришли к выводу, что в обоих музеях информация о периодике дана выборочно. Из 42 изданий, значащихся в списке библиотеки района Нанган в качестве русскоязычной периодики Харбина, на стендах Парка-музея КВЖД упоминается о 10 изданиях, на стендах Харбинского городского музея – о 16 изданиях, причем в разных музеях экспонируются разные издания. *Вклад авторов.* А.Н. Стеблянская – идея и текст статьи; М.П. Васиев – сбор материалов в музеях, корректура статьи.

Ключевые слова: русский Харбин, русская эмиграция, Парк-музей КВЖД (г. Харбин), Харбинский городской музей, русская печать в Харбине, научные журналы в Харбине, периодика Харбина.

Цитирование. Стеблянская А. Н., Васиев М. П. История периодики первой половины XX в. на основе музейных материалов Харбина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 71–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.6>

Введение. Влияние Китайско-Восточной железной дороги на развитие северо-восточных провинций Китая, в том числе на образование, науку, просвещение в провинции Хэйлунцзян, было огромным [2]. Со строительством и открытием КВЖД (1897–1903 гг.) в Китай приехало много выходцев из Российской империи и других стран. Основными группами переселенцев были русские (строители и инженеры, военные и администрация, купцы и ремесленники, крестьяне и казаки), китайцы (рабочие, торговцы, фермеры), представители других национальностей (евреи, корейцы, японцы и др.). Этот демографический взрыв привел к бурному развитию региона: росту городов, смешению культур (русские, китайцы, евреи, корейцы создали уникальную среду), экономическому подъему. Периодические издания стали для них важным способом узнавать о национальных и мировых новостях, расширять свой кругозор. В Маньчжурии с 1901 по 1949 г. русские, японцы, поляки, англичане и др. издавали более 500 периодических изданий на 14 языках. Издание иностранных газет позволило китайскому народу постепенно понять их функцию: распространение знаний повышало качество жизни людей, расширяло кругозор, ускоряло интеграцию восточной и западной цивилизаций. В скором времени в Харбине начался самостоятельный выпуск периодики [16].

Несмотря на то что до наших дней дошло мало свидетельств тех времен, учеными всегда велись активные работы по исследованию русской эмиграции [3].

Историю и содержание эмигрантских периодических изданий в целом изучал Г.Г. Сатовский-Ржевский (охватил период с 1917 до 1941 г.) [9], русскую периодику в Харбине – Г.В. Мелихов, А.А. Хисамутдинов, Т.В. Кузнецова, М.Б. Солодка и другие [4; 5; 7]. Из зарубежных ученых наиболее полный обзор периодической литературы сделала профессор университета Торонто О.М. Бакич [8]. Она классифицировала русскоязычную периодику следующим образом:

- 1) предреволюционный период;
  - 2) 1918–1932 гг., время до оккупации Северного Китая японцами;
  - 3) 1932–1945 гг. – период Маньчжу-Ди-Го;
  - 4) 1945 г. – конец 1950-х гг. [10].
- 31 декабря 1952 г. КВЖД была безвозмездно передана во владение Народному Китаю. Китайский профессор Ли Цюнь в книге «Исследования по истории журналистики и коммуникации в провинции Хэйлунцзян (1901–1949)» также выделил четыре периода, но назвал их по-другому:
- 1) конец династии Цин;
  - 2) Китайская Республика;
  - 3) падение;
  - 4) Освободительная война [14].

Гуань Яньцю и Ли Сюлань в статье «Драгоценные исторические материалы Харбина в ранний период: введение в официальную русскую “Харбинскую ежедневную газету”» анализируют уникальную атмосферу Харбина, пропитанную культурными, научными и образовательными проектами, которая дала мощный толчок развитию периодики в то время [11].

Китайские ученые признают, что проведено мало всесторонних и систематических исследований по истории периодических изданий в Северо-Восточном Китае, и нет отдельной темы анализа, выделенной из общей перспективы истории китайской журналистики. Особенно это касается региона Хэйлунцзян. Однако сохранение истории и культуры провинции Хэйлунцзян имеет уникальное значение [12; 14].

Есть суждения китайских исследователей касательно роли русской периодики в Китае. Например, по мнению Лю Яньпина из Института китайского языка и культуры Яньбяньского университета, «русская периодика оставила неизгладимый след в культуре Харбина, русские старались передать в том числе патриотические настроения и поддерживали антияпонские движения через газеты» [18].

Методы и материалы. Предметом исследования является изучение исторического материала о периодике г. Харбина на примере двух харбинских музеев – Харбинского Парка-музея Китайско-Восточной железной дороги (中东铁路印象馆, Chinese Eastern Railway Impressions Hall) и Харбинского городского музея (哈尔滨市博物馆). В статье авторы используют сравнительно-исторический метод как один из основных методов исследования в исторической науке. Авторы выявляют общие закономерности экспозиции периодических изданий в музеях г. Харбина.

В Харбинском Парке-музее КВЖД экспонируются архивные письменные документы, фотографии, культурные реликвии с помощью мультимедиа, 3D-моделирования. Выставочные залы Музея воспроизводят историю строительства Дальневосточной железной дороги, представляя старый город Харбин и обычаи эмигрантов. Черно-белые фотографии и ценные исторические древности в Парке-музее КВЖД рассказывают о перипетиях создания и развития дороги на протяжении ста лет [14].

В Харбинском городском музее, который открылся 28 ноября 2019 г., также представлена информация о ранней периодике г. Харбина.

Анализ представленной периодики в Парке-музее КВЖД. Становление эмигрантской периодики. Выходцы из России выпускали в Китае не только множество книг, но и огромное число газет и журналов. Информацию о печатных изданиях г. Харбина по годам можно увидеть на стенде Парка-музея КВЖД (рис. 1). Официально самой ранней газетой в провинции Хэйлунцзян на стенде Музея числится англоязычное издание Harbin Daily Telegraph Advertising Newspaper, которое было основано в Харбине в 1901 году. Именно этот год рассматривается китайскими исследователями, в том числе Ли Цюнем, как год начала современной журналистики провинции Хэйлунцзян. Русские газеты вскоре также появились в Харбине. Например, в 1902 г. вышла первая русская газета «Северный свет».

Первым научным журналом был «Вестник Азии». Особенность деятельности главных редакторов издания начиная с И.А. Добролювского состояла в том, что они работали на общественных началах. Тем не менее «Вестник Азии» среди журналов являлся наиболее долговечным изданием: за годы его существования вышло 55 номеров. Это был журнал Общества русских ориенталистов, в нем печатались статьи о проблемах жизни стран Восточной Азии, в том числе затрагивающих повседневные интересы практического общения с представителями этого региона. Высокий научный уровень освещения сложных вопросов о различных процессах в Китае, Японии стал возможен благодаря авторам, знавшим историю, экономику, культуру азиатских стран. Свои статьи публиковали Г.Г. Авенариус, И.Г. Баранов, И.А. Добролювский, А.В. Спицин, П.В. Шкуркин и другие авторы [3].

В книге Ли Цюня упоминается, что за 30 лет с «Движения 4 мая» (китайское антиимпериалистическое, культурное и политическое движение, возникшее в результате студенческих протестов в Пекине 4 мая 1919 г.) по сентябрь 1949 г. в Харбине издавалось более 350 газет, в том числе более 200 газет на китайском языке и более 140 газет на иностранных языках [14]. Слишком мало печатных изданий сохранилось до наших дней, в том числе в

связи с запретом вывоза книг, пособий, газет и даже брошюр из Китая [3].

Китайские издания. В Музее на стендах также размещена информация об информационных агентствах в Харбине (рис. 2) ¹. Первое в истории Харбина Восточноазиатское информационное агентство (东亚通讯社) было основано в августе – октябре 1913 года.

Восточно-Китайское информационное агентство (华东通讯社) – крупнейшее информационное агентство, было основано китайцами в Харбине 1 мая 1923 года. Квартира руководителей Цюй Шаои Чэнь Гунтао располагалась по адресу улица Сыдао, 20, Даоли (道里四道街20号) [15].

Первым информационным агентством, основанным коммунистами в Харбине, в провинции Хэйлунцзян 16 сентября 1923 г., стало Харбинское информационное агентство (哈尔滨通讯社). Редактором был Чэнь Вэйжэнь, директором новостей – Ли Чжэньин. С помощью передовых технологий стало возможным преодоление прежних методов коммуникации и ведение революционной пропаганды с помощью радиоволн. Харбинское информационное агентство превратилось в важный фронт антиимпериалистической и антифеодальной пропаганды и распространения марксизма.

Харбинское информационное агентство первым внедрило радио в Китае 1 октября 1926 года. Харбинская радиостанция стала первой беспроводной радиостанцией, управляемой китайцами, одна за другой были запущены две самые важные частные газеты и периодические издания в истории журналистики Хэйлунцзяна – International Association Daily 《国际协报》 и Binjiang Times 《滨江时报》, что значительно способствовало разностороннему развитию новостной и коммуникационной индустрии в Хэйлунцзяне и изменило модель, в которой доминировали иностранные газеты. В то же время первые партийные организации и коммунисты Северо-Восточного Китая, такие как Ма Цзюнь, Чэнь Вэйжэнь, У Лиши, Лю Шаоци, Го Лунчжэнь, Жэнь Гочжэнь, Чэнь Танцю, Чжао Иминь, Чу Гонань и др., возглавили или приняли участие в создании ряда революционных газет, периодических изданий и информационных агентств в Харбине и других местах, вписав славную страницу в историю развития журналистики в Хэйлунцзяне [14].

Издания СССР. На стенде указано, что отделение ТАСС (苏联塔斯社哈尔滨分社) было учреждено в Харбине 1 августа 1925 г., однако в статье М.И. Бабюка, основанной на счетах расходов на отделение, говорится, что корпункт в Харбине начал функционировать с октября 1924 г. [1].

Англо-азиатское телеграфное агентство (英吉利-亚细亚电报通讯社). Англо-азиатская пресса начала выходить 9 февраля 1929 года. Президент – англичанин, Хартунг Флит. Официальное место деятельности общества находилось в здании, расположенном на севере улицы Цзюдао, Даоли. Однако настоящая редакция Англо-азиатского телеграфного агентства располагалась в секретном месте с радиостанцией для телеграфного сообщения с Москвой. До инцидента 18 сентября Англо-азиатское общество имело отделения в Тяньцзине, Шэньяне и Даляне. Только в 1936 г. Англо-Азиатское телеграфное агентство прекратило свою деятельность в Харбине, через год после того, как Восточная железная дорога была куплена японцами [13].

Северо-восточный филиал информационного агентства «Синьхуа» (新华通讯社东北总分社) работал в Харбине с октября 1945 г. по апрель 1946 года.

В период борьбы против японских захватчиков начиная с 1930-х гг. в Маньчжурии, где действовали Маньчжурский провинциальный комитет КПК и Северо-Восточная антияпонская союзная армия, был основан ряд антияпонских газет и периодических изданий. Например, газета «Антияпонское военное-народное движение» была важным средством пропаганды, которое распространяло идеи борьбы против японских оккупантов за национальную независимость и объединение народа против врага.

Эти издания играли важную роль в организации и мобилизации масс против японской оккупации, в продвижении идей Коммунистической партии и в поддержании боевого духа войск и населения. Также издавалась «Ежедневная газета национального спасения» 《救国报》, основанная под руководством Чжоу Баочжуна, «Северо-восточная газета с красной звездой» 《东北红星壁报》 Чжао Шанчжи, издававшаяся в антияпонском лагере в горах. Кроме того, Ян Цзиньюй ру-

ководил созданием «Южно-Маньчжурской антияпонской объединенной информационной ежедневной газеты» 《南满抗日联合报》, Ли Чжаолинь выпускал «Ежедневную газету национального спасения Северной Маньчжурии» 《北满救国报》.

Под руководством и при активном участии КПК борьба в районе Хэйлунцзян приобрела особую силу и направленность. Она разворачивалась на полях частных периодических печатных изданий, а также в подпольных газетах, созданных и поддерживаемых КПК. В то мрачное время, когда район находился под длительным давлением и в состоянии подполья, эти информационные каналы стали настоящим маяком. Они светили дорогу китайскому народу, направляли его борьбу, вдохновляли на непоколебимость и стойкость в противостоянии врагу [14].

Японские издания. Помимо русскоязычной периодики, в Музее приведены издания, выпускающиеся в Харбине в начале XX в. на японском языке (рис. 3). 5 октября 1908 г. в Харбине начала издаваться еженедельная газета «Северная Маньчжурия» 《北满洲》 на японском языке. 1 ноября 1918 г. японец Сайто (斋藤) основал в Харбине «Дальневосточную газету» 《极东报》. В январе 1919 г. была запущена Харбинская товарная газета – Harbin Commodity Exhibition Hall Newspaper 《哈尔滨商品陈列馆报》 на японском языке. В сентябре японцы основали газету Lua Times 《露亚时报》 в Даоли. 1 октября 1922 г. Хисахару Ямамото основал в Харбине «Новую газету Великого Севера» 《大北新报》. 15 октября 1934 г. Харбинская торгово-промышленная палата Японии учредила газету «Северо-Маньчжурская экономическая ежедневная газета» 《北满经济日报》.

В целом периодика в Харбине до 1945 г. издавалась на разных языках. В настоящей статье приведены только самые востребованные из сохранившихся изданий.

Периодические издания, представленные в Харбинском городском музее. В Харбинском городском музее (哈尔滨市博物馆) также представлена информация о ранней периодике г. Харбина, но в сжатом виде.

Эмигрантские русские издания. Представлены стенды с газетой «Дальний Восток» «远东报», говорится, что газета издавалась в течение 15 лет. Издание выходило с 1906 по 1921 г. и стало первой на Северо-Востоке

Китай газетой на китайском языке. Газета «Дальний Восток» финансировалась КВЖД, а ее редакция располагалась к югу от улицы Сикоу на улице Куаньцзе в районе Тоу (ныне 13-я западная улица в районе Даоли). 1 марта 1921 г. «Дальневосточная газета», которая выходила в течение 15 лет, объявила об остановке выпуска. Фань Цзецин, получив оборудование газеты от русских, основал «Биньцзян таймс» и совместно со своим братом Фань Пиньцином занимался управлением этой газеты.

Представлены издания: журнал «Восточное обозрение» июль – сентябрь 1945 г., еженедельный литературно-художественный журнал «Вал» за 2 декабря 1922 г., журнал «Сад и огород» (журнал общества любителей садоводства) за 1915 г., газета «Заря», основанная в 1920 г. М.С. Лембич, Г.Н. Шипковым, газета «Русский голос» за 1925 г., газета «Новая жизнь» за 4 января 1918 г., газета «Трибуна» за 28 января 1924 г., газета «Эхо» за 8 июля 1925 г., журнал «Архитектура и жизнь» за 1921 год. Также здесь представлены японские издания: ежедневная японская газета на русском языке «Харбинское время» за 1939 г., 74-й выпуск (зарегистрирована в Японском Генконсульстве в Харбине) (рис. 4).

В Музее можно увидеть журнал «Рубеж» – еженедельный литературно-художественный журнал, издававшийся в Харбине. Первый номер датирован 20 августа 1926 г., последний – 10 августа 1945 года. Вышло 862 номера. Бессменный издатель (директор-распорядитель) – журналист Е.С. Кауфман. Редактором журнала (с 1929 г.) был М.С. Рокотов (настоящая фамилия Бибинов), с 1941 г. – попеременно Л.П. Ефимов и Е.Г. Кокшаров. «Рубеж» стал наиболее известным изданием русской Маньчжурии, имел собственных корреспондентов в Европе, Америке и Австралии. В нем печатались не только местные авторы, но и писатели европейской русской эмиграции. Постоянными авторами были Алексей Ачаир, Арсений Несмелов, Валерий Перелешин.

Сравнение журналов, представленных в Парке-музее КВЖД и Харбинском городском музее, можно увидеть в таблице.

Основные социальные тенденции, наблюдаемые в периодических изданиях Харбина. Периодические издания Харбина первой трети XX в. представляют собой ценный

исторический источник, фиксирующий ключевые социальные, политические и культурные процессы эпохи. В условиях пограничного статуса города, где пересекались интересы Российской империи (а затем эмигрантских кругов), Китая и других иностранных держав, местная пресса стала ареной идеологической борьбы и межкультурного диалога.

Русскоязычная пресса, включая такие издания, как «Эхо» и «Новая жизнь», играла значительную роль в распространении марксистских идей, акцентируя роль пролетариата в грядущей социалистической революции. Эти публикации способствовали росту классового самосознания среди рабочих КВЖД, формируя дискурс социального протеста [17].

Выборочный обзор газет. Газета «Русский голос» (1 января 1926 г.). Помимо новогодних поздравлений от компании «Чурин», издание поместило статью «Десоциализация – контрреволюция», демонстрируя антибольшевистскую позицию части эмиграции.

Газета «Трибуна» (28 января 1924 г.). Первая полоса посвящена официальным объявлениям о приостановке работы в связи со смертью В.И. Ленина, что свидетельствует о значимости этого события даже для оппозиционных кругов. На второй странице размещены материалы «День похорон» и «Ленин и молодежь», отражающие попытки осмысления его наследия.

Газета «Эхо» (8 июля 1925 г.). Статья «Героическая национально-освободительная борьба китайского народа» содержит обвинения в адрес «английских империалистов», что указывает на влияние антиколониального дискурса в левой прессе.

Газета «Заря» (№ 180, 1929 г.). Публикации «Мы знаем край. Мы можем быть полезны» и «Они золотыми буквами вписаны в историю» подчеркивают роль русской эмиграции в развитии региона, тогда как материал «Харбинский вокзал: история» актуализирует тему культурного наследия.

Газета «Харбинское время. Вечером» (13 декабря 1936 г.). Сообщение о мятеже Чжан Сюэ-ляна против Нанкина и аресте Чан Кайши фиксирует напряженность в китайской политике, что свидетельствует о включенности русскоязычной прессы в локальный контекст.

По периодике, хранящейся в Харбинском городском музее, мы видим, что в первой половине XX в. она являлась не только средством информации, но и инструментом идеологической борьбы, отражая сложное переплетение революционных, национальных и колониальных нарративов. Анализ конкретных изданий позволяет реконструировать динамику общественных настроений, демонстрируя, как глобальные исторические процессы преломлялись в условиях дальневосточного пограничья.

Современность. Периодика в Китае претерпела много превратностей судьбы, но издания на русском языке существуют и сейчас. В наши дни, как и раньше, чувствуется большая потребность харбинского населения в информации на русском языке.

Примечательно, в Харбинском городском музее при входе представлен современный журнал «Партнеры», являющийся единственным периодическим изданием КНР, ориентированным на носителей русского языка. Учредители журнала: Пресс-канцелярия Народного правительства провинции Хэйлунцзян, Пресс-канцелярия Госсовета КНР. Журнал существует для того, чтобы знакомить русских с культурой и новостями Китая. При помощи Русского клуба в Харбине соотечественники общаются и рассказывают о себе [6]. С марта 2009 г. по 2014 г. по инициативе литературного редактора «Партнеров» и члена правления клуба Ларисы Жебокритской клуб издавал ежемесячный иллюстрированный журнал «Партнеры. Берега дружбы», выходивший в формате приложения к китайскому государственному русскоязычному журналу «Партнеры». В приложении освещалась деятельность русских клубов в Китае, публиковались истории из жизни представителей русской диаспоры. Оно было ориентировано конкретно на русских, проживающих в Китае. Отдельное место среди номеров журнала занимает спецвыпуск, изданный к 65-летию победы в Великой Отечественной войне и посвященный Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 г. (рис. 5).

Также музейные работники оповещают, что в настоящее время Хэйлунцзянский университет в своем журнале «Исследования России» переводит труды российских ученых на китайский язык.

Результаты. Анализ представленности периодических изданий в музеях г. Харбина – Парке-музее КВЖД и Харбинском городском музее – за первую половину XX в. позволяет сделать вывод, что в обоих музеях информация о периодике дана выборочно. Однако сохранившиеся периодические издания имеют большой потенциал, выступая в качестве исторических источников, поскольку отражают ключевые события мировой истории, включая Россию и СССР, позволяют выявить наиболее значимые акценты, на которые обра-

щали внимание в Китае и благодаря которым через русскую эмиграцию формировался образ России в китайском обществе. С момента основания КВЖД прошло много времени, но интерес как к старым, так и к современным изданиям на русском языке в Харбине не угасает.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Перевод информации со стендов осуществила А.Н. Стеблянская.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русская периодика Харбина, представленная в музеях г. Харбина
Russian periodicals from Harbin, presented in the museums of Harbin

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
Предреволюционный период				
1898 год				
Первое русское издание – журнал «Харбин». Был посвящен жизни первых русских жителей Харбина [8, с. 154–167]	1898 год	Выпускал офицер охранной стражи КВЖД А.И. Гучков (1862–1936), будущий председатель 3-й Государственной Думы	Нет информации	Нет информации
1901 год				
«Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений» 《哈尔滨每日电讯广告报》. Harbin Daily Telegraph Advertising Newspaper	Газета основана 14.08.1901. Была закрыта 10.05.1902 (в мае 1905 г. ее выпуск возобновился, но 28.11.1905 вновь была закрыта)	Издатель газеты П.В. Ровенский был во время первой русской буржуазно-демократической революции членом Харбинской организации партии эсеров. Второй редактор: М.Ф. Полежака	На стенде не указано, что в 1905 и 1906 гг. Ровенский выпускал газеты «Маньчжурия» и «Молодая Россия».	Нет информации
1903 год				
Официальный орган Управления КВЖД – «Харбинский вестник» 《哈尔滨日报》《哈尔滨导报》	Начало издания – 23.06.1903, накануне ввода в эксплуатацию КВЖД. Выходила 17 лет, широко распространялась и оказывала значительное влияние на харбинцев. В 1917 г. переименована в «Железнодорожник» 《铁路员工》报. С 01.01.1918 сменила название на «Вестник Маньчжурии», просуществовав до 1920 года	Редакторы: П.С. Тищенко; И.А. Добролюбовский	Нет информации	Нет информации
1906 год				
Ежедневная русскоязычная газета «Харбин» 《哈尔滨》	Основана 04.02.1906, закрыта 26.01.1910	Редактор: А.М. Попов	Есть информация	Нет информации
Русскоязычная газета «Девять волн» 《九级浪》	Основана в 14.08.1907	–	Есть информация	Нет информации

Продолжение таблицы
Continuation of Table

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
Газета «Новости Дальнего Востока» Eastern Daily 《远东报》	Первый выпуск 14.03.1906. Издавалась в течение 15 лет. Прекращение выпуска связано с кризисом на КВЖД	–	Есть информация	Есть информация
1907 год				
Газета «Девять волн» объединилась с «Ориентальным бюллетенем» 《东方通讯》 и сменила название на «Новая жизнь» 《新生活》	14.11.1907. С 01.07.1914 переименована в «Новости жизни» 《生活新闻》, а в конце 1928 г. закрыта	Главный редактор – З.М. Клиорин. С 10.10.1912 главный редактор – С.Р. Чернявский	Есть информация	Есть информация о газете «Новости жизни» 《生活新闻》
1908 год				
«Газета народной помощи Дальнего Приамурья» 《外阿穆尔人清困报》. Издание Харбинской военной организации Российской партии социалистов-революционеров	С 02.03.1908	–	Есть информация	Нет информации
Газета «Маньчжурские рабочие» 《满洲工人》 основана Харбинским организационным комитетом Российской социал-демократической партии	С 22.04.1908	–	Есть информация	Нет информации
«Известия Харбинского отделения Императорского общества» выпускало Харбинское отделение Императорского общества, руководимое россиянами	Октябрь 1908 года	Редактор: А.А. Баранова	Есть информация. В некоторых русскоязычных источниках дата создания указывается 1910 г. [3, с. 190–195]	Нет информации
Еженедельник «Железнодорожная жизнь на Дальнем Востоке»	1908 год	Редактор: Н.А. Усов	Есть информация	Нет информации

Продолжение таблицы
Continuation of Table

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
1909 год				
Журнал «Вестник Азии» 《亚细亚时报》 основала Харбинская ассоциация ученых-востоковедов	1909 год. Выпуск прекращен в 1926 году	Главный редактор: В.А. Добролювский	Есть информация	Есть информация
«Вестник Маньчжурии». Приложение – Экономический бюллетень	В 1909–1917 годах	Активно сотрудничали русские востоковеды: И.А. Добролювский, Г.Г. Авенариус, И.Г. Баранов, Н.П. Мацокин, А.В. Спицын, П.В. Шкуркин и др. Редактор-издатель Н.А. Усов, ранее начальник 2-го отделения службы движения Забайкальской железной дороги	Нет информации	Есть информация
1911 год				
«Маньчжурский курьер» 《满洲报》	Основан 14.09.1911	Главный редактор – М.Ф. Черниковский	Нет информации	Нет информации
1913 год				
«Сельское хозяйство в Северной Маньчжурии»	1913 год	–	Нет информации	Нет информации
«Просветительское дело в Азиатской России» – журнал Маньчжурского педагогического общества	Издавался в Харбине с 1913 г., закрыт с прекращением деятельности общества в 1918 году	Редакторы: М.В. Замятин, затем М.К. Костин	Нет информации	Нет информации
1915 год				
Журнал «Сад и огород», Журнал общества любителей садоводства	1915 год	–	Нет информации	Есть информация
1917 год				
Харбинское отделение Российской народно-либеральной партии учредило «Вестник» 《公报》	Ноябрь 1917 года	–	Нет информации	Нет информации

Продолжение таблицы
Continuation of Table

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
1918 год				
Газета «Железнодорожные служащие» 《铁路员工》 прекратила выходить и была переименована в «Маньчжурский вестник» 《满洲导报》	01.01.1918	Редактор: И.А. Доброловский	Есть информация	Нет информации
Русскоязычная ежедневная газета «Трудовая дорога» 《劳动之路》	14.07.1918	На стенде указано главный редактор Д. 采汉斯基	Нет информации	Нет информации
Газета «Наши дни» 《我们的日子》	Июль 1918 года	–	Нет информации	Нет информации
Газета «Свет»	1918–1924 годы	Г.Г. Сатовский-Ржевский – редактор и издатель	Нет информации	Нет информации
1918–1932 гг., время до оккупации Северного Китая японцами				
1920 год				
«Вестник Китайской восточной железной дороги» (Харбин, 1920–1924 гг.). Ежедневный, выпускался Управлением КВЖД	1920–1924 годы	–	Нет информации	Нет информации
Газета «Заря» 《霞光报》	Основана в 1920 году	М.С. Лембич, Г.Н. Шипков	Нет информации	Есть информация
Журнал «Вождь» 《领袖》	1921 год	Издательство «Вождь»	Нет информации	Есть информация
Ежемесячный иллюстрированный журнал «Архитектура и жизнь» 《建筑艺术与生活》	1921–1922 годы	Редактор-издатель: инженер Н.В. Никифоров	Нет информации	Есть информация
Газета «Русский голос» 《俄罗斯之声报》	1920–1925 годы	–	Нет информации	Есть информация
1922 год				
«Известия Общества изучения Маньчжурского края»	с 1922 года	А.Н. Новицкий	Нет информации	Нет информации

Продолжение таблицы
Continuation of Table

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
Вестник Маньчжурского педагогического общества	1922–1923 годы	Выпускало Харбинское педагогическое общество, Типография Л.М. Абрамовича	Нет информации	Есть информация
1923 г.				
«Экономический вестник Маньчжурии». С 1925 г. переименован в «Вестник Маньчжурии» (Manhcuria Monitor). Издание управления КВЖД. Основные темы – экономика Маньчжурии, краеведение	Выходит в Харбине с 1923 по 1934 год. Издавался ежемесячно, с 1933 г. выходил два раза в месяц	Редакторы: И Ли Чун, Е.Г. Лиманов, И.С. Горшенин, М. Левковский, Б.Л. Зон, В.Н. Рогов, А.П. Михайлов, А.М. Галицкий и др.	Нет информации	Нет информации
Журнал «Святая Русь»	1923–1924 годы	–	Нет информации	Нет информации
Газета «Рассвет» «Harbin dawning» 《晨光报》. Публикуется под руководством Коммунистической партии Китая (далее – КПК)	21.02.1923	Организатором выступила Харбинская группа пробуждения национального спасения, состоящая из 8 молодых интеллектуалов-патриотов, а также издатель и писатель Хань Тешэн (Хань Цинчан). Ли Чжэньин и Чэнь Вэйжэнь, члены КПК, числились в газете под псевдонимом, занимаясь революционной деятельностью в качестве журналистов	Нет информации	Нет информации
1925 год				
«Экономический бюллетень». Приложение к «Вестнику Маньчжурии»	1925 год	–	Нет информации	Нет информации

Продолжение таблицы
Continuation of Table

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
«Бюллетень объединенной выставки товаров взаимного экспорта Китая и СССР» (Приложение к «Известиям Общества изучения Маньчжурского края»)	1925 год	А.А. Рачковский	Нет информации	Нет информации
Газета «Эхо» 《回声报》	1925–1926 годы	–	Нет информации	Есть информация
Известия юридического факультета, г. Харбин	1925–1929 годы	–	Нет информации	Нет информации
Журнал «Рубеж» 《边界》	1925–1935 годы	Е.С. Кауфман. Редактором журнала (с 1929 г.) был М.С. Рокотов (настоящая фамилия Бибинов), с 1941 г. – попеременно Л.П. Ефимов и Е.Г. Кокшаров	Нет информации	Представлено несколько выпусков на стенде, в том числе «Рождественский выпуск»
Газета Northeast Morning Post 《东北早报》 была первой общественной газетой, основанной КПК в Северной Маньчжурии	15 августа 1925 год	15 августа 1925 г. по адресу: г. Харбин, улица Чайна Шишидао, дом 15, район Даоли; (ныне г. Харбин, улица Западная Шишидао, дом 29, начальная школа Харбина Шанчжи)	Нет информации	Есть информация
1931 год				
Японская газета «Харбинское время» «HARBINSKOE VREMIA» на русском языке. Зарегистрирована в Японском Генконсульстве в Харбине	1931–1939 годы	Зарегистрирована в Японском генеральном консульстве в Харбине. Под редакцией И.А. Михайлова	Нет информации	Есть информация
Вечерняя газета «Харбинское время. ВЕЧЕРОМ».	1931–1938 годы	Зарегистрирована в Японском генеральном консульстве в Харбине. Под редакцией И.А. Михайлова	Нет информации	Есть информация

Окончание таблицы

End of Table

Название печатного издания	Годы существования печатного издания	Редакторы, авторы	Наличие / отсутствие информации в Парке-музее КВЖД	Наличие / отсутствие информации в Музее города Харбина
1932–1945 гг. – период Маньчжу-Ди-Го				
Ежемесячник «Луч Азии. Свет с Востока»	1934–1945 годы	Издавался БРЭМ под редакцией М.Н. Гордеева	Нет информации	Нет информации
Общественно-политический и литературный журнал «Восточное обозрение»	1939–1945 годы	–	Нет информации	Нет информации
1945 г. – конец 1950-х годов				
«Записки Харбинского Общества естествоиспытателей и этнографов»	1946–1955 годы	ред. Н.В. Устрялов	Нет информации	Нет информации

Рис. 1. Информационный стенд в Парке-музее КВЖД о периодических изданиях на русском языке, выходивших в Харбине
Fig. 1. Information stand in the Museum of Impressions of the Chinese Eastern Railway regarding periodicals in Russian published in Harbin

Рис. 2. Информационные агентства в Харбине, стенд Парка-музее КВЖД
Fig. 2. News agencies in Harbin, stand of the Museum of Impressions of the Chinese Eastern Railway

Рис. 3. Газеты, издававшиеся в Харбине на японском языке
Fig. 3. Japanese-language newspapers published in Harbin

Рис. 4. Стенд с периодикой Харбина в Харбинском городском музее

Fig. 4. Stand of Harbin periodicals at the Harbin City Museum

Рис. 5. Спецвыпуск журнала «Берега дружбы», посвященный Маньчжурской стратегической наступательной операции 1945 года

Fig. 5. Special issue of the magazine "Shores of Friendship", dedicated to the Manchurian strategic offensive operation of 1945

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабюк М. И. Деятельность корреспондентских пунктов и отделений РОСТА и ТАСС за рубежом в 1920-е гг.: финансово-экономический аспект // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. 2023. № 2. С. 125–144. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2023.125144
2. Дудин П. Н. Договорный механизм обеспечения российского стратегического присутствия на Дальнем Востоке (на примере КВЖД) // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 63–71. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.24596
3. Лютова Н. К. Журналы харбинской россики в документных фондах Дальневосточной государственной научной библиотеки // Одиннадцатые Макушинские чтения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2018. С. 190–195. DOI: 10.20913/2618-6691-2018-21-190-195
4. Мелихов Г. В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 200 с.
5. Солодка М. Б. К истории издательской деятельности русской дальневосточной эмиграции // Культурная жизнь Юга России. 2004. № 1 (7). С. 71–72.
6. Стеблянская А. Н. Семеновы-Знаменские в Харбине. Материалы к биографии // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2024. Т. 9, № 2. С. 57–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-57-66
7. Хисамутдинов А. А. Русские эмигранты-востоковеды в Харбине // Известия Восточного института. 2013. № 1 (21). С. 20–32.
8. Хисамутдинов А. А. Российская периодическая печать в Харбине // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2016. № 2 (37). С. 154–167.
9. Хисамутдинова Н. В. Русские специалисты как основатели межкультурных коммуникаций России и Китая // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Хабаровск. 2010. № 2. С. 143–146.
10. Bakich O. Overview of the Russian Periodical Press in Harbin // AAASS 29th National Convention Seattle, USA. 20–24 November, 1997.
11. 关砚秋、李秀兰：《哈尔滨早期珍贵的史志资料—官办俄文〈哈尔滨日报〉简介》，《黑龙江史志》2000年第4期。（На кит. яз.）
12. 石方：《中东铁路的修筑对哈尔滨经济社会发展的作用和影响》，《学习与探索》1995年第4期。（На кит. яз.）
13. 雷扬. “通讯社”词源、含义及演变探究. 中国科技术语 2014, 16(4): 51–53. (На кит. яз.).
14. 李群, 黑龙江新闻传播史研究 (1901—1949) 中国社会科学出版社, 2021. 321 p. (На кит. яз.).

15. 万京华. 中国近代新闻通讯业的历史源起. 现代传播, 2018, 40(3), p. 41–45. DOI:10.3969/j.issn.1007-8770.2018.03.007. (На кит. яз.).
16. 王岩著, 中东铁路历史建筑构筑形态与技术 哈尔滨工业大学出版社, 2018. 429 p. (На кит. яз.).
17. 中东铁路历史编年: 1895–1952 中国人民政治协商会议黑龙江省委员会文史资料研究委员会编辑部编. 1999. 332 p. (На кит. яз.).
18. 《一段鲜为人知的历史—契诃夫与符拉迪沃斯托克》，俄罗斯文艺, 2002. 4. (На кит. яз.).

REFERENCES

1. Babjuk M.I. Dejatelnost korrespondentskih punktov i otdelenij ROSTA i TASS za rubezhom v 1920-e gg.: finansovo-ekonomicheskij aspekt [Overseas Activities of Bureaus and Departments of ROSTA and TASS in the 1920s: The Financial and Economic Aspect]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2023, no. 2, pp. 125–144. DOI: 10.30547/vestnik.journ.2.2023.125144
2. Dudin P.N. Dogovornyj mehanizm obespechenija rossijskogo strategicheskogo prisutstvija na Dalnem Vostoke (na primere KVZhD) [Contractual Mechanism for Ensuring the Russian Strategic Presence in the Far East (On the Example of the Chinese Eastern Railway)]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovanija* [Historical Journal: Scientific Research], 2017, no. 6, pp. 63–71. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.24596
3. Ljutova N.K. Zhurnaly harbinskoj rossiki v dokumentnyh fondah Dalnevostochnoj gosudarstvennoj nauchnoj biblioteki [Journals of the Harbin Russian Library in the Document Collections of the Far Eastern State Scientific Library]. *Odinnadcatye Makushinskie chtenija* [The Eleventh Makushinsky Readings]. Novosibirsk, GPNTB SO RAN, 2018, pp. 190–195. DOI: 10.20913/2618-6691-2018-21-190-195
4. Melihov G.V. *Belyj Harbin. Sredina 20-h* [White Harbin. Mid-20s]. Moscow, Russkij put Publ., 2003. 200 p.
5. Solodkaja M.B. K istorii izdatelskoj dejatelnosti russkoj dalnevostochnoj emigracii [On the History of Publishing Activities of the Russian Far Eastern Emigration]. *Kulturnaja zhizn Juga Rossii* [Cultural Life of the South of Russia], 2004, no. 1 (7), pp. 71–72.
6. Stebljanskaja A.N. Semenov-Znamenskij v Harbine. Materialy k biografii [The Semenov-Znamensky Family in Harbin. Materials for the Biography]. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istorija. Sovremennost* [Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity], 2024, vol. 9, no. 2, pp. 57–66. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-2-57-66

7. Khisamutdinov A.A. Russkie emigranty-vostokovedy v Harbine [Russian Emigrants-Orientalists in Harbin]. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Izvestia of the Oriental Institute], 2013, no. 1 (21), pp. 20-32.

8. Khisamudinov A.A. Rossijskaya periodicheskaya pechat v Harbine [Russian Periodical Press in Harbin]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies], 2016, no. 2 (37), pp. 154-167.

9. Khisamutdinova N.V. Russkie specialisty kak osnovateli mezhkulturnyh kommunikacij Rossii i Kitaya [Russian Specialists as the Founders of Intercultural Communications Between Russia and China]. *Socialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke. Habarovsk* [Social Sciences and Humanities in the Far East. Khabarovsk], 2010, no. 2, pp. 143-146.

10. Bakich O. Overview of the Russian Periodical Press in Harbin. *AAASS 29th National Convention Seattle, USA. 20–24 November, 1997*.

11. Guan Yanqiu, Li Xiulan. The Precious Historical Materials of Harbin in the Early Period: An Introduction to the Official Russian “Harbin Daily”. *Heilongjiang Historical Records*, 2000, no. 4. 关砚秋、李秀兰：《哈尔滨早期珍贵的史志资料——官办俄文〈哈尔滨日报〉简介》，《黑龙江史志》2000年第4期。

12. Shi Fang. The Role and Influence of the Construction of the Middle Eastern Railway on the Economic and Social Development of Harbin. *Study and Exploration*, 1995, no. 4. 石方：《中东铁路的修筑对哈尔滨经济社会发展的作用和影响》，《学习与探索》1995年第4期。

13. Lei Yang. Origin and Evolution of “tongxunshe”. *China Terminology*, 2014, vol. 16 (4),

pp. 51-53. 雷扬。“通讯社”词源、含义及演变探究。《中国科技术语》2014, 16(4): 51-53.

14. Li Qun. Research on the History of Journalism and Communication in Heilongjiang (1901–1949). *China Social Sciences Press*, 2021. 321 p. 李群，黑龙江新闻传播史研究（1901—1949）中国社会科学出版社，2021. 321 p.

15. Wan Jinghua. The Historical Origin of China’s Modern News and Communication Industry. *Modern Communication*, 2018, vol. 40 (3), pp. 41-45. DOI: 10.3969/j.issn.1007-8770.2018.03.007. 万京华。中国近代新闻通讯业的历史源起。《现代传播》，2018, 40(3), p. 41-45. DOI:10.3969/j.issn.1007-8770.2018.03.007

16. Wang Yan. *The Construction Form and Technology of the Historical Buildings of the Middle East Railway*. Harbin Institute of Technology Press, 2018. 429 p. 王岩著，中东铁路历史建筑构筑形态与技术 哈尔滨工业大学出版社，2018. 429 p.

17. Zheng Chang, Chun Bian. *Middle Eastern Railway Historical Chronicle: 1895–1952*. Edited by the Editorial Department of the Literary and Historical Materials Research Working Committee of the Heilongjiang Provincial Committee of the Chinese People’s Political Consultative Conference. Heilongjiang People’s Publishing House, 1999. 332 p. 中东铁路历史编年：1895–1952 中国人民政治协商会议黑龙江省委员会文史资料研究工作委员会编辑部编，1999. 332 p.

18. A Little-Known Page of History – Chekhov and Vladivostok. *Russian Literature and Art*, 2002, no. 4. 《一段鲜为人知的历史——契诃夫与符拉迪沃斯托克》，《俄罗斯文艺》，2002.4.

Information About the Authors

Alina N. Steblyanskaya, PhD (Philosophy), Associate Professor, School of Economics and Management, Harbin Engineering University, Nantong St, 145, 150001 Harbin, People’s Republic of China, alinamv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1995-4651>

Maksim P. Vasiev, Doctoral Student, School of Economics and Management, Harbin Engineering University, Nantong St, 145, 150001 Harbin, People’s Republic of China, vasievmp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3262-5913>

Информация об авторах

Алина Николаевна Стеблянская, PhD (философия), доцент института экономики и менеджмента, Харбинский инженерный университет, ул. Наньтун, 145, 150001 г. Харбин, Китайская Народная Республика, alinamv@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1995-4651>

Максим Петрович Васиев, докторант института экономики и менеджмента, Харбинский инженерный университет, ул. Наньтун, 145, 150001 г. Харбин, Китайская Народная Республика, vasievmp@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3262-5913>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.7>

UDC 94(430).082

LBC 63.3(4Гем)53

Submitted: 21.01.2024

Accepted: 03.02.2025

**“PAN-SLAVISTS ARE NOW SETTING THE TONE IN RUSSIA”:
THE IMAGE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE GERMAN LIBERAL PRESS
OF THE EARLY 1880s**

Nikolay A. Vlasov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The goal of the presented study is to reconstruct the image of the Russian Empire in the German liberal press of the early 1880s. Findings will lead to a better understanding of the driving forces behind the evolution of Russian-German relations during the last quarter of the 19th century. *Methods and materials.* The research is based on materials from the four most influential independent quality daily newspapers published in the German Empire from the beginning of 1880 to the middle of 1883; all of them were politically liberal. Chronologically the research covers key events related to the end of the reign of Alexander II and the beginning of the reign of Alexander III, which attracted the attention of the German press. The key research method is qualitative content analysis. *Analysis and results.* During the early 1880s the German press paid considerable attention to different events in Russia. The image of the Russian Empire was neither unambiguously positive nor unambiguously negative. Russia was recognized as a part of European civilization, sympathies for the Russian people were declared, “Great reforms” were welcomed, and Russian monarchs Alexander II and Alexander III were positively assessed. At the same time, the thesis of Russia’s backwardness invariably appeared, the situation inside the country was dubbed critical, and a sharply negative assessment was given to the Russian bureaucracy. Great importance was attached by the press to the activities of the pan-Slavists, who were presented as a powerful destructive force capable of imposing their will even on the emperors. The German liberal press of the early 1880s shaped the image of the Russian Empire in German society as an unstable neighbor and an unreliable and even dangerous partner. This had a strong impact on the perception of Russia in German public opinion and on the dynamics of bilateral relations. *Financing.* The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (RNF), project 23-28-00090, “The image of Russian Pan-Slavism in Western Europe in the last third of the 19th century.”

Key words: image of Russia, German liberal press, Narodism, Russian pan-Slavism, Russian-German relations, national stereotypes.

Citation. Vlasov N.A. “Pan-Slavists Are Now Setting the Tone in Russia”: The Image of the Russian Empire in the German Liberal Press of the Early 1880s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 89-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.7>

УДК 94(430).082

ББК 63.3(4Гем)53

Дата поступления статьи: 21.01.2024

Дата принятия статьи: 03.02.2025

**«ПАНСЛАВИСТЫ СЕЙЧАС ЗАДАЮТ ТОН В РОССИИ»:
ОБРАЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГЕРМАНСКОЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПРЕССЕ
НАЧАЛА 1880-х ГОДОВ**

Николай Анатольевич Власов

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Целью исследования является реконструкция образа Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов. Решение этой задачи позволяет лучше понять причины

эволюции российско-германских отношений в последней четверти XIX века. *Методы и материалы.* Источниковую базу исследования составили материалы четырех наиболее влиятельных независимых качественных ежедневных газет, выходивших в Германской империи в период с начала 1880 г. до середины 1883 г. и придерживавшихся либеральной направленности. Хронологические рамки охватывают ключевые события, связанные с окончанием царствования Александра II и началом царствования Александра III и привлекавшие большое внимание германской прессы. Ключевым методом исследования выступает качественный контент-анализ. *Анализ и результаты.* В 1880–1883 гг. германская пресса проявляла значительный интерес к событиям в России. При этом образ Российской империи не был ни однозначно положительным, ни однозначно отрицательным. Россия признавалась частью европейской цивилизации, декларировались симпатии к русскому народу, приветствовались Великие реформы, позитивно оценивались российские монархи Александр II и Александр III. В то же время неизменно фигурировал тезис об отставании России от западноевропейских государств, ситуация внутри страны рассматривалась как критическая, резко негативная оценка давалась российскому административному аппарату. Большое значение придавалось деятельности панславистов, которые представляли в роли могущественной деструктивной силы, способной навязать свою волю самим императорам. Немецкая либеральная пресса начала 1880-х гг. формировала в германском обществе образ Российской империи как нестабильного соседа, ненадежного и даже опасного партнера. Это не могло не оказывать влияние на восприятие России германским общественным мнением и на динамику двусторонних отношений. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

Ключевые слова: образ России, германская либеральная пресса, народничество, российский панславизм, российско-германские отношения, национальные стереотипы.

Цитирование. Власов Н. А. «Панслависты сейчас задают тон в России»: образ Российской империи в германской либеральной прессе начала 1880-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 89–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.7>

Введение. После Первой мировой войны в академических кругах, прессе и публицистике началось активное обсуждение вопроса о том, являлось ли столкновение России и Германии неизбежным и можно ли было сохранить существовавшее в XIX в. сотрудничество Берлина и Петербурга. Эти дискуссии продолжаются по сегодняшний день. Было бы неверным искать причины ухудшения российско-германских отношений в последней трети XIX в. только по одну сторону границы или сводить их только к одному фактору. В данном случае мы имеем дело со сложным процессом, определявшимся целым набором движущих сил. Хотя ключевую роль в принятии внешнеполитических решений как в Берлине, так и в Петербурге играл узкий круг лиц, весьма значительное влияние на эти решения оказывало общественное мнение. Сложившиеся в обеих странах представления о соседе разделялись или учитывались правящей элитой, находившейся внутри национального дискурса. В особенности это касалось Германской империи, где существование парламента и развитых институтов общественного мнения заставляло руководство страны заботиться

о поддержке обществом своих шагов на международной арене.

Имевшиеся в Германии представления о России оказывали весьма существенное влияние на «восточную политику» Берлина. Изучением этих представлений на протяжении последних десятилетий активно занимались как российские (О.В. Заиченко [2], А.С. Медяков [3], К.Н. Цимбаев [4]), так и германские [47; 64] историки. Внимание исследователей, однако, сосредоточивалось в основном на временном отрезке, непосредственно предшествовавшем Первой мировой войне. Кроме того, приоритетным объектом изучения становились взгляды отдельных значимых фигур – государственных деятелей либо влиятельных публицистов. При этом явно недостаточное внимание уделялось, во-первых, критическому для российско-германских отношений периоду 1880-х гг., во-вторых, такому важному источнику, как пресса.

Целью представленной статьи является реконструкция образа Российской империи в германской качественной прессе начала 1880-х годов. Хронологические рамки исследования включают в себя временной проме-

жуток с начала 1880 г. до середины 1883 г. – завершающую фазу внутривосточного кризиса последних лет царствования Александра II и начало царствования Александра III (до его коронации в Москве включительно). Выбор таких рамок обусловлен тем, что в Российской империи произошел целый ряд масштабных и ярких внутри- и внешнеполитических событий, привлекавших большое внимание германской прессы, а также фактически осуществлялся выбор дальнейшего пути развития страны. В данный временной период политические отношения двух стран характеризовались позитивной динамикой: кризис конца 1870-х гг., казалось, был преодолен, в 1881 г. состоялось подписание нового соглашения о «союзе трех императоров», в германском официальном дискурсе Россия неизменно изображалась в качестве давнего и надежного друга и партнера. Изучение же взглядов представителей германского руководства, в первую очередь О. фон Бисмарка, показывает, что их реальные оценки внутри- и внешнеполитического развития России в эти годы оставались весьма негативными [1].

Необходимо еще раз отдельно подчеркнуть, что в задачи данного исследования не входит оценка соответствия рассматриваемого образа реальной российской действительности. Очевидно, что на представления о соседнем государстве всегда влияет значительное число факторов – от глубоко укоренившихся национальных стереотипов до текущих политических интересов, которые искажают общую картину. Однако сравнительный анализ и изучение характера данных искажений – тема для отдельного большого исследования.

Методы и материалы. Источниками данного исследования являлись издания, относящиеся к категории качественной прессы (то есть ориентированной на образованных людей, активно интересующихся политикой) и при этом не связанные непосредственно с какой-либо политической партией. Эти ежедневные газеты имели достаточные возможности для того, чтобы поддерживать масштабную сеть корреспондентов за рубежом и привлекать к сотрудничеству экспертов по актуальным сюжетам. Их стоимость была сравнительно высока, а тираж невелик, однако влияние рассматриваемых изданий распро-

странялось на гораздо более широкий круг лиц, чем их непосредственные читатели. Во-первых, последние часто принадлежали к числу так называемых «лидеров мнений», формировавших взгляды своего окружения. Во-вторых, материалы ведущих качественных газет постоянно перепечатывались другими, менее значимыми изданиями, не имевшими возможностей самостоятельно получить информацию и аналитику высокого уровня. В результате возникал эффект, который можно назвать «двойным информационным каскадом».

В фокусе нашего внимания находятся четыре ежедневные газеты из числа наиболее влиятельных: *Königlich privilegierte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen*, обычно для краткости называемая *Vossische Zeitung* (главный редактор – Фридрих Штефани), *Kölnische Zeitung* (редакторы – Аугуст Шмитц и Франц Фишер), *National-Zeitung* (главный редактор – Фридрих Дербург) и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* (главный редактор – Эмиль Пиндтер). Хотя все они не имели партийной принадлежности, у них присутствовал свой политический профиль, который можно охарактеризовать как умеренно либеральный. При этом наиболее «левой» являлась *Vossische Zeitung*, в то время как *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* склонялась к консервативному лагерю. Более того, последнее из названных изданий имело устойчивую репутацию правительственного официоза, передовицы в котором публиковались только с санкции имперской канцелярии [46, S. 137].

Ключевым методом данного исследования являлся качественный контент-анализ [66]. От классического (количественного) контент-анализа он отличается тем, что не подразумевает статистической обработки данных. В основе этого метода лежат три ключевых тезиса. Во-первых, смысл текста не всегда выражен напрямую, может быть достаточно сложным. Во-вторых, часто для понимания смысла необходимо анализировать текст (или даже серию текстов) целиком, он неразложим на отдельные компоненты без существенных потерь. В-третьих, частота упоминания не всегда является главным признаком значимости той или иной темы или сюжета [38, p. 83]. Метод позволяет анализировать не только прямые высказывания,

но и лежащие в их основе неявные послышки, придающие этим высказываниям логику и часто отражающие глубинные убеждения и стереотипы, что особенно актуально в рамках данного исследования.

В процессе исследования были обработаны все номера четырех вышеупомянутых газет за период с января 1880 г. по июнь 1883 года. Было выявлено 418 публикаций – передовых статей или материалов новостных рубрик, подробно и с использованием оценочных суждений освещавших те или иные стороны российской действительности. Высказывания из данных статей являлись основными единицами анализа и были распределены по тематическим блокам. При интерпретации результатов особо выделялись типичные, регулярно повторяющиеся на протяжении рассматриваемого периода суждения.

Анализ. Четыре указанные газеты уделяли большое внимание внешнеполитическим вопросам и событиям в соседних странах. Практически в каждом номере (периодичность выхода составляла от одного до трех номеров в день) присутствовали рубрики, посвященные новостям из других государств. Хотя наибольшее внимание уделялось Австро-Венгрии, Франции и Великобритании, информация из России также нередко оказывалась на страницах этих газет. Естественно, ее количество зависело от наличия информационного повода. Когда в России происходило значимое событие, оно находило свое отражение в том числе и в больших по объему передовицах, которые являются наиболее ценным материалом для исследования.

К числу наиболее значимых информационных поводов в течение рассматриваемого периода относились:

- взрыв в Зимнем дворце 5 (17) февраля 1880 г. и последовавшее за ним установление «диктатуры» Лорис-Меликова;

- убийство Александра II 1 (13) марта 1881 г.;

- «Манифест о незыблемости самодержавия» Александра III от 29 апреля (11 мая) 1881 г. и последовавшие за ним кадровые перемены в правительстве;

- встреча Александра III и германского императора Вильгельма I в Данциге 28 августа (9 сентября) 1881 г.;

- публичные выступления М.Д. Скобелева в Петербурге и Париже в январе – феврале 1882 г.;

- кадровые изменения на высших государственных должностях в первом полугодии 1882 г. – отставки А.М. Горчакова и Н.П. Игнатьева;

- коронация Александра III в Москве 15 (27) мая 1883 года.

Помимо крупных событий, газеты на протяжении рассматриваемого периода регулярно обращались к различным сюжетам российской внутренней и внешней политики, из которых можно выделить четыре наиболее распространенных: борьба с «нигилизмом» (и судебные процессы над «нигилистами»), еврейские погромы и реакция на них властей, положение «русских немцев», а также политика России в Центральной Азии.

Образ России в германской периодической печати не был однотонным. Авторы газетных статей часто заявляли о своем доброжелательном отношении и симпатиях к русским; однозначно отрицательные характеристики страны и народа в целом скорее исключение. Подчеркивалось, что немцы заинтересованы в успешном развитии России, поскольку оно сделает последнюю лучшим соседом для Германии [34]. Происходящие в России несчастья (к примеру, убийство императора) вызывали сочувственные отклики, о проблемах говорилось без злорадства. Высоких оценок удостоивалась русская культура, Пушкина называли поэтом европейского значения [63]. Жесткой критике подвергались многие элементы российской действительности (отсутствие конституции и свободы прессы, некомпетентность и коррупция бюрократического аппарата, необразованность и нищета основной массы населения), однако обычно они не изображались какими-то неотъемлемыми сущностными чертами России, а объяснялись конкретными историческими обстоятельствами.

Образ России в разных газетах имел свои оттенки: наиболее позитивным он являлся на страницах *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* и *National-Zeitung*, более критический подход и резкая риторика заметны в материалах *Vossische Zeitung* (к примеру, именно там чаще всего встречаются такие негативные

определения, как «варварство», «деспотия» и т. п.). Однако в целом можно говорить о том, что на страницах разных изданий находили свои отражение одни и те же представления, которые подробно рассмотрены ниже.

Россия и Европа. В германских газетах начала 1880-х гг. Россия изображалась как часть европейского культурного пространства. Это не исключало использования применительно к российской действительности таких эпитетов, как «азиатский» и «варварский» [44]. Однако анализ этих терминов демонстрирует, что они применялись для обозначения стадии развития, пройденной в прошлом всеми европейскими государствами. Так, они употреблялись по отношению к допетровской России, якобы являвшейся «полувосточным» государством [27]. В этой же связи примечательны утверждения о том, что в Центральной Азии Российская империя выполняет «цивилизующую миссию», имеющую позитивный характер [55].

В публикациях германских газет упоминались характерные черты российского национального характера – как положительные (наличие природных талантов, способность к жертвам, миролюбие), так и отрицательные (национальное высокомерие, нежелание упорно трудиться, импульсивность) [32]. При этом, по сути, воспроизводились давно сложившиеся стереотипы [64]. Необходимо, однако, иметь в виду, что представление о наличии у каждого народа собственного неизменного характера со своими положительными и отрицательными чертами было широко распространено в Европе XIX века. Российский национальный характер, таким образом, не противостоял в германской прессе некой европейской «норме», а существовал наряду с немецким, французским, испанским и т. п. Кроме того, этому фактору обычно не придавалось ключевого значения при объяснении происходящего в России, чаще авторы текстов исходили из принципиальной схожести психологии российского и любого другого европейского общества.

Весьма распространенным, можно сказать общим, местом являлось утверждение об отставании Российской империи от стран Западной и Центральной Европы в культурном, политическом и социально-экономическом отношении. Россия, писали газеты, еще не сумела достичь уровня своих западных

соседей [14]. Однако сам тезис об отставании Российской империи неявно подразумевал: она движется тем же путем, что и другие европейские страны, и не является инородным организмом, функционирующим по совершенно иным законам.

Согласно немецкой прессе, в последние десятилетия в России была проделана большая работа по преодолению этой отсталости. Речь идет, разумеется, о Великих реформах Александра II, которые оценивались в целом крайне положительно. Как писала *Kölnische Zeitung* в статье, посвященной 25-летию царствования Александра II, благодаря последнему «азиатский деспотизм» Николая I ушел в прошлое, Россия шагнула далеко вперед на пути к современной цивилизации; император «за несколько лет продвинул Россию дальше, чем некоторые государства продвинулись за несколько поколений» [12]. Между различными печатными органами есть некоторые расхождения. Так, согласно *National-Zeitung*, реформаторский курс был прекращен только в последние годы правления Александра II [11], в то время как *Vossische Zeitung* датировала окончание реформ польским восстанием 1863 г. [5]. Тем не менее все соглашались, что заслуги Александра II как перед собственной страной, так и перед всей Европой очень велики.

Государство и проблема реформ. Проблема реформ в России – один из ключевых сюжетов, постоянно рассматриваемых немецкой прессой в начале 1880-х годов. Из числа ведущих изданий только *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* выступала за сохранение самодержавия и ужесточение внутренней политики [51]. Через публикации в независимой либеральной прессе красной нитью проходила мысль о необходимости реформ, поскольку абсолютизм уже отжил свое, его время ушло, общество требовало перемен. Одновременно подчеркивалась сложность реформирования Российской империи, обусловленная рядом ключевых факторов: низким культурным уровнем основной массы населения, неготовностью образованного общества к реальному участию в управлении государством, коррупцией и некомпетентностью бюрократического аппарата, пестрым национальным составом и сложными отношениями между различными регионами империи.

Самодержавие, по мнению немецких публицистов, хотя и отжило свое, но не сумело выполнить историческую функцию, совершить то, что сделал «просвещенный абсолютизм» в Западной и Центральной Европе, – поднять культурный уровень общества, сделав его способным к самоуправлению, обеспечить строгое соблюдение законов и качественную работу административного аппарата. Без этих предпосылок невозможно успешное введение конституции и парламентских учреждений западного образца [33]. Поэтому в России не получится попросту заимствовать западный опыт, по той же причине реформы частью не доводятся до логического завершения, частью не достигают поставленных целей. В итоге складывается ситуация, когда общество в России уже не хочет «по-старому», но не может «по-новому»; самодержавие еще не выполнило свою историческую миссию, но уже теряет легитимность в глазах народа [9]. Мысль об ослаблении императорской власти особенно часто фигурировала в немецких газетах в первый год после убийства Александра II – в период «гатчинского затворничества» его преемника [21].

Несмотря на все сложности и риски, осторожное проведение реформ являлось, по мнению германских газет, абсолютной необходимостью – в первую очередь в форме постепенного привлечения представителей общества к управлению государством. Однако с течением времени положение дел внутри России оценивалось все более пессимистически. Если деятельность М.Т. Лорис-Меликова получала в целом позитивную оценку [8], а начало царствования Александра III сопровождалось надеждой на успешные перемены [28], то к моменту коронации нового императора германские газеты писали в основном об отсутствии внятного политического курса, заранее обреченной попытке сохранить в неприкосновенности самодержавие и дальнейшем углублении текущего кризиса [16]. Последний в изображении немецких публицистов имел не только общественно-политическую, но и экономическую составляющую (плачевное состояние государственных финансов, застой в развитии торговли и промышленности, нищете широких слоев населения) [57]. Правда, лишь в *Vossische Zeitung* были опубликованы предположения о принципиальной невоз-

можности успешных реформ в России: почва для их проведения отсутствует, монарх будет сохранять самодержавие до последнего, общественное недовольство будет расти, и все это закончится социальным взрывом, хаосом и погружением в варварство [17]. Вероятность крупных внутренних потрясений в России рассматривалась и в других изданиях, но лишь как один из вероятных вариантов. В общем и целом публикации в германской прессе рисовали картину углубляющегося комплексного кризиса внутри России.

Описывая внутреннее положение в Российской империи, германские публицисты обычно сосредоточивали свое внимание на шести ключевых акторах. Первым из них являлся монарх, образ которого был позитивным. Выше уже говорилось о том, как лестно оценивалась личность и деятельность Александра II; лишь в последние годы своего правления император якобы стал менее энергичным и подверженным чужому влиянию. Однако даже это вызывало не критику, а сочувствие к нему [12]. Об Александре III писали более сдержанно, тем не менее неизменно отмечались его личная порядочность, спокойствие, твердость и осмотрительность [30]. В то же время объем реальной власти монарха обозначался как неизвестная величина [19].

По мнению многих немецких публицистов, ключевая роль в государстве принадлежала другому актору – бюрократическому аппарату [21]. Российское чиновничество изображалось в германских газетах в самых черных красках. Практически каждое упоминание деятельности российской бюрократии сопровождалось словами «произвол» и «коррупция» [65]. Именно чиновники повинны в срыве реформ, в бедности значительной части населения, в отсутствии культурного и экономического развития [19]. Они – «главная причина несчастий» в России [29]. Даже *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, обычно избегавшая критиковать российскую действительность, признавала: да, чиновники в России не всегда честны и профессиональны; проблема заключается в том, что более компетентных людей в наличии просто нет [18]. Полиция часто характеризовалась как неэффективная, ее действия сводились к неуклюжему и смехотворному произволу [54].

Российское общество. В российском обществе и элите германская пресса выделяла три группировки. Первой из них являлись «нигилисты» – народовольцы. По понятным причинам их деятельность привлекала в рассматриваемый период большое внимание. Описания покушений, обысков и арестов, судебных процессов постоянно присутствовали на страницах германских газет. Отношение к «нигилизму» было сугубо отрицательным, он характеризовался как «чума», «гидра», «сорняк» и т. д. [51] Феномен народовольческого террора объяснялся, как правило, нездоровой ситуацией в России, незавершенными реформами, обманутыми ожиданиями значительной части общества. Подчеркивалось, что социальной базой «нигилизма» является не простой народ, а средние слои, в первую очередь недоучившиеся студенты [31]. Иногда прямо заявлялось, что «террористы» пользуются покровительством влиятельных особ из рядов правящей элиты: «У нигилистов есть приверженцы вплоть до самых высших сфер» [6]. Другим важным фактором, способствующим успехам народников, считалась пассивность основной массы населения: она не готова подниматься ни на борьбу с монархией, ни на ее защиту [56]. Эта пассивность и нежелание брать на себя ответственность, писала *National-Zeitung*, во многом следствие того обстоятельства, что «на протяжении пятидесяти лет... преследовались человеческое достоинство и свобода, самостоятельность характеров пытались искоренить» [52]. При этом ужесточение репрессий, по мнению немецких публицистов, приведет лишь к дальнейшей радикализации «нигилистов». Чтобы лишить небольшую, но решительную группировку притока новых членов – «подрезать корни» – необходимы реформы, в первую очередь в образовательной сфере [32].

Второй группировкой являлись панслависты, или «славофилы». Как правило, эти два понятия выступали в роли синонимов: немецкое «славофилы» являлось переводом русского термина «славянофилы», однако по своему смыслу отличалось от него, в связи с чем мы приводим именно немецкий вариант. Панславистское движение изображалось как единое целое. Лишь изредка немецкие газеты пытались объяснить читателю различие меж-

ду отдельными фракциями российских панславистов [65]. Панславизм оценивался в рассматриваемый период как весьма значимая политическая и общественная сила. Главным его центром считалась Москва, именно поэтому панславистов иногда именовали «московской» или «старорусской» партией. К числу лидеров «славофилов» относили не только общественных деятелей – М.Н. Каткова [53] и И.С. Аксакова [15], но и представителей военной и политической элиты – М.Д. Скобелева [40], Д.А. Милютину [52], Н.П. Игнатьева [39], даже А.М. Горчакова [42].

Зарождение российского панславизма датировали обычно временем польского восстания 1863 г., его расцвет связывали с Восточным кризисом второй половины 1870-х годов. Именно тогда, писала германская пресса, панслависты приобрели такое влияние, что заставили Александра II против его воли вступить в войну с Османской империей [26]. Итоги этой войны стали для «славофилов» чувствительным ударом, их влияние несколько снизилось, но они остались весьма значимой силой в государстве и обществе [25]. Более того, в начале 1880-х гг. в немецкой прессе с тревогой фиксировалось новое усиление популярности панславизма [39], в том числе в петербургском обществе, которое ранее относилось к «московитским» идеям достаточно равнодушно [36].

Ключевыми характеристиками образа российского панславизма в германских газетах являлись его утопический характер, дестабилизирующее воздействие на государство в целом и культивируемая им ненависть к немцам – как внутри страны, так и на внешнеполитической арене. Идея о каком-то особом пути России, писали германские публицисты, так и не получила сколько-нибудь внятного обоснования: «абсолютно бесплодными по сей день остаются все попытки изобрести специфически русскую культуру», более всего напоминающие попытки страуса взлететь [49]. Панслависты (или как минимум значительная их часть) стремятся к переменам в стране, однако речь идет не о реформах западноевропейского образца, а о возврате к идеализированной допетровской эпохе. Кипящее внутри страны недовольство они хотят выплеснуть за ее границы, ввязавшись

во внешнеполитические авантюры. Стремясь к осуществлению своих целей, они пытаются подчинить себе монарха или вовсе отодвинуть его в сторону. В частности, высказывались предположения, что Скобелев хочет стать диктатором в панславистской России [67]. Все это якобы дестабилизирует империю и косвенно способствует деятельности революционеров. В большой статье «Нигилисты и панслависты» в конце февраля 1880 г. *National-Zeitung* писала: «Панслависты сами по себе не являются нигилистами, а принадлежат к числу их самых решительных противников; но их беспокойная и крикливая деятельность открыла перед нигилизмом широкие возможности» [48]. Дестабилизирующим фактором являлась в глазах немецкой прессы и выдвинутая «славофилами» программа русификации национальных окраин и устранения «инородцев» с высоких должностей [37]. После того как активность «нигилистов» пошла на спад, деятельность панславистов стали называть главной угрозой как российской императорской династии, так и России в целом [61].

В роли третьей группировки в рядах российской правящей элиты выступали на страницах немецких газет сторонники дальнейшего движения по пути «цивилизации» – преобразований внутри страны и умеренной внешней политики. Об этом течении обычно упоминалось лишь вскользь, когда речь заходила о решениях, принятых в Петербурге явно вопреки желаниям панславистов. Пресса даже не называла конкретные имена представителей данной группировки, кроме, пожалуй, Н.К. Гирса [41].

Наконец, последним, шестым актором являлся русский народ. В рамках данного понятия смешивались друг с другом различные социальные группы – от крестьянства до городских средних слоев, в связи с чем его порой наделяли достаточно противоречивыми характеристиками. Отмечалось отсутствие в России буржуазии европейского типа, которая могла бы стать главной опорой реформ. «В России человек становится кем-то только на государственной службе, – писала *National-Zeitung*, – только так он приобретает высокий ранг в обществе» [31]. В результате этого в стране есть жители, но нет граждан [62].

Крестьянство нередко представляло на страницах немецкой прессы в идеализированном патриархальном облике: простые, богобоязненные, преданные своему императору люди, которые, однако, находятся на низшей ступени культурного развития. Весьма характерно описание корреспондентом *Kölnische Zeitung* народных гуляний в Москве по случаю коронации Александра III: «чувствуешь себя погруженным в средневековые времена», «врожденная у русских верность и преданность правящему дому», «основная черта характера – примитивная, наивная детскость и добродушие», «русский крестьянин, верный своей религии, своим традициям, своей лени и духовной темноте, проводит полжизни на печи». При этом автор категорически отвергал характеристику русского крестьянина как «грубого»: то, что принимается за грубость, есть лишь природная простота и непосредственность [13].

Лишь часть российского общества, по мнению германской прессы, поднялась над уровнем «варварства», и именно эта часть особенно настойчиво требует перемен [16]. В других публикациях указывалось, что недовольство существующим положением дел характерно для общества в целом; люди считают, что дальше так продолжаться не может, но при этом весьма смутно представляют себе, чего же они хотят [23]. Именно поэтому, писали немецкие газеты, революционные перемены в России с высокой степенью вероятности закончатся хаосом [33].

Еще одной характерной чертой российского общества германские публицисты называли широко распространенную ненависть к немцам и евреям, объясняющуюся завистью к более высокому культурному уровню и материальному успеху представителей этих наций [69]. В немецкой прессе даже высказывались опасения, что в случае народных мятежей в России первыми пострадают именно «инородцы» [59]. Самодержавие, писала *Vossische Zeitung*, поддерживает рост шовинизма, чтобы отвлечь общество от внутриполитических проблем [10].

Россия как сосед Германии. Большое внимание уделялось, разумеется, и внешней политике Российской империи. Прошлое страны на международной арене, писали германские газеты, представляло собой непрерывную

цепочку жестоких завоеваний [43]. В результате под властью царя оказалось множество народов, в том числе стоящих на более высоком культурном уровне, чем сами русские (речь шла об остзейских немцах, финнах и поляках). Это сильно затрудняло управление империей и проведение в ней успешных реформ [14]. Фактически в роли единственной скрепы, державшей вместе огромную страну, выступало самодержавие. Неизменный приоритет наступательной внешней политики перед внутривнутриполитическими преобразованиями также имел плачевные последствия для развития страны [11].

Интересы России настоятельно требуют проведения сдержанной внешней политики, чтобы иметь возможность проделать огромную работу внутри страны – такая мысль рефреном звучала на страницах немецкой прессы. Монархи, по мнению последней, это прекрасно понимают: подчеркивалось благожелательное отношение Александра II к Германии, его смерть оценивалась как большая потеря не только для русских, но и для немцев [22]. Предполагалось, что и новый царь станет проводить спокойную и миролюбивую внешнюю политику [20].

Пока решение относительно мира и войны находится в руках Александра III, опасаться нечего, но что будет, если оно окажется в других руках? «В общем и целом ход русской политики определяется факторами, которые сильнее воли царя», – писала *National-Zeitung* в сентябре 1881 г., комментируя встречу двух монархов в Данциге [7]. Могущественная панславистская партия изображалась в качестве актора, неудержимо стремившегося к войне и потенциально способного навязать императору свою волю. Война, по мнению немецких публицистов, представлялась «славофилам» лекарством от внутренних проблем [45]. Речи Скобелева в начале 1882 г. трактовались не только как отражение настроений значительной части российской правящей элиты [24], но и как прямой вызов панславистам, брошенный императору и официальной российской внешней политике [58]. «Панслависты сейчас задают тон в России», – писала в конце февраля 1882 г. *Kölnische Zeitung* [60]. Это, с точки зрения немецкой прессы, делало Россию опасным и ненадежным соседом.

Однако непосредственной военной угрозы со стороны Российской империи германские публицисты, как правило, не видели. В феврале 1880 г. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* опубликовала статью о том, что строительство новых крепостей на западных рубежах России следует понимать как подготовку к войне [50]. Остальные издания охарактеризовали эту мысль как смехотворную и в основном задавали вопрос о том, зачем официозу потребовалось печатать столь провокационную статью [35]. Подчеркивалось, что большинство русских в настоящий момент не хотят войны [68]. Однако будущее представлялось германским публицистам куда более неопределенным и угрожающим.

Результаты. Подводя итог, можно вкратце охарактеризовать существовавший в германской прессе начала 1880-х гг. образ Российской империи как соседа Германии такими словосочетаниями, как «тяжелый внутренний кризис», «усиление панславизма», «распространенная в обществе ненависть к немцам» и «непредсказуемая, потенциально агрессивная внешняя политика».

Хотя в изученных материалах не прослеживается однозначно негативного отношения к российскому народу и государству как таковому, восточный сосед воспринимался как находящийся пока еще на более низкой ступени культурного и общественно-политического развития. Негативная информация о происходящем в Российской империи однозначно превалировала над позитивными новостями. Будущее России изображалось как весьма неопределенное и тревожное, чреватое серьезными потрясениями, угрожавшими не только самой стране, но и всей Европе в целом.

Естественно, такой потенциальный партнер мог восприниматься лишь как ненадежный, непредсказуемый и даже опасный. И это, безусловно, внесло свою лепту в развитие российско-германских отношений последующего десятилетия.

Образ Российской империи в германских газетах в основных своих чертах соответствовал образу соседней страны, существовавшему в мировоззрении ключевых представителей германской военно-политической элиты, в первую очередь О. фон Бисмарка [1]. Это позво-

ляет говорить о том, что в германском обществе указанного периода существовал единый комплекс представлений о России, разделявшихся людьми с различными политическими и общественными взглядами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов Н. А. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 286 с.
2. Заиченко О. В. Немецкий внешнеполитический дискурс второй четверти XIX в. Возрождение комплекса «русской угрозы» // Вопросы истории. 2021. № 11-3. С. 4–21. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi75>
3. Медяков А. С. «Наш Бисмарк»? Россия в политике и взглядах «железного канцлера» Германии // Российская история. 2015. № 6. С. 63–84.
4. Цимбаев К. Н. Образ России в германском общественном мнении конца XIX – начала XX в. // Преподавание истории и обществознания в школе. 2021. № 7. С. 3–13. DOI: https://doi.org/10.47639/2074-4935_2021_7_3
5. Alexander II. Nikolaewitsch // Vossische Zeitung. 02.03.1880. № 62. Abend-Ausgabe.
6. Aus Rußland // Kölnische Zeitung. 18.02.1880. № 49. Zweites Blatt.
7. Danzig und Honfleur // National-Zeitung. 08.09.1881. № 420.
8. Das Ende der Diktatur in Rußland // National-Zeitung. 20.08.1880. № 388.
9. Das neue Manifest des russischen Kaisers // National-Zeitung. 14.05.1881. № 224.
10. Das Petersburger Verbrechen // Vossische Zeitung. 14.03.1881. № 122. Abend-Ausgabe.
11. Das Regierungsjubiläum des Kaisers von Rußland // National-Zeitung. 02.03.1880. № 103.
12. Das Regierungsjubiläum Kaiser Alexanders // Kölnische Zeitung. 01.03.1880. № 61. Zweites Blatt.
13. Das russische Volksfest auf dem Chodinskifelde // Kölnische Zeitung. 07.06.1883. № 156. Zweites Blatt.
14. Der Bankerott des despotischen Regiments in Rußland // Vossische Zeitung. 16.03.1881. № 126. Abend-Ausgabe.
15. Der Beginn Alexanders III. und die Panslawisten // National-Zeitung. 18.04.1881. № 167.
16. Der Brief des Zaren... // Vossische Zeitung. 30.05.1883. № 246. Abend-Ausgabe.
17. Der Nihilismus // Vossische Zeitung. 03.03.1880. № 63. Morgen-Ausgabe.
18. Der Nihilismus und die russische Intelligenz // Norddeutsche Allgemeine Zeitung. 21.02.1880. № 87.
19. Der russische Diktator // Vossische Zeitung. 24.03.1880. № 84. Morgen-Ausgabe.
20. Der Thronwechsel in Rußland // Kölnische Zeitung. 15.03.1881. № 74. Zweites Blatt.
21. Der Zar in Petersburg // National-Zeitung. 14.03.1882. № 123.
22. Der Zustand in Rußland // National-Zeitung. 15.03.1881. № 125.
23. Der Zustand in Rußland // National-Zeitung. 17.01.1883. № 28.
24. Deutschland // Kölnische Zeitung. 05.02.1882. № 36.
25. Die Bürgschaften des Friedens // Kölnische Zeitung. 11.03.1880. № 71. Zweites Blatt.
26. Die Bürgschaften für den Frieden // National-Zeitung. 14.04.1882. № 173.
27. Die Krönung in Moskau // National-Zeitung. 20.05.1883. № 231.
28. Die Lage in Rußland // Kölnische Zeitung. 15.05.1881. № 134. Erstes Blatt.
29. Die Lage in Rußland // National-Zeitung. 26.04.1881. № 194.
30. Die Lage in Rußland // National-Zeitung. 31.03.1881. № 154.
31. Die Nihilisten in Rußland // National-Zeitung. 24.02.1880. № 91.
32. Die Recruten der russischen Revolutionäre // Kölnische Zeitung. 27.03.1880. № 87. Drittes Blatt.
33. Die Reform in Rußland // Vossische Zeitung. 18.03.1880. № 78. Morgen-Ausgabe.
34. Die Rückberufung Skobelevs... // National-Zeitung. 24.02.1882. № 93.
35. Die russischen Grenzbefestigungen // National-Zeitung. 25.02.1880. № 94.
36. Die Stimmung in Rußland // Kölnische Zeitung. 18.03.1882. № 77. Erstes Blatt.
37. Die Zustände in russischen Ostseeprovinzen // Kölnische Zeitung. 03.02.1882. № 34. Erstes Blatt.
38. Drisko J. W., Maschi T. Content Analysis. Oxford: Oxford University Press, 2016. 208 p.
39. Finanzreform und Panslawismus in Rußland // National-Zeitung. 19.08.1881. № 386.
40. Frankreich // Kölnische Zeitung. 18.02.1882. № 85.
41. Fürst Gortschakoff's Rücktritt // National-Zeitung. 11.04.1882. № 168.
42. Fürst Gortschakow // Kölnische Zeitung. 10.04.1882. № 99.
43. Gefahren von Ost und West // Vossische Zeitung. 16.03.1880. № 76. Morgen-Ausgabe.
44. General Skobeleff // Vossische Zeitung. 19.02.1882. № 85. Morgen-Ausgabe.
45. Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede // Kölnische Zeitung. 07.02.1882. № 38. Drittes Blatt.
46. Koszyk K. Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. Berlin: Colloquium Verlag, 1966. 372 S.

47. Lammich M. Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung. Boppard am Rhein: Harald Boldt, 1978. 298 S.
48. Nihilisten und Panslawisten // *National-Zeitung*. 26.02.1880. № 95.
49. Politische Vorgänge in Moskau // *National-Zeitung*. 08.06.1883. № 263.
50. Politisches Tagesbericht // *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. 23.02.1880. № 90.
51. Rundschau im Auslande // *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. 04.03.1880. № 108.
52. Russische Aussichten // *National-Zeitung*. 15.04.1881. № 179.
53. Russische Vorgänge // *National-Zeitung*. 03.09.1881. № 413.
54. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 03.04.1881. № 93.
55. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 06.02.1882. № 37. Zweites Blatt.
56. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 12.03.1880. № 72. Zweites Blatt.
57. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 18.05.1881. № 137. Erstes Blatt.
58. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 20.02.1882. № 51. Erstes Blatt.
59. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 26.02.1880. № 57. Erstes Blatt.
60. Rußland // *Kölnische Zeitung*. 27.02.1882. № 58. Zweites Blatt.
61. Rußland beim Tode Skobelew's // *National-Zeitung*. 12.07.1882. № 320.
62. Rußland und Polen // *National-Zeitung*. 03.04.1881. № 159.
63. Rußland und Polen // *National-Zeitung*. 22.06.1880. № 285.
64. Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Keller. München: Wilhelm Fink Verlag, 2000. 1160 S.
65. Rußlands innere Lage // *Kölnische Zeitung*. 23.02.1882. № 54. Erstes Blatt.
66. Schreier M. Qualitative Content Analysis in Practice. L.: SAGE, 2012. 272 p.
67. Skobelew // *Kölnische Zeitung*. 23.02.1882. № 54. Zweites Blatt.
68. Skobelevs Mission // *Kölnische Zeitung*. 16.03.1882. № 75. Drittes Blatt.
69. Zur Judenfrage in Rußland // *Kölnische Zeitung*. 07.06.1880. № 157. Erstes Blatt.

REFERENCES

1. Vlasov N.A. *Rossija glazami Bismarka* [Russia in Bismarck's Eyes]. Saint Petersburg, Evraziya Publ., 2021. 286 p.
2. Zaichenko O.V. Nemeckij vneshnepoliticheskij diskurs vtoroj chetverti XIX v. Vozrozhdenie kompleksa «russkoj ugrozy» [German Foreign Policy Discourse of the Second Quarter of the 19th Century. The Revival of the "Russian Threat" Complex]. *Voprosy istorii* [The Issues of History], 2021, no. 11-3, pp. 4-21. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202111Statyi75>
3. Mediakov A.S. «Nash Bismark»? Rossija v politike i vzgljadah «zheleznogo kanclera» Germanii [“Our Bismarck”? Russia in the Politics and Views of the “Iron Chancellor” of Germany]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2015, no. 6, pp. 63-84.
4. Tsimbaev K.N. Obraz Rossii v germanskom obshhestvennom mnenii konca XIX – nachala XX v. [The Image of Russia in German Public Opinion of the Late 19th – Early 20th Century]. *Prepodavanie istorii i obshhestvoznaniya v shkole* [Teaching History and Social Sciences at School], 2021, no. 7, pp. 3-13. DOI: https://doi.org/10.47639/2074-4935_2021_7_3
5. Alexander II. Nikolaewitsch. *Vossische Zeitung*, 1880, 2. März, Nr. 62, Abend-Ausgabe.
6. Aus Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1880, 18. Februar, Nr. 49, Zweites Blatt.
7. Danzig und Honfleur. *National-Zeitung*, 1881, 8. September, Nr. 420.
8. Das Ende der Diktatur in Rußland. *National-Zeitung*, 1880, 20. August, Nr. 388.
9. Das neue Manifest des russischen Kaisers. *National-Zeitung*. 1881, 14. Mai, Nr. 224.
10. Das Petersburger Verbrechen. *Vossische Zeitung*, 1881, 14. März, Nr. 122, Abend-Ausgabe.
11. Das Regierungsjubiläum des Kaisers von Rußland. *National-Zeitung*, 1880, 2. März, Nr. 103.
12. Das Regierungsjubiläum Kaiser Alexanders. *Kölnische Zeitung*, 1880, 1. März, Nr. 61, Zweites Blatt.
13. Das russische Volksfest auf dem Chodinskifelde. *Kölnische Zeitung*, 1883, 7. Juni, Nr. 156, Zweites Blatt.
14. Der Bankerott des despotischen Regiments in Rußland. *Vossische Zeitung*, 1881, 16. März, Nr. 126, Abend-Ausgabe.
15. Der Beginn Alexanders III. und die Panslawisten. *National-Zeitung*, 1881, 18. April, Nr. 167.
16. Der Brief des Zaren... *Vossische Zeitung*, 1883, 30. Mai, Nr. 246, Abend-Ausgabe.
17. Der Nihilismus. *Vossische Zeitung*, 1880, 3. März, Nr. 63, Morgen-Ausgabe.
18. Der Nihilismus und die russische Intelligenz. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, 1880, 21. Februar, no. 87.
19. Der russische Diktator. *Vossische Zeitung*, 1880, 24. März, Nr. 84, Morgen-Ausgabe.
20. Der Thronwechsel in Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1881, 15. März, Nr. 74, Zweites Blatt.
21. Der Zar in Petersburg. *National-Zeitung*, 1882, 14. März, Nr. 123.

22. Der Zustand in Rußland. *National-Zeitung*, 1881, 15. März, Nr. 125.
23. Der Zustand in Rußland. *National-Zeitung*, 1883, 17. Januar, Nr. 28.
24. Deutschland. *Kölnische Zeitung*, 1882, 5. Februar, Nr. 36.
25. Die Bürgschaften des Friedens. *Kölnische Zeitung*, 1880, 11. März, Nr. 71, Zweites Blatt.
26. Die Bürgschaften für den Frieden. *National-Zeitung*, 1882, 14. April, Nr. 173.
27. Die Krönung in Moskau. *National-Zeitung*, 1883, 20. Mai, Nr. 231.
28. Die Lage in Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1881, 15. Mai, Nr. 134, Erstes Blatt.
29. Die Lage in Rußland. *National-Zeitung*, 1881, 26. April, Nr. 194.
30. Die Lage in Rußland. *National-Zeitung*, 1881, 31. März, Nr. 154.
31. Die Nihilisten in Rußland. *National-Zeitung*, 1880, 24. Februar, Nr. 91.
32. Die Recruten der russischen Revolutionäre. *Kölnische Zeitung*, 1880, 27. März, Nr. 87, Drittes Blatt.
33. Die Reform in Rußland. *Vossische Zeitung*, 1880, 18. März, Nr. 78, Morgen-Ausgabe.
34. Die Rückberufung Skobelevs... *National-Zeitung*, 1882, 24. Februar, Nr. 93.
35. Die russischen Grenzbefestigungen. *National-Zeitung*, 1880, 25. Februar, Nr. 94.
36. Die Stimmung in Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1882, 18. März, Nr. 77, Erstes Blatt.
37. Die Zustände in russischen Ostseeprovinzen. *Kölnische Zeitung*, 1882, 3. Februar, Nr. 34, Erstes Blatt.
38. Drisko J.W., Maschi T. *Content Analysis*. Oxford, Oxford University Press, 2016. 208 p.
39. Finanzreform und Panslawismus in Rußland. *National-Zeitung*, 1881, 19. August, Nr. 386.
40. Frankreich. *Kölnische Zeitung*, 1882, 18. Februar, Nr. 85.
41. Fürst Gortschakoff's Rücktritt. *National-Zeitung*, 1882, 11. April, Nr. 168.
42. Fürst Gortschakow. *Kölnische Zeitung*, 1882, 10. April, Nr. 99.
43. Gefahren von Ost und West. *Vossische Zeitung*, 1880, 16. März, Nr. 76, Morgen-Ausgabe.
44. General Skobelev. *Vossische Zeitung*, 1882, 19. Februar, Nr. 85, Morgen-Ausgabe.
45. Graf Ignatiew, die Zustände in Rußland und der europäische Friede. *Kölnische Zeitung*, 1882, 7. Februar, Nr. 38, Drittes Blatt.
46. Koszyk K. *Deutsche Presse im 19. Jahrhundert*. Berlin, Colloquium Verlag, 1966. 372 S.
47. Lammich M. *Das deutsche Osteuropabild in der Zeit der Reichsgründung*. Boppard am Rhein, Harald Boldt, 1978. 298 S.
48. Nihilisten und Panslawisten. *National-Zeitung*, 1880, 26. Februar, Nr. 95.
49. Politische Vorgänge in Moskau. *National-Zeitung*, 1883, 8. Juni, Nr. 263.
50. Politisches Tagesbericht. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, 1880, 23. Februar, Nr. 90.
51. Rundschau im Auslande. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, 1880, 4. März, Nr. 108.
52. Russische Aussichten. *National-Zeitung*, 1881, 15. April, Nr. 179.
53. Russische Vorgänge. *National-Zeitung*, 1881, 3. September, Nr. 413.
54. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1881, 3. April, Nr. 93.
55. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1882, 6. Februar, Nr. 37, Zweites Blatt.
56. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1880, 12. März, Nr. 72, Zweites Blatt.
57. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1881, 18. Mai, Nr. 137, Erstes Blatt.
58. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1882, 20. Februar, Nr. 51, Erstes Blatt.
59. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1880, 26. Februar, Nr. 57, Erstes Blatt.
60. Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1882, 27. Februar, Nr. 58, Zweites Blatt.
61. Rußland beim Tode Skobelev's. *National-Zeitung*, 1882, 12. Juli, Nr. 320.
62. Rußland und Polen. *National-Zeitung*, 1881, 3. April, Nr. 159.
63. Rußland und Polen. *National-Zeitung*, 1880, 22. Juni, Nr. 285.
64. v. Keller M., Hrsg. *Rußland und Russen aus deutscher Sicht. 19./20. Jahrhundert: Von der Bismarckzeit bis zum Ersten Weltkrieg*. München, Wilhelm Fink Verlag, 2000. 1160 S.
65. Rußlands innere Lage. *Kölnische Zeitung*, 1882, 23. Februar, Nr. 54, Erstes Blatt.
66. Schreier M. *Qualitative Content Analysis in Practice*. London, SAGE, 2012. 272 p.
67. Skobelev. *Kölnische Zeitung*, 1882, 23. Februar, Nr. 54, Zweites Blatt.
68. Skobelevs Mission. *Kölnische Zeitung*, 1882, 16. März, Nr. 75, Drittes Blatt.
69. Zur Judenfrage in Rußland. *Kölnische Zeitung*, 1880, 7. Juni, Nr. 157, Erstes Blatt.

Information About the Author

Nikolay A. Vlasov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, n.vlasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7476-268X>

Информация об авторе

Николай Анатольевич Власов, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, n.vlasov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7476-268X>

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.8>

UDC 355.425-055.2:94«1941/1944»]:(=512.145)(477.75)

LBC 63.3(2)622,5(4Кры):66.74

Submitted: 25.04.2024

Accepted: 06.05.2025

THE ROLE OF FEMALE DOCTORS IN THE UNDERGROUND MOVEMENT OF CRIMEA IN 1941–1944 (ON THE EXAMPLE OF KOREIZ AND SAKI)

Vyacheslav A. Ivanov

Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Simferopol, Russian Federation

Abstract. Introduction. The issue of Soviet women's participation in the underground Resistance has not yet been the subject of detailed study in either domestic or foreign historiography. In this regard, it is important to examine the activities of Soviet women who acted in the ranks of underground organizations and groups in the occupied Crimea during the Great Patriotic War. *Methods and materials.* The study is based on biographical, gender, comparative historical, and regional methods. The biographical method helps the author to establish personal data and personal qualities of female doctors through the prism of the historical events described. The gender method allowed for a deeper understanding of the predominant role of women in the underground groups of the urban-type settlement of Koreiz and the city of Saki. The regional approach is manifested in the choice of two settlements of Crimea – Koreiz and Saki – as territories that became the object of analysis of underground organizations. The main composition of these organizations was female doctors who used their official position to save human lives in the territory of Crimea occupied by the enemy. The comparative historical method was used to compare the activities of the Koreiz and Saki organizations with the activities of other underground groups of the Resistance movement. *Analysis.* The activities of Soviet women in the underground organizations of Crimea during the Great Patriotic War are revealed using the example of the underground groups of Koreiz and Saki. By analyzing materials from the funds of the State and municipal archives of the Republic of Crimea, as well as museum institutions of Crimea, new facts were uncovered that reveal details of the struggle of Soviet women in the underground organizations of Koreiz and Saki. *Results.* In the ranks of the anti-Nazi Resistance in the territory of occupied Crimea, underground women were engaged in the following activities: 1) organizing an underground movement to involve Soviet citizens in the anti-fascist struggle; 2) agitation and propaganda work; 3) warning the population about impending roundups and saving Soviet citizens from being deported to Germany for forced labor; 4) sheltering Soviet soldiers and anti-fascist Slovaks from the 1st Slovak Fast Division who had escaped from captivity; 5) transporting Soviet soldiers who had escaped from German captivity and anti-fascist Slovaks from Nazi Germany who had gone over to the Soviet side to partisan detachments.

Key words: Crimea, Nazi occupation 1941–1944, underground struggle, Resistance movement, female doctors.

Citation. Ivanov V.A. The Role of Female Doctors in the Underground Movement of Crimea in 1941–1944 (On the Example of Koreiz and Saki). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 102-117. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.8>

УДК 355.425-055.2:94«1941/1944»]:(=512.145)(477.75)
ББК 63.3(2)622,5(4Кры):66.74

Дата поступления статьи: 25.04.2024

Дата принятия статьи: 06.05.2025

РОЛЬ ЖЕНЩИН-МЕДИКОВ В ПОДПОЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ КРЫМА В 1941–1944 гг. (НА ПРИМЕРЕ КОРЕИЗА И САКИ)

Вячеслав Александрович Иванов

Крымский университет культуры, искусств и туризма, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Вопрос об участии советских женщин в подпольном Сопротивлении до сих пор не стал предметом детального изучения как в отечественной, так и в зарубежной историографии. В связи с этим значимым представляется рассмотрение деятельности советских женщин, действовавших в рядах подпольных организаций и групп на территории оккупированного Крыма в годы Великой Отечественной войны. *Методы и материалы.* В основу исследования положены биографический, гендерный, сравнительно-исторический и региональный методы. Биографический метод помогает автору установить личные данные и личностные качества женщин-медиков сквозь призму описываемых исторических событий. Гендерный метод позволил глубже осмыслить преобладающую роль женщин в подпольных группах поселка городского типа Кореиз и города Саки. Региональный подход проявляется в выборе двух населенных пунктов Крыма – Кореиз и Саки как территорий, ставших объектом анализа подпольных организаций. Основной состав этих организаций – женщины-медики, которые использовали свое служебное положение для спасения человеческих жизней на оккупированной врагом территории Крыма. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления деятельности Кореизской и Сакской организаций с активностью прочих подпольных групп движения Сопротивления. *Анализ.* Деятельность советских женщин в подпольных организациях Крыма в годы Великой Отечественной войны раскрыта на примере подпольных групп Кореиза и Саки. Посредством анализа материалов из фондов Государственного и муниципальных архивов Республики Крым, а также музейных учреждений Крыма выявлены новые факты, раскрывающие детали борьбы советских женщин в подпольных организациях Кореиза и Саки. *Результаты.* В рядах антинацистского Сопротивления на территории оккупированного Крыма подпольщицы занимались следующими видами деятельности: 1) организацией подпольного движения с привлечением советских граждан к антинацистской борьбе; 2) агитационно-пропагандистской работой; 3) предупреждением населения о готовящихся облавах и спасением советских граждан от угона в Германию на принудительные работы; 4) укрытием сбежавших из плена советских воинов и словаков-антифашистов из 1-й словацкой пехотной дивизии; 5) переправкой в партизанские отряды сбежавших из немецкого плена советских военнослужащих и перешедших на советскую сторону словаков-антифашистов нацистской Германии.

Ключевые слова: Крым, нацистская оккупация 1941–1944 гг., подпольная борьба, движение Сопротивления, женщины-медики.

Цитирование. Иванов В. А. Роль женщин-медиков в подпольном движении Крыма в 1941–1944 гг. (на примере Кореиза и Саки) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 102–117. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.8>

Введение. Вопрос участия советских женщин в движении Сопротивления до сих пор не стал предметом детального научного изучения. По мнению автора, причины сложившейся историографической ситуации заключаются в следующем.

1. Закрытость архивных источников по данной теме вплоть до начала 1990-х гг. не позволяла исследователям полностью на ней сосредоточиться.

2. Активное развитие гендерной истории способствовало появлению работ, посвящен-

ных женщинам в годы Великой Отечественной войны, проживавшим в отдельных регионах СССР. Однако основной акцент в них сделан на изучении повседневной жизни женского населения на оккупированных территориях [9; 50] без характеристики его роли в движении Сопротивления.

3. Преобладание концепции социалистического интернационализма, в рамках которой ведущая роль в антинацистской борьбе в СССР отводилась не только мужчинам, но и женщинам. В Крыму с 1991 г. эта концепция

претерпела серьезные изменения: на первое место, ввиду массового открытия фондов Государственного архива Крымской области и Партийного архива Крымской области Компартии Украины (ныне объединенных в Государственный архив Республики Крым), стали выводиться жертвы массовых политических репрессий советской власти 1917–1953 гг. [15], в том числе и по национальному признаку (немцы, итальянцы, крымские татары, греки, армяне, болгары и т. д.). Массовая героизация участников комсомольско-партийного подполья и партизанского движения, утратила свою актуальность. Коллаборационисты перестали рассматриваться как предатели, подвергались героификации. В данном контексте представляют интерес работы современных российских исследователей М.В. Балахниной, И.В. Ребровой, К.В. Сак, Ф.А. Халимбековой, акцентирующих внимание на проблеме вклада советских женщин в антигитлеровское Сопротивление [3; 42; 44; 51].

4. Появление в странах бывшего СССР концепции нациоцентризма в трактовке событий Второй мировой войны позволило ученым проанализировать участие женщин в партизанской борьбе в годы оккупации отдельных республик [45]. При этом подпольное движение и роль женского населения в его организации и деятельности остаются по-прежнему вне поля зрения исследователей.

5. Тема советских женщин-подпольщиц не стала предметом отдельного научного осмысления и после воссоединения Крыма с Россией в 2014 году. Это объясняется ограниченным доступом к ведомственным архивам (такими как в том числе: Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Центральный пограничный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации, Главный информационный центр Министерства внутренних дел Российской Федерации, Центральный архив внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, Центральный военно-морской архив Министерства обороны Российской Федерации, Архив президента РФ, а также ведомственные архивы регионального уровня), а также недостаточным вниманием исследователей к проблеме Сопро-

тивления в Крыму. Ведущие специалисты по вопросам нацистской оккупации и антинацистской борьбы (В.М. Брошеван, Е.М. Гаршина [12], Г.В. Короткова [24], В.Е. Поляков [41], Ю. Таганов [48], О.В. Романько [43], С.Н. Ткаченко [49; 50], А.В. Неменко [36], В.Н. Пашеня, Е.В. Пашеня [38]) в своих работах не освещали роль женщины в подпольном движении Крыма. До середины 1960-х гг. в научно-исследовательском поле Крыма, кроме публикаций краеведов Т. Барской, М. Борцовой, Д. Валентинова, Л. Лосевой и ряда других, отсутствовали упоминания о подпольной деятельности женщин Л.И. Пригон, Е.Н. Михайловой, Н.И. Петровой. Исключение составляет труд Г.А. Скрипниченко-Коровяковской [47], однако он посвящен реабилитации матери автора – Л.В. Скрипниченко – участнице Сопротивления в Симферополе, обвиненной в предательстве.

Методы и материалы. Цель исследования – анализ деятельности советских женщин-медиков, действовавших в рядах подпольных организаций и групп на территории оккупированного Крыма в годы Великой Отечественной войны, – достигается с помощью биографического, гендерного, сравнительно-исторического и регионального методов. Биографический метод помогает автору установить личные данные и личностные качества женщин-медиков сквозь призму описываемых исторических событий. Гендерный метод позволил глубже осмыслить и осветить преобладающую роль женщин в подпольных группах Кореиза и Саки. Региональный подход проявляется в выборе двух населенных пунктов Крыма – Кореиз и Саки – как двух территорий, ставших объектами для последующего анализа подпольных организаций. Основным состав этих подпольных организаций составляли женщины-медики, которые использовали свое служебное положение для спасения человеческих жизней на оккупированной врагом территории Крыма. Сравнительно-исторический метод применялся для сопоставления деятельности Кореизской и Сакской организаций с активностью прочих подпольных групп движения Сопротивления.

В качестве материала исследования привлекаются материалы из архивов и историко-краеведческих музеев Республики Крым. В научный оборот впервые вводятся уникаль-

ные неопубликованные документы из фондов Государственного архива Республики Крым (Крымская комиссия по истории Великой Отечественной войны, ф. П-156; документальные материалы Крымского обкома Коммунистической партии Украины, ф. П-849), архивного отдела (муниципального архива) администрации г. Саки Республики Крым (коллекция документов подпольно-патриотического движения, собранных бывшей подпольщицей и партизанкой Н.И. Петровой, ф. 27), Музея боевой славы Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Центр развития творчества детей и юношества» Муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым (ф. 1), Музея краеведения и истории грязелечения г. Саки (ф. 1).

Анализ. В конце октября 1941 г., в связи с наступлением немецко-румынских войск, в Кореиз пришлось эвакуировать военный госпиталь, где пребывали раненные бойцы Красной армии из Севастополя. Здесь им оказывали необходимую первую помощь и переправляли морем на Кавказ. 4 ноября 1941 г. получен приказ из Севастопольского городского отдела здравоохранения: «Разрешаю врачам эвакуироваться. Пятого из Ялты отходит теплоход «Армения»». Врач-хирург Елена Николаевна Михайлова со своими сослуживцами всю ночь пешком шла на теплоход, но не успела – они опоздали на рейс. Ей вместе с товарищами пришлось возвращаться в Кореиз. Позже они узнали о страшной трагедии: теплоход «Армения» был атакован вражеской авиацией у мыса Ай-Тодор, в результате чего погибли тысячи женщин, детей и стариков [5].

Е.Н. Михайлова (1872–1963) с 1920 г. возглавляла работу кореизской больницы. Великую Отечественную войну встретила в возрасте 70 лет [22, с. 110–111; 23, с. 49]. Когда над Кореизом нависла угроза оккупации, ей совместно с коллегами – бухгалтером Еленой Владимировной Гладковой и кастеляншей Надеждой Кузьминичной Фоминой – пришлось замуровать в стене ценные хирургические инструменты, чистые бланки, истории болезней и учетные карточки, а красное знамя было спрятано в сухой колодец [5].

Осенью 1941 г. в Кореиз приехала вырвавшаяся из окружения Людмила Ивановна Пригон (рис. 1), тоже врач, кандидат в члены ВКП(б),

служившая в 32-й кавалерийской дивизии, окруженной в районе с. Оржицы Полтавской области Украинской ССР [10; 35, л. 10]. Здесь ею были предприняты попытки влиться в ряды партизан [11]. В первую очередь она с помощью Е.Н. Михайловой и других врачей кореизской больницы достала пропуск, что позволило ей установить контакт с Федором Устиновым (в действительности с Нафе Усеиновым, как было уточнено в публикации Т. Барской «За строкой мемориальной доски. Кореизский бастион») [7], членом ВКП(б), местным активистом Сопротивления.

1 февраля 1942 г. Ф. Устинов встретился с директором санатория «Субхи» Григорием Андреевичем Алексеевым [34, л. 4; 7]. Благодаря ему была установлена связь с партизанами. Встреча будущих подпольщиков с посланцем «народных мстителей» произошла в глухой балке, в лесу, за кореизской больницей. На встрече присутствовали Л.И. Пригон, Ф. Устинов, А. Глухова и Н. Насонова. Фактически эта встреча и привела к оформлению кореизского подполья [5; 34, л. 18–19].

В кореизской больнице был развернут нелегальный подпольный госпиталь. В полуподвальном помещении внизу располагалась кухня, в которой начал свою работу штаб подпольной организации в первой половине 1942 г. [10]. Туда вошли: медсестры А.Г. Глухова, С.А. Борщ, Е.П. Петрова, главный врач больницы Е.Н. Михайлова, кастелянша Н.К. Фомина (рис. 2), бухгалтер Е.В. Гладкова [10; 22, с. 53–57]. Руководителем подпольной организации стала Е.Н. Михайлова [7; 19, с. 588; 18, с. 762]. Всего в рядах подпольной группы состояло 14 человек, из них 6 женщин-медиков [34, л. 5–6].

Основными видами деятельности кореизских подпольщиков являлись:

– распространение печатной агитационной продукции (газет, листовок, сводок Совинформбюро, полученных от партизан и ялтинских подпольщиков [5; 10]. По воспоминаниям М. Борцовой, научного сотрудника Ялтинского краеведческого музея (1972 г.): «Группа часто получала из леса листовки и газету “Красный Крым”, устраивала коллективные чистки среди сотрудников больницы, амбулатории, пекарни, распространяла их среди населения окрестных мест. Подпольщики несли слово правды в массы. И этого фашисты боялись больше

всего. Они зверски расправлялись со всеми, кого подозревали» [10];

– спасение молодых людей от угона в нацистскую Германию на принудительные работы. В частности, Е.Н. Михайлова и Л.И. Пригон выдавали молодым людям справки о мнимой болезни или увечьях. Если в Кореизе проводилась облава, то появлялись «пациенты» – юноши и девушки в возрасте 16–17 лет, которым делали мнимые операции. Особенно много молодежи было в инфекционном отделении кореизской больницы, куда, опасаясь заразиться, нацисты не заходили. Так, в инфекционном отделении более пяти месяцев прожили юноши Сергей Соловьев и Илья Кирияков. После «выздоровления» они получали от Л.И. Пригон газеты, листовки, которые распространяли среди населения [34, л. 19–20; 5; 8, с. 31; 11]. О своем спасении С.И. Соловьев вспоминал: «Мы знакомы с ней (имеется в виду Е.Н. Михайлова. – В. И.) с первой минуты моего появления на свет в 1925 году. Я родился в кореизской больнице. Потом в детстве она не раз спасала меня от болезней. Но вторым своим рождением я обязан ей в годы Великой Отечественной войны. Если бы не она, нам бы пришлось пережить все ужасы фашистского плена. Вряд ли мы остались бы в живых. И конечно, и мечтать не пришлось бы о том, чем я занимаюсь сейчас» [10; 8, с. 32]. После окончания Великой Отечественной войны С.И. Соловьев работал в научно-исследовательском институте «Магарач» научным сотрудником;

– установление связей с партизанами Крыма, расширение сети подпольно-патриотических организаций по всему Южному берегу Крыма [26, с. 12, 236; 34, л. 4].

В 1942 г., благодаря Ф. Устинову (Н. Усеинову) [7; 35, л. 9] патриотам из Кореиза удалось установить связь с симферопольскими подпольщиками. При встрече на конспиративной квартире он получил от симферопольцев газеты и листовки. Л.И. Пригон удалось встретиться с редактором подпольной газеты «Крымская правда», впоследствии организатором 10-го Ялтинского партизанского отряда 7-й бригады Южного соединения партизан Крыма майором Андреем Ивановичем Казанцевым (рис. 3) [2, с. 27; 4–6; 8, с. 30–32; 10; 13; 14, л. 7; 18, с. 708; 19, с. 546–547; 20; 21; 25; 35, л. 54, 57–58; 37; 52, с. 240, 241–242; 53, с. 572; 54, с. 74].

Налаживание поставок продовольствия и медикаментов через Узенбашскую тропу для крымских партизан было трудновыполнимой задачей. Тем не менее подпольщики переправляли «народным мстителям» мешки с кукурузой, мукой и зерном, перевязочные материалы и лекарства (хирургические инструменты, медикаменты, бинты) [5]. Эту операцию осуществляли подпольщики ялтинского противотуберкулезного диспансера – медицинская сестра К.И. Агрохина, врач Д.П. Мухин, лаборантка Л.Г. Скороходова, ветеринарный фельдшер Д.Р. Кузнецов [5; 7; 10; 22, с. 111–112].

В отличие от других подпольных организаций, кореизская так и не была раскрыта нацистскими спецслужбами и продолжала успешно действовать вплоть до апреля 1944 г., когда Ялта была освобождена от гитлеровцев. Е.Н. Михайлова сутками не выходила из операционной, спасая жизни раненных советских воинов. 15 апреля 1944 г., в первый день освобождения Красной армией Ялты, на фронт ушли добровольцами С.И. Соловьев, И. Кирияков и Л.И. Пригон, А. А. Спраговский.

В возрасте 86 лет, после 60-летнего кропотливого труда, Е.Н. Михайлову проводили на заслуженный отдых. За организацию в годы Великой Отечественной войны в кореизской больнице тайного госпиталя и оказание медицинской помощи советским гражданам, военнопленным, партизанам и подпольщикам ее посмертно наградили медалью «За отвагу».

Л.И. Пригон участвовала в освобождении Европы от нацизма, после завершения войны вернулась в Крым. В послевоенные годы работала в санатории «Ореанда», «Энергетике», «Украина», с 1964 г. в санатории «Россия» в качестве заведующей. Ей было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Украинской ССР» [5; 18, с. 713; 19, с. 546–547].

Роль женщин-медиков заметна и в становлении сакского подполья. Так, борьба с нацистскими оккупантами в Саках связана с личностью Нины Ивановны Петровой (рис. 4). Она родилась в 1914 году. По национальности русская, беспартийная. В 1938 г. окончила Крымский медицинский институт и была направлена в г. Саки в качестве заведующей санитарно-бактериологической лабораторией Сакского района. Когда Саки были оккупиро-

ваны нацистами, Н.И. Петрова, опасаясь, что имущество лаборатории будет разграблено или уничтожено, перевезла его домой, хранила и после освобождения Крыма сдала райздравотделу [1, л. 29; 17, л. 12; 34]. При сакской поликлинике Н.И. Петрова работала врачом-лаборантом, совмещая эту должность с обязанностями участкового врача-терапевта [1, л. 29]. Супруг Н.И. Петровой эвакуировался вместе с химическим заводом на Урал, где вступил добровольцем в 62-й гвардейский танковый полк [1, л. 29].

С 3 ноября по 31 декабря 1941 г. Н.И. Петрова на свой страх и риск укрывала в своем доме советских летчиков Федора Груздева и Ивана Шавырина, самолет которых был сбит гитлеровцами. В течение двух месяцев она лечила Ф. Груздева, тяжело раненного в боях с немецкой моторазведкой [17, л. 12]. Восстановив свои силы, летчики с помощью Н.И. Петровой через старосту д. Михайловка достали пропуска и покинули Сакский район в ночь на 1 января 1942 года. Дальнейшая их судьба неизвестна [27].

В это время с Н.И. Петровой установил контакт уроженец Сак, сбежавший из плена советский военнопленный Кузьма Григорьевич Петриченко. Кроме него, Н.И. Петрова имела непосредственный контакт с другим военнопленным – В.А. Филимоновым. Совместно с ними в начале 1942 г. в Саках была создана подпольно-патриотическая организация. Н.И. Петрова была в числе первых ее руководителей [28; 30–32]. В рядах сакской подпольной организации она осуществляла следующие тайные операции:

– совместно с врачами М.Д. Рубановым, Н.В. Надеиным, И.Г. Зелинским входила в состав медицинской комиссии при поликлинике, выписывая молодым людям, которых нацисты стремились угнать в Германию на принудительные работы, фальшивые врачебные предписания. Когда гитлеровцы заподозрили подлог в работе комиссии и над ее членами нависла угроза разоблачения, им удалось оповестить молодых людей, и никто не явился на повторную медкомиссию на этот раз у немецких врачей [1, л. 30; 27; 40, л. 3, 4, 50–50 об.]. Следует также отметить, что Н.И. Петровой помощь в этой миссии оказывали и другие женщины-медики, работающие в сакской по-

ликлинике. Однако в настоящий момент анализ архивных источников из муниципального архива г. Саки не позволяет назвать имена этих борцов с нацизмом;

– в июне 1943 г. от штаба подпольной организации Н.И. Петрова получила задание укрыть у себя словаков-антифашистов, дезертировавших из 1-й словацкой пехотной («Рыхлой (Быстрой) дивизии» – Феро Симаша и Михаила Жаковского (иначе Жуковского) [1, л. 1, 29; 40, л. 5, 7, 9–10]. Словаки активно искали связи с крымскими партизанами. 28 июля 1943 г. по просьбе К.Г. Петриченко Н.И. Петрова укрывает пять советских военнопленных из концентрационного лагеря в д. Михайловка (Семена Бержимостьяна, Ивана Гриценко, Павла Попова, Ивана Шилова (как оказалось в будущем завербованного агента нацистской разведки) и Николая-парикмахера (личность не установлена). В дальнейшем в ее доме укрывалось восемь человек, включая трех словаков-дезертиров из «Рыхлой дивизии» [1, л. 30]. До сентября 1943 г. беглецы скрывались у Н. И. Петровой в подвале [33; 18, с. 583; 19, с. 450];

– помощь в обустройстве конспиративных квартир для нужд Сакской подпольной организации (доставка медикаментов, продовольствия и т. д.) [27; 40, л. 5–6].

25 сентября 1943 г., по личной просьбе К.Г. Петриченко, Н.И. Петрова прибыла вместе с восемью скрывавшимися у нее людьми в д. Кутур. Благодаря помощи пионеров В. Ефремова, Ф. Вакжина, И. Семенова ее с товарищами перевели в Кутурские каменоломни. 20 октября 1943 г. военнопленный Семен Жиров получил в них случайное пулевое ранение. Н.И. Петрова прибыла на место и в условиях подземелья провела операцию. Всего же в каменоломнях Н.И. Петрова пробыла до 30 ноября 1943 г., то есть более месяца. Там женщина оказывала медицинскую помощь советским военнопленным и проводила теоретические занятия по оказанию первой медицинской помощи раненым [1, л. 30; 40, л. 8, 11–14; 16].

5 декабря 1943 г. Н.И. Петрова с семьей беглецами (И.Е. Гриценко, С. Жировым, К.Г. Петриченко, С. Феро и М. Жаковским (иначе Жуковским)) возвратилась из Кутурских каменоломен в свой дом в Саках. Дальнейший уход за группой военнопленных приняла ее

мать А.С. Петрова [1, л. 30; 40, л. 33–34, 36]. В укрытии, оборудованном в собственном доме, Н.И. Петрова находилась с 5 декабря по 25 декабря 1943 года. Дважды сакское гестапо посещало дом Н.И. Петровой, но обнаружить гитлеровцам никого не удалось. 25 декабря 1943 г. товарищи Н.И. Петровой разбились на группы и покинули дом. Хозяйка же вместе с И.Е. Гриценко и С. Феро с 25 декабря 1943 г. по 2 января 1944 г. нашла укрытие в д. Михайловка [1, л. 30].

В начале января 1944 г. Л.Т. Волкова и Н.Ф. Бережной помогли Н.И. Петровой попасть в деревню Бодрак (ныне с. Пожарское Симферопольского района Республики Крым), где ей удалось присоединиться к крымским партизанам. Это был 3-й отряд Южного соединения [1, л. 30; 39, л. 4]. Н.И. Петрова ухаживала в лесу за ранеными и больными бойцами, а после организации 6-й бригады Южного соединения, с 8 января по 22 апреля 1944 г., стала начальником санитарной части [1, л. 30]. В крымских лесах Н.И. Петрова встретила начало освобождения Крыма от немецко-румынских захватчиков [17, л. 12; 29; 33; 16].

После освобождения Крыма от нацистов Н.И. Петрова вернулась домой в г. Саки. По состоянию здоровья, будучи инвалидом I группы, она не работала, но активно участвовала в общественной работе, состояла уполномоченной Бюро секции партизан и подпольщиков Крыма по Сакскому району, ответственным секретарем Сакского районного Общества охраны памятников истории и культуры Украинской ССР [1, л. 30]. Материалы, собранные Н.И. Петровой по партизанско-подпольному движению в г. Саки и в Сакском районе, стали основой для формирования ее персонального фонда, хранящегося в муници-

пальном архиве г. Саки [1, л. 30]. В апреле 1967 г. Н.И. Петрова Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР была награждена медалями «За отвагу» и «Боевые заслуги» [40, л. 2].

Результаты. В настоящей публикации проанализирована подпольная деятельность советских женщин, действовавших в рядах подпольного Сопротивления Крыма в Кореизе (Л.И. Пригон, Е.Н. Михайлова) и в г. Саки (Н.И. Петрова). Автором выявлено, что женщины-врачи входили в состав подпольных организаций Кореиза (6 человек) и Саки (1 человек), будучи волевыми, мотивированными и патриотично настроенными бойцами-антинацистами.

В результате работы с архивными и музейными документами автором выяснено, что женщины-подпольщицы проводили следующую деятельность в рядах антинацистского Сопротивления на территории оккупированного Крыма:

- использовали свое служебное положение для формирования и участия советских граждан в антигитлеровской борьбе;
- занимались агитационно-пропагандистской работой;
- предупреждали население о готовящихся облавах, спасая советских граждан от угона в Германию на принудительные работы;
- укрывали сбежавших из плена советских воинов и словаков-антифашистов из частей сателлитов нацистской Германии;
- переправляли в партизанские отряды сбежавших советских военнослужащих и словаков-антифашистов.

Автор надеется, что данная публикация послужит одной из отправных точек для изучения женской истории подпольного Сопротивления на территории Крыма в годы Великой Отечественной войны.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Л.И. Пригон – организатор и руководитель кореизской подпольной группы,
зав. медицинской частью санатория «Украина», заслуженный врач УССР
(Источник: Ялтинский историко-литературный музей.

URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=37960646>)

Fig. 1. L.I. Prigon – organizer and leader of the Koreiz underground group,
head of the medical department of the sanatorium “Ukraine”, Honored Doctor of the Ukrainian SSR
(Source: Yalta Historical and Literary Museum. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=37960646>)

Рис. 2. Н.К. Фомина – кастелянша Кореизской больницы, участница подпольной группы
(Источник: [5])

Fig. 2. N.K. Fomina – housekeeper at the Koreiz hospital, a member of an underground group
(Source: [5])

Рис. 3. А.И. Казанцев – организатор и руководитель 10-го партизанского отряда, начальник штаба 7-й партизанской бригады Южного соединения Крымского партизанского движения (Источник: Ялтинский историко-литературный музей. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38485639>)

Fig. 3. A.I. Kazantsev – organizer and leader of the 10th partisan detachment, chief of staff of the 7th partisan brigade of the Southern Unit of the Crimean Partisan Movement (Source: Yalta Historical and Literary Museum. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=38485639>)

Рис. 4. Н.И. Петрова – один из руководителей Сакской подпольно-патриотической организации, участница партизанского движения в Крыму в 1941–1944 гг.

(Источник: Фонды Музея краеведения и истории грязелечения города Саки)

Fig. 4. N.I. Petrova – one of the leaders of the Saki underground patriotic organization, a participant in the partisan movement in Crimea in 1941–1944

(Source: Funds of the Museum of Local Lore and History of Mud Treatment of the city of Saki)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автобиографии, биографии, характеристики на членов подпольно-патриотической группы и бывших партизан, (А–Я) (рукопись) // Архивный отдел (муниципальный архив) администрации города Саки Республики Крым (далее – АО АГС). Ф. 27. Оп. 1. Д. 26. 112 л.
2. Акулов М. Р., Шамко Е. Н. Все для фронта, все для победы (Комсомол Крыма в годы Великой Отечественной войны). Симферополь: ВЛКСМ; Крым. обком ЛКСМ Украины, Таврида, 1985. 40 с.
3. Балахнина М. В. Участие женщин в партизанском движении в годы Великой Отечественной войны // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (10). С. 85–89.
4. Барская Т. Флаг над электростанцией // Курортная газета. 1967. 12 нояб. (№ 226 (6664)). С. 3.
5. Барская Т. С ленинской искрой в сердцах. Подвиг никогда не умирает, в памяти хранит его народ // Курортная газета. 1969. 20 апр. (№ 78 (7033)). С. 3.
6. Барская Т. Ради нескольких строчек в газете... // Советский Крым. 1984. 6 мая (№ 89 (12034)). С. 3.
7. Барская Т. За строкой мемориальной доски. Кореизский бастион // Советский Крым. 1988. 9 мая (№ 91 (13036)). С. 3.
8. Барская Т. Подполье, не знавшее провалов // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. Специальный выпуск. 2020. С. 29–32.
9. Болокина Л. А. Женщины оккупированных районов Калининской области в годы Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 28–36.
10. Борцова М. Маленький бастион. Молодежи в пример // Курортная газета. 1972. 11 янв. (№ 7 (7733)). С. 4.
11. Борцова М. Они остались молодыми // Курортная газета. 1974. 16 апр. (№ 74 (8309)). С. 2.
12. Брошеван В. М., Гаршина Е. М. Правда о Валентине Гаршине и его группе в подполье Симферополя. 1943–1944 гг. Симферополь: Тарпан, 2017. 102 с.
13. Валентинов Д. Мы помним // Курортная газета. 1964. 24 марта (№ 61 (5726)). С. 2.
14. Воспоминания редактора подпольной газеты Крымская правда и руководителя Ялтинской подпольной организации т. Казанцева, руководителя Сарабузской подпольной группы Шевченко С. о выпуске и распространении газеты // Государственный архив Республики Крым (далее – ГА РК). Ф. П-156. Оп. 1. Д. 169. 12 л.
15. Вронська Т. В. Репресії проти родин «ворогів народу» в Україні: ідеологія та практика (1917–1953 рр.): автореф. дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2009. 40 с.
16. Голованевский М. Им было шестнадцать. Молодежи в пример // Курортная газета. 1969. 4 марта (№ 45 (7000)). С. 3.
17. Дело участника Сакского подполья и партизанского отряда Петровой Нины Ивановны // Фонды МБУ «Музея краеведения и истории грязелечения» г. Саки Республики Крым. Ф. 1. Д. 8.
18. Історія міст і сіл Української РСР. В 26 т. Т. 12. Кримська область / відп. ред. П. Т. Тронько. Київ: УРЕ, 1974. 802 с.
19. История городов и сел Украинской ССР. В 26 т. Крымская область / отв. ред. П. Т. Тронько. Киев: Глав. ред. Укр. Сов. энцикл. Акад. наук УССР, 1974. 624 с.
20. Казанцев А. В борьбе // Крымская правда. 1963. 22–24 дек. (№ 251 (11970)–№ 252 (11971)). Ч. 1–2. С. 4.
21. Каштанова Д. Живет их пример // Советский Крым. 1980. 6 дек. (№ 234 (11179)). С. 4.
22. Коновалова Л. В. Сборник материалов о партизанах и подпольщиках, действовавших на Южном берегу Крыма в годы Великой Отечественной войны 1941–1944 гг. Мелитополь: Изд. дом Мелитоп. город. тип., 2014. 120 с.
23. Коновалова Л. В. Улицы хранят их имена. Из сборника материалов о партизанах и подпольщиках, действовавших на Южном берегу Крыма в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (печатаются с сокращениями) // Старая Ялта. Историко-краеведческий альманах. Специальный выпуск. 2020. С. 46–50.
24. Короткова Г. В. Подпольно-патриотическое движение в г. Керчи и на Керченском полуострове в период второй оккупации // Керчь военная. Керчь: КГИКЗ, 2004. С. 238–268.
25. Коротышков Г. В тылу врага // Советский Крым. 1986. 4 мая (№ 87 (12532)). С. 2.
26. Книга Памяти Республики Крым. Партизаны и подпольщики / отв. ред. И. В. Иванченко. Симферополь: Таврида, 1995. Т. 6. 272 с.
27. Лосева Л. В дни суровых испытаний. Некоторые подробности о деятельности патриотов // Красное знамя. 1963. 3 дек. (№ 154 (292)). С. 4.
28. Лосева Л. Во имя жизни // Красное знамя. 1964. 29 фев. (№ 26 (329)). С. 3.
29. Лосева Л. Памятные встречи // Красное знамя. 1964. 27 июня (№ 76 (379)). С. 4.
30. Лосева Л. Тропами героев // Красное знамя. 1965. 12 янв. (№ 5 (463)). С. 4.
31. Лосева Л. В дни испытаний // Красное знамя. 1965. 2 марта (№ 26 (484)). С. 4.
32. Лосева Л. Партизанскими тропами. К 20-летию Великой Победы // Красное знамя. 1965. 18 марта (№ 33 (491)). С. 4.
33. Лосева Л. Ее биография // Крымская правда. 1965. 8 мая (№ 95 (12328)). С. 3.

34. Материалы по восстановлению граждан в члены подпольных организаций и партизанского движения в Крыму в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по гор. Ялта // ГА РК. Ф. П-849. Оп. 1. Д. 165. 180 л.

35. Мемориальный альбом памятников установленным на местах захоронений погибших и умерших партизан и подпольщиков Ялты периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Фонды Музея боевой славы Муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Центр развития творчества детей и юношества» Муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым (далее – МБУДО «ЦРТДЮ»). Ф. 1. Д. 2.

36. Неменко А. В. Крымские партизаны и оккупация Крыма в 1941–1944 годах: (по материалам советских и трофейных документов). Севастополь: Альбатрос, 2020. 455 с.

37. Партизанское движение Крыма в Великой Отечественной войне. 1941–1944 гг. // МБУДО «ЦРТДЮ». Ф. 1. Д. 1.

38. Пашеня В. Н., Пашеня Е. В. Крымская АССР в годы II Мировой войны (1939–1945 гг.). Симферополь: ДИАИПИ, 2009. 376 с.

39. Письма, справки, подтверждающие участие в подпольно-патриотическом движении жителей Сакского района // АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 9. 28 л.

40. Подпольно-патриотическое движение на территории п. Саки и Сакского района в годы Великой Отечественной войны (Отчет подпольщиков. Машинопись) // АО АГС. Ф. 27. Оп. 1. Д. 1. 51 л.

41. Поляков В. Е. Партизанское движение в Крыму, 1941–1944 гг. Симферополь: АРИАЛ, 2013. 488 с.

42. Реброва І. Підпілля в роки Великої Вітчизняної війни в пам'яті його учасників (на матеріалах Північного Кавказу) // Жінки Центральної та Східної Європи у Другій світовій війні: гендерна специфіка досвіду в часи екстремального насильства / відп. ред. Г. Грінченко, К. Кобченко, О. Кісь. Київ: АРТ КНИГА, 2015. С. 171–184.

43. Романько О. В. Крым в период нацистской оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2014. 414 с.

44. Сак К. В. Женская повседневность в оккупации: сексуальное насилие в документах и советской пропаганде // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12, № 1. С. 601–616.

45. Сактаганова З. Г. К вопросу об участии женщин Казахстана на фронтах Великой Отечественной войны // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 32–40.

46. Справка о подпольных партийных и комсомольских организациях, партийных и комсомольских организациях в партизанских отрядах, подпольно-

патриотических организациях и группах в Крыму в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // ГА РК. Ф. П-849. Оп. 1. Д. 261. 39 л.

47. Скрипниченко-Коровяковская Г. А. Долгий путь к правде. Симферополь: АнтикВА, 2009. 310 с.

48. Таганов Ю. Подпольно-патриотические группы Сейтлерского (Нижнегорского) района в 1942–1944 гг.: постановка проблемы // Крымфронт: проблемы истории и памяти. 70 лет спустя / отв. ред. С. Н. Ткаченко, Ю. А. Утробин. Феодосия: НИЛ, 2012. С. 126–143.

49. Ткаченко С. Н. Становление крымского подполья в конце 1941 – первой половине 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 6 (72), № 2. С. 203–213.

50. Ткаченко С. Н. «Спецзадание-42». К вопросу развертывания крымского подполья летом 1942 года // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2021. Т. 7 (73), № 2. С. 142–150.

51. Халимбекова Ф. А. Женщины Кавказа в Великой Отечественной войне // Вестник Владикавказского научного центра. 2012. Т. 12, № 2. С. 18–22.

52. Чирва И. С. Крымское подполье 1941–1944 гг. // Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / под ред. И. С. Чирвы. Симферополь: Крымиздат, 1963. С. 204–261.

53. Шамко Е. Н. Стояли насмерть // Советские партизаны: из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны / отв. ред. В. Е. Быстров, З. Н. Политов. М.: Политиздат, 1960. С. 550–589.

54. Шамко Е. Н. Пламя над Крымом // Герои подполья. О подпольной борьбе советских патриотов в тылу немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны / сост. В. Е. Быстров. М.: Политиздат, 1968. Вып. 2. С. 51–95.

REFERENCES

1. Avtobiografii, biografii, harakteristiki na chlenov podpolno-patrioticheskoy grupy i byvshih partizan, (A–Ja) (rukopis) [Autobiographies, Biographies, Characteristics of Members of the Underground Patriotic Group and Former Partisans, (A–Ya) (Manuscript)]. *Arhivnyj otdel (municipalnyi arhiv) administracii goroda Saki Respubliki Krym* (hereinafter – AO AGS) [Archive Department (Municipal Archive) of the Administration of the City of Saki, Republic of Crimea], f. 27, inv. 1, d. 26. 112 l.

2. Akulov M.R., Shamko E.N. *Vsjo dlja fronta, vsjo dlja pobedy (Komsomol Kryma v gody Velikoj*

Otechestvennoj vojny) [Everything for the Front, Everything for Victory (Komsomol of Crimea During the Great Patriotic War)]. Simferopol, VLKSM; Crym. obkom LKSM Ukrainy, Tavrida Publ., 1985. 40 p.

3. Balahnina M.V. Uchastie zhenshhin v partizanskom dvizhenii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Participation of Women in the Partisan Movement During the Great Patriotic War]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo zhurnal universiteta putej soobshhenija: Gumanitarnye issledovaniya*, 2021, no. 2 (10), p. 85–89.

4. Barskaja T. Flag nad elektrostanciej [Flag Over the Power Plant]. *Kurortnaja gazeta*, 1967, Nov. 12 (no. 226 (6664)), p. 3.

5. Barskaja T. S leninskoj iskroj v serdcach. Podvig nikogda ne umiraet, v pamjati hranit ego narod [With a Leninist Spark in Our Hearts. The Feat Never Dies; the People Keep It in Their Memory]. *Kurortnaja gazeta*, 1969, Apr. 20, no. 78 (7033), p. 3.

6. Barskaja T. Radi neskolkih strochek v gazete... [For the Sake of a Few Lines in the Newspaper...]. *Sovetskij Krym*, 1984, May 6 (no. 89 (12034)), p. 3.

7. Barskaja T. Za strokoj memorialnoj doski. Koreizskij bastion [Behind the Line of the Memorial Plaque]. *Sovetskij Krym*, 1988, May 9 (no. 91 (13036)), p. 3.

8. Barskaja T. Podpolye, ne znavshee provalov [The Underground That Never Knew Failure]. *Staraja Jalta. Istoriko-kraevedcheskij almanah. Specialnyj vypusk*, 2020, pp. 29–32.

9. Bolokina L.A. Zhenshhiny okkupirovannyh rajonov Kalininskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [Women of the Occupied Areas of the Kalinin Region During the Great Patriotic War]. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, 2015, no. 2 (75), pp. 28–36.

10. Borcova M. Malenkij bastion. Molodezhi v primer [Small Bastion. An Example for Young People]. *Kurortnaja gazeta*, 1972, Jan. 11 (no. 7 (7733)), p. 4.

11. Borcova M. Oni ostalis molodymi [They Remained Young]. *Kurortnaja gazeta*, 1974, Apr. 16 (no. 74 (8309)), p. 2.

12. Broshevan V.M., Garshina E.M. *Pravda o Valentine Garshine i ego gruppe v podpolye Simferopolja. 1943–1944 gg.* [The Truth About Valentin Garshin and His Group in the Underground of Simferopol. 1943–1944]. Simferopol, Tarpan Publ., 2017. 102 p.

13. Valentinov D. My pomnim [We Remember]. *Kurortnaja gazeta*, 1964, Mar. 24 (no. 61 (5726)), p. 2.

14. Vospominaniya redaktora podpolnoj gazety Krymskaja pravda i rukovoditelja Jaltinskoj podpolnoj organizacii t. Kazanceva, rukovoditelja Sarabuzskoj podpolnoj grupy Shevchenko S. o vypuske i rasprostranении gazety [Memoirs of the Editor of the Underground Newspaper Krymskaja Pravda and the

Head of the Yalta Underground Organization, Comrade Kazantsev, and the Head of the Sarabuz Underground Group, Shevchenko S., About the Release and Distribution of the Newspaper]. *Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym* (hereinafter – GA RK) [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-156, inv. 1, d. 169. 121.

15. Vronska T.V. *Repressii proti rodin «vorogiv narodu» v Ukraini: ideologija ta praktika (1917–1953 rr.): avtoref. dis ... d-ra ist. nauk* [Repressions Against the Homelands of “Enemies of the People” in Ukraine: Ideology and Practice (1917–1953). Dr. hist. sci. abs. diss.]. Kyiv, 2009. 40 p.

16. Golovanevskij M. Im bylo shestnadcat. Molodezhi v primer [They Were Sixteen. Young People as an Example]. *Kurortnaja gazeta*, 1969, Mar. 4 (no. 45 (7000)), p. 3.

17. Delo uchastnika Saksogo podpolja i partizanskogo otrjada Petrovoj Niny Ivanovny [The Case of a Participant in the Saki Underground and the Partisan Detachment Nina Petrova]. *Fondy MBU «Muzeja kraevedeniya i istorii grjazelecheniya» g. Saki Respubliki Krym* [Funds of the MBU “Museum of Local History and History of Mud Treatment” in the City of Saki, Republic of Crimea], f. 1, d. 8.

18. Tronko P.T., ed. *Istorija mist i sil Ukrainskoj RSR: v 26 t. Krimskaja oblasty* [History of Places and Villages of the Ukrainian RSR: in 26 t. Crimean Region]. Kyiv, URE, 1974. 802 p.

19. Tronko P.T., ed. *Istorija gorodov i sel Ukrainskoj SSR. V 26 t. Krymskaja oblast* [History of Cities and Villages of the Ukrainian SSR. In Twenty-Six Volumes: Crimean Region]. Kyiv, Glav. red. Ukr. Sov. encikl. Akad. nauk USSR, 1974. 624 p.

20. Kazancev A. V borbe [In the Struggle]. *Krymskaja pravda*, 1963, Dec. 22–24 (no. 251 (11970) – no. 252 (11971)), pts. 1–2, p. 4.

21. Kashtanova D. Zhivet ih primer [Their Example Lives on]. *Sovetskij Krym*, 1980, Dec. 6 (no. 234 (11179)), p. 4.

22. Konovalova L.V. *Sbornik materialov o partizanah i podpolshhikah, dejstvovavshih na Juzhnom beregu Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1944 gg.* [Collection of Materials About Partisans and Underground Fighters Operating on the Southern Coast of Crimea During the Great Patriotic War of 1941–1944]. Melitopol, Izd. dom Melitop. gorod. tip., 2014. 120 p.

23. Konovalova L.V. Ulicy hranjat ih imena. Iz sbornika materialov o partizanah i podpolshhikah, dejstvovavshih na Juzhnom beregu Kryma v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. (pechataetsja s sokrashhenijami) [The Streets Keep Their Names. From a Collection of Materials About Partisans and Underground Fighters Operating on the Southern Coast of Crimea During the Great Patriotic

War of 1941–1945. (Printed with Abbreviations)]. *Staraja Jalta. Istoriko-kraevedcheskij almanah. Specialnyj vypusk*, 2020, pp. 46–50.

24. Korotkova G.V. Podpolno-patrioticheskoe dvizhenie v g. Kerchi i na Kerchenskom poluostrove v period vtoroj okkupacii [Underground Patriotic Movement in the City of Kerch and on the Kerch Peninsula During the Second Occupation]. *Kerch voyennaya* [Military Kerch]. Kerch, KGIKZ, 2004, pp. 238–268.

25. Korotyshkov G. V tylu vraga [Behind Enemy Lines]. *Sovetskij Krym*, 1986, May 4 (no. 87 (12532)), p. 2.

26. Ivanchenko I.V., ed. *Kniga Pamjati Respubliki Krym. Partizany i podpolshhiki* [Book of Memory of the Republic of Crimea. Partisans and Underground Fighters]. Simferopol, Tavrida Publ., 1995, vol. 6. 272 p.

27. Loseva L. V dni surovyyh ispytaniy. Nekotorye podrobnosti o dejatel'nosti patriotov [In the Days of Severe Trials. Some Details About the Activities of Patriots]. *Krasnoe znamja*, 1963, Dec. 3, no. 154 (292), p. 4.

28. Loseva L. Vo imja zhizni [In the Name of Life]. *Krasnoe znamja*, 1964, Febr. 29 (no. 26 (329)), p. 3.

29. Loseva L. Pamjatnye vstrechi [Memorable Meetings]. *Krasnoe znamja*, 1964, June 27 (no. 76 (379)), p. 4.

30. Loseva L. Tropami geroev [On the Paths of Heroes]. *Krasnoe znamja*, 1965, Jan. 12 (no. 5 (463)), p. 4.

31. Loseva L. V dni ispytaniy [During the Days of Challenge]. *Krasnoe znamja*, 1965, Mar. 2 (no. 26 (484)), p. 4.

32. Loseva L. Partizanskimi tropami. K 20-letiju Velikoj Pobedy [Partisan Paths. To the 20th Anniversary of the Great Victory]. *Krasnoe znamja*, 1965, Mar. 18 (no. 33 (491)), p. 4.

33. Loseva L. Ejo biografija [Her Biography]. *Krymskaja pravda*, 1965, May 8 (no. 95 (12328)), p. 3.

34. Materialy po vosstanovleniju grazhdan v chleny podpolnyh organizacij i partizanskogo dvizhenija v Krymu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. po gor. Jalta [Materials on the Reinstatement of Citizens as Members of Underground Organizations and the Partisan Movement in Crimea During the Great Patriotic War of 1941–1945 in the City of Yalta]. *GA RK* [State Archive of the Republic of Crimea], f. P-849, inv. 1, d. 165. 180 l.

35. Memorialnyj al'bom pamjatnikov ustanovlennyh na mestah zahoroneniya pogibshih i umershih partizan i podpolshhikov Jalty perioda Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Memorial Album of Monuments Installed at the Burial Sites of Dead and Deceased Partisans and Underground Fighters in Yalta During the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Fondy Muzeja boevoy slavy Municipalnogo bjudzhetnogo uchrezhdenija dopolnitelnogo*

obrazovaniya «Centr razvitiya tvorchestva detej i junoshstva» Municipalnogo obrazovaniya gorodskoj okrug Jalta Respubliki Krym (hereinafter – MBUDO «CRTDJu») [Funds of the Museum of Military Glory of the Municipal Budgetary Institution of Additional Education “Center for the Development of Creativity of Children and Youth” of the Municipal Formation of the Yalta Urban District of the Republic of Crimea], f. 1, d. 2.

36. Nemenko A.V. *Krymskie partizany i okkupacija Kryma v 1941–1944 godah: (po materialam sovetskikh i trofejnyh dokumentov)* [Crimean Partisans and the Occupation of Crimea in 1941–1944: (Based on Soviet and Captured Documents)]. Sevastopol, Albatros Publ., 2020. 455 p.

37. Partizanskoe dvizhenie Kryma v Velikoj Otechestvennoj vojne. 1941–1944 gg. [The Partisan Movement of Crimea in the Great Patriotic War. 1941–1944]. *MBUDO «CRTDJu»* [Municipal Budgetary Institution of Additional Education “Center for the Development of Creativity of Children and Youth”], f. 1, d. 1.

38. Pashhenja V.N., Pashhenja E.V. *Krymskaja ASSR v gody II Mirovoj vojny (1939–1945 gg.)* [Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic during the Second World War (1939–1945)]. Simferopol, DIAYPI, 2009. 376 p.

39. Pisma, spravki, podtverzhajushhie uchastie v podpolno-patrioticheskom dvizhenii zhitelej Saksogo rajona [Letters, Certificates Confirming Participation in the Underground Patriotic Movement of Residents of the Saki Region]. *AO AGS* [Archive Department of the Administration of the City of Saki], f. 27, inv. 1, d. 9. 28 l.

40. Podpolno-patrioticheskoe dvizhenie na territorii p. Saki i Saksogo rajona v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (Otchet podpolshhikov. Mashinopis) [The Underground Patriotic Movement on the Territory of the Village of Saki and the Saki Region During the Great Patriotic War (Report of the Underground Workers. Typescript)]. *AO AGS* [Archive Department of the Administration of the city of Saki], f. 27, inv. 1, d. 1. 51 l.

41. Poljakov V.E. *Partizanskoe dvizhenie v Krymu, 1941–1944 gg.* [Partisan Movement in Crimea, 1941–1944]. Simferopol, ARIAL, 2013. 488 p.

42. Rebrova I. Pidpillja v roki Velikoï Vitchiznjanoi vijni v pam'jati jogo uchasc' (na materialah Pivnichnogo Kavkazu) [The Underground During the Great Patriotic War in Memory of Its Participants (Based on Materials from the North Caucasus)]. Grinchenko G., Kobchenko K., Kis O., eds. *Zhinki Centralnoi ta Shidnoi Evropi u Drugij svitovij vijni: genderna specifi'ka dosvidu v chasi ekstremalnogo nasilstva* [Women of Central and Eastern Europe in World War II: Gender-Specific

Experiences in Times of Extreme Violence]. Kyiv, ART KNIGA, 2015, pp. 171-184.

43. Romanko O.V. *Krym v period nacistской okkupacii. Nacionalnye otnosheniya, kollaboracionizm i partizanskoe dvizhenie. 1941–1944* [Crimea During the Nazi Occupation. National Relations, Collaborationism and Partisan Movement. 1941–1944]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2014. 414 p.

44. Sak K.V. Zhenskaja povsednevnost v okkupacii: seksualnoe nasilie v dokumentah i sovetskoj propagande [Women's Everyday Life Under Occupation: Sexual Violence in Documents and Soviet Propaganda]. *Quaestio Rossica*, 2024, vol. 12, no. 1, pp. 601-616.

45. Saktaganova Z.G. K voprosu ob uchastii zhenshhin Kazakhstana na frontah Velikoj Otechestvennoj vojny [On the Issue of the Participation of Women of Kazakhstan on the Fronts of the Great Patriotic War]. *Istoricheskij kuryer*, 2021, no. 3 (17), pp. 32-40.

46. Spravka o podpolnyh partijnyh i komsomolskih organizacijah, partijnyh i komsomolskih organizacijah v partizanskih otrjadah, podpolno-patrioticheskikh organizacijah i gruppah v Krymu v period Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg. [Information About Underground Party and Komsomol Organizations, Party and Komsomol Organizations in Partisan Detachments, Underground Patriotic Organizations and Groups in Crimea During the Great Patriotic War of 1941–1945]. *GA RK* [State Archives of the Republic of Crimea], f. P-849, inv. 1, d. 261. 39 l.

47. Skripnichenko-Korovjakovskaja G.A. *Dolgij put k pravde* [The Long Path to Truth]. Simferopol, Antikva Publ., 2009. 310 p.

48. Taganov Ju. Podpolno-patrioticheskie gruppy Sejtlerskogo (Nizhnegorskogo) rajona v 1942–1944 gg.: postanovka problemy [Underground Patriotic Groups of the Sejtler (Nizhnegorsk) District in 1942–1944: Problem Statement]. Tkachenko S.N., Utrobin Yu.A., eds. *Krymfront: problemy istorii i pamjati. 70 let spustja* [Crimean Front: Problems of History and Memory. 70 Years Later]. Feodosia, NIL, 2012, pp. 126-143.

49. Tkachenko S.N. Stanovlenie krymskogo podpolja v konce 1941 – pervoj polovine 1942 goda [Formation of the Crimean Underground at the End of 1941 – The First Half of 1942]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2020, vol. 6 (72), no. 2, pp. 203-213.

50. Tkachenko S.N. «Speczadanie-42». K voprosu razvertyvaniya krymskogo podpolja letom 1942 goda [“Special Task-42”. On the Issue of the Deployment of the Crimean Underground in the Summer of 1942]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Serija «Istoricheskie nauki»*, 2021, vol. 7 (73), no. 2, pp. 142-150.

51. Halimbekova F.A. Zhenshhiny Kavkaza v Velikoj Otechestvennoj vojne [Women of the Caucasus in the Great Fatherland New War]. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 18-22.

52. Chirva I.S. Krymskoe podpolje 1941–1944 gg. [Crimean Underground 1941–1944]. Chirva I.S., ed. *Krym v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza 1941–1945 gg.* [Crimea in the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941–1945]. Simferopol, Krymizdat, 1963, pp. 204-261.

53. Shamko E.N. Stojali nasmert [Fought to the Death]. Bystrov V.E., Politov Z.N., eds. *Sovetskie partizany: iz istorii partizanskogo dvizhenija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Soviet Partisans: From the History of the Partisan Movement During the Great Patriotic War]. Moscow, Politizdat, 1960, pp. 550-589.

54. Shamko E.N. Plamja nad Krymom [Flame over the Crimea]. Bystrov V.E., ed. *Geroi podpolja. O podpolnoj borbe sovetskih patriotov v tylu nemecko-fashistskih zahvatchikov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Heroes of the Underground. About the Underground Struggle of Soviet Patriots in the Rear of the Nazi Invaders During the Great Patriotic War]. Moscow, Politizdat, 1968, iss. 2, pp. 51-95.

Information About the Author

Vyacheslav A. Ivanov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Social and Humanitarian Disciplines, Crimean University of Culture, Arts and Tourism, Kyivskaya St, 39, 295017 Simferopol, Russian Federation, slavik1855@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

Информация об авторе

Вячеслав Александрович Иванов, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Крымский университет культуры, искусств и туризма, ул. Киевская, 39, 295017 г. Симферополь, Российская Федерация, slavik1855@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0994-3817>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.9>

UDC 94(470 630)«1941/1942»+355.4

LBC 63.3(2Рос-4Ста)622,1

Submitted: 24.03.2025

Accepted: 30.08.2025

INTERACTION OF LOCAL AUTHORITIES AND THE POPULATION OF THE STAVROPOL TERRITORY IN PROVIDING ASSISTANCE TO CITIZENS EVACUATED TO THE TERRITORY IN 1941–1942: PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Sergey I. Linets

Federal Research Centre the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article discusses the practical interaction of local party and Soviet bodies and the urban and rural population of the Stavropol Territory in providing comprehensive assistance to citizens evacuated in 1941–1942 from the front-line western regions of the USSR to the territory of the region. The scientific study of this problem is an important part of the study of the functioning of the Soviet rear and its contribution to achieving victory over Nazi Germany during the Great Patriotic War. *Methods and materials.* In the course of the study, the authors actively used the historical-typological, problem-chronological, and historical-comparative methods. This article is based on the sources published in recent decades in collections of documents on this problem. *Analysis.* The reception of the first batches of the evacuated population began in the Stavropol Territory a few weeks after the beginning of the Great Patriotic War, i.e., in the summer of 1941. The regional authorities, by a number of their decisions, determined in advance in all cities and rural areas places for the accommodation and subsequent residence of arriving refugees. At the same time, as evidenced by documentary materials, responsible persons from among the party and Soviet workers were clearly and timely appointed, and premises, canteens, and medical centers were determined. The local population was called upon to provide all possible assistance in accommodating arriving citizens in their living space, which found a positive response from the urban and rural population of the Stavropol Territory. As quickly as possible, the authorities resolved many issues related to the stay of refugees in the region, including their employment and provision with money, hygiene items, clothing, and footwear. Equally attentive local authorities responded to the complaints of evacuated citizens, trying to eliminate the identified shortcomings in a short time. *Results.* In the course of the work, the author came to the conclusion that the close cooperation of local authorities and the population of the Stavropol Territory in providing comprehensive assistance to refugees has yielded a positive result. The evacuated citizens who arrived in the territory of the region in 1941–1942 were generally provided with the necessary list of material and household services, which made it possible to survive the harsh hardships of wartime in the places of their new settlement. *Funding.* This work was prepared as part of the state assignment (Project No. 125011200146-5) for the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (SSC RAS) in 2025, entitled “Society and Power in Southern Russia during the Great Patriotic War: Forms of Interaction and Practices of Representation.”

Key words: Great Patriotic War, Stavropol Territory, evacuated population, party and Soviet bodies, blockade survivors, sanitary and living conditions.

Citation. Linets S.I. Interaction of Local Authorities and the Population of the Stavropol Territory in Providing Assistance to Citizens Evacuated to the Territory in 1941–1942: Problems and Ways to Solve Them. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 118–127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.9>

УДК (470 630)«1941/1942»+355.4
ББК 63.3(2Рос-4Ста)622,1

Дата поступления статьи: 24.03.2025

Дата принятия статьи: 30.08.2025

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И НАСЕЛЕНИЯ СТАВРОПОЛЬЯ В ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ ЭВАКУИРОВАННЫМ НА ТЕРРИТОРИЮ КРАЯ ГРАЖДАН В 1941–1942 гг.: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Сергей Иванович Линец

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается практическое взаимодействие местных партийных и советских органов и городского и сельского населения Ставрополья по оказанию всесторонней помощи эвакуированным в 1941–1942 гг. из прифронтовых западных регионов СССР на территорию края гражданам. Научное исследование данной проблемы является важной составной частью изучения вопросов функционирования советского тыла, его вклада в достижение победы над гитлеровской Германией в годы Великой Отечественной войны. *Методы и материалы.* В ходе исследования автор активно применял историко-типологический, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы. Данная статья основана на источниках, опубликованных в последние десятилетия по данной проблеме. *Анализ.* Прием первых партий эвакуированного населения начался на Ставрополье уже через несколько недель после начала Великой Отечественной войны, то есть летом 1941 года. Краевые и местные органы власти целым рядом своих решений заранее определили во всех городах и сельских районах места для размещения и последующего проживания прибывавших граждан. При этом, как свидетельствуют документальные материалы, были своевременно назначены ответственные лица из числа партийных и советских работников, определены помещения, столовые, медицинские пункты. Местное население было призвано оказывать посильную помощь эвакуированным людям в размещении на своей жилой площади, что нашло позитивный отклик со стороны городского и сельского населения Ставропольского края. Властными структурами оперативно решались многие вопросы, связанные с пребыванием в крае беженцев, в том числе в устройстве их на работу, в обеспечении денежными средствами, предметами гигиены, одеждой и обувью. Столь же внимательно реагировали местные органы на жалобы эвакуированных граждан, стараясь в короткий срок устранять выявленные недостатки. *Результаты.* Автор пришел к выводу, что тесное взаимодействие местных органов власти и населения Ставрополья по оказанию всесторонней помощи беженцам дало положительный результат. Прибывшие в 1941–1942 гг. на территорию края эвакуированные граждане были в целом обеспечены необходимым перечнем материально-бытовых услуг, позволившим пережить суровые тяготы военного времени в местах нового их расселения. *Финансирование.* Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2025 г. по теме «Социум и власть на юге России в годы Великой Отечественной войны: формы взаимодействия и практики репрезентации» (№ гр. 125011200146-5).

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ставропольский край, эвакуированное население, партийные и советские органы, блокадники, санитарно-бытовые условия.

Цитирование. Линец С. И. Взаимодействие местных органов власти и населения Ставрополья в оказании помощи эвакуированным на территорию края гражданам в 1941–1942 гг.: проблемы и пути их решения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 118–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.9>

Введение. Великая Отечественная война стала временем массового перемещения мирного населения из прифронтовых районов в глубокий тыл страны. Эти перемещения были вызваны неудачным началом войны для Красной армии и, как следствие, быстрым продвижением немецких войск вглубь территории СССР. По официальным статистическим дан-

ным в военное время, главным образом в 1941–1942 гг., в восточные и юго-восточные районы страны организованным порядком и стихийно, по собственной инициативе, эвакуировались около 17 млн чел. [4, с. 145]. В мировой истории никогда не было столь огромных по своей численности и территориальному охвату перемещений населения, вызванных военной обстановкой.

Методы и материалы. Теоретическую основу данной статьи составила совокупность различных научных принципов и методов исследования. Так, сравнительно-исторический метод помог всесторонне определить особенности деятельности краевых, городских и сельских районных органов власти Ставрополя по оказанию помощи эвакуированному населению в первый год Великой Отечественной войны. В этой связи в методологическом плане важно отметить точку зрения М.Н. Потемкиной. Она, в частности, указывает: «Характеризуя этот процесс, исследователи применяют как термин “эвакуированные”, так и термин “беженцы”. На наш взгляд, правомерно использовать оба понятия к разным потокам мигрантов с различием их по степени организованности» [6, с. 164]. В то же время Л.А. Терушкин уточняет, что имела место как «организованная эвакуация», так и «бегство» значительной части населения из прифронтовых районов [11, с. 186–187]. Думается, что такие суждения вполне правомерны и полностью отражают реалии тех тяжелых дней.

Цель данной статьи заключается в исследовании особенностей взаимодействия органов власти Ставрополя с городским и сельским населением края в деле оказания всесторонней помощи эвакуированным на территорию края гражданам в первый год Великой Отечественной войны.

Задачами являются следующие конкретные направления такого взаимодействия:

1) исследование и оценка решений краевых и местных органов власти по приему и размещению эвакуированных на Ставрополье граждан;

2) определение масштабов участия городского и сельского населения края в оказании эвакуированным всесторонней помощи;

3) выявить проблемы в решении всех вопросов, связанных с размещением прибывавших в край граждан, обеспечением их жильем, продовольствием, работой и другими необходимыми условиями социально-бытового характера, а также проанализировать пути решения этих проблем.

В советской исторической литературе, как правило, первостепенное внимание обращалось на эвакуацию в восточные районы Советского Союза промышленных предприя-

тий, сырья и материалов, продовольственных запасов, колхозно-совхозного скота. В меньшей степени, нередко в нескольких словах, речь шла о вывозе населения [2, с. 353–354]. И такому, казалось бы, странному обстоятельству – ведь человеческая жизнь дороже любых материальных ценностей – были свои объяснения. «Война с присущим ей цинизмом требовала в первую очередь эвакуировать предприятия. С одной стороны, их нельзя было оставлять на оккупированной территории, чтобы не позволить противнику воспользоваться производственными мощностями для наращивания собственных военных ресурсов. С другой, именно на западе СССР были к тому времени сосредоточены основные военные мощности, и без них Красная армия оказывалась бы на “голодном пайке” буквально во всем – от портянок до танков и самолетов» [12]. Затем по степени значимости вывозу в глубокий тыл подлежали многочисленные сельскохозяйственные ресурсы и культурные ценности. Последними в этом масштабном эвакуационном списке находились различные категории населения.

Больше внимания вопросам размещения и обслуживания эвакуированных на Ставрополье граждан стало уделяться в работах постсоветского периода. Так, к примеру, в коллективной монографии «Край наш Ставрополье» отмечалось: «Огромная забота проявлялась о населении, эвакуированном сюда в 1941–1942 гг. из Ленинграда, Одесской, Запорожской и Киевской областей Украины. Около 150 тыс. чел. встретили здесь радушный прием, местные жители по-братски делили с ними хлеб-соль» [3, с. 329–330].

Н.Д. Судавцов в своей статье отмечает слаженную работу краевых и районных партийных и советских органов Ставрополя по приему и размещению на территории края эвакуированных граждан. Он указывает, что осенью 1941 г. на Ставрополье сложилась тяжелая ситуация в решении этого вопроса, вызванная перегруженностью городов и сельских населенных пунктов края постоянно прибывавшими партиями беженцев. Однако, несмотря на эти трудности, опираясь на патриотическую помощь всех жителей края, эти непростые проблемы в конечном счете удалось решить [10, с. 443–444].

Анализ. На Ставрополье в первый год Великой Отечественной войны прибывали как эвакуированные из прифронтовых регионов в централизованном порядке, так и самостоятельно перемещавшиеся в тыловые регионы страны граждане. Последние попадают под определение «беженцы». Часть из них через территорию края транзитом следовала дальше: либо на юг, в республики Закавказья, либо на восток через Дагестанскую АССР, переправляясь затем пароходами и паромами через Каспийское море в Казахстан и далее в республики Средней Азии. В данном факте заключалась одна из особенностей перемещения эвакуированных граждан через территорию Ставропольского края.

12 июля 1941 г. Ставропольский крайисполком принял решение «О порядке размещения эвакуированного населения в городах и районах края» [9, с. 23]. Следовательно, уже на 21-й день Великой Отечественной войны краевые власти приступили к приему и последующему размещению первых партий эвакуированного из прифронтовых районов населения. Анализ этого документа позволяет сделать вывод о внимательном и ответственном отношении властей Ставрополья к решению данного, крайне сложного по своему содержанию, вопроса. В частности, был определен список городов и районов для размещения прибывавших беженцев, подготовлено для них соответствующее количество различных помещений, выделен колхозный и совхозный транспорт для перевозки эвакуированных от железнодорожных станций к местам назначения, налажено медико-санитарное обслуживание, выделены денежные средства на приобретение одежды и обуви, а также на питание на первые дни расселения прибывавших граждан. Это были первостепенные мероприятия, которые следовало провести в первые же часы и дни по прибытии эвакуированных на территорию края граждан.

Пожалуй, самой большой проблемой было предоставление эвакуированным гражданам пригодного для проживания жилья, причем с учетом наступавших осенних холодов и возможных перспектив на зимнее время. Самым оптимальным вариантом решения этой сложной проблемы было предоставление местными жителями своей жилой площади

эвакуированным гражданам в порядке самоуплотнения. «Делалось это как добровольно, так и по решению уличного комитета. Получив соответствующее распоряжение местных органов, представители комитетов обходили квартиры и частные дома и выявляли, в каких из них существуют возможности расселения приезжающих семей и отдельных граждан» [8, с. 340–341].

Вслед за этим намечался целый ряд решений, которые были рассчитаны на среднесрочную и долгосрочную перспективу: наладить поименный учет всех эвакуированных в бюро справок, трудоустроить прибывших граждан, по возможности согласно их профессиональным навыкам, обеспечить бесперебойную выпечку хлеба и т. д. Руководителям предприятий и организаций разрешалось при приеме на работу эвакуированных выдавать им единовременное денежное пособие в размере 100 руб. на человека [9, с. 24].

К концу июля 1941 г. местные партийные и советские органы должны были полностью закончить все мероприятия по расселению эвакуированных граждан и их последующему обустройству. В качестве контроля по проведению этой работы в трех сельских районах края – Невинномысском, Петровском и Старомарьевском – крайкомом партии была проведена выборочная проверка. Итоги этой проверки в виде информационной записки первый секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Суслов направил 2 августа 1941 г. Председателю Совета по эвакуации Н.М. Швернику. К этому времени в Ставропольском крае уже находилось 45 тыс. эвакуированных и беженцев. Учитывая тот факт, что они прибыли в течение короткого времени, местные органы власти должны были в срочном порядке решать многочисленные вопросы, связанные с их приемом и размещением. Однако не все складывалось позитивно в этой работе. Следует отметить, что данная записка была составлена весьма объективно, без каких-либо преувеличений сложившейся ситуации. Наряду с позитивными фактами, характеризовавшими работу районных властей с прибывавшими эвакуированными гражданами, отмечались и негативные моменты. К примеру, указывалось: «В самом районном центре селе Петровском и в некоторых колхозах этого района

в результате беспечности районных организаций отдельным семьям эвакуированных еще не создано должных бытовых условий, не все привлечены к участию в производственной жизни колхозов и совхозов» [9, с. 30]. В этой связи отметим, что основная часть прибывших на Ставрополье граждан была трудоустроена в сельской местности, то есть в колхозах и совхозах. Однако слабым местом в трудоустройстве являлась невозможность обеспечить рабочими местами квалифицированных беженцев. Это вызывало у них недовольство и желание переехать в города или даже в другие тыловые регионы страны.

Кроме того, в качестве серьезных недостатков отмечались жалобы на необеспеченность эвакуированных граждан одеждой, обувью и продуктами питания. Любопытным представляется тот факт, что беженцы также высказывали свое недовольство слабостью партийно-политической работы, которую проводили с ними местные партийные работники. Можно предположить, что причиной этого был недостаток информации о положении на фронте, где у многих прибывших на Ставрополье людей в Красной армии находились близкие родственники.

Отдельно следует отметить заботливое отношение местного населения к эвакуированным гражданам. Во всяком случае, факты неприязни к ним со стороны городских и сельских жителей края являлись единичными. Об одном из таких неприятных эпизодов свидетельствует письмо эвакуированной в начале апреля 1942 г. в город Ставрополь гражданки Л.И. Друккер, которую вместе с ее больным сыном определили в порядке уплотнения на квартиру местной жительницы Валуевой. Несмотря на то, что хозяйка проживала в трехкомнатной квартире, она с неприязнью встретила известие о подселении к ней эвакуированных граждан. Более того, стала намеренно и с вызовом создавать им невыносимые условия для проживания: демонстративно вынесла из комнаты всю мебель, в том числе единственную кровать, залила водой печь, постоянно требовала от эвакуированной женщины немедленно выселиться из ее квартиры. После неоднократных просьб о помощи, решением горисполкома Л.И. Друккер переселили в другую квартиру, но и там

условия для проживания были крайне тяжелыми. В конце концов ей оказали финансовую помощь в размере 150 руб. для переезда в город Ростов-на-Дону [1, с. 180–182].

В свою очередь морально-психологическое состояние беженцев определялось как вполне здоровое. Вместе с тем краевые власти отмечали, что «отдельные элементы среди них занимаются вредной, провокационной болтовней» [9, с. 31]. Кроме того, некоторые граждане, которых направляли в колхозы, отказывались ехать туда и требовали разместить их в городской черте. Под разными предлогами имели место и случаи отказа беженцев от предоставляемой им работы.

Согласно докладной записке председателя Ставропольского крайисполкома В.А. Шадрина, направленной в адрес председателя Совета по эвакуации Н.М. Шверника, к концу сентября 1941 г. на территории Ставропольского края находилось 226 тыс. эвакуированных граждан [9, с. 41]. И их число изо дня в день продолжало увеличиваться. Понятно, что и проблемы с их размещением и обслуживанием в городах и сельских районах края также нарастали. Когда положение стало критическим, краевые власти 1 октября направили докладную записку в Москву с просьбой об оказании срочной помощи. Действительно, ситуация выглядела удручающей. Во-первых, некоторые районы края были значительно перенаселены прибывшими беженцами, что негативно сказывалось на возможности их расселения в помещениях накануне наступавших холодов. Во-вторых, значительная часть этих граждан не имела постельных принадлежностей, теплой одежды и обуви. В-третьих, в докладной записке с тревогой отмечалось: «...со всей остротой встает вопрос о продовольственном снабжении эвакуированного населения, особенно сейчас, когда полевые работы в основном заканчиваются...» [9, с. 42]. Чтобы решить эти проблемы хотя бы частично, крайком партии и крайисполком просили советское правительство выделить из союзных фондов для снабжения эвакуированного населения 1,6 тыс. м различных тканей, детскую обувь и теплую одежду, 500 т муки и 100 т крупы, выделить 500 тыс. руб. [9, с. 42].

Одновременно местные органы власти приступили, насколько это было возможно в

суровых условиях военного времени, к строительству в городах Ставрополья жилья для эвакуированного в край населения. На эти цели советское правительство в середине сентября 1941 г. выделило для РСФСР 37,5 млн руб., а затем в 1942 г. – еще 61,4 млн рублей. Часть этих денежных средств поступила в Ставропольский край и была использована в ходе строительства временных жилищ так называемого «упрощенного типа», то есть практически не имевших даже минимальных бытовых условий [8, с. 341]. Однако и такие помещения, чаще всего барачного типа, пусть в незначительной степени, но все же позволяли краевым властям снизить остроту жилищной проблемы.

По состоянию на 1 января 1942 г. в городах и в сельских населенных пунктах Ставрополья находилось 116 956 эвакуированных граждан, то есть по сравнению с сентябрем 1941 г. их количество уменьшилось на 110 тыс. чел. [9, с. 53–54]. Данный факт можно объяснить желанием многих беженцев проследовать дальше в южные и восточные тыловые регионы СССР. Часть из них находила родственников за пределами края, другая часть выезжала из-за невозможности найти рабочие места по своим специальностям, третья группа была не удовлетворена социально-бытовыми условиями. Такая, можно сказать, переселенческая динамика, была обычным явлением в годы войны и имела место на многих тыловых территориях страны. Наибольшее количество эвакуированных находилось в городе Кизляре – 10,8 тыс. чел., в Ставрополе – 6 605, в Кисловодске – 6 134, в Пятигорске – 5 800 и т. д. Из сельских районов наибольшее количество беженцев принял Моздокский район – 5 870 человек, далее шли Буденновский – 5 521, Минераловодский – 4 021, Арзгирский район – 3 875. Всего же эвакуированные к началу января 1942 г. были размещены в четырех городах, Карачаевской и Черкесской автономных областях и в 43 сельских районах края [9, с. 53–54]. Своеобразное лидерство Кизляра и Моздокского района можно объяснить тем, что они находились на востоке Ставропольского края и во многом являлись транзитными территориями для следования эвакуированных граждан дальше на восток. К тому же от Кизляра до Каспийского моря было

всего несколько десятков километров. Поэтому из соседних портовых городов Дагестанской АССР можно было на кораблях и паромах переправиться на территорию Казахстана в город Красноводск.

В ноябре 1941 г. из Ростова-на-Дону накануне кратковременного – на одну неделю – захвата города немецкими войсками, на Ставрополье была эвакуирована группа испанских политэмигрантов-коммунистов. Они были размещены в городе Георгиевске и в селе Владимировка. 23 января 1942 г. а на имя первого секретаря крайкома ВКП(б) М.А. Сулова было получено письмо от заместителя заведующего отделом кадров Исполкома Коминтерна Белова. В нем содержалась настоятельная просьба оказать всемерную помощь испанским товарищам. «По полученным сведениям, они находятся в чрезвычайно тяжелом положении и ввиду полной мобилизации края вызывают сомнение среди населения и у местных органов власти», – с тревогой отмечалось в письме [1, с. 172]. В первую очередь необходимо было обеспечить испанских беженцев продуктами питания. Кроме того, ставилась задача по их трудоустройству на промышленных предприятиях Ставрополья, так как многие из них в качестве квалифицированных рабочих до эвакуации трудились на ростовских заводах «Сельмаш» и «Красный Аксай». Краевые власти оперативно приняли соответствующие экстренные меры по улучшению положения испанских политэмигрантов.

Уменьшение численности эвакуированных граждан на Ставрополье, отмеченное к концу декабря 1941 г., было по времени недолгим. Всего через несколько недель край должен был быть готов принять новую партию беженцев. Ими стали вывезенные из героического Ленинграда блокадники. Их размещали в разных тыловых регионах страны, в том числе и на Ставрополье. 5 февраля 1942 г. краевое руководство получило телеграмму от заместителя председателя СНК РСФСР К.Д. Памфилова, в которой говорилось о необходимости принять и разместить в Ставропольском крае 23 тыс. ленинградцев, в том числе 8 150 детей. Они с интервалами в несколько дней прибывали специальными эшелонами по 900 чел. в каждом. Уже 10 февраля Ставропольский крайком ВКП(б) и крайисполком

приняли специальное постановление о размещении в крае эвакуированных из Ленинграда граждан [7, с. 75–76].

Выбор советским правительством Ставропольского края, а также соседнего Краснодарского края и республик Северного Кавказа для эвакуации сюда истощенных блокадой ленинградцев, был, конечно, не случайным. Как справедливо отмечает Л.А. Терушкин, «...детей и взрослых стремились отправить в плодородные, не пострадавшие от боевых действий районы, где они могли бы в условиях благоприятного климата восстановить здоровье» [11, с. 188].

Забота о блокадниках была отдельной и крайне ответственной задачей и для руководства края, и для его населения. Прибывавшие ленинградцы в большинстве своем были истощенные от голода люди, многие из которых находились в крайне тяжелом состоянии. Часть из них были лежачими больными и требовали специального медико-санитарного и бытового ухода. При этом только 7 000 прибывавших беженцев планировалось разместить в помещениях больниц, клубов, школ. Ввиду острой нехватки ведомственной жилой площади «...остальные 16 тысяч – только с размещением в квартирах в порядке уплотнения в городах и крупных райцентрах» [9, с. 59]. Пятигорск и Кисловодск приняли по 3 600 чел., Ставрополь – 2 700, Ессентуки – 2 250, Георгиевск – 1 800. Поскольку местным жителям в очередной раз приходилось испытывать значительные бытовые неудобства, в постановлении на этот счет особо отмечалось: «Размещение производить в порядке уплотнения на квартирах рабочих, служащих и колхозников, организовав разъяснительную работу среди населения так, чтобы рабочие, служащие, колхозники, домохозяйки добровольно предоставляли жилищную площадь, проявляя заботу, радушный прием и уход за эвакуированным населением из г. Ленинграда» [7, с. 75].

В первую очередь необходимо было принять срочные меры по отношению к тем ленинградцам, которые из-за своего голодного истощения и упадка сил нуждались в госпитализации и медицинском уходе в течение хотя бы полутора-двух недель. А таких слабых здоровьем насчитывалось до 45 % от общего числа эвакуированных на Ставрополье жителей

блокадного города. Для их размещения дополнительно были использованы помещения клубов, высших учебных заведений, техникумов, больниц, а в исключительных случаях, школ. Параллельно для усиленного питания ленинградских беженцев в городах и районных центрах края были открыты несколько специальных столовых и продовольственных магазинов.

О степени ответственности и внимания местных органов власти к вопросу о подготовке и приему блокадников-ленинградцев в качестве характерного примера можно судить по деятельности Ставропольского городского эвакуационного пункта. 4 апреля 1942 г. его инспектор Вещева обследовала условия проживания 17-летнего Дектярева, который после прибытия из Ленинграда поселился на квартире у своей сестры. Проверка показала: «Тов. Дектярев живет у сестры тов. Гвоздиковой, муж ее на фронте. У сестры трое детей, сама не работает, получает по аттестату и на это живет с детьми. Питание брату хорошее не может дать» [1, с. 177]. Результатом данного обследования было решение о необходимости оказать Дектяреву помощь в приобретении продуктов питания.

Столь же ответственным по отношению к прибывавшим беженцам-ленинградцам было внимание руководителей сельских районов края. К примеру, 13 апреля 1942 г. на заседании бюро Ново-Александровского райкома партии было принято специальное на этот счет постановление. Среди намеченных и в короткие сроки реализованных по данному вопросу мер, отметим следующие: создание специальной районной комиссии из 11 человек для проведения всей работы по приему и размещению прибывавших ленинградцев, выделение для них в станице Расшеватской трех помещений, в том числе клуба железнодорожников, неполной средней школы и дома социальной культуры, открытие продуктового ларька специально для блокадников [7, с. 84].

Понятно, что прибытие на Ставрополье в начале 1942 г. новых групп эвакуированных граждан вызвало дополнительные трудности в их размещении и последующем обустройстве. В ряде городов и районных центров при решении этого вопроса сложилась крайне тяжелая ситуация. В первую очередь она была вызвана острой нехваткой жилых помещений,

а также дефицитом продуктов питания и отсутствием у местных органов власти финансовых средств на содержание эвакуированных граждан. Поэтому в адрес краевых органов власти из городов и сельских районов стали поступать обращения с просьбами не направлять к ним очередные группы беженцев. Характерным и показательным примером в этом отношении может служить письмо секретаря Пятигорского горкома партии Л.Я. Борохова от 16 марта 1942 г., где он указывал: «Расселение эвакуированного населения и семей военнослужащих, прибывающих в г. Пятигорск, в настоящее время встречает большие затруднения в отношении предоставления им жилой площади как отдельными квартирами и комнатами, так и в порядке расселения по уплотнению» [1, с. 175].

С июля 1941 г. и до марта 1942 г. в Пятигорск прибыли и были расселены 14 886 человек. Часть из них выехала в другие тыловые районы страны, но затем стали прибывать новые партии беженцев. В результате на одного человека приходилось всего 3,6 кв. м жилой площади, что, конечно, не соответствовало санитарным нормам даже с учетом военного времени. Складывавшаяся напряженная санитарно-гигиеническая обстановка неминуемо приводила к распространению в Пятигорске различных инфекционных заболеваний. А ведь в городе находилось 13 эвакуогоспиталей на 6,5 тыс. коек, в которых почти за год Великой Отечественной войны прошли лечение несколько десятков тысяч раненых и больных воинов Красной армии [5, с. 120–121]. Некоторые выздоравливающие военнослужащих также от нескольких недель до нескольких месяцев размещались в городском жилом фонде. К тому же многие из них, как указано в документе, «...выписывают к себе семьи из других городов и сел» [1, с. 176].

Поэтому городские власти Пятигорска запрашивали согласие краевого руководства на проведение ряда срочных мероприятий, направленных на снижение напряженности в этом вопросе. Во-первых, прекратить прием в городе новых групп эвакуированных граждан. Во-вторых, разрешить временное занятие квартир и комнат, принадлежавших ушедшим на фронт жителям города. В-третьих, начать реэвакуацию из Пятигорска части бе-

женцев, которые могли быть переселены в близлежащие сельские населенные пункты с последующим их трудоустройством в колхозах и совхозах. Реакция Ставропольского крайкома ВКП(б) и крайисполкома на эти просьбы была положительной. В решении на этот счет отмечалось: «...надо внять голосу пятигорских руководящих товарищей. Пятигорск, действительно, перенасыщен до крайности. Надо ограничить в этот город новых жильцов. Принять меры к разгрузке города» [1, с. 175–176].

Ставрополье до конца июля 1942 г. принимало эвакуированных граждан, постоянно отдельными группами и в одиночку прибывавших из прифронтовой полосы. Несмотря на тяжелые условия, сложившиеся в городах, станицах и селах с наличием жилого фонда, запасов продовольствия, санитарно-гигиенических средств, одежды и обуви, прибывавшие беженцы, тем не менее, обеспечивались хотя бы минимумом всего необходимого для пребывания на территории края. Конечно, как об этом наглядно свидетельствуют многочисленные документы того времени, не всегда эвакуированные граждане были довольны бытовыми условиями на новом месте. В ряде случаев местные органы власти проявляли бездушие по отношению к ним, в других случаях не хватало ресурсов для нормального размещения беженцев. Встречались и эпизоды, которые можно трактовать как необоснованные жалобы, поступавшие от ряда эвакуированных граждан в адрес краевых властей. В таких случаях им приходилось разъяснять сложившуюся ситуацию, находить правильные слова для решения возникавших проблем.

Результаты. Следует констатировать, что руководство Ставрополья в целом успешно справилось с проблемой приема и последующего размещения сотен тысяч эвакуированных советских людей на территории края. Чтобы ее решить, использовались как краевые материальные, продовольственные и финансовые ресурсы, так и постоянная помощь со стороны советского правительства. Кроме того, еще одним слагаемым успеха была всесторонняя поддержка эвакуированным гражданам, которая оказывалась городскими и еще в большей степени сельскими жителями края. Они взяли на себя значительную часть повседневных забот о беженцах и эвакуи-

ированных гражданах, прежде всего о блокадниках-ленинградцах. В очередной раз в тяжелые годы Великой Отечественной войны было продемонстрировано патриотическими поступками жителями тыла единство советского народа, его готовность стойко переносить все тяготы военного времени во имя скорейшей победы над врагом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голоса из провинции: жители Ставрополя в 1941–1964 годах / сост.: В. Белоконь, Т. Колпикова, Г. Никитенко. Ставрополь: Ком. Ставроп. края по делам арх., 2011. 696 с.
2. История Коммунистической партии Советского Союза / Б. Н. Пономарев [и др.]. М.: Политиздат, 1983. 784 с.
3. Край наш Ставрополье: Очерки истории / науч. ред.: проф. Д. В. Кочура, проф. В. П. Невская. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.
4. Куманев Г. А. Эвакуация населения СССР: достигнутые результаты и потери // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр «Блиц», 1995. 190 с.
5. Линец С. И. Госпитальная база Кавказских Минеральных Вод в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Пятигорск: ПГЛУ, 2010. 136 с.
6. Потемкина М. Н. Беженцы Отечественной войны: повседневные практики выживания // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 164–171.
7. Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 1962. 514 с.
8. Ставропольский край в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / отв. ред. С. И. Линец. М.: Изд. Надыршин, 2019. 480 с.
9. Ставрополье: правда военных лет: Великая Отечественная в документах и исследованиях // редкол.: Е. И. Долгова [и др.]. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 608 с.
10. Судавцов Н. Д. Эвакуированные на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Великая Отечественная война в истории и памяти народов Юга России: события, участники, символы. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2023. 624 с.
11. Терушкин Л. А. Судьбы эвакуированных советских евреев. Южные регионы России. 1941–1943 гг. // Значение сражений 1941–1943 гг. на юге России в Победе в Великой Отечественной войне. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. 548 с.

12. Эвакуировать Советский Союз: как спасти промышленность. URL: <https://histrf.ru/read/articles/evakuirovat-sovietskii-soiuz-kak-spasli-promyshlennost>

REFERENCES

1. Belokon V., Kolpikova T., Nikitenko G., eds. *Golosa iz provintsii: zhiteli Stavropolia v 1941–1964 godakh* [Voices from the Provinces: Residents of Stavropol in 1941–1964]. Stavropol, Com. Stavrop. kraia po delam arch., 2011. 696 p.
2. Ponomarev B.N., Volin M.S., Zaitsev V.S., et al. *Istoriia Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuz* [History of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat, 1983. 784 p.
3. Kochura D.V., Nevskaja V.P., eds. *Krai nash Stavropole: Ocherki istorii* [Our Stavropol Region: Historical Essays]. Stavropol, Shat-gora Publ., 1999. 528 p.
4. Kumanev G.A. *Evakuatsiia naseleniia SSSR: dostignutyie rezultaty i poteri* [The Evacuation of the USSR Population: Achievements and Losses]. *Liudskie poteri SSSR v period Vtoroi mirovoi voiny* [Human Losses of the USSR During the Second World War]. Saint Petersburg, Rus.-Balt. inform. centr «Blitz», 1995. 190 p.
5. Linets S.I. *Gospitalnaia baza Kavkazskikh Mineralnykh Vod v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945)* [The Hospital Base of the Caucasian Mineral Waters During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Pyatigorsk, PGLU, 2010. 136 p.
6. Potemkina M.N. *Bezhtentsy Otechestvennoi voiny: povsednevnye praktiki vyzhivaniia* [Refugees of the Great Patriotic War: Everyday Survival Practices]. *Znachenie srazhenii 1941–1943 gg. na iuge Rossii v Pobede v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Significance of the Battles of 1941–1943 in the South of Russia for the Victory in the Great Patriotic War]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2015, pp. 164–171.
7. *Stavropolye v Velikoi Otechestvennoi voine 1941–1945 gg.* [Stavropol Region in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Stavropol, Stavrop. kn. izd-vo, 1962. 514 p.
8. Linets S.I., ed. *Stavropolskii kraj v period Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)* [The Stavropol Region During the Great Patriotic War (1941–1945)]. Moscow, Izd. Nadyrshin, 2019. 480 p.
9. Dolgova E.I., Bulygina T.A., Belokon V.V., Kolpikova T.N., Koltsova I.A.G., Maznitsa V.L., eds. *Stavropolye: pravda voennykh let: Velikaia Otechestvennaia v dokumentakh i issledovaniiaakh* [The Truth of the War Years. The Great Patriotic War in Documents and Research]. Stavropol, Izd-vo SGU, 2005. 608 p.

10. Sudavtsov N.D. Evakuirovannye na Stavropole v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) [Evacuated to Stavropol During the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Velikaia Otechestvennaia voina v istorii i pamiati narodov Iuga Rossii: sobytiia, uchastniki, simvoly* [The Great Patriotic War in the History and Memory of the Peoples of Southern Russia: Events, Participants, Symbols]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTS RAN, 2023. 624 p.

11. Terushkin L.A. Sudby evakuirovannykh sovetskikh evreev. Iuzhnye regiony Rossii. 1941–

1943 gg. [Fates of Evacuated Soviet Jews. Southern Regions of Russia. 1941–1943]. *Znachenie srazhenii 1941–1943 gg. Na iuge Rossii v Pobede v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Significance of the Battles of 1941–1943 in the South of Russia for the Victory in the Great Patriotic War]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTS RAN, 2015. 548 p.

12. *Evakuirovat Sovetskii Soiuz: kak spasti promyshlennost* [To Evacuate the Soviet Union: How Industry Was Saved]. URL: <https://histrf.ru/read/articles/evakuirovat-sovietskii-soiuz-kak-spasli-promyshlennost>

Information About the Author

Sergey I. Linets, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of History and Ethnography, Federal Research Centre the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344010 Rostov-on-Don, Russian Federation, linets-history@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8941-2647>

Информация об авторе

Сергей Иванович Линец, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория истории и этнографии, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344010 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, linets-history@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8941-2647>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.10>

UDC 93/94

LBC 63.3(2Рос-4Вор)622-2

Submitted: 19.06.2025

Accepted: 30.08.2025

**THE HEAD OF THE STALINGRAD CITY DEFENSE COMMITTEE A.S. CHUYANOV
AND THE ISSUE OF EVACUATION OF THE CIVILIAN POPULATION
OF STALINGRAD IN JULY–SEPTEMBER 1942**

Alexandra K. Stelnik

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The fate of Stalingrad's civilian population in the summer and fall of 1942 is an exceptionally important and complex historical problem. *Methods and materials.* In the process of working with the documents of the Stalingrad City Defense Committee, we used the approaches of critical theory. In this respect, criticism and a reflexive attitude allow us to get away from a stereotypical and simplified consideration of the situation in the Stalingrad administration system in July–September 1942. Critical theory approaches allow us to raise the question of real and declared authority in the city. They allow us to get out from under the pressure of the authority of A.S. Chuyanov, whom the future victory in the Battle of Stalingrad made practically unattainable for critical consideration. All this allows us to assess the activities of the Stalingrad City Defense Committee in a non-biased manner and without the usual defaults. The materials of the article are the documents of the Stalingrad City Defence Committee and the documents of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, as they are presented in the fonds of the Centre for Documentation of Modern History of the Volgograd Region, the Russian State Archive of Social and Political History, the Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region, the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, and the State Archive of the Volgograd Region. At the same time, the resolutions are analyzed with the involvement of memoir literature, which adds subjective nuances. *Analysis.* It is important to understand that the fate of the civilian population of Stalingrad was literally determined by the Stalingrad City Defense Committee and personally by its head, the 1st Secretary of the Stalingrad Regional and City Committee of the All-Union Communist Party, A.S. Chuyanov, who, in turn, found himself in a complex context of very difficult relations with the command of the Stalingrad and Southeastern Fronts, the directors of large Stalingrad factories, and the political leadership of the country (including I.V. Stalin personally). At the same time, the powers of A.S. Chuyanov, who was the head of the Stalingrad City Defense Committee, as an extraordinary unconstitutional authority, were not clearly formulated and spelled out. *Results.* In our opinion, A.S. Chuyanov, due to his lack of management experience, was unable to fully implement important decisions concerning the organization of the city's defense and, most importantly, to resolve the issue of the evacuation of the civilian population of Stalingrad.

Key words: Stalingrad, civilian population, evacuation, Stalingrad City Defense Committee, A.S. Chuyanov, A.I. Eremenko, I.V. Stalin.

Citation. Stelnik A.K. The Head of the Stalingrad City Defense Committee A.S. Chuyanov and the Issue of Evacuation of the Civilian Population of Stalingrad in July–September 1942. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 128–139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.10>

ГЛАВА СТАЛИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ А.С. ЧУЯНОВ И ВОПРОС ЭВАКУАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ г. СТАЛИНГРАДА В ИЮЛЕ – СЕНТЯБРЕ 1942 ГОДА

Александра Константиновна Стельник

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Судьба гражданского населения г. Сталинграда летом – осенью 1942 г. является исключительно важной и сложной исторической проблемой. При этом сама попытка говорить о мирных сталинградцах фиксирует важный историографический поворот, когда в центре внимания оказываются не комбатанты, а гражданское население. *Методы и материалы.* В процессе работы с документами Сталинградского городского комитета обороны (далее – СГКО) мы использовали критическую теорию, которая позволяет нам поставить вопрос о реальной и декларируемой власти в городе и выйти из-под давления авторитета А.С. Чуянова, которого будущая победа в Сталинградском сражении сделала недостижимым для критического рассмотрения. Материалами статьи являются документы СГКО и Сталинградского обкома ВКП(б), представленные в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Центра документации новейшей истории Волгоградской области, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, архива Института российской истории РАН, Центра документации новейшей истории Волгоградской области и Государственного архива Волгоградской области. *Анализ.* Важно понимать, что в прямом смысле слова определял судьбу гражданского населения г. Сталинграда СГКО и лично его руководитель – первый секретарь Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) А.С. Чуянов, который, в свою очередь, находился в совсем непростых отношениях с командованием Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, директорами крупных сталинградских заводов и политическим руководством страны (включая лично И.В. Сталина). При этом полномочия А.С. Чуянова, являвшегося главой СГКО как чрезвычайного неконституционного органа власти, не были четко сформулированы и прописаны. *Результаты.* По нашему мнению, А.С. Чуянов в силу отсутствия управленческого опыта не смог в полной мере проводить в жизнь важные решения, касающиеся организации обороны города, и, самое главное, решить вопрос об эвакуации гражданского населения г. Сталинграда.

Ключевые слова: Сталинград, гражданское население, эвакуация, Сталинградский городской комитет обороны, А.С. Чуянов, А.И. Еременко, И.В. Сталин.

Цитирование. Стельник А. К. Глава Сталинградского городского комитета обороны А.С. Чуянов и вопрос эвакуации гражданского населения г. Сталинграда в июле – сентябре 1942 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 128–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.10>

Введение. Тема эвакуации гражданского населения города Сталинграда в июле – сентябре 1942 г. является проблемной. Гибель до сих пор не установленного точно, но явно большого числа сталинградцев неизбежно ставит вопрос об ответственности местных (городских) и центральных властей.

Изменения, происходящие в отечественной историографии Сталинградской битвы, когда в центре внимания оказываются не комбатанты, а мирное население [11], делают этот вопрос чрезвычайно актуальным. Открытие большого массива архивных доку-

ментов позволяет рассмотреть сложную ситуацию с организацией эвакуации объективно и всесторонне.

В советской историографии проблемы эвакуации сталинградцев не существовало. Так, по мнению академика А.М. Самсонова, горожане сами не хотели эвакуироваться, но в едином патриотическом порыве были готовы дать отпор врагу на улицах своего родного города [29, с. 86, 122], такого же мнения придерживался исследователь Сталинградского ополчения И.М. Логинов [16, с. 53–54]. Сталинград рассматривался как «боевой город»,

в котором не было гражданского населения, а были только его защитники [13, с. 163]. С другой стороны, считалось, что эвакуация произведена вполне успешно; так, по мнению Б.С. Абахиной, эвакуация прошла организованно, и было перевезено 400 тыс. гражданского населения [2, с. 209].

В работах отечественных историков 1990-х – начала 2000-х гг., которые пытались полностью отказаться от советских подходов, этот вопрос решался очень просто, но так же некорректно. Виновным «назначался» Верховный главнокомандующий Вооруженными Силами СССР председатель Государственного комитета обороны СССР И.В. Сталин [18, с. 165]. Интересно, что основанием для такого крайне важного вывода является неверно понятый телефонный разговор, произошедший поздно ночью 20 июля 1942 г. между председателем Сталинградского городского комитета обороны А.С. Чуяновым и И.В. Сталиным. Разговор шел о переводе штаба военного округа из Сталинграда в Астрахань, речь об эвакуации гражданского населения не велась [37, с. 100]. Фраза Сталина о том, что Сталинград сдан врагу не будет, сказанная в третьем часу ночи 20 июля, переносится некоторыми исследователями на конец августа 1942 г. [31, с. 175]. Стоит обратить внимание, что 20 июля еще не было никаких оснований тревожиться за город, немецкий удар по 62-й Армии последует только через 3 дня, а само командование РККА пока планирует нанести решительное поражение 6-й Армии Ф. Паулюса в большой излучине Дона, для чего выделяются большие резервы, включая 2 формирующиеся танковые армии (1-я и 4-я Танковые армии).

Надо отметить, что легенда о том, что И.В. Сталин лично запретил эвакуацию, возникла сразу, летом 1942 г., что говорит о тяжелой атмосфере в советском обществе после подписания приказа № 227 (28 июля). Этот выдуманный запрет был очень похож на правду, но правдой не был. О сцене, как главнокомандующий якобы запрещает эвакуацию и бьет при этом кулаком по столу, рассказывал заместитель заведующего военным отделом газеты «Правда» ведущий журналист страны Л.К. Бронтман в дневнике в августе 1942 г. [3, с. 57]. В советское время эта легенда обростала подробностями и негативными нюансами¹. Даже ко-

мандующий Сталинградским и Юго-Восточным (с 13 августа) фронтами А.И. Еременко в послевоенное время, обиженный на Г.К. Жукова и И.В. Сталина, активно боровшийся с культом личности при Н.С. Хрущеве, при вопросе об эвакуации также будет ссылаться на разговор со Сталиным (второй разговор, состоявшийся 23 августа), совершенно забывая свою роль в этом вопросе [12, с. 140].

Цель данной статьи состоит в выявлении скрытых, часто личных проблем, помешавших подготовке эвакуации населения г. Сталинграда, избегая при этом сложившихся в историографии стереотипов.

Задачами являются: выявление роли Сталинградского городского комитета обороны, возглавляемого первым секретарем Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) А.С. Чуяновым, в подготовке эвакуации мирного населения; выяснение причин плохо подготовленной эвакуации; определение мотивации решений, посвященных эвакуации, А.С. Чуянова и возглавляемого им Комитета обороны.

В этом смысле научная новизна статьи заключается в рассмотрении субъективных факторов в управлении г. Сталинградом в экстремальной обстановке августа-сентября 1942 года. Эти факторы в историографии не изучались.

Схожую тему в современной историографии уже поднимал волгоградский историк М.В. Скворцов [30]. Так, провести организованную эвакуацию помешали тяжелая военная обстановка и наступление немецких сил, которые сорвали готовившуюся эвакуацию [30, с. 43]. То есть автором рассматриваются только внешние факторы. Сталинградские власти (СГКО, горком и обком ВКП(б)), по его мнению, справились со своими задачами вполне успешно и просто не успели осуществить эвакуацию намного организованнее.

Значительно более серьезное исследование представляет собой монография С.Ю. Пищулиной, которая на богатом документальном материале рассматривает вопрос об эвакуации мирного населения и приходит к достаточно критичным выводам, говоря о «большом количестве просчетов и ошибок» [19, с. 77]. Более критические оценки деятельности СГКО давала Т.А. Павлова. По ее мнению, с эвакуацией гражданского населения городские вла-

сти не справились, а эвакуацией, по факту, занимались производственные и промышленные ведомства [18, с. 556]. Мало того, СГКО в принципе не планировал общую эвакуацию гражданского населения города Сталинграда.

Методы и материалы. В процессе работы с документами СГКО мы использовали критическую теорию. В этом плане подходы критической теории и рефлексивное отношение позволяют нам уйти от стереотипного и упрощенного обзора ситуации, сложившейся в системе управления г. Сталинградом в июле – сентябре 1942 г., и, соответственно, поставить вопрос о реальной и декларируемой власти в городе и выйти из-под давления авторитета А.С. Чуянова, которого будущая победа в Сталинградском сражении сделала практически недосыгаемым для критического рассмотрения. Все это дает возможность оценить деятельность СГКО не ангажированно и без привычных умолчаний.

Материалами статьи являются документы Сталинградского городского комитета обороны и документы Сталинградского обкома ВКП(б), представленные в фондах Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Минобороны России, Архива Института российской истории РАН, Центра документации новейшей истории Волгоградской области и Государственного архива Волгоградской области. При этом анализ постановлений СГКО проводится с привлечением мемуарной литературы, которая добавляет субъективные нюансы.

Анализ. Впервые вопрос об эвакуации мирного населения г. Сталинграда поставили не местные власти, а первый командующий Сталинградским фронтом С.К. Тимошенко [15, с. 16], который еще 13 июля 1942 г. стремился разгрузить тыловой город от излишнего населения и улучшить снабжение войск фронта. Стоит обратить внимание, что в 1941–1942 гг. зачастую именно командующими фронтами принимались решения об эвакуации городов. Но уже 23 июля С.К. Тимошенко был снят с командования и отправлен в резерв, его сменил В.Н. Гордов, с которым у А.С. Чуянова не сложились отношения. В.Н. Гордов вопрос об эвакуации больше не поднимал.

В своем дневнике А.С. Чуянов описывает эпизод несостоявшегося разговора

23 июля, когда В.Н. Гордов просто проигнорировал зашедшего в его кабинет председателя СГКО, промолчал в ответ на заданные им вопросы² [37, с. 105]. Особо отметим, что осенью – зимой 1941 г. у А.С. Чуянова также не сложились рабочие отношения с генерал-лейтенантом В.Ф. Герасименко (бывшим командующим 13-й Армией), командующим Сталинградским военным округом³ [22, л. 136].

На эвакуации «города в целом» 19 июля настаивали прибывшие в город представители наркоматов промышленности (это были заместители наркомов, и только наркомат речного флота СССР представлял сам нарком З.А. Шашков) [5, с. 390]. Еще 22 июня 1942 г., по решению из Москвы, начала работать специальная правительственная комиссия по эвакуации важнейших предприятий города. Именно С.К. Тимошенко и представители наркоматов запустили процесс подготовки, который СГКО не смог довести до успешного завершения.

СГКО активно весь июль (некоторые мероприятия начались до 19 июля) занимался подготовкой эвакуации; ночной разговор А.С. Чуянова с И.В. Сталиным никак не повлиял на эту работу. На наш взгляд, в силу объективных и субъективных причин подготовить эвакуацию населения СГКО не смог, хотя активно старался (например, организацию переправ). Попробуем выделить главные факторы, сорвавшие эвакуацию.

Во-первых, это процедурные вопросы организации власти СГКО. Сталинградский городской комитет обороны – это орган чрезвычайной внеконституционной власти, созданный в исключительной ситуации. Четко сформулированных и прописанных полномочий у Комитета обороны не было [19, с. 9]. Городской комитет обороны должен был сосредоточивать всю военную и гражданскую власть «в городе и прилегающих районах» [23]. Стоит обратить внимание, что механизмы такого чрезвычайного «сосредоточения власти» в руках главы СГКО не прописывались. Более того, постановление ГКО № 803с о городских комитетах обороны противоречило указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» [7, с. 42]. Так, в условиях военного положения, введенного в области указом Президиума Верховного Совета СССР 14 июля 1942 г. (на основании статьи 94, пункта «п» Конститу-

ции СССР), все функции государственной власти передавались Военному совету Сталинградского фронта. Как разделять чрезвычайные полномочия между СГКО и Советом фронта, нигде и никак не прописывалось. В этом смысле деятельность комитета обороны часто зависела от личности его возглавляющего, в нашем случае А.С. Чуянова.

Алексей Семенович Чуянов (1905–1977 гг.) – человек удивительной партийной карьеры. В 1937 г. он еще аспирант Московского химико-технологического института мясной промышленности, инженер-механик московского треста «Мясохладстрой», но через год он уже инструктор отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б) (ОРПО), а с 22 июня 1938 г. становится первым секретарем Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) и возглавляет область с населением более двух миллионов человек [22, л. 137].

Репрессированный Смородин Петр Иванович (член ВКП(б) с мая 1917 г.), которого сменил А.С. Чуянов (член партии с 1925 г.), имел не только орден Красного Знамени [35, с. 222], но и значительно более богатый управленческий опыт (был комиссаром полка, секретарем Петроградского горкома комсомола, вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б)). В этом плане не удивительно, что А.С. Чуянов (а с ним председатель облисполкома И.Ф. Зименков и секретарь обкома партии по пропаганде член СГКО М.А. Водолагин) с трудом принимал самостоятельные решения, постоянно оглядываясь на вышестоящие инстанции.

Поэтому абсолютно не случайно решение о частичной эвакуации населения г. Сталинграда началось с указания 15 августа председателя Комиссии по эвакуации при ГКО Н.М. Шверника. Опираясь на это указание, в тот же день бюро Сталинградского обкома ВКП(б) совместно с исполкомом областного Совета депутатов трудящихся вынесло постановление «О частичной разгрузке г. Сталинграда» [21; 32, с. 445].

Даже запоздалое решение о введении осадного положения было принято в городе приказом Военного совета фронта в 4 часа утра 25 августа⁴ [1]. В послевоенных воспоминаниях А.И. Еременко утверждал, что он лично принял это решение [12, с. 146].

О многом говорит критика В.И. Чуйкова, который не в лучшую сторону сравнивал партийное руководство Сталинграда с тульским, то есть А.С. Чуянова с В.Г. Жаворонковым (более опытный первый секретарь Тульского и Куйбышевского обкомов ВКП(б)) [33, л. 19]. Показательно, что впервые командарм 62-й Армии встретился с председателем СГКО А.С. Чуяновым только 5 февраля 1943 г. на митинге в честь Победы на площади Павших Борцов [33, л. 19].

Крайне негативно оценивал В.И. Чуйков (как и А.И. Еременко) и результаты строительства оборонительных рубежей вокруг Сталинграда и в самом городе [10; 33, л. 6], хотя начиная с октября 1941 г. Комитет направлял туда очень серьезные материальные и людские ресурсы (так, в ноябре 1941 г. на строительстве работало около 162 тыс. гражданского населения) [4]. Тем не менее сам А.С. Чуянов оценивал работу по организации обороны города как весьма успешную [14]. Более того, считал, что под его руководством Сталинград превратился в «неприступную крепость... из семи железобетонных поясов» [8, л. 65], что, к сожалению, было очень далеко от реальности.

Наиболее яркий пример трудностей в организации эвакуации, с которыми столкнулся СГКО, – это вопрос взаимодействия с ведущими заводами г. Сталинграда, на которых работало более 33 тыс. рабочих (на 22 августа), имеющих бронь от мобилизации [26, л. 349–350]. Только сталинградские заводы обладали таким важнейшим ресурсом, как рабочая сила. Именно они формировали рабочие батальоны, на заводах была своя военизированная охрана (ВОХР). Не стоит забывать, что на крупных сталинградских заводах в это время находились представители специальной военной комиссии, о которой упоминалось выше, из числа заместителей наркомов профильных наркоматов (к примеру, на «Баррикадах» – замнаркома оборонной промышленности В.Г. Костыгов, на СТЗ – замнаркома танковой промышленности А.А. Горегляд, на «Красном Октябре» – замнаркома черной металлургии А.Г. Шереметьев). 12 августа в Сталинград прилетел секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, 19 августа – заместитель председателя СНК СССР, заместитель наркома тан-

ковой промышленности В.А. Малышев. То есть фактически сталинградские заводы управлялись напрямую из Москвы.

Так, 13 июля СГКО принял постановление № 313, которое обязывало директоров сталинградских заводов (СТЗ, ЗКО, № 91, 221, 264, консервного завода, нефтесбыта, лесозаводов и др.) построить 6 переправ через Волгу [24]. Постановление № 313 игнорировалось директорами [18, с. 138]. Обком ВКП(б) буквально требовал исполнения решения, угрожал считать срыв сроков постройки переправ саботажем, но работу по организации переправ это нисколько не ускорило [18, с. 138]. За директорами заводов стояли директивы ГКО, Совнаркома и профильных наркоматов, которые в жесткой форме требовали увеличения военного производства, – строить переправы у заводов не было ни ресурсов (заводы после мобилизации лета – осени 1941 г. испытывали серьезный дефицит рабочей силы), ни времени.

Таким образом, руководство Сталинградского городского комитета обороны ясно понимало необходимость эвакуации (свои семьи партийные руководители эвакуировали в Палласовский район 11 августа ⁵), принимало правильные и нужные решения, но не могло воплотить их на практике.

Во-вторых, перед СГКО в июле-августе стояли одновременно 3 важные и тяжелые задачи. Первая – это организация производства военной техники и продукции на сталинградских заводах. Сталинград должен был обеспечивать все потребности фронта при слабом развитии инфраструктуры, связывающей город с центром страны, что затрудняло снабжение воюющих войск.

Вторая задача – масштабное строительство оборонительных рубежей в августе-сентябре уже на улицах города и вокруг заводов. Для решения этих задач нужны были люди (рабочие на заводах, женщины и школьники на земляных работах) [25, л. 325]. Заводы, кроме этого, должны были ремонтировать городские дороги [25, л. 323].

Эвакуация гражданского населения, в том числе рабочих и служащих сталинградских заводов, как третья задача, делала невозможными работу заводов и возведение оборонительных обводов. В этом смысле СГКО не рассматривал полную эвакуацию

вообще, но готовился к частичной [34, с. 308]. То есть эвакуация гражданского населения не считалась СГКО до 25 августа самой острой проблемой.

Понимало ли руководство городского комитета обороны ситуацию, в которой оно находилось? Безусловно. А.С. Чуянов искал выход из все время ухудшающейся ситуации. Кто-то должен был принять решение о начале эвакуации, сам глава СГКО был не готов взять на себя всю ответственность за это решение. В его реальные компетенции входило лишь объявление осадного положения [19, с. 21].

Такую возможность дала перестановка в военном командовании Сталинградского фронта: 1 августа А.И. Еременко был назначен командующим новым Юго-Восточным фронтом ⁶ [12, с. 34]. При этом Сталинград попадал в зоны ответственности 2 фронтов – Сталинградского (В.Н. Гордов) и нового Юго-Восточного, границей между ними была река Царица (по факту ею стала балка юго-западнее Зеленой Поляны). 4 августа А.И. Еременко прилетел в Сталинград [12, с. 53]. Вечером того же дня в центре Сталинграда, около Астраханского моста, в дом, где проживали А.И. Еременко и член военного Совета фронта Н.С. Хрущев, пришел А.С. Чуянов «с несколькими товарищами из обкома и облисполкома» [12, с. 64]. А.С. Чуянова, естественно, интересовал вопрос, как в Москве оценивают ситуацию вокруг Сталинграда, нужно ли начинать эвакуацию, когда с каждым днем нарастает угроза. Только что прилетевший А.И. Еременко, ознакомившись с ситуацией на основе достаточно оптимистичного доклада начальника штаба фронта генерал-майора Д.Н. Никишева, заявил А.С. Чуянову, что «если мы начнем эвакуацию Сталинграда, то это может быть истолковано как решение оставить город, а нам следует подготовиться к самым ожесточенным и длительным боям» [12, с. 64]. Население города должно быть направлено на строительство оборонительных позиций вокруг города. Зашедший в комнату Н.С. Хрущев подтвердил слова А.И. Еременко. Эвакуация не нужна, город сдан не будет [12, с. 64]. Так было принято данное решение.

Удивительно то, что формально А.С. Чуянов должен был обсудить этот вопрос еще и с В.Н. Гордовым, командующим Сталинградским

фронтом и отвечающим за центральную и северную части города. Но В.Н. Гордов обладал весьма тяжелым характером, отношения с ним у А.С. Чуянова сразу не сложились, к тому же он в этот момент находился в войсках. Поэтому мнения А.И. Еременко и Н.С. Хрущева для А.С. Чуянова оказались достаточными.

Результаты. Эвакуация, которую активно готовили весь июль, но так и не смогли осуществить, с 4 августа для городского комитета обороны стала не столь актуальной. Очень тяжелое решение было принято за А.С. Чуянова. Стоит обратить внимание, что в послевоенных мемуарах («Сталинградский дневник (1941–1943)» (1979 г.), «На стремнине века. Записки секретаря обкома» (1976 г.)) он об этом разговоре не упоминает вообще. Для него это явно неприятное воспоминание. Первая встреча с А.И. Еременко якобы у него состоялась только в ночь на 9 августа в штабе Юго-Восточного фронта (школа глухонемых на Дар-горе) и была посвящена вопросу переподчинения 422-й стрелковой дивизии полковника И.К. Морозова и передачи 100 дивизионных пушек УСВ-76 с завода «Баррикады» фронту [36, с. 131–132]. Отметим, что передать орудия, произведенные на сталинградском заводе, А.С. Чуянов не мог сам, ему сначала нужно было получить «наряд Главного артиллерийского управления НКО» [37, с. 127].

Брать на себя ответственность и объявлять начало эвакуации гражданского населения руководству Сталинградского городского комитета обороны все-таки придется, но уже 24 августа, под бомбежкой и угрозой прорыва немецких танков 16-й танковой дивизии в Тракторозаводский район.

Эвакуация женщин и детей началась на основании постановления СГКО № 404-а от 24 августа 1942 г. [26, л. 337]. Именно в этот день VIII авиакорпус люфтваффе наносил массированный удар по городу. Фактически организовать эвакуацию удалось только 26 августа, когда немецкая авиация переключилась на поддержку XIV танкового корпуса Г. А. фон Витерсгейма. Стоит обратить внимание, что поводом для эвакуации женщин и детей из города официально в постановлении № 404-а называются всего лишь «трудности в продовольственном снабжении», которые наблюдались в городе с осени 1941 года. «Необходимость вывоза женщин и детей», которая так срочно

возникла к вечеру 24 августа, руководством СГКО, по сути, никак не раскрывается. На самом деле поводом для эвакуации стала массированная бомбардировка Сталинграда, который в тот день немцы сожгли. В документе СГКО истинный повод умалчивается, скрывается за формальным объяснением.

В тот же день на фоне страшной бомбежки была объявлена и «всеобщая эвакуация населения». Но это решение было скорее спонтанным, а сама эвакуация была неофициальной и фиксируется только в одном, косвенном документе [9]. Уже на следующий день вопрос даже не всеобщей эвакуации, а частичной становится опять не актуальным. На первый план выходит срочная необходимость подготовить город к обороне. Тем не менее вечером 25 августа А.С. Чуянов был вызван на Военный совет фронта, где начальник Генерального штаба представитель Ставки на Сталинградском фронте А.М. Василевский и Г.М. Маленков попросили доложить его о принятых мерах по спасению гражданского населения [36, с. 155]. Но необходимость строить в Сталинграде баррикады начинает тормозить эвакуацию из города, население снова мобилизуется на оборонительное строительство [26, л. 340]. К примеру, такие мобилизации продолжают в Тракторозаводском районе до 17 сентября [26, л. 350–351], когда в центре города уже идут ожесточенные бои.

Организованная эвакуация гражданского населения г. Сталинграда разворачивается только вечером 2 сентября [25, л. 325] после еще одного массированного налета немецкой авиации [26, л. 347–348]. Постановление 418-а от 3 сентября обязывало секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) по транспорту И.В. Сидорова организовать эвакуацию женщин и детей «без задержки» [26, л. 347].

Анализ документов СГКО позволяет сделать вывод, что даже после 24 августа главной задачей у комитета обороны числилось наведение порядка в сожженном городе, а не организация необходимой эвакуации, которая разворачивалась медленно и непоследовательно. Эвакуация так и не стала приоритетом для городского руководства – всегда возникали, как казалось, срочные и более важные задачи. А.С. Чуянов лично и СГКО в целом не смогли реализовать постановление

ГКО СССР № 830 и сконцентрировать в своих руках всю гражданскую и военную власть в городе. К примеру, членом Военного совета Сталинградского фронта А.С. Чуянов стал только 28 сентября (введен «дополнительно») [28], хотя фронт был образован 12 июля 1942 г. (директива Ставки Верховного Главнокомандования № 170495). По нашему мнению, так и не обрета сколько-нибудь значительного управленческого опыта, не имея политического авторитета, А.С. Чуянов просто растерялся при общении с представителями наркоматов и наркомками, прибывшими срочно в Сталинград, и особенно военными начальниками В.Н. Гордовым и А.И. Еременко. Нельзя забывать, что, к примеру, крайне честолюбивый генерал-полковник А.И. Еременко, открыто конфликтовавший с генералом армии Г.К. Жуковым и имевший личные доверительные отношения с И.В. Сталиным, просто подавлял своим авторитетом и энергией сталинградских руководителей во главе с А.С. Чуяновым. При этом, естественно, проблемы города и мирного населения не были в зоне ответственности А.И. Еременко. А.С. Чуянов и СГКО, которые знали действительную ситуацию в Сталинграде и обязаны были решать эти проблемы, не смогли взять на себя такую ответственность. Руководство города должно было настаивать на экстренной эвакуации мирного населения, особенно после 23–24 августа, но не настаивало, идя в фарватере решений А.И. Еременко, который занимался военными вопросами.

Из-за сложившейся ситуации в управлении городом эвакуация мирного населения Сталинграда никогда не была приоритетной задачей СГКО. В итоге в захваченных противником районах города, по оперативным данным УНКВД, осталось около 250 тыс. мирных граждан [17], которым предстояло пережить все ужасы фашистского оккупационного режима. Не случайно некоторые сталинградцы, оставшиеся в захваченных вермахтом районах, считали себя брошенными городской властью [6, л. 4].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Советский диссидент, философ и культуролог Григорий Померанц (в 1942 г. литсотрудник 258-й стрелковой дивизии Сталинградского фронта)

додумал, ссылаясь на этот ночной разговор, что якобы Сталин заявил: «Армия не защищает пустых городов». Иногда эту фразу приписывают В.И. Чуйкову (см.: [20]).

² Ради справедливости надо заметить, что В.Н. Гордову 23 июля было совсем не до разговоров с председателем СГКО. С утра начались тяжелые бои в полосе 62-й Армии, уже утром фронт 192-й стрелковой дивизии был прорван, а 16-я танковая дивизия вермахта вырывалась на оперативный простор. Перед командующим фронтом стояла явная опасность окружения всего правого фланга 62-й Армии.

³ А.С. Чуянов стал членом Военного совета Сталинградского военного округа (3 апреля 1942 г.) по протекции представителя Ставки Верховного Главнокомандования на Крымском фронте Л.З. Мехлиса. Назначение А.С. Чуянова, по мнению Л.З. Мехлиса, должно было «положительно сказаться на работе округа» [22, л. 136]. Разрешение конфликтов между военной и гражданской властью входило в компетенции Л.З. Мехлиса. Эти конфликты он решал не в пользу военных.

⁴ В постановлении № 406-а «О введении осадного положения в гор. Сталинграде» (Доклад тов. Чуянов) указывается, что осадное положение вводится в «связи с угрожающей обстановкой городу со стороны противника» [26, л. 338]. В следующем постановлении № 407-а (Сообщение коменданта гор. Сталинграда майора Демченко) указывается, что постановление о введении осадного положения было принято на основании приказа Военного совета фронта [26, л. 339]. Сам приказ Военного совета фронта о введении в Сталинграде осадного положения был принят также 25 августа 1942 г. [27].

⁵ Решение об эвакуации семей партийных работников 11 августа, после бомбежки аэродрома «Школьный», А.С. Чуянов, естественно, принял не самостоятельно. Идею об эвакуации своих семей в Палласовский район предложил Иван Федорович Зименков, председатель Сталинградского облисполкома [37, с. 131–132].

⁶ Стоит обратить внимание, что Юго-Восточный фронт был образован 7 августа директивой Ставки ВГК № 170554 от 5 августа 1942 года. А.И. Еременко был назначен на должность командующего фронтом уже 1 августа в Кремле лично И.В. Сталиным. То есть фронта формально еще не было, а командующий уже был.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. № 105. Постановление Сталинградского городского комитета обороны о введении осадного положения в городе. 25 августа 1942 г. // В дни суровых

испытаний. (Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. С. 177–178.

2. Абалихин Б. С. В годы борьбы с фашизмом // Волгоград. Четыре века истории. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1989. С. 199–265.

3. Бронтман Л. К. Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи. События. Судьбы. 1942–1945. М.: Центрполиграф, 2007. 463 с.

4. Ведомость распределения населения Сталинградской области, мобилизованного на строительство рубежа № 2 // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 129. Л. 33.

5. Водолагин М. А. В дни тревог // Сталинградская эпопея / под ред. А. М. Самсонова. М.: Наука, 1968. С. 375–400.

6. Воспоминания членов организации «Дети Сталинграда» // Личный архив автора. 8 л.

7. Данилов В. Н. Городские Комитеты обороны. Чрезвычайные органы власти в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2024. 287 с.

8. Доклад секретаря обкома ВКП(б) Х пленуму обкома ВКП(б). 3 октября 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 59а. Л. 43–82.

9. Докладная записка секретаря Сталинградского обкома ВЛКСМ В. Зорина и инструктора М. Алексеева секретарю ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлову о положении в городе Сталинграде и работе Сталинградского областного комитета ВЛКСМ. 24 сентября 1942 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 53. Д. 273. Л. 1–8.

10. Доношу, что согласно Вашего приказа от 12.9.42 г. за № 137 выделена группа командиров. 13.09.42 // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). Ф. 345. Оп. 5487. Д. 6. Л. 23.

11. Елохина А. К. Становление гендерных исследований в изучении Сталинградской битвы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 253–262. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.20>

12. Еременко А. И. Сталинград. М.: Воениздат, 1961. 504 с.

13. Из выступления первого секретаря обкома партии тов. Чуюнова на XVII пленуме Сталинградского горкома партии. 22 июля 1942 г. // В дни суровых испытаний. (Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. С. 161–164.

14. Из справки Обкома ВКП(б) О строительстве оборонительных рубежей в Сталинградской

области. Сентябрь 1942 года // В дни суровых испытаний. (Сталинградская партийная организация в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1966. С. 203.

15. Исаев А. В. Мифы и правда о Сталинграде. М.: Эксмо, 2011. 480 с.

16. Логинов И. М. Ополченцы в боях за родной город. Волгоград: Кн. изд-во, 1963. 67 с.

17. О положении и итогах оперативно-чекистской работы в районах области и г. Сталинграде, освобожденных от немецко-фашистских оккупантов // Архив УФСБ России по Волгоградской области. Ф. 13. Д. 1. Л. 9.

18. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.

19. Пищулина С. Ю. Сталинградский городской Комитет обороны в годы Великой Отечественной войны. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. 186 с.

20. Померанц Г. С. Запоздавшая тень победы. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/71112>

21. Постановление № ОП-313рс обкома ВКП(б) и облисполкома о частичной эвакуации населения гор. Сталинграда. Сталинград. 15 августа 1942 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 2115. Оп. 3. Д. 26. Л. 146.

22. Постановление ГКО СССР № 1529 о введении первого секретаря Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуюнова в состав Военного совета Сталинградского военного округа (с приложением справки-объективки на А.С. Чуюнова). 3 апреля 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 45. Л. 135–137.

23. Постановление ГКО СССР № 830с о создании городских комитетов обороны, в том числе в городах Сталинградской области – Сталинграде, Астрахани и Камышине. 22 октября 1941 г. // РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 23. Л. 78–79.

24. Постановление СГКО № 313. О строительстве паромных переправ через реку Волгу. 13 июля 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 4. Л. 84.

25. Постановления Сталинградского городского комитета обороны № 371–409. 7 августа – 6 сентября 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 507. Л. 316–330.

26. Постановления Сталинградского городского комитета обороны № 401а–429а. 22 августа – 2 декабря 1942 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 507. Л. 331–354.

27. Приказ Военного совета фронта о введении в Сталинграде осадного положения. 25 августа 1942 г. // ЦДНИВО. Ф. 13226. Оп. 3. Д. 125. Л. 1.

28. Приказ Ставки Верховного Главнокомандования № 994209 об образовании Донского и Сталинградского фронтов. 28 сентября 1942 г. // ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 262.

29. Самсонов А. М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1982. 621 с.

30. Скворцов М. В. Проблемы истории эвакуации населения из Сталинграда в августе – сентябре 1942 года: роль местных органов власти // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38 (176). С. 41–46.

31. Снегирева Л. И. Эвакуация населения из Сталинграда в сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны (1942 год) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 3 (192). С. 174–185. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-3-174-185

32. Сталинградский городской Комитет Обороны в годы Великой Отечественной войны. Волгоград: Издатель, 2007. 904 с.

33. Стенограмма беседы с командующим 62-й армией генерал-лейтенантом Чуйковым Василием Ивановичем // Архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 2а. Л. 1–28.

34. Федотов В. В. Эвакуированное население в Сталинградской области в 1941–1948 годах // Научный диалог. 2019. № 3. С. 307–321. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-307-321

35. Центр документации новейшей истории Волгоградской области / сост. О. А. Носова, Е. В. Студеникина. Волгоград: [б. и.], 2006. 328 с.

36. Чуянов А. С. На стремнине века. Записки секретаря обкома. М.: Политиздат, 1977. 288 с.

37. Чуянов А. С. Сталинградский дневник. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1979. 384 с.

REFERENCES

1. № 105. Postanovlenie Stalingradskogo gorodskogo Komiteta oborony o vvedenii osadnogo polozheniia v gorode [Resolution of the Stalingrad City Defence Committee on Imposing a State of Siege in the City]. *V dni surovyyh ispytaniy. (Stalingradskaya partiynaya organizatsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [In the Days of Severe Trials. (Stalingrad Party Organisation During the Great Patriotic War 1941–1945)]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1966, pp. 177–178.

2. Abalikhin B.S. V gody borby s fashizmom [During the Years of the Struggle Against Fascism]. *Volgograd. Chetyre veka istorii* [Volgograd. Four Centuries of History]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1989, pp. 199–265.

3. Brontman L.K. *Voennyi dnevnik korrespondenta «Pravdy». Vstrechi. Sobytiya. Sudby 1942–1945* [Military Diary of a Correspondent of “Pravda”. Meetings. Events. Fates 1942–1945]. Moscow, Centrpoligraf, 2007. 463 p.

4. Vedomost raspredeleniya naseleniya Stalingradskoy oblasti, mobilizovannogo na stroitelstvo

rubezha № 2 [Distribution List of the Population of the Stalingrad Region Mobilised for the Construction of Frontier No. 2]. *Tsentr dokumentatsii novyeyshey istorii Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – TsDNIVO) [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 171, inv. 1, d. 129, l. 33.

5. Vodolagin M.A. V dni trevog [On Days of Anxiety]. Samsonov A.M., ed. *Stalingradskaya epopeya* [Stalingrad Epic]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 375–400.

6. Vospominaniia chlenov organizatsii «Deti Stalingrada» [Memories of members of the Children of Stalingrad organization]. *Lichnyy arkhiv avtora* [Author’s Personal Archive]. 8 l.

7. Danilov V.N. *Gorodskie Komitety oborony. Chrezvychaynye organy vlasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945* [City Defence Committees. Extraordinary Authorities During the Great Patriotic War. 1941–1945]. Moscow, Centrpoligraf, 2024. 287 p.

8. Doklad sekretaria obkoma VKP(b) X plenumu obkoma VKP(b). 3 oktyabrya 1942 g. [Report of the Secretary of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) to the 10th Plenum of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 113, inv. 12, d. 59a, l. 43–82.

9. Dokladnaya zapiska sekretarya Stalingradskogo obkoma VLKSM V. Zorina i instruktora M. Alekseeva sekretariu CK VLKSM N.A. Mihajlovu o polozhenii v gorode Stalingrade i rabote Stalingradskogo oblastnogo komiteta VLKSM. 24 sentyabrya 1942 g. [Report of the Secretary of the Stalingrad Regional Committee of the Komsomol V. Zorin and instructor M. Alekseev to the Secretary of the Central Committee of the Komsomol N.A. Mikhailov on the Situation in the City of Stalingrad and the Work of the Stalingrad Regional Committee of the Komsomol. September 24, 1942]. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv socialno-politicheskoi istorii* (hereinafter – RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History], f. M-1, inv. 53, d. 273, l. 1–8.

10. Donoshu, chto soglasno Vashego prikazaniia ot 12.9.42 g. za № 137 vydeleno gruppy komandirov. 13.09.42 [I Report That According to Your Order of 12.9.42 Dated 12.9.42, No. 137, a Group of Commanders Was Allocated on 13.09.42]. *Tsentrallyi arkhiv Ministerstva oborony Rossiiskoi Federatsii* (hereinafter – TsAMO RF) [Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 345, inv. 5487, d. 6, l. 23.

11. Elokhina A.K. Stanovleniye gendernykh issledovaniy v izuchenii Stalingradskoy bitvy [The Development of Gender Studies in the Research of the

Battle of Stalingrad]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 253-262. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.20>

12. Eremenko A.I. *Stalingrad*. Moscow, Voenizdat, 1961. 504 p.

13. Iz vystupleniya pervogo sekretaria obkoma partii tov. Chuyanov na XVII plenum Stalingradskogo gorkoma partii. 22 iuliya 1942 g. [From the Speech of the First Secretary of the Regional Party Committee, Comrade Chuyanov, at the 1942 Plenum of the Stalingrad City Party Committee. July 22, 1942]. *V dni surovyyh ispytaniy. (Stalingradskaya partiynaya organizatsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [In the Days of Severe Trials. (Stalingrad Party Organisation During the Great Patriotic War 1941–1945)]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1966, pp. 161-164.

14. Iz spravki Obkoma VKP(b) O stroitelstve oboronitelnykh rubezhey v stalingradskoy oblasti [From the Reference of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) On the Construction of Defensive Lines in the Stalingrad Region]. *V dni surovyyh ispytaniy. (Stalingradskaya partiynaya organizatsiya v period Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.)* [In the Days of Severe Trials. (Stalingrad Party Organisation During the Great Patriotic War 1941–1945)]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1966, p. 203.

15. Isaev A.V. *Mify i pravda o Stalingrade* [Myths and Truth About Stalingrad]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 480 p.

16. Loginov I.M. *Opolchency v boyah za rodnoy gorod* [Militiamen Fighting for Their Hometown]. Volgograd, Kn. izd-vo, 1963. 67 p.

17. O polozhenii i itogakh operativno-chekistskoy raboty v rayonakh oblasti i g. Stalingrade, osvobodivshiesya ot nemetsko-fashistskikh okkupantov [On the Situation and Results of Operational-Chekist Work in the Districts of the Region and the City of Stalingrad Liberated From the Nazi Occupiers]. *Arhiv UFSB Rossii po Volgogradskoy oblasti* [Archive of the Federal Security Service of Russia for the Volgograd Region], f. 13, d. 1, l. 9.

18. Pavlova T.A. *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoye naselenie v Stalingradskoy bitve* [A Classified Tragedy: Civilians in the Battle of Stalingrad]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 593 p.

19. Pishkulina S.Yu. *Stalingradskiy gorodskoy Komitet oborony v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Stalingrad City Defence Committee During the Great Patriotic War]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2010. 186 p.

20. Pomeranc G.S. *Zapozdalaya ten pobedy* [The Late Shadow of Victory]. URL: <https://www.zaks.ru/new/archive/view/71112>

21. Postanovlenie № OP-313rs obkoma VKP(b) i oblispolkoma o chastichnoi evakuatsii naseleniya gor. Stalingrada. Stalingrad. 15 avgusta 1942 g. [Resolution No. OP-313rs of the Regional Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and the Regional Executive Committee on the Partial Evacuation of the Population of Stalingrad. Stalingrad. 15 August 1942]. *Gosudarstvennyy arhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of the Volgograd Region], f. 2115, inv. 3, d. 26, l. 146.

22. Postanovleniye GKO SSSR № 1529 o vvedenii pervogo sekretarya Stalingradskogo obkoma VKP (b) A.S. Chuyanov v sostav Voennogo soveta Stalingradskogo voennogo okruga (s prilozheniyem spravki-obyektivki na A.S. Chuyanov). 3 aprelya 1942 g. [Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 1529 on the Introduction of the First Secretary of the Stalingrad Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) A.S. Chuyanov into the Military Council of the Stalingrad Military District (With an Attached Objective Certificate on A.S. Chuyanov). 3 April 1942]. *RGASPI* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 644, inv. 2, d. 45, l. 135-137.

23. Postanovleniye GKO SSSR № 830s o sozdanii gorodskikh komitetov oborony, v tom chisle v gorodakh Stalingradskoy oblasti – Stalingrade, Astrahani i Kamyshine. 22 oktyabrya 1941 g. [Resolution of the State Defense Committee of the USSR No. 830 on the Creation of City Defense Committees, Including in the Cities of the Stalingrad Region – Stalingrad, Astrakhan and Kamyshin. October 22, 1941]. *RGASPI* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 644, inv. 2, d. 23, l. 78-79.

24. Postanovlenie SGKO № 313. O stroitelstve paromnykh pereprav cherez reku Volgu. 13 iyulya 1942 g. [Resolution of the Stalingrad City Defence Committee No. 313. On the Construction of Ferry Crossings Across the Volga River. 13 July 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 171, inv. 1, d. 4, l. 84.

25. Postanovleniya Stalingradskogo gorodskogo komiteta oborony № 371 – 409. 7 avgusta – 6 sentiabrya 1942 g. [Resolutions of the Stalingrad City Defence Committee No. 371 – 409. 7 August – 6 September 1942]. *RGASPI* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, inv. 88, d. 507, l. 316-330.

26. Postanovleniya Stalingradskogo gorodskogo komiteta oborony № 421a – 429a. 22 avgusta – 6 dekabrya 1942 g. [Resolutions of the Stalingrad City Defence Committee No. 401a – 429a. 22 August –

2 December 1942]. *RGASPI* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, inv. 88, d. 507, l. 331-354.

27. Prikaz Voennogo soveta fronta o vvedenii v Stalingrad osadnogo polozheniya. 25 avgusta 1942 g. [Order of the Front's Military Council on the Introduction of a State of Siege in Stalingrad. 25 August 1942]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region], f. 13226, inv. 3, d. 125, l. 1.

28. Prikaz Stavki Verhovnogo Glavnokomandovaniya № 994209 ob obrazovanii Donskogo i Stalingradskogo frontov. 28 sentiabrya 1942 g. [Order of the Headquarters of the Supreme Command No. 994209 on the Formation of the Don and Stalingrad Fronts. 28 September 1942]. *TsAMO RF* [Central Archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation], f. 148a, inv. 3763, d. 124, l. 262.

29. Samsonov A.M. *Stalingradskaia bitva* [The Stalingrad Battle]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 621 p.

30. Skvorcov M.V. Problemy istorii evakuatsii naseleniya iz Stalingrada v avguste – sentyabre 1942 goda: rol mestnykh organov vlasti [Problems of History Evacuation of Population from Stalingrad in August–September 1942: The Role of Local Authorities]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Chelyabinsk State University], 2009, no. 38 (176), pp. 41-46.

31. Snegireva L.I. Evakuatsiya naseleniya iz Stalingrada v sibirskii tyl v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1942 god) [Evacuation of Population from Stalingrad to the Siberian Rear During the Great Patriotic War (1942)].

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [TSPU Bulletin], 2018, no. 3 (192), pp. 174-185. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-3-174-185

32. *Stalingradskii gorodskoi Komitet Oborony v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Stalingrad City Defense Committee During the Great Patriotic War: Documents and Materials]. Volgograd, Izdatel Publ., 2007. 904 p.

33. Stenogramma besedy s komanduyushchim 62-y armiei general-leytenantom Chuykovym Vasiliyem Ivanovichem [Transcript of a Conversation with Lieutenant General Vasily Chuikov, Commander of the 62nd Army]. *Arhiv Instituta rossiiskoi istorii RAN* [Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences], f. 2, inv. 5, d. 2a, l. 1-28.

34. Fedotov V.V. Evakuirovannoye naseleniye v Stalingradskoy oblasti v 1941–1948 godah [Evacuated Population in Stalingrad Region in 1941–1948]. *Nauchnyi dialog*, 2019, no. 3, pp. 307-321. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-3-307-321

35. Nosova O.A., Studenikina Ye.V., eds. *Centr dokumentatsii noveishei istorii Volgogradskoi oblasti* [Center for Documentation of Contemporary History of the Volgograd Region]. Volgograd, s.n., 2006. 328 p.

36. Chuyanov A.S. *Na stremniny veka. Zapiski sekretarya obkoma* [On the Edge of the Century. Notes of the Secretary of the Regional Committee]. Moscow, Politizdat, 1977. 288 p.

37. Chuyanov A.S. *Stalingradskii dnevnik* [The Stalingrad Diary]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1979. 384 p.

Information About the Author

Alexandra K. Stelnik, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, alexelokhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3475-384X>

Информация об авторе

Александра Константиновна Стельник, аспирант кафедры истории и международных отношений, старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, alexelokhina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3475-384X>

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В СССР И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.11>

UDC 94(470+541)«1960/1980»2-7

LBC 63/3(2)633-37

Submitted: 29.12.2023

Accepted: 02.04.2024

ACTIVITIES OF AUTHORIZED COUNCIL FOR RELIGIOUS AFFAIRS IN NATIONAL AUTONOMIES FROM THE MID-1960s TO THE FIRST HALF OF THE 1980s (THE EXAMPLE OF THE BURYAT ASSR)

Petr K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Egor A. Traudt

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The object of the study is the activities of the authorized representatives of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the Buryat Autonomous Soviet Socialist Republic. *Materials and methods.* The article, based on the materials of the State Archives of the Russian Federation and the State Archives of the Republic of Buryatia, examines the main areas of activity of the authorized representative of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in the Buryat ASSR to implement state-confessional policy. In preparing the article, the problem-chronological method and systems approach were used. *Analysis.* The work provides a brief description of the formation of the institution of the authorized representative for religious affairs and considers its main functions, powers, and responsibilities. The main methods by which the control and supervisory functions over religious organizations in the Buryat ASSR were carried out are analyzed. Particular attention is paid to the study of atheistic and propaganda work carried out by the authorized representative to reduce the degree of religiosity of the population in the region. *Results.* The reporting activities of the authorized representative, expressed in the form of statistical and analytical materials, were studied. Attention is paid to the study of the peculiarities of interaction between the Commissions for Assistance to the Compliance with the Legislation on Religious Cults and the Commissioner for Buryatia. His activities in relation to petitions and statements of believers, mainly concerning the issues of registration of religious associations and transfer of religious buildings, are analyzed in detail. The article also presents a comparative aspect of the state-confessional policy between the regions of the USSR, including territories with varying degrees of autonomy. *Authors' contribution.* P. Dashkovskiy defined the main areas of activity of the Commissioner of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR in Buryatia. E. Traudt studied archival materials on the state-confessional policy of the USSR in Buryatia and conducted a comparative analysis of the activities of the commissioners in the region. *Funding.* The study was carried out with the support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00117, "The Influence of the Imperial Policy of Acculturation and the Soviet Model of State-Confessional Relations on the Situation of Religious Communities in the Border Regions and National Autonomies of the Asian Part of Russia."

Key words: state-confessional policy, Commissioner of the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR, atheistic propaganda, Buryatia, national autonomies.

Citation. Dashkovskiy P.K., Traudt E.A. Activities of Authorized Council for Religious Affairs in National Autonomies from the Mid-1960s to the First Half of the 1980s (The Example of the Buryat ASSR). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 140-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.11>

УДК 94(470+541)«1960/1980»2-7
ББК 63/3(2)633-37

Дата поступления статьи: 29.12.2023
Дата принятия статьи: 02.04.2024

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПОЛНОМОЧЕННЫХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ В НАЦИОНАЛЬНЫХ АВТОНОМИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг. (НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОЙ АССР)

Петр Константинович Дашковский

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Егор Андреевич Траудт

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Объектом изучения является деятельность уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР (СМ СССР) в Бурятской Автономной Советской Социалистической Республике. *Материалы и методы.* На основе материалов Государственного архива Российской Федерации и Государственного архива Республики Бурятия представлены основные направления деятельности уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР по реализации государственно-конфессиональной политики. При подготовке статьи использован проблемно-хронологический метод и системный анализ. *Анализ.* В работе дается краткая характеристика становления института уполномоченного по делам религий, рассмотрены его функции, полномочия и обязанности. Проанализированы основные методы, с помощью которых осуществлялись контролирующая и надзорная функции за религиозными организациями в Бурятской АССР. Особое внимание уделено атеистической и пропагандистской работе, проводимой уполномоченным для сокращения степени религиозности населения в регионе. *Результаты.* Изучена отчетная деятельность уполномоченного, выраженная в форме статистических и аналитических материалов. Выявлены особенности взаимодействия комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах и уполномоченного по Бурятии. Подробно разобрана его деятельность в отношении прошений и заявлений верующих, касающихся преимущественно вопросов регистрации религиозных объединений и передачи культовых зданий. В статье также представлен сравнительный аспект проводимой государственно-конфессиональной политики между регионами СССР, включая территории с различной степенью автономности. *Вклад авторов.* П.К. Дашковским определены основные направления деятельности уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР в Бурятии. Е.А. Траудтом изучены архивные материалы по государственно-конфессиональной политике СССР в Бурятии, проведен сравнительный анализ деятельности уполномоченных в регионе. *Финансирование.* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00117 «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России».

Ключевые слова: государственно-конфессиональная политика, уполномоченный Совета по делам религии при Совете Министров СССР, атеистическая пропаганда, Бурятия, национальные автономии.

Цитирование. Дашковский П. К., Траудт Е. А. Деятельность уполномоченных Совета по делам религий в национальных автономиях во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. (на примере Бурятской АССР) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 140–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.11>

Введение. В последние годы среди ученых наметился повышенный интерес к истории государственно-конфессиональных отношений в СССР. Во-первых, это связано с рассекречиванием различных архивных документов и возможностью более объективно оценить происходившие исторические процессы. Во-вторых, важность изучения данного периода обусловлена необходимостью учета исторического опыта взаимодействия органов государственной власти и конфессиональных институтов.

Советский Союз имел сложное административно-территориальное устройство. Особое место в этой системе занимали разного уровня национальные автономии [16, с. 147–222]. В таких административно-территориальных единицах при реализации государственно-конфессиональной политики, кроме религиозных процессов, необходимо было учитывать еще и этнический фактор. Несмотря на интерес исследователей к истории советской государственно-конфессиональной политики, многие регионы СССР остались либо совсем неизученными в данном аспекте, либо рассмотрены по отдельным направлениям или периодам ее реализации. Основным проводником государственно-конфессиональной политики в регионах СССР являлся институт уполномоченных Совета по делам религии при Совете Министров СССР (далее – СМ СССР).

Проблематика деятельности уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР в отношении религиозных объединений православных и буддистов Бурятской АССР частично рассматривалась в работах В.М. Митыпова [20], И.С. Цыремпиловой [36]. В другой работе И.С. Цыремпиловой (в соавторстве с Ю.Г. Злыгостевой) упор сделан на описание периода становления института уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР в Забайкальском крае в 1940-е гг. и лишь косвенно затрагивается вопрос о развитии данного органа в Бурятской АССР [37].

В данной статье предпринята попытка рассмотрения деятельности уполномоченного Совета по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР и его влияния на проводимую государственно-конфессиональную политику в регионе, начиная с середины 1960-х гг. и заканчивая первой половиной 1980-х годов.

Выбранный период характеризуется изменением курса вероисповедной политики в СССР в период так называемого «позднего социализма» в сторону отхода от политики Н.С. Хрущева и поиска более конструктивных форм взаимодействия органов власти и религиозных институтов при сохранении государственного контроля за последними [1; 3; 10; 12; и др.].

Методы и материалы. Источниковую базу исследования составили архивные материалы, представленные в Государственном архиве Республики Бурятия (далее – ГАРБ) и Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГА РФ). В ГАРБ нами изучен фонд Р-1857 (Уполномоченный Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР (1946–1990 гг.)). Общее количество рассмотренных дел – 61. В ГА РФ проанализирован фонд Р6991 (Совет по делам религий при Совете Министров СССР. 1943–1991 гг.), опись 6 (Совет по делам религий при СМ СССР. 1966–1991). Общее количество изученных нами дел – 55.

При подготовке статьи использовались проблемно-хронологический метод и системный подход. Это позволило рассмотреть организацию религиозных объединений и их отношения с государством в период «позднего социализма».

Становление института уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР в Бурятии. Вероисповедная политика в рассматриваемый временной отрезок проводилась более конструктивно и продуманно по сравнению с предыдущим периодом – под руководством страной Н.С. Хрущева, однако не стала полностью однородной и либеральной [3, с. 20; 23, с. 34]. В 1965 г. для консолидации усилий по антирелигиозной пропаганде и контролю за религиозными объединениями на базе Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР был создан новый орган – Совет по делам религий при Совете Министров СССР (далее – СПДР при СМ СССР) [33].

Период «позднего социализма» (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) в целом отличается относительной стабильностью во всех сферах общества, что нашло отражение и в системе государственно-кон-

фессиональных отношений [21, с. 5]. Правовые акты, обладающие высшей юридической силой (конституции СССР и Бурятской АССР), закрепляли положения о светском характере Советского Союза, а также о свободе вероисповедания и совести и возможности вести антирелигиозную пропаганду. Конституционные нормы, которые касались религиозной сферы в обществе, носили декларированный характер и в правоприменительной практике серьезного значения не имели.

Как и во всех административно-территориальных единицах СССР, в Бурятской АССР к середине 1960-х гг. сложилась стройная система контроля за религиозными объединениями, так как политика в данном регионе осуществлялась согласно советским атеистическим принципам. Проводниками государственно-конфессиональной политики стали уполномоченные СПДР при СМ СССР. В Бурятии на протяжении периода второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. эту должность занимали Д.Б. Очиржапов (начало 1960-х – 1976 г.), В.А. Сахьянов (1976–1984 гг.) и А.Б. Раднаев (1984–1986 гг.). Деятельность уполномоченных СПДР при СМ СССР основывалась на Положении о Совете по делам религий при Совете Министров СССР (1966 г.). Данный документ предусматривал осуществление контроля за соблюдением законодательства о религиозных культах со стороны религиозных объединений и служителей культа, информирование Совета о деятельности религиозных объединений в вверенной административно-территориальной единице, а также рассмотрение заявлений и жалоб, связанных с религиозными вопросами [9, с. 7].

В период второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг. религиозный ландшафт Бурятии претерпевал некоторые изменения. В 1945–1946 гг. регистрацию получают православное и буддийское религиозные объединения. В 1978 г. было зарегистрировано религиозное объединение евангельских христиан-баптистов г. Улан-Удэ [29, л. 23], которое до этого момента пыталось добиться присвоения легального статуса, однако получало

отказ. В качестве незарегистрированных групп в отчетах уполномоченных Совета по делам религий при СМ СССР по Бурятской АССР фигурировали представители адвентистов седьмого дня [8], пятидесятников [15, л. 10], старообрядцев [7, л. 4, 8, 14] и Свидетелей Иеговы * [15, л. 10]. Данные религиозные группы получают официальную регистрацию только в период окончательной либерализации вероисповедной политики (1990-е гг.). Протестантские деноминации в Бурятской АССР не вступали в открытую конфронтацию с властями, а их регистрация не происходила по причине недостаточного количества членов групп или неполного соблюдения ими советского законодательства о религиозных культах.

Должность уполномоченного СПДР при СМ СССР предполагала взаимодействие с исполнительными и партийными органами власти административно-территориального субъекта страны. Взаимодействие уполномоченных СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР осуществлялось в основном с Советом Министров Бурятской АССР и касалось предоставления копий отчетной документации и обсуждения вопросов регистрации религиозных общин на территории Бурятской АССР.

В информационно-статистических отчетах уполномоченного СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР, как правило, указывались статистика зарегистрированных и незарегистрированных религиозных объединений в регионе, а также их финансовая деятельность. Для уполномоченных СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР характерна сдача таких документов в срок. Информация, предоставляемая в Совет по делам религий при СМ СССР, поступала в достаточно полной и исчерпывающей форме, чего не скажешь, например, о соседнем регионе – Читинской области, где отчетная документация о деятельности религиозных объединений в регионе могла не поступать в течение нескольких лет [6].

Деятельность уполномоченных СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР по контролю за религиозными объединениями в период «позднего социализма». В информа-

* Данная организация включена в Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. Деятельность данной организации запрещена на территории Российской Федерации.

ционном отчете уполномоченного СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР за 1964 г. Д.Б. Очиржапов сообщал, что в г. Улан-Удэ действовало всего одно зарегистрированное религиозное объединение – Вознесенская церковь. С 1961 г. в отношении клира и прихожан Вознесенской церкви начинают применяться положения постановления СМ СССР «Об усилении контроля за деятельностью церкви» (1961 г.), которые предполагали отход от всех нормативно-правовых актов, принятых в период Великой Отечественной войны. В связи с этим священнослужителям запрещалось выезжать за пределы г. Улан-Удэ в праздничные дни, а обряды крещения детей необходимо было проводить только в присутствии родителей с их письменного согласия [13, л. 5–6]. Такие, в определенной степени дискриминационные, мероприятия негативно влияли на религиозную жизнь Вознесенской церкви г. Улан-Удэ. Однако служители должны были соглашаться с существующими условиями, чтобы поддерживать православную общину.

Подобная деятельность уполномоченных СПДР при СМ СССР характерна и для других регионов Советского Союза с идентичным статусом автономности [12, с. 115]. В Бурятской АССР на протяжении периода «позднего социализма» открытых конфликтов между зарегистрированными представителями служителей культа и государством не наблюдалось, чего не скажешь, например, о Калмыцкой АССР, где разногласия были связаны с отстранением клира от управления православным приходом [1, с. 224].

Религиозное объединение буддистов Бурятии было представлено верующими, которые кооперировались вокруг Иволгинского дацана,

находящегося в ведении Центрального духовного управления буддистов СССР (далее – ЦДУБ СССР). Сам ЦДУБ СССР, помимо Иволгинского дацана, распространял свою деятельность и на Агинский дацан, который находился в соседней – Читинской области. Данные религиозные объединения буддистов останутся единственными легально действующими на территории СССР вплоть до конца 1980-х годов. На момент 1966 г. в Иволгинском дацане служило 28 зарегистрированных лам, совершивших за указанный год 6 больших коллективных молебствий, которые посетило 5 550 человек. Общая сумма пожертвований от верующих в этот год составила 173,5 тыс. рублей [14, л. 1–2]. К 1985 г. доходность Иволгинского дацана существенно выросла (рост в 4,7 раза), составив 520,6 тыс. руб. [35, л. 27]. Тенденция к расширению финансовой деятельности Иволгинского дацана связана с многочисленными приездами иностранных буддийских делегаций, в ходе которых значительно увеличивалось как число посещений дацанов, так и сумма пожертвований от верующих (табл. 1).

Увеличение финансовой деятельности характерно и для Вознесенской церкви г. Улан-Удэ. Если в 1966 г. поступления православной церкви составляли 66,4 тыс. руб. [14, л. 14], то в 1984 г. его прибыль составила 167 тыс. руб. [35, л. 27]. Основная часть поступлений православного религиозного объединения, как правило, была связана с продажей предметов культа и религиозной литературы, тогда как Иволгинский дацан в основном получал доходы от совершения обрядов. Меньшую долю в доходности указанных религиозных объединениях составляли добровольные пожертвования (см. табл. 1, 2).

Таблица 1. Сведения о доходах Иволгинского дацана во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., тыс. руб.

Table 1. Information on the income of the Ivolginsky Datsan in the second half of the 1960s – first half of the 1980s, thousand rubles

Категория дохода	Отчетный год						
	1966	1970	1973	1976	1980	1982	1984
Общая доходность буддийской организации	173,5	190,8	280,3	432,3	446,5	503,2	520,6
В том числе:							
– от исполнения обрядов	11,0	178,1	67,3	246,2	439,4	497,9	502,6
– добровольные пожертвования	1,4	12,7	178,1	186,1	7,1	5,3	16,5

Примечание. Составлено по: ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1; ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6.

В 1978 г. в Бурятии официальную регистрацию получила община евангельских христиан-баптистов (далее – ЕХБ). Численность религиозного объединения на протяжении 1978–1984 гг. была небольшой, варьируясь в количестве 12–14 человек. Финансовая деятельность данного религиозного объединения аккумулировала в себе гораздо меньше средств, чем православное и буддийское религиозные объединения. В 1978 г. траты религиозного объединения баптистов г. Улан-Удэ составили 116 руб., большая часть из которых была потрачена на содержание молитвенного здания и покупку предметов культа и религиозной литературы [29]. В 1984 г. расходы баптистов г. Улан-Удэ составили уже 428,12 руб., демонстрируя рост по сравнению с 1978 г. в 3,6 раза [35, л. 28].

Необходимо сделать некоторую оговорку, касающуюся того, что статистические данные в период «позднего социализма» не во всех случаях можно считать полностью достоверными. Многие уполномоченные СПДР при СМ СССР могли намеренно занижать данные статистики, чтобы показать уменьшение степени религиозности населения и успешность проведения атеистической политики для вышестоящих государственных органов, осуществлявших государственно-конфессиональную политику [2, с. 37; 10, с. 204; 12, с. 114–115].

Особое внимание уполномоченные СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР уделяли курированию незарегистрированных религиозных групп в регионе. Нелегальные служители культа и религиозные объединения, по мнению государственных и партийных органов, повышали количество религиозных людей и разлагали советское общество. С 1970 г. в инфор-

мационных отчетах уполномоченного СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР начинает фигурировать незарегистрированное религиозное общество адвентистов седьмого дня. В период с 1970 по 1985 г. эта религиозная группа неоднократно подавала документы с просьбой о регистрации, но все их прошения были отвергнуты из-за того, что их глава не соблюдал советское законодательство о религиозных культах [8]. Отметим, что органы власти часто под подобными предложениями не регистрировали религиозные объединения протестантской направленности, опасаясь расширения их миссионерской деятельности [1, с. 244].

Уполномоченный СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР осуществлял контроль за незаконной проповеднической деятельностью. Так, в 1983 г. молодые верующие евангельских христиан-баптистов приехали в г. Улан-Удэ из г. Иркутска, взяв с собой разную религиозную литературу, в том числе 2 брошюры издательства «Христианин». Этот случай вызвал большой резонанс, так как в ходе контактов уполномоченного СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР с коллегой из Иркутской области выяснилось, что среди проповедников оказался младший брат действующего старшего пресвитера по Восточной Сибири И.С. Толмачева, который считал данную поездку законной. После этого с ним была проведена беседа главным пресвитером ЕХБ в РСФСР о недопущении нарушений законодательства о религиозных культах и недостатках в его работе [27, л. 14–15].

В 1972 г. Д.Б. Очиржапов принимал активное участие в так называемом «процессе Дандарона», когда известного духовного учителя и

Таблица 2. Финансовые поступления Вознесенской церкви г. Улан-Удэ во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг., тыс. руб.

Table 2. Financial receipts of the Ascension Church in Ulan-Ude in the second half of the 1960s – first half of the 1980s, thousand rubles

Категория дохода	Отчетный год					
	1966	1970	1976	1980	1982	1984
Всего	66,4	93,9	106,0	156,0	167,0	167,0
В том числе:						
– от исполнения обрядов	11,0	11,8	15,1	11,0	22,0	10,7
– от продаж свечей	43,5	65,6	72,8	Н/д	Н/д	Н/д
– от продажи других предметов культа	10,5	14,2	14,1	123,0	131,0	151,0
– добровольных пожертвований	1,4	1,8	2,9	6,7	8,8	5,7

Примечание. Составлено по: ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6.

ученого Б.Д. Дандарона признали виновным в «организации буддийской секты». Уполномоченный Совета по делам религии при СМ СССР по Бурятской АССР участвовал в расследовании данной ситуации и в обвинении А.И. Железнова, Ю.К. Лаврова, Д. Буткуса и В.М. Монтлевича. В результате следствия вина всех участников группы была доказана, однако во время судебно-психиатрической экспедиции их признали душевнобольными и отправили в места психиатрического лечения. Д.Б. Очиржапов видел корни учения Б.Д. Дандарона в тантризме, связывая его с первобытной идеологией. Кроме того, он считал, что в группе Дандарона извращен обряд «Сокшиды», так как там используются алкогольные напитки и т. д. [19, л. 169–172].

Уполномоченным СПДР при СМ СССР для более полного анализа религиозной обстановки в регионе нужно было налаживать связи и вести беседы со служителями культа для контроля направления их деятельности. В частности, уполномоченные СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР Д.Б. Очиржапов и В.А. Сахьянов поддерживали устойчивые отношения с главой ЦДУБ СССР Пандито Хамбо-ламой Ж.-Д. Гомбоевым. Взаимодействие касалось написания характеристик для его перерегистрации и выездов за рубеж, а также награждений за активную международную и общественно-политическую деятельность [17, л. 4, 6, 42]. Активное взаимодействие уполномоченных со священнослужителями, а иногда и верующими, характерно и для других регионов, в том числе национальных автономий [11, с. 29].

В свете стремительно расширяющихся международных связей ЦДУБ СССР, которое принимало активное участие в миротворческих организациях [18], уполномоченному СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР приходилось выстраивать отношения со многими зарубежными деятелями. В основном он выступал посредником между религиозными деятелями и СПДР при СМ СССР в вопросах приема иностранных делегаций на территории Бурятии, а также утверждал списки советских представителей, которые выезжали за рубеж для посещения различных конференций. Вместе с этим уполномоченный СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР занимался подбором и курированием абитуриентов для обу-

чения в буддийском институте, который был открыт в 1970 г. в Улан-Баторе (Монгольская Народная Республика) [24, л. 10–11].

Деятельность уполномоченных СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР по работе с гражданами. Важным направлением деятельности уполномоченного СПДР при СМ СССР было участие в различных атеистических мероприятиях для борьбы с религиозностью советского населения и их проведение. Одним из примеров такой работы является подготовка брошюры «Религиозные пережитки бурятского населения и пути их преодоления» [13, л. 2]. Как можно заключить из анализа архивных документов, уполномоченные СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР принимали активное участие в антирелигиозной работе, в том числе составляя атеистические и информационные тексты. Так, например, Д.Б. Очиржапову принадлежат статьи «Религия и закон» (в соавторстве с В.П. Мотицким) и «Советское законодательство о религиозных культах» [34, л. 1–14, 55–63]. Уполномоченные СПДР при СМ СССР выполняли важную задачу, связанную с мониторингом мнений. В 1977 г. уполномоченному СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР необходимо было собрать мнения зарегистрированных служителей культа и персонала религиозных объединений по поводу проекта новой Конституции СССР. В.А. Сахьянов провел опрос лам и сотрудников Иволгинского дацана, а также клира и персонала Вознесенской церкви. В целом священнослужители и работники религиозных объединений высказались положительно о проекте новой Конституции как «полностью отвечающей интересам советского народа», акцентируя внимание на том, что ст. 52 «обеспечивает полную свободу совести верующих» [24, л. 20–22].

Схожие направления деятельности уполномоченных СПДР при СМ СССР были характерны для других регионов СССР. В Алтайском крае уполномоченный СПДР при СМ СССР принимал участие в проведении научно-практической конференции «Проблемы повышения эффективности атеистического воспитания населения в свете решений XX съезда КПСС» в декабре 1977 г. [4, с. 105].

Необходимо отметить, что во второй половине 1960-х гг. в Бурятии использовались методы сдерживания религиозности населения,

характерные для модели вероисповедной политики периода Н.С. Хрущева, которая была направлена на ослабление влияния церкви и упрочение атеистического мировоззрения посредством закрытия религиозных объединений. Данные мероприятия закономерно приводили к ответной реакции верующих, которые были не согласны с данными решениями. В качестве примера можно привести несколько случаев. В 1966 г. Совет Министров Бурятской АССР отказал в передаче здания Гусиноозерского дацана в собственность ЦДУБ СССР [31, л. 1]. Ранее, в 1964 г., было отказано группе верующих старообрядцев в возобновлении деятельности Ново-Загановской церкви, которая была закрыта годом ранее. В качестве главного аргумента для невозможности открытия послужило то, что заявления о прошении открытия подавали лишь «несколько фанатиков-стариков», тогда как основная масса верующих этого не делала [13, л. 1]. Похожие мероприятия по недопущению распространения сети православных церквей на начальном этапе брежневского руководства принимались уполномоченными и в других регионах СССР [22, с. 245; 32, с. 28–30].

Обязанностью уполномоченного СПДР при СМ СССР было также рассмотрение различных писем от граждан, касающихся религиозной сферы. В этом отношении особо стоит обратить внимание на череду просьб православных верующих г. Кяхты. Религиозное объединение г. Кяхты вокруг Успенской церкви в 1962 г. было лишено легального статуса, а само здание было передано под общественные нужды. На протяжении 1960-х гг. инициативная группа православных верующих г. Кяхты писала обращения о возврате религиозному объединению легального статуса на имя Совета Министров Бурятской АССР, а также уполномоченного СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР, но либо получала отрицательный ответ без объяснения причин таковых решений, либо не получала ответа вовсе [28, л. 15]. В 1970–1980-х гг. обращения верующих также поступали, однако теперь они касались разрешения покупки дома под религиозные нужды. На это верующие также получили отказ. Причиной такому решению стало то, что жители г. Кяхты испытывали острую нужду в жилье, а в доме, который просили верующие, жила семья из 6 человек [28, л. 27–34].

В 1981 г. В.А. Сахьянову поступило письмо от 20 православных верующих г. Закаменска с просьбой приобрести молитвенный дом и прислать священника для исполнения религиозных обрядов. После получения письма собралась проверка, на которой обнаружилось, что некоторых из подписавшихся на момент отправки не было на территории Бурятской АССР, а часть людей из данной группы не имела представления о письме или вообще отказалась от своей подписи, говоря, что они не нуждаются в молитвенном доме и священнослужителе. Именно поэтому данная религиозная группа не достигла своих требований и получила отрицательный ответ [26, л. 3–17].

Одним из направлений деятельности уполномоченного СПДР при СМ СССР было взаимодействие с комиссиями содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах. Такие органы, в том числе в Бурятии, были учреждены для регулирования деятельности религиозных объединений во второй половине 1960-х гг. и создавались при аймачных (районных) исполнительных комитетах. Комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах, работая на гражданских началах, стали по сути автономными антирелигиозными учреждениями со своими обязанностями, правами и задачами. Главной целью данных организаций стало оказание помощи исполкомам Советов народных депутатов в осуществлении контроля за соблюдением Конституции СССР, Конституции РСФСР и, в частности, Конституции Бурятской АССР, гарантирующих свободу совести. Другая задача заключалась в том, чтобы использование гражданами свободы совести не наносило ущерба интересам общества и государства, правам других граждан, а также чтобы не нарушались права верующих и религиозных объединений, не допускалось незаконное вмешательство в их каноническую деятельность. Отчетную документацию комиссии содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах предоставляли уполномоченному СПДР по Бурятской АССР, чтобы он получал более полную картину религиозности населения в каждом отдельно взятом аймаке. В то же время следует отметить слабую результативность в деятельности указанных комиссий. Причиной выступали

различные проблемы на местах, большая часть из которых была связана с низкой кадровой квалификации [5]. Схожие данные по низкой результативности комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах наблюдались и в других регионах СССР [30, с. 264–265]. Именно по этой причине уполномоченному СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР периодически приходилось вмешиваться в их деятельность. В 1979 г. после очередной проверки В.А. Сахьянов отметил, что комиссии имеют «смутное» представление о своих задачах и функциях. Организациям предписывалось вести качественный учет религиозности населения, применяя для этого сторонние данные, чаще привлекать милицию к решению задач, а также проводить больше научно-просветительской и атеистической работы [25, л. 30–31].

Заключение. Таким образом, институт уполномоченного СПДР при СМ СССР являлся основным проводником государственно-конфессиональной политики в регионах страны, в том числе в Бурятии. В целом деятельность уполномоченных СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР в период «позднего социализма» можно назвать довольно активной и последовательной. Находившимся на этом посту чиновникам была присуща разноплановость работы, включающая как составление отчетов по религиозной ситуации в регионе и работу с жалобами верующих, так и участие во всесоюзных семинарах, касающихся реализации государственно-конфессиональной политики. Вместе с тем институт уполномоченных СПДР при СМ СССР предполагал быстрое реагирование на чрезвычайные ситуации, которые связывались с осуществлением вероисповедной политики в вверенной им административно-территориальной единице. Основываясь на рассмотренных архивных материалах, можно заключить, что административный контроль за религией, осуществляемый уполномоченными СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР, незначительно повлиял на изменение религиозной ситуации в регионе. Отчеты уполномоченных СПДР при СМ СССР по Бурятской АССР показывают скачкообразные результаты по основной обрядности, данные по которым изменялись в большую или меньшую сторону за несколько лет. Доходность всех религиозных объединений при этом постепенно возрастала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов С. С. Государственная религиозная политика в Калмыкии в отношении христианского населения в годы советской власти (октябрь 1917–1991 гг.). Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 342 с.
2. Горбатов А. В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религий в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35–47.
3. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Советская и российская государственно-конфессиональная политика на юге западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 152 с.
4. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Деятельность уполномоченных по делам религий при Совете Министров СССР в середине 1960-х – начале 1980-х гг. (на примере Алтайского края) // Народы и религии Евразии. 2017. № 3/4 (12/13). С. 99–110.
5. Дашковский П. К., Траудт Е. А. Деятельность комиссий содействия по соблюдению законодательства о религиозных культах в Бурятии во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг. // Народы и религии Евразии. 2023. № 2. С. 181–197. DOI: 10.14258/nreur(2023)2-10
6. Добротушенко Е. В. К вопросу о работе уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР в Читинской области во второй половине 60-х – 80-е гг. XX в. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2016. Вып. 3. С. 41–43.
7. Документы (информация, справки, планы, отчеты) о работе комиссии по соблюдению законодательства о религиозных культах Бичурского райисполкома // Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 79.
8. Документы о регистрации группы христиан – адвентистов седьмого дня (учетная карточка, решение, ходатайства, заявление, список верующих) // ГАРБ. Ф. Р. 1857. Оп. 1. Д. 212.
9. Законодательство о религиозных культах : сб. материалов и док. М.: Юрид. лит. 1971. 210 с.
10. Зубан Д. Деятельность уполномоченного совета по делам религий при СМ СССР по Псковской области К.П. Филиппова (1964–1976 гг.) // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2012. № 12-1. С. 197–213.
11. Ибрагимов Р. Р. Власть и мусульманское духовенство в Татарстане в 1970-х – начале 1980-х гг. // Казанская наука. 2014. № 1. С. 29–31.
12. Ибрагимов Р.Р. Власть и религия в Татарстане в 1940–1980-е гг. Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. 152 с.

13. Информационно-статистический отчет о работе отдела за 1964 // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 38.
14. Информационный отчет о деятельности религиозных объединений за 1966 год // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 48.
15. Информационный отчет о деятельности религиозных объединений за 1967 г. // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 50.
16. Кутафин О. Е. Российская автономия. М.: Прогресс. 768 с.
17. Личное дело Гомбоева Жамбал-Доржи, председателя ЦДУБ в СССР, бандида хамбо-лама // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 54.
18. Материалы о зарубежных связях Духовного управления буддистов СССР (отчеты, письма). 1969 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 264.
19. Материалы уполномоченного Совета о религиозной обстановке в союзных и автономных республиках СССР за 1974 г. // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 629.
20. Митыпов В. М. Взаимоотношения советского государства с буддийской церковью (конец 1960-х – 1980-е гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 45–50.
21. Молодов О. Б. Особенности правового регулирования государственно-конфессиональных отношений в СССР в период позднего социализма // *Ius publicum et privatum*. 2020. № 2 (16). С. 5–8.
22. Молодов О. Б. Роль уполномоченных Совета по делам религий в реализации государственной вероисповедной политики на Русском Севере (1960–1980-е гг.) // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 1 (28). С. 245–248.
23. Одинцов М. И. Совет министров СССР постановляет: «выселить навечно!» : сб. док. и материалов о Свидетелях Иеговы в Советском Союзе (1951–1985 гг.). М.: Об-ние исследователей религии: Арт-Бизнес-Центр, 2002. 240 с.
24. Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Бурятской АССР за 1977 г. // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1149.
25. Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Бурятской АССР за 1980 г. // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1806.
26. Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Бурятской АССР за 1982 г. // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 2315.
27. Отчеты, справки, информации и переписка с уполномоченными Совета по вопросам деятельности религиозных организаций в Бурятской АССР за 1983 г. // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 2543.
28. Переписка верующих с высшими советскими партийными правоохранительными органами по возобновлению деятельности Успенской церкви в г. Кяхте // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 80.
29. Переписка с уполномоченным Совета по вопросам деятельности религиозных организаций по Бурятской АССР за 1978 год // ГАРФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 1354.
30. Попова К. Ю. Организация контроля за проповеднической деятельностью православного духовенства со стороны уполномоченных Совета по делам религий при Совете министров СССР в 1960–1980 гг. (на материалах Южного Урала) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2014. Вып. 2 (2). С. 263–273.
31. Постановление Совета министров Бурятской АССР и ЦДУБ в СССР о передаче Гусиноозёрского дацана под музей буддийской культуры // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 46.
32. Смолина И. В. Основные направления деятельности иркутских Уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (Совета по делам религий) и Комиссий содействия в 1940–1980-е годы // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 20–30.
33. Советов И. М. Совет по делам религий при СМ СССР: структура, функции и основные направления деятельности. (Эпоха В.А. Куроедова. 1966–1984 гг.). URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/>
34. Советское законодательство о религиозных культах (доклады уполномоченного совета) // ГАРБ. Ф. Р-1857. Оп. 1. Д. 175.
35. Статистические сведения по автономным республикам за 1984 год // ГА РФ. Ф. Р6991. Оп. 6. Д. 2912.
36. Цыремпилова И. С. Русская православная церковь на территории Бурятии в 1940–1980-е гг. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. № 2 (2). С. 37–43.
37. Цыремпилова И. С., Злыгостева Ю. Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви (Совета по делам религий) в 1940-х – 1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. № 10. С. 47–50.

REFERENCES

1. Belousov S.S. *Gosudarstvennaia religioznaia politika v Kalmykii v otnoshenii khristianskogo naseleniia v gody sovetskoii vlasti (oktiabr 1917–1991 gg.)* [State Religious Policy in Kalmykia in Relation to the Christian Population During the Years of Soviet Power (October 1917–1991)]. Elista, KalmNTs RAN, 2016. 342 p.

2. Gorbatov A.V. K voprosu o statuse upolnomochennykh po delam religii v Sibiri (1943–1969 gg.) [On the Issue of the Status of Commissioners for Religious Affairs in Siberia (1943–1969)]. *Gosudarstvo i tserkov v XX veke: evoliutsiia vzaimootnoshenii, politicheskii i sotsiokulturnyi aspekty. Opyt Rossii i Evropy* [The State and the Church in the 20th Century: The Evolution of Relations, Political and Socio-Cultural Aspects. The Experience of Russia and Europe]. Moscow, LIBROKOM, 2011, pp. 35–47.

3. Dashkovskii P.K., Dvorianchikova N.S. *Sovetskaia i rossiiskaia gosudarstvenno-konfessionalnaia politika na iuge zapadnoi Sibiri* [Soviet and Russian State-Confessional Policy in the South of Western Siberia]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2022. 152 p.

4. Dashkovskii P.K., Dvorianchikova N.S. Deiatelnost upolnomochennykh po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR v seredine 1960-kh – nachale 1980-kh gg. (na primere Altaiskogo kraia) [The Activities of the Commissioners for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR in the Mid-1960s – Early 1980s (On the Example of the Altai Territory)]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2017, no. 3/4 (12/13), pp. 99–110.

5. Dashkovskii P.K., Traudt E.A. Deiatelnost komissii sodeistviia po sobliudeniui zakonodatelstva o religioznykh kultakh v Buriatii vo vtoroi polovine 1960-kh – nachale 1980-kh gg. [The Activity of the Commissions of Assistance in Compliance with the Legislation on Religious Cults in Buryatia in the Second Half of the 1960s – Early 1980s]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia], 2023, no. 2, pp. 181–197. DOI: 10.14258/nreur(2023)2-10

6. Dobrotushenko E.V. K voprosu o rabote upolnomochennykh Soveta po delam religii pri Sovete Ministrov SSSR v Chitinskoi oblasti vo vtoroi polovine 60-kh – 80-e gg. XX v. [On the Issue of the Work of the Commissioners of the Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR in the Chita Region in the Second Half of the 60s – 80s of the Twentieth Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii* [Buryat State University bulletin. Humanities Research of Inner Asia], 2016, iss. 3, pp. 41–43.

7. Dokumenty (informatsiia, spravki, plany, otchety) o rabote komissii po sobliudeniui zakonodatelstva o religioznykh kultakh Bichurskogo raiispolkoma [Documents (Information, Certificates, Plans, Reports) on the Work of the Commission on Compliance with Legislation on Religious Cults of the Bichursky District Executive Committee]. *Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya* (hereinafter – GARB) [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 79.

8. Dokumenty o registratsii grupy khristian – adventistov sedmogo dnia (uchetnaia kartochka, reshenie, khodataistva, zaiavlenie, spisok veruiushchikh) [Documents on the Registration of a Group of Seventh-Day Adventist Christians (Registration Card, Decision, Petitions, Statement, List of Believers)]. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R. 1857, inv. 1, d. 212.

9. *Zakonodatelstvo o religioznykh kultakh: sb. materialov i dok.* [Legislation on Religious Cults. Collection of Materials and Documents]. Moscow, Iurid. lit. Publ., 1971. 210 p.

10. Zuban D. Deiatelnost upolnomochennogo soveta po delam religii pri SM SSSR po Pskovskoi oblasti K.P. Filippova (1964–1976 gg.) [Activities of the Authorized Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR for the Pskov Region K.P. Filippov (1964–1976)]. *Ezhegodnaia bogoslovskaiia konferentsiia pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities], 2012, no. 12-1, pp. 197–213.

11. Ibragimov R.R. Vlast i musulmanskoe dukhovenstvo v Tatarstane v 1970-kh – nachale 1980-kh gg. [The Government and the Muslim Clergy in Tatarstan in the 1970s – Early 1980s]. *Kazanskaia nauka* [Kazan Science], 2014, no. 1, pp. 29–31.

12. Ibragimov R.R. *Vlast i religii v Tatarstane v 1940–1980-e gg.* [Power and Religion in Tatarstan in the 1940s–1980s]. Kazan, Kazan. gos. un-t im. V.I. Ulianova-Lenina, 2005. 152 p.

13. Informatsionno-statisticheskii otchet o rabote otdela za 1964 [Information and Statistical Report on the Work of the Department for 1964]. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 38.

14. Informatsionnyi otchet o deiatelnosti religioznykh obiedinenii za 1966 god [Information Report on the Activities of Religious Associations for 1966]. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 48.

15. Informatsionnyi otchet o deiatelnosti religioznykh obiedineniy za 1967 g. [Information Report on the Activities of Religious Associations for 1967]. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, f. 50.

16. Kutafin O.E. *Rossiiskaia avtonomiia* [Russian Autonomy]. Moscow, Progress Publ. 768 p.

17. Lichnoe delo Gomboeva Zhambal-Dorzhi, predsdatelia TsDUB v SSSR, bandida khambo-lama [Personal File of Gomboev Zhambal-Dorzhi, Chairman of the Central Committee of the USSR, bandida khambo-lama]. GARB [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 54.

18. Materialy o zarubezhnykh svyaziakh Dukhovnogo upravleniia buddistov SSSR (otchety,

pisma). 1969 g. [Materials on Foreign Relations of the Spiritual Administration of Buddhists of the USSR (Reports, Letters). 1969]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (hereinafter – GA RF) [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 264.

19. Materialy upolnomochennogo Soveta o religioznoi obstanovke v soiuzykh i avtonomnykh respublikakh SSSR za 1974 g. [Materials of the Authorized Council on the Religious Situation in the Union and Autonomous Republics of the USSR for 1974]. *GA RF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 629.

20. Mitypov V.M. Vzaimootnosheniya sovetskogo gosudarstva s buddijskoy cerkovyu (konec 1960-h –1980-e gg.) [Relations Between the Soviet State and the Buddhist Church (Late 1960s – 1980s)]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Buryat State University Bulletin], 2010, no. 7, pp. 45-50.

21. Molodov O.B. Osobennosti pravovogo regulirovaniya gosudarstvenno-konfessionalnykh otnoshenii v SSSR v period pozdnego sotsializma [Features of Legal Regulation of State-Confessional Relations in the USSR During the Period of Late Socialism]. *Ius publicum et privatum*, 2020, no. 2 (16), pp. 5-8.

22. Molodov O.B. Rol upolnomochennykh Soveta po delam religii v realizatsii gosudarstvennoi veroispovednoi politiki na Russkom Severe (1960–1980-e gg.) [The Role of the Commissioners of the Council for Religious Affairs in the Implementation of State Religious Policy in the Russian North (1960–1980s)]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of Perm University], 2015, iss. 1 (28), pp. 245-248.

23. Odintsov M.I. *Sovet ministrov SSSR postanovliaet: «vyselit navechno!»: sb. dok. i materialov o Svideteliakh Iegovy v Sovetskom Soiuze (1951–1985 gg.)* [The Council of Ministers of the USSR Decides: “Evict Forever!”. Collection of Documents and Materials About Jehovah’s Witnesses in the Soviet Union (1951–1985)]. Moscow, Ob-nie issledovatelei religii, Art-Biznes-Tsentr, 2002. 240 p.

24. Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deiatelnosti religioznykh organizatsii v Buriatskoi ASSR za 1977 g. [Reports, References, Information and Correspondence with the Authorized Representatives of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Buryat ASSR for 1979]. *GA RF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 1149.

25. Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deiatelnosti religioznykh organizatsii v Buriatskoi ASSR za 1980 g. [Reports, References, Information and Correspondence with the Authorized Representatives of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Buryat

ASSR for 1980]. *GA RF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 1806.

26. Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deiatelnosti religioznykh organizatsii v Buriatskoi ASSR za 1982 g. [Reports, References, Information and Correspondence with the Authorized Representatives of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Buryat ASSR for 1982]. *GA RF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 2315.

27. Otchety, spravki, informatsii i perepiska s upolnomochennymi Soveta po voprosam deiatelnosti religioznykh organizatsii v Buriatskoi ASSR za 1983 g. [Reports, References, Information and Correspondence with the Authorized Representatives of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Buryat ASSR for 1983]. *GA RF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 2543.

28. Perepiska veruiushchikh s vysshimi sovetskimi partiinymi pravookhranitelnyimi organami po vozobnovleniiu deiatelnosti Uspenskoj tserkvi v g. Kyakhte [Correspondence of Believers with the Highest Soviet Party Law Enforcement Agencies on the Resumption of the activities of the Assumption Church in Kyakhta]. *GARB* [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 80.

29. Perepiska s upolnomochennym Soveta po voprosam deiatelnosti religioznykh organizatsii po Buriatskoi ASSR za 1978 god [Correspondence with the Commissioner of the Council on the Activities of Religious Organizations in the Buryat ASSR for 1978]. *GA RF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 1354.

30. Popova K.Iu. Organizatsiia kontrolia za propovednicheskoi deiatelnosti pravoslavnogo dukhovenstva so storony upolnomochennykh Soveta po delam religii pri Sovete ministrov SSSR v 1960–1980 gg. (na materialakh Iuzhnogo Urala) [Organization of Control Over the Preaching Activities of the Orthodox Clergy by the Authorized Representatives of the Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR in 1960–1980 (Based on the Materials of the Southern Urals)]. *Vestnik Orenburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Orenburg Theological Seminary], 2014, iss. 2 (2), pp. 263-273.

31. Postanovlenie Soveta ministrov Buriatskoi ASSR i TsDUB v SSSR o peredache Gusinozerskogo datsana pod muzei buddiiskoi kultury [Resolution of the Council of Ministers of the Buryat ASSR and the Central Administrative District in the USSR on the transfer of the Gusinozersk datsan to the Museum of Buddhist Culture]. *GARB* [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 46.

32. Smolina I.V. Osnovnye napravleniia deiatelnosti irkutskikh Upolnomochennykh Soveta po delam Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (Soveta po delam religii) i Komissii

sodeistviia v 1940–1980-e gody [The Main Directions of Activity of the Irkutsk Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council for Religious Affairs) and the Commissions of Assistance in the 1940s–1980s]. *Novyi vzgliad. Mezhdunarodnyi nauchnyi vestnik* [Novy vzglyad. International Scientific Bulletin]. 2014, no. 4, pp. 20–30.

33. Sovetov I.M. *Sovet po delam religii pri SM SSSR: struktura, funktsii i osnovnye napravleniia deiatelnosti. (Epokha V.A. Kuroedova. 1966–1984 gg.)* [Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR: Structure, Functions, and Main Areas of Activity. (The Era of V.A. Kuroedov, 1966–1984)]. URL: <https://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/>

34. Sovetskoe zakonodatelstvo o religioznykh kultakh (doklady upolnomochennogo soveta) [Soviet Legislation on Religious Cults (Reports of the Authorized Council)]. *GARB* [State Archive of the Republic of Buryatia], f. R-1857, inv. 1, d. 175.

35. Statisticheskie svedeniia po avtonomnym respublikam za 1984 god [Statistical Information on Autonomous Republics for 1984]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. R6991, inv. 6, d. 2912.

36. Tsyrempilova I.S. Russkaja pravoslavnaia cerkov na territorii Burjatii v 1940–1980-e gg. [The Russian Orthodox Church in Buryatia in the 1940s and 1980s]. *Vestnik Vostochno-sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Bulletin of the East Siberian State Institute of Culture], 2017, no. 2 (2), pp. 37–43.

37. Tsyrempilova I.S., Zlygosteva Ju.G. Deiatelnost upolnomochennykh Soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi (Soveta Po Delam Religij) v 1940-h–1980-h gg. (na primere Bajkalskogo regiona) [The Activity of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church (Council For Religious Affairs) in the 1940s–1980s (On the Example of the Baikal Region)]. *Vlast* [Power], 2010, no. 10, pp. 47–50.

Information About the Authors

Petr K. Dashkovskiy, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, dashkovskiy@fpn.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Egor A. Traudt, Senior Lecturer, Department of Regional Studies of Russia, Altai State University, Prosp. Lenina, 61, 656049 Barnaul, Russian Federation, traudt805ea@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

Информация об авторах

Петр Константинович Дашковский, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, dashkovskiy@fpn.asu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Егор Андреевич Траудт, старший преподаватель, кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, просп. Ленина 61, 656049 г. Барнаул, Российская Федерация, traudt805ea@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-8439-3151>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.12>

UDC 94(470)

LBC 63.3(2)

Submitted: 03.08.2024

Accepted: 18.01.2025

PENTECOSTALISM AND SOCIETY IN RUSSIA IN 1991–2024

Nikolai A. Miazin

Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Kaluga, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article deals with the spread of Pentecostalism in Russia in 1991–2024 and the interaction of the new Protestant denomination with society. The reasons for the success of the mission and the peculiarities of Pentecostalism in comparison with other directions of Protestantism are analyzed. *Methods and materials.* The methodological basis of the study was formed by the principles of historicism and objectivity, as well as special-historical methods: historical-comparative and historical-genetic. The development of Protestantism is shown as a holistic phenomenon in relationship with other Christian denominations. The data of domestic historiography, sources, and statistical information are compared with studies in regions with a large spread of Pentecostalism. The experience of work in the field of state-confessional relations is used. *Analysis.* The features of religious centers were studied: unregistered brotherhood, formed in the Soviet years, and unions of a new type, created in the 1990s. *Results.* The study found that Pentecostalism became the fourth largest Christian denomination in Russia, far surpassing the Baptists, who dominated during the Soviet era. Its success was facilitated by the combination of Christian fundamentalism with the modern character of worship, belief in the possibility of performing miracles in ordinary life, and active social work, primarily in the field of rehabilitation, as well as the missionary work of ordinary believers. It is concluded that further growth of Pentecostalism is unlikely due to the secularization of society, since fundamentalist churches require the convert to completely restructure their life.

Key words: Russia, Protestantism, Pentecostalism, missionary work, prosperity gospel, Russian society.

Citation. Miazin N.A. Pentecostalism and Society in Russia in 1991–2024. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 153–163. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.12>

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 03.08.2024

Дата принятия статьи: 18.01.2025

ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСТВО И ОБЩЕСТВО В РОССИИ В 1991–2024 ГОДАХ

Николай Александрович Мязин

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, г. Калуга, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье рассматривается распространение пятидесятничества в России в 1991–2024 гг. и взаимодействие новой протестантской деноминации с обществом. Анализируются причины успеха миссии и особенности пятидесятничества по сравнению с другими направлениями протестантизма. *Методы и материалы.* Используются специально-исторические методы: историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный и ретроспективный. Развитие протестантизма показано как целостное явление во взаимосвязи с другими христианскими деноминациями. Для определения особенностей пятидесятничества используются данные пятидесятнических религиозных центров, анализируется социальная составляющая служения, уделено внимание музыкальной составляющей пятидесятнической религиозной практики. *Анализ.* Изучены особенности религиозных центров: незарегистрированного братства, созданного в советские годы и обособляющего себя от «мира», и объединений нового типа «Российской церкви христиан веры евангельской» и «Российского объединенного союза христиан веры евангельской», созданных в 1990-е гг. и активно взаимодействующих с обществом. *Результаты.* Исследование показало, что пятидесятничество стало четвертой по величине христианской деноминацией в России, значительно превзойдя по

числу прихожан баптистов, доминировавших в советское время. В развитии пятидесятничества в 1990-е гг. значительное участие принимали иностранные религиозные центры, в 2000-е гг. религиозные центры российских пятидесятников перешли на самофинансирование и развивались за счет собственных ресурсов. Успеху способствовало сочетание христианского фундаментализма с современным характером богослужения, вера в возможность совершения чудес в обычной жизни, активная социальная деятельность, прежде всего в сфере реабилитации алко- и наркозависимых, а также миссионерство обычных верующих. Сделан вывод, что дальнейший рост пятидесятничества маловероятен, поскольку российское общество в значительной степени секуляризовано, а членство в пятидесятнической общине требует от новообращенного значительного участия, то есть требуется перестроить всю жизнь.

Ключевые слова: Россия, протестантизм, пятидесятничество, миссионерство, Евангелие процветания, российское общество.

Цитирование. Мязин Н. А. Пятидесятничество и общество в России в 1991–2024 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 153–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.12>

Введение. Пятидесятничество возникло в 1906 г. в США, практически сразу миссионеры отправились с новым посланием на другие континенты. К настоящему времени оно стало самой многочисленной протестантской деноминацией в России и мире [38]. Российские церкви в 1990-е гг. развивались под сильным влиянием миссионеров из стран Запада, Украины, Беларуси и Казахстана, но уже в 2000-е гг. достигли самостоятельности и стали сами посылать миссионеров за рубеж. В работе ставится цель выяснить причины быстрого распространения пятидесятничества и его место в российском обществе.

Актуальность работы состоит в рассмотрении российских церквей пятидесятнического движения, описании эволюции модели управления в пятидесятнических союзах и культурной адаптации к российскому обществу. Особую важность для анализа процессов, происходящих в пятидесятничестве, имеет опыт работы автора статьи в сфере государственно-конфессиональных отношений.

Историография. История развития пятидесятничества в России в 1990-х гг. – начале 2000-х гг. рассмотрена в работах Р.Н. Лункина, который акцентировал внимание на приверженности пятидесятников демократическим идеалам [19; 21]. Региональный аспект деятельности пятидесятников освещается в работах Н.Н. Александровой [1], И.В. Амбарцумова [2], М. Желновановой [9], А.Н. Кляшева [13], В.П. Ключевой [14], Т.С. Прониной [30], С. Филатова и Р.Н. Лункина [35]. В работе В.П. Ключевой, Р.О. Поплавского и

И.В. Боброва уделено внимание способам привлечения верующих в пятидесятнические общины [15]. Особенности развития российских пятидесятнических союзов подробно рассмотрены в статье Н.А. Мязина [25].

Методы и материалы. В работе автор использовал традиционные методы исторического исследования: историко-генетический, историко-системный, историко-сравнительный и ретроспективный методы, позволившие проанализировать процесс адаптации пятидесятничества к российскому обществу во взаимосвязи с предшествующим советским периодом.

Исследование проведено с опорой на данные религиозных центров пятидесятников и международных организаций, объясняющих особенности религиозной практики пятидесятников и отношения к аспектам общественной жизни. Уделено внимание вопросу изменения законодательства, регулирующего миссионерскую деятельность.

Анализ. Влияние иностранных миссионеров. Пятидесятнические миссионеры из США работали в 1920-е гг. на территории Восточных кресов Польской Республики и Украинской ССР, первоначально обращения шли во многом за счет прозелитизма в баптистской среде. Новое учение стало распространяться и в РСФСР, и в других советских республиках. В 1945 г. под давлением советского руководства пятидесятники были вынуждены войти в состав «Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов» или перейти на нелегальное положение (они стали именоваться «нерегистрированными»). В 1991 г. большинство

пятидесятников в России принадлежали к ультраконсервативному нерегистрированному братству, они значительно уступали в численности как баптистам, так и своим единоверцам из Украины и Беларуси.

Масштабная деятельность миссионеров началась после распада СССР в 1991 г. когда ограничения на пребывание иностранцев были сняты, а общество испытывало значительный интерес к новой духовности. Из-за того, что в России преобладало крайне консервативное нерегистрированное братство, в новых условиях на развитие пятидесятничества основное влияние оказали миссионеры из Украины, Беларуси, Латвии, США и Швеции. Команды миссионеров приезжали в конкретный город, реже организовывали миссионерские туры. Миссионеры проводили уличную евангелизацию и арендовали муниципальные помещения, в некоторых случаях региональные власти оказывали поддержку в организации массовых мероприятий [14, с. 160]. В 1992 г. 155 тыс. москвичей посетили выступления знаменитого баптистского проповедника Билли Грэма в Москве на стадионе Олимпийский, которые проходили в течение трех дней [32]. Евангелизационные концерты собирали полные стадионы даже в небольших городах, это было в первую очередь проявлением любопытства – из тысяч посетивших концерт спустя несколько месяцев в церкви оставались единицы.

Миссионеры оказывали финансовую помощь молодым церквям, ввезли в страну миллионы экземпляров Библии, что позволило удовлетворить сложившиеся в советские годы дефицит текстов священного писания. В 1990-е гг. многие пасторы получали религиозное образование в США, Южной Корее, европейских странах, Украине [14, с. 160–161] и Латвии.

В 1990-е гг. пятидесятники проводили собрания в арендованных у бюджетных организаций помещениях. В конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. окрепшие церкви начали строить свои здания, зачастую приобретая и перестраивая здания бывших Домов культур. К примеру, одной из трех крупнейших пятиде-

сятнических общин России – пермской церковью «Новый завет» – было приобретено здание бывшего Дома культуры им. Ленина, в 2006 г. в нем стали проводиться религиозные собрания [11].

Значимым культурным явлением русскоязычного пятидесятнического сообщества второй половины 1990-х гг. были мюзиклы основателя латвийской церкви «Новое поколение»* Алексея Ледяева, самый известный из них «Кифа» переносит евангельские события в антураж девяностых [12]. По данным религиоведа Р.Н. Лункина, «Новое поколение» содействовало созданию около 500 пятидесятнических общин, многие из которых сохранились до наших дней, в том числе объединение «Свет Евангелия» с центром в Красноярске, входящее в «Российский объединенный союз христиан веры евангельской» (далее – РОСХВЕ) на правах ассоциации (70 церквей) и «Новое поколение» с центром в Благовещенске, сохранившее независимость (20 общин) [23].

В 2002 г. Ледяев написал книгу «Новый мировой порядок»**, в которой призывал христиан идти в политику, проводить «пробуждение сверху», чтобы оно не закончилось через несколько лет из-за противодействия властей, и готовить мир к установлению Царства Божьего на земле. Книга Ледяева осуждена руководителем РОСХВЕ С.В. Ряховским за несоответствие библейскому учению [28]. Постепенно российские церкви прекратили контакты с Ледяевым, в 2021 г. книга «Новый мировой порядок» признана экстремистской [16], а деятельность латвийского и украинского ответвлений церкви «Новое поколение» признана нежелательной [6].

К концу 1990-х гг. многие церкви перестали зависеть от зарубежной помощи и стали обеспечивать себя за счет сбора десятины. В Москве были открыты высшие учебные заведения: Московский теологический институт «Российской церкви христиан веры евангельской» (далее – РЦХВЕ), открытый в 1992 г., и Евроазиатская богословская семинария РОСХВЕ, открытая в 1999 году.

* Деятельность организации признана нежелательной на территории РФ как представляющая угрозу основам конституционного строя и безопасности государства.

** Книга автора А.С. Ледяева «Новый мировой порядок» была включена в федеральный список экстремистских материалов по решению Центрального районного суда г. Кемерово от 02.08.2021.

Служители «Объединенной церкви христиан веры евангельской» (далее – ОЦХВЕ) получают религиозное образование за границей.

За последние 30 лет, по нашим оценкам, численность российских пятидесятников выросла в 13 раз, достигнув 280 тыс. взрослых крещеных членов церкви. Большинство из них принадлежат к трем религиозным центрам:

- РОСХВЕ состоит из 30 ассоциаций преимущественно харизматического направления (110–120 тыс. членов церкви);

- РЦХВЕ объединяет классических пятидесятников (90–100 тыс. членов церкви);

- ОЦХВЕ включает общины нерегистрированного братства (50 тыс. членов церкви) [25, с. 943].

ОЦХВЕ ведет свою историю с 1950-х гг., РЦХВЕ была создана в 1991 г., РОСХВЕ – в 1997 году.

Специфика пятидесятничества. Особенностью пятидесятничества является наличие духовного опыта – крещения Святым Духом, которое сопровождается «говорением на языках» (глоссолалией), а также вера в возможность совершения чудес в обычной жизни: исцеления, пророчества и т. д. Исторические протестантские церкви считают, что эпоха чудес ограничена апостольским веком. С точки зрения пятидесятников, перед приближением последних времен, Бог возродил духовные дары, описанные в Новом Завете через пятидесятническое движение.

Для пятидесятников характерно значительное внимание к музыкальной составляющей богослужения. В зависимости от характера церкви может использоваться как хорошее пение, так и выступление с элементами хореографии под современную музыку. Участие в музыкальном служении дает возможность повысить свой социальный статус, поэтому в семьях верующих многие дети заканчивают музыкальную школу. Для многих пятидесятнических и баптистских церквей, в которых имеются хоры, неофициальным гимном стала песня «Манит сердце мечтою», написанная в 1994 г. Марьяной Михенько на стихотворение Марины Беловол [22].

В 1990-е гг. среди церквей харизматического направления получило распространение движение Евангелие процветания: вера в право требовать от Святого Духа достижения

материального благополучия, успеха в делах и крепкого здоровья. Несовпадение желаемого и действительного привело многих к разочарованию. Евангелие процветания критиковалось за несоответствие с евангельской притчей «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:23). Постепенно риторика сторонников Евангелия процветания изменилась. Утверждается, что христианину не нужна роскошь, однако он вправе рассчитывать на восполнение необходимых нужд («все, потребное для жизни и благочестия» (2 Пет. 1:3) и что богатство нужно христианину, чтобы служить ближним [2, с. 236–238].

В 1990-е гг. пользовалась популярностью концепция духовной войны: совершались коллективные молитвы, чтобы изгнать демонов с определенной территории. На сегодняшний день эта практика ушла в прошлое [1, с. 169].

Внутренняя жизнь в общине. Многие пятидесятники, исходя из буквального прочтения Библии, являются креационистами. В пятидесятнических церквях доля верующих с образованием выше среднего уступает среднему показателю по протестантским объединениям [13, с. 104–105].

Российские пятидесятники перенимали практики, используемые в зарубежных церквях. Практика домашних групп заимствована у корейского пастора Дэвида Йонги Чо, лидера самой большой в мире мегацеркви; программа G12 – развитие церкви через обучение 12 учеников (по числу апостолов Христа и колен Израиля) – у колумбийского пастора Сезара Кастелланоса; альфа-курс, обучающий основам веры, – у лондонской харизматической церкви Святой Троицы. Эти практики постепенно адаптировались под русский менталитет.

Праздничное богослужение напоминает концерт, совмещенный с проповедью, для большинства церквей характерны хорошие межличностные отношения прихожан, доброжелательность и участие по отношению к новичкам. Крупные церкви проводят в воскресенье несколько богослужений, чтобы можно было посещать службы в удобное время, а также более эффективно использовать имеющуюся площадь.

Помимо посещения воскресных богослужений необходимо тратить один вечер в не-

делю на участие в домашней группе и платить церковную десятину (в большинстве церквей за распределение средств отвечает не пастор, а церковный совет). Для членов общины (особенно крупных церквей) создается социальная инфраструктура, включающая в себя организацию досуга и развлечений. Новообращенные радикально перестраивают собственную жизнь или покидают церковь. Нередко обращение происходит у людей, переживших серьезный внутренний кризис. Часть прихожан прошли через реабилитационные центры. Евангельские церкви уделяют особое внимание семейным ценностям – помогают молодежи создать семьи внутри церкви, в дальнейшем осуществляют психологические консультации. По сделанным наблюдениям, процент разводов среди прихожан значительно ниже среднего, больше многодетных семей. В Молдавии по данным переписи населения 2014 г., коэффициент рождаемости у пятидесятников (преобладают церкви очень консервативного толка) составлял 3 ребенка на одну женщину [7]. По нашему мнению, рождаемость в семьях нерегистрированного братства превышает эти показатели, в харизматических церквях детей значительно меньше. Проблемой для церквей является гендерный дисбаланс – в общинах больше девушек, поэтому некоторым из них сложно найти супруга в среде верующих.

Исследования, проведенные в Латинской Америке, макрорегионе с самой большой в мире долей пятидесятников (10 %), показали, что пятидесятников отличают высокий уровень доверия к другим людям, а также ощущение удовлетворенности жизнью. Обращение в пятидесятничество из номинального католицизма не повышало уровень жизни, но улучшало качество жизни новообращенного, поскольку помогало решить социальные проблемы, а также обрести новый смысл жизни [24, с. 69]. Оценка результатов дала вывод, что российских пятидесятников отличает высокая удовлетворенность собственной жизнью.

В 1990-е гг. прихожане новых церквей узнали о пятидесятничестве на концертах и уличных евангелизационных мероприятиях. В настоящее время большинство прихожан приходит в церковь по приглашению родственников, друзей и коллег, второе место зани-

мает личный религиозный поиск и необходимость преодолеть трагические переживания [15, с. 152].

Многие дети верующих родителей прекращали посещать церковь в подростковом возрасте. Значительная часть, в первую очередь девушки, впоследствии возвращалась, по нашему мнению, это происходит быстрее, в сравнении с молодежью из православных приходов, для которых также присуща эта проблема.

Молодежь проводит отдельные собрания в дополнение к воскресной службе и летние слеты, совместно выбираются на каток, играют в настольные игры и т. д. ЦХВЕ проводит общероссийские слеты, в которых участвуют до 3 тыс. человек, в 2016–2021 гг. слет проходил в Крыму, в 2023 и 2024 гг. в Москве и Санкт-Петербурге, в 2025 г. – в Сочи [27].

Социальная и общественно-политическая деятельность. Для пятидесятников характерна активная деятельность по реабилитации алко- и наркозависимых. Первый реабилитационный центр был открыт в 1986 г. церковью нерегистрированных пятидесятников г. Малоярославца (там располагался российский центр нерегистрированного братства). Реабилитация получает значительное распространение с конца 1990-х гг., когда пятидесятнические церкви укрепились и у них появились финансовые ресурсы и люди для осуществления социальных проектов. В основе программы реабилитации чаще всего лежит программа анонимных алкоголиков «12 шагов». Протестанты превзошли православных по числу реабилитационных центров: по данным на 2023 г., в РПЦ действовало 78 центров реабилитации и ресоциализации [4], в это же время по данным интернет-ресурса «Карта протестантских церквей России», насчитывалось 375 протестантских реабилитационных центров, большая часть из них – пятидесятнические [31]. Особенно активно занимается реабилитацией ассоциация РОСХВЕ «Христианская миссия» (до 2015 г. – «Исход»), с центром в Ростове-на-Дону. В первое десятилетие после создания церкви большинство лидеров «Исхода» были бывшими наркозависимыми, прошедшими реабилитационные центры [20, с. 141]. Активная деятельность по реабилитации привела к тому, что в 2000-е гг.

в некоторых церквях мужчины составляли более половины прихожан [30, с. 274], в настоящее же время преобладают женщины.

В Санкт-Петербурге действует служение, направленное на помощь в исправлении нетрадиционной сексуальной ориентации [3]. Пятидесятники проводили тюремное служение, в настоящее время его значение уменьшилось, так как доступ пасторов в места лишения свободы затруднен.

Некоторые пятидесятнические церкви открывали собственные школы. В Калужской области зарегистрированы две общеобразовательные школы: 1-я христианская гимназия г. Калуги при церкви «Слово жизни» РОСХВЕ (создана в 2000 г.) и школа «Ковчег» мало-ярославецкой церкви ОЦХВЕ (начала работу в 1998 г.). В обеих школах в 2010-е гг. обучалось по 50 человек, дети прикреплены к Международной школе завтрашнего дня. В их учебной программе особое внимание уделяется изучению английского языка, выпускники получают российский аттестат и диплом международного образца.

Пятидесятники помогают детским домам, а также занимаются усыновлением детей – в некоторых церквях значительный процент приемных семей [9, с. 162].

Быстрый рост протестантских церквей встретил противодействие части общественности и РПЦ, которая рассматривала распространение протестантизма как вторжение на каноническую территорию. На региональном уровне принимались законы о миссионерской деятельности, требующие от миссионеров получать специальную аккредитацию, первый закон принят в Тульской области в 1994 году. Законы были приняты в 23 субъектах, до 2015 г. сохранились в 9 (Республике Северная Осетия – Алания, Еврейской АО, Белгородской, Воронежской, Костромской, Курской, Новгородской, Псковской и Смоленской областях), в остальных регионах законы признаны утратившими силу или отменены по решению суда [26]. В 2016 г. приняты «законы Яровой», устанавливающие регулирование миссионерской деятельности на федеральном уровне [34].

Со второй половины 1990-х гг. предпринимались попытки участия протестантов в политической деятельности. Церковь «Прославление» в г. Абакане в середине 1990-х гг.

выдвигала кандидатов на муниципальные выборы [19, с. 151]; «Новое поколение» в Ярославле и «Слово жизни» в Калуге – на выборы в областную думу в 2000 г. [21, с. 324] и 1996, 2000 гг. соответственно [35, с. 171]. Наибольшим успехом представителя протестантизма можно считать избрание в 2012 г. мэром Тольятти баптиста С.И. Андреева, лица пятидесятнического вероисповедания на настолько значимые посты не избирались.

Р.Н. Лункин отмечал европоцентричность протестантских церквей [20, с. 136]. По нашим наблюдениям, образ Запада стал значительно меньше популярен среди пятидесятников в связи с агрессивным насаждением леволиберальными политиками чуждых христианству ценностей.

Адаптация к России. В РПЦ большое внимание уделяется соблюдению постов, это затронуло и протестантов. У российских баптистов пост заключается в посвящении одного дня в месяц молитве, размышлениям и отказу от еды в течение всего дня до вечера [10], подобный же подход используется у пятидесятников. В РОСХВЕ [17] и ОЦХВЕ [5] посты продолжительностью от одного до нескольких дней могут назначаться по решению союза, конкретной церкви или самого верующего. РЦХВЕ в 2015 г. ввела 21-дневный пост Даниила, который начинается после завершения новогодних выходных [36].

Пятидесятники, как и баптисты, празднуют Пасху по юлианскому календарю вместе с православными [29], Рождество – 25 декабря вместе с католиками. Многие общины отмечают Рождество два раза: 25 декабря как внутрицерковный праздник, 7 января как возможность разделить праздник с остальными христианами [18]. Пятидесятники не совершают крестное знамение, пасторы не используют литургическое облачение.

Пятидесятнические церкви добились наибольшего успеха в регионах России со значительным распространением традиционных верований, в том числе в виде двоеверия. Пятидесятники признавали реальность духовного мира и колдовства и обещали, что Христос разрушает любые проклятия. В национальных республиках с распространением шаманизма миссионерство встречало противодействие со стороны части общественности и местных

административных, которые боялись, что отказ от традиционных верований будет способствовать исчезновению народа как этноса [15, с. 57, 117].

Одним из маркеров идентичности российского пятидесятничества является запрет употребления алкоголя, заимствованный у североамериканских единоверцев, которые в начале XIX в. стали осуждать любое употребление алкоголя. В Российской империи принципа полного отказа от алкоголя придерживались баптисты и большинство русских духовных христиан [8, с. 40], такой же подход разделили и пятидесятники. В последние десятилетия отношение к умеренному употреблению в протестантских кругах США смягчилось. Так, в 2015 г., по данным исследовательского центра «Пью», алкоголь в течение последнего месяца употребляли 45 % белых протестантов-евангеликов, 60 % католиков, 65 % не верующих и прихожан исторических протестантских церквей [39].

Консервативные пятидесятники по-прежнему выступают за полный запрет алкоголя, такую позицию в 2016 г. подтвердил международный союз «Ассамблеи Бога» [37]. По нашему мнению, сохранение такой жесткой позиции может быть связано с опасением, что уступка в одном вопросе может впоследствии привести к отказу от библейских принципов в вопросах сексуальной морали. По полученной информации, в отдельных церквях харизматического направления может не публично разрешаться умеренное употребление слабоалкогольных напитков.

Пятидесятниками ведется работа по охвату интернет-аудитории. В 2024 г. среди топ-10 религиозных деятелей по охвату аудитории в Telegram 9-е место занимает молодежный пастор московской церкви РОСХВЕ «Слово жизни» Алексей Романов с 17 тыс. подписчиков (в этот список входят 8 православных и мусульманин) [33]. Большинство церквей, за исключением нерегистрированного братства, ведут страницы в социальных сетях и на YouTube. Каналы крупнейших церквей РОСХВЕ насчитывают по 60–70 тыс. подписчиков, РЦХВЕ – 30 тыс. подписчиков, что в десятки раз меньше популярности наиболее известного в YouTube православного протоиерея Андрея Ткачева. Со времени пандемии COVID-19 распространилась практика онлайн-трансляции богослужений.

Результаты. Число взрослых крещеных членов пятидесятнических церквей с 1991 до 2024 г. выросло в 13 раз, достигнув 280 тыс. человек. Пятидесятничество стало четвертой по численности верующих христианской деноминаций после православия, старообрядчества и католицизма. Основной рост обеспечили зарегистрированные церкви, созданные усилиями иностранных миссионеров, а также общин, отделившихся от нерегистрированного братства. В 1990-е гг. зарегистрированные пятидесятники объединились в два союза: РЦХВЕ и РОСХВЕ – и в 2000-е гг. стали независимы от иностранных государств. Нерегистрированное братство сохранило наднациональный характер. Течение приспособлялось к российским религиозным традициям, это выражалось в праздновании Пасхи и отчасти Рождества по православному календарю, а также введении постов. Пятидесятничество оказалось более адаптивно к российской действительности в сравнении с остальными протестантскими деноминациями. В общероссийском масштабе пятидесятники оказали влияние на развитие реабилитации, остальная деятельность менее заметна из-за относительно небольшой распространенности.

Причины успеха молодой деноминации – активная социальная деятельность, миссионерство обычных верующих и вера в возможность совершения чудес в обычной жизни, присущая данному учению. Значительное развитие маловероятно вследствие секуляризации российского общества.

До настоящего времени российские пятидесятники нередко продолжают рассматриваться органами исполнительной власти как зарубежные религиозные организации. По нашему мнению, это является следствием определенной инерции сознания, а также недостаточной информации об эволюции пятидесятнического сообщества России за три последние десятилетия. Можно предположить, что указанная проблема постепенно будет преодолена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова Н. Н. Генезис религиозных практик в казанских общинах новых пятидесятников: дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2019. 202 с.

2. Амбарцумов И. В. Харизматические общины Санкт-Петербурга: история, церковная организация, особенности вероучения и социального служения // Христианское чтение. 2017. № 5. С. 232–239.
3. Андрей Горновский: Всем нужен Христос, чтобы побеждать! // ТБН. 2020. 23 августа. URL: <https://tbn-tv.com/andrej-gornovskij-vsem-nuzhen-hristos-chtoby-pobezhdai/>
4. Взаимодействие Церкви и государства в реабилитации наркозависимых обсудили на совещании Минздрава // Отдел по церковной благотворительности и социальному служению Русской православной церкви. 2023. 18 марта. URL: <https://www.diaconia.ru/vzaimodejstvie-cerkvi-i-gosudarstva-v-reabilitacii-narkozavisimyx-obsudili-na-soveshhanii-minzdrava>
5. Вероучение ОЦХВЕ России // Объединенная церковь христиан веры евангельской. URL: <https://ochve.ru/verouchenie#o-poste>
6. Генпрокуратура РФ объявила нежелательными четыре организации евангелистов из Латвии и Украины // Коммерсант. 23.08.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4956262>
7. Данные переписи 2014 г. // Национальное бюро статистики Республики Молдова. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479&>
8. Долгих Е. В. К истории повседневности: очерк потребления спиртных напитков в России (конец XV в. – 1936 г.) // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2015. № 5/6. С. 14–63.
9. Желновакова М. История протестантизма в Иркутском регионе. Новосибирск: Акварель, 2017. 192 с.
10. Испытайте силу молитвы и поста // Российский союз христиан веры евангельской. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/98597>
11. История церкви // Церковь «Новый завет» г. Пермь. URL: <https://novizavet.ru/istoriya-tserkvi>
12. «Кифа» мюзикл 1999 год – Церковь «Новое Поколение» г. Рига URL: https://www.youtube.com/watch?v=UAWNxvbBuNs&t=1164s&ab_channel=John3%3A16
13. Кляшев А.Н. Социально-демографические особенности этнических групп протестантов по материалам полевых исследований в районах Южного и Полярного Урала // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26, № 4. С. 101–111.
14. Ключева В.П., Поплавский Р.О. Изменения протестантского ландшафта (пост)советской провинции: международные связи тюменских церквей в конце 80-х начале 90-х гг. XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. Т. 27, № 4. С. 158–162.
15. Ключева В.П., Поплавский Р.О., Бобров И.В. Пятидесятники в Югре (на примере общин РО ЦХВЕ ХМАО). СПб.: Изд-во РХГА, 2013. 256 с.
16. Книга известного пятидесятнического пастора Алексея Ледяева признана экстремистским материалом // Религия и право. 2021. 16 сентября. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=539&ELEMENT_ID=8388
17. Когда и как поститься? // Российский объединенный союз христиан веры евангельской. 2012. 28 апреля. URL: <https://www.cef.ru/infoblock/greetings/letter/article/1378832>
18. Когда праздновать Рождество? // Российский объединенный союз христиан веры евангельской. 2015. 13 января. URL: <https://www.cef.ru/infoblock/greetings/letter/article/1378988>
19. Лункин Р. Н. Вероучение и социальная деятельность пятидесятников в России: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005. 200 с.
20. Лункин Р. Н. Евангельские церкви России и общество: Реформация для «малой родины» // Современная Европа. 2014. № 1. С. 136–148.
21. Лункин Р. Н. Христианский центр «Новое поколение» / отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов // Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. 2. М.: Логос, 2003. С. 316–324.
22. Манит сердце мечтою – автор мелодии. Василь Брич. URL: https://www.youtube.com/watch?v=p72mIrJVyfc&ab_channel=ВасильБрич
23. Мельников А. Станут ли протестанты нежелательными в России // НГ Религии. 2021. 31 августа. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2021-08-31/9_514_protestants.html
24. Мязин Н. А. Пятидесятничество и социально-политические изменения в странах Латинской Америки // Латинская Америка. 2023. № 4. С. 66–78.
25. Мязин Н. А. Распространение пятидесятничества и харизматического движения в России в 1991–2020 гг. // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 6. С. 940–950.
26. О некоторых аспектах законодательства о миссионерской деятельности в субъектах Российской Федерации // Дума Ставропольского края. 2015. 9 октября. URL: <https://www.dumask.ru/analiticheskie-materialy/analiticheskie-zapiski/item/15035-o-nekotorykh.html>
27. О слете // Password. URL: <https://passwordhve.ru/>
28. Официальное заявление в отношении латвийской церкви «Новое поколение» // Российский объединенный союз христиан веры евангельской. 2005. 29 марта. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1602761>
29. Пасха у протестантов: чем она отличается от православной // РИА Новости. 2020. 7 апреля. URL: <https://ria.ru/20200407/1569693877.html>
30. Пронина Т. С. Принцип модернизации как фактор роста в церквях харизматического направ-

ления: на примере Тамбовского региона // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 9. С. 269–279.

31. Реабилитационные центры // Карта протестантских церквей России. URL: <http://map.drevolife.ru/catalog/reabilitacionnye-centry/>

32. Сипко Ю. К. Поздравление Билли Грэму с 90-летием // Российский союз евангельских христиан-баптистов. 2008. 7 ноября. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/94347>

33. Топ-10 религиозных лидеров по охвату аудитории в Telegram // Религия сегодня. 2024. 8 февраля. URL: <https://reltoday.com/news/top-10-religioznyh-lidera-po-ohvatu-auditorii-v-telegram/>

34. Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607070016>

35. Филатов С., Лункин Р. Калужская область / науч. ред. С. Филатов // Религиозно-общественная жизнь российских регионов. Т. 2. СПб.: Летний сад, 2016. С. 145–188.

36. Что такое пост Даниила? // Российская церковь христиан веры евангельской. 2023. 7 января. URL: <https://rchve.ru/molitva/post-daniila/5562-chto-takoe-post-daniila>

37. Abstinence from Alcohol (Adopted by the General Presbytery in Session August 2–3, 2016) // Assemblies of God. URL: <https://ag.org/Beliefs/Position-Papers/Abstinence-from-Alcohol>

38. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only // Center for Open Science. URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage>

39. Schwadel P. Americans' Drinking Habits Vary by Faith // Pew research Center. 2019. 6 марта. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/03/06/americans-drinking-habits-vary-by-faith/>

REFERENCES

1. Aleksandrova N.N. *Genesis religioznyh praktik v kazanskikh obshchinah novykh pyatidesjatnikov: dis. ... kand. filos. nauk* [Genesis of Religious Practices in Kazan New Pentecostal Communities. Cand. philos. sci. diss.]. Kazan, 2019. 202 p.

2. Ambarcumov I.V. *Harizmaticheskie obshhiny Sankt-Peterburga: istoriya, cerkovnaya organizaciya, osobennosti veroucheniya i socialnogo sluzheniya* [Charismatic Congregations of St. Petersburg: History, Church Organization, Peculiarities of Doctrine and

Social Ministry]. *Hristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2017, no 5, pp. 232–239.

3. Andrej Gornovskij: Vsem nuzhen Hristos, chtoby pobezhdai! [Andrew Gornovsky: Everyone Needs Christ to Win!]. *TBN*, 2020, Aug. 23. URL: <https://tbn-tv.com/andrej-gornovskij-vsem-nuzhen-hristos-chtoby-pobezhdai/>

4. Vzaimodejstvie Cerkvi i gosudarstva v rehabilitacii narkozavisimyh obsudili na soveshhanii Minzdrava [Interaction Between the Church and the State in the Rehabilitation of Drug Addicts Was Discussed at a Meeting of the Ministry of Health]. *Otdel po tserkovnoy blagotvoritelnosti i sotsialnomu sluzheniyu Russkoy pravoslavnoy tserkvi* [Department for Church Charity and Social Service of the Russian Orthodox Church], 2023, Mar. 18. URL: <https://www.diaconia.ru/vzaimodejstvie-cerkvi-i-gosudarstva-v-reabilitacii-narkozavisimyh-obsudili-na-soveshhanii-minzdrava>

5. Verouchenie OCHVE Rossii [Beliefs of the United Church of Christians of Evangelical Faith of Russia]. *Obyedinennaja cerkov hristian very evangelskoj* [United Church of Christians of Evangelical Faith]. URL: <https://ochve.ru/verouchenie#o-poste>

6. Genprokuratura RF objavila nezhelatelnyimi chetyre organizacii evangelistov iz Latvii i Ukrainy [The Russian Prosecutor General's Office Has Declared Four Evangelist Organizations from Latvia and Ukraine Undesirable]. *Kommersant*, 2021, Aug. 23. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4956262>

7. Dannye perepisi 2014 g. [Data from the 2014 Census]. *Natsionalnoye byuro statistiki Respubliki Moldova* [National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova]. URL: <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ru&idc=479&>

8. Dolgi E.V. K istorii povsednevnosti: ocherk potrebleniya spirtnykh napitkov v Rossii (konec XV v. – 1936 g.) [To the History of Alcoholic Beverages Consumption: A Sketch of Alcoholic Beverages Consumption in Russia (The End of the 15th Century – 1936)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istorija* [Vestnik of Moscow University. Series 8. History], 2015, no. 5/6, pp. 14–63.

9. Zhelnovakova M. *Istorija protestantizma v Irkutskom regione* [History of Protestantism in the Irkutsk Region]. Novosibirsk, Akvarel Publ., 2017. 192 p.

10. Ispytajte silu molitvy i posta [Experience the Power of Prayer and Fasting]. *Rossijskij sojuz hristian very evangelskoj* [Russian Union of Christians of Evangelical Faith]. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/98597>

11. Istorija cerkvi [History of the Church]. *Cerkov «Novyj zavet» g. Perm* [Church “New Covenant” Perm]. URL: <https://novizavet.ru/istoriya-tserkvi>

12. «Kifa» *mjuzikl 1999 god* – Cerkov «Novoe Pokolenie» g. Riga [“Kifa” Musical 1999 – New Generation Church in Riga]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UAWNxvbBuNs&t=1164s&ab_channel=John3%3A16

13. Kljashev A.N. Socialno-demograficheskie osobennosti etnicheskikh grupp protestantov po materialam polevyh issledovanij v rajonah Juzhnogo i Poljarnogo Urala [Socio-Demographic Features of Ethnic Groups of Protestants on the Materials of Field Research in the Areas of the Southern and Polar Urals]. *Vestnik udmurtskogo universiteta*, 2016, vol. 26, no. 4, pp. 101-111.

14. Kljueva V.P., Poplavskij R.O. Izmeneniya protestantskogo landshafta (post)sovetskoj provincii: mezhdunarodnye svjazi tjumenskikh cerkvej v konce 80-h nachale 90-h gg. XX v. [Changes in the Protestant Landscape of the (Post)Soviet Province: International Relations of the Tyumen Churches in the Late 80s-Early 90s of the 20th Century]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography], 2014, vol. 27, no. 4, pp. 158-162.

15. Kljueva V.P., Poplavskij R.O., Bobrov I.V. *Pjatisdesjatiniki v Jugre (na primere obshhin RO CHVE HMAO)* [Pentecostals in Yugra (Based on the Example of the Communities of the Russian Church of Evangelical Christians of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug)]. Saint Petersburg, Izd-vo RHGA, 2013. 256 p.

16. Kniga izvestnogo pjatisdesjatnicheskogo pastora Alekseja Ledjaeva priznana ekstremistskim materialom [The Book of the Well-Known Pentecostal Pastor Alexei Ledyayev Is Recognized as Extremist Material]. *Religija i pravo* [Religion and Law], 2021, Sept. 16. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=539&ELEMENT_ID=8388

17. Kogda i kak postitsja? [When and How to Fast?]. *Rossijskij obyedinennyj sojuz hristian very evangelskoj* [Russian United Union of Christians of Evangelical Faith], 2012, Apr. 28. URL: <https://www.cef.ru/infoblock/greetings/letter/article/1378832>

18. Kogda prazdnovat Rozhdestvo? [When to Celebrate Christmas?]. *Rossijskij obyedinennyj sojuz hristian very evangelskoj* [Russian United Union of Christians of Evangelical Faith], 2015, Jan. 13. URL: <https://www.cef.ru/infoblock/greetings/letter/article/1378988>

19. Lunkin R.N. *Verouchenie i socialnaja dejatel'nost' pjatisdesjatinikov v Rossii: dis. ... kand. filos. nauk* [Beliefs and Social Activity of Pentecostals in Russia. Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 2005. 200 p.

20. Lunkin R.N. *Evangel'skie cerkvi Rossii i obshhestvo: Reformacija dlja «maloj rodiny»* [Evangelical Churches of Russia and Society: Reformation for the “Small Motherland”].

Sovremennaja Evropa [Modern Europe], 2014, no. 1, pp. 136-148.

21. Lunkin R.N. Hristianskij centr «Novoe pokolenie» [New Generation Christian Center]. *Sovremennaja religioznaja zhizn Rossii. Opyt sistematicheskogo opisanija. T. 2* [Modern Religious Life in Russia. Experience of Systematic Description. Vol. 2]. Moscow, Logos Publ., 2003, pp. 316-324.

22. *Manit serdce mechtoju – avtor melodii. Vasil Brich* [The Heart Beckons with a Dream – The Author of the Melody. Vasil Brich]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=p72mIrJVyfc&ab_channel=ВасильБрич

23. Melnikov A. Stanut li protestanty nezhelatelnymi v Rossii [Will Protestants Become Undesirable in Russia]. *NG Religii*, 2021, Aug. 31. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2021-08-31/9_514_protestants.html

24. Miazin N.A. Pjatisdesjatnichestvo i socialno-politicheskie izmeneniya v stranah Latinskoj Ameriki [Pentecostalism and Socio-Political Changes in the Countries of Latin America]. *Latinskaja Amerika* [Latin America], 2023, no. 4, pp. 66-78.

25. Miazin N.A. Rasprostranenie pjatisdesjatnichestva i harizmaticheskogo dvizhenija v Rossii v 1991–2020 gg. [Pentecostalism and Charismatic Movement in Russia in 1991–2020]. *SibScript*, 2024, vol. 26, no. 6, pp. 940-950.

26. O nekotoryh aspektah zakonodatel'stva o missionerskoj dejatel'nosti v sub'yektah Rossijskoj Federacii [On Some Aspects of Legislation on Missionary Activity in the Subjects of the Russian Federation]. *Duma Stavropolskogo kraja* [Duma of the Stavropol Territory], 2015, Oct. 9. URL: <https://www.dumask.ru/analiticheskie-materialy/analiticheskie-zapiski/item/15035-o-nekotoryh.html>

27. O slete [About the Camp]. *Password*. URL: <https://passwordhve.ru/>

28. Oficialnoe zjavenie v otnoshenii latvijskoj cerkvi «Novoe pokolenie» [Official Statement Regarding the Latvian Church “New Generation”]. *Rossijskij obyedinennyj sojuz hristian very evangelskoj* [Russian United Union of Christians of Evangelical Faith], 2005, Mar. 29. URL: <https://www.cef.ru/documents/docitem/article/1602761>

29. Paskha u protestantov: chem ona otlichaetsja ot pravoslavnoj [Protestants' Easter: How It Differs from Orthodox Easter]. *RIA Novosti*, 2020, Apr. 7. URL: <https://ria.ru/20200407/1569693877.html>

30. Pronina T.S. Princip modernizacii kak faktor rosta v cerkvjah harizmaticheskogo napravlenija: na primere Tambovskogo regiona [Principle of Modernization as a Factor of Growth in the Churches of Charismatic Direction: The Example of the Tambov Region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2011, no. 9, pp. 269-279.

31. Reabilitacionnye centry [Rehabilitation Centers]. *Karta protestantskih cerkvej Rossii* [Map of Protestant Churches in Russia]. URL: <http://map.drevolife.ru/catalog/reabilitacionnye-centry/>
32. Sipko Yu.K. Pozdravlenie Billi Grjemu s 90-letiem [Congratulations to Billy Graham on His 90th Birthday]. *Rossijskij sojuz evangeljskih hristian-baptistov* [Russian Union of Evangelical Christians-Baptists], 2008, Nov. 7. URL: <https://baptist.org.ru/read/article/94347>
33. Top-10 religioznych liderov po ohvatu auditorii v Telegram [Top-10 Religious Leaders by Audience Reach in Telegram]. *Religija segodnja* [Religion Today], 2024, Feb. 8. URL: <https://reltoday.com/news/top-10-religioznych-lidera-po-ohvatu-auditorii-v-telegram/>
34. *Federalnyy zakon ot 06.07.2016 № 374-FZ «O vnesenii izmeneniy v Federalnyy zakon “O protivodeystvii terrorizmu” i otdelnyye zakonodatelnyye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti ustanovleniya dopolnitelnykh mer protivodeystviya terrorizmu i obespecheniya obshchestvennoy bezopasnosti»* [Federal Law No. 374-FZ of July 6, 2016 “On Amendments to the Federal Law ‘On Counteracting Terrorism’ and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Establishing Additional Measures to Counter Terrorism and Ensure Public Safety”]. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201607070016>
35. Filatov S., Lunkin R. Kaluzhskaja oblast [Kaluga Region]. *Religiozno-obshhestvennaja zhizn rossijskih regionov. T. 2* [Religious and Social Life of Russian Regions. Vol. 2]. Saint Petersburg, Letnij sad Publ., 2016, pp. 145–188.
36. Chto takoe post Daniila? [What Is the Fast of Daniel?]. *Rossijskaja cerkov hristian very evangelskoj* [Russian Church of Christians of Evangelical Faith], 2023, Jan. 7. URL: <https://rchve.ru/molitva/post-daniila/5562-chto-takoe-post-daniila>
37. Abstinence from Alcohol (Adopted by the General Presbytery in Session August 2–3, 2016). *Assemblies of God*. URL: <https://ag.org/Beliefs/Position-Papers/Abstinence-from-Alcohol>
38. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project – Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries Only. *Center for Open Science*. URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage>
39. Schwadel P. Americans’ Drinking Habits Vary by Faith. *Pew Research Center*, 2019, Mar. 6. URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/03/06/americans-drinking-habits-vary-by-faith/>

Information About the Author

Nikolai A. Miazin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski, Stepana Razina St, 26, 248023 Kaluga, Russian Federation, marknote@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>

Информация об авторе

Николай Александрович Мязин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, ул. Степана Разина, 26, 248023 г. Калуга, Российская Федерация, marknote@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9819-0732>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.13>

UDC 327:323.173

LBC 66.4(4),30

Submitted: 28.02.2024

Accepted: 09.09.2024

MODELLING OF SEPARATISM IN EUROPE

Yulia N. Frolova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article is devoted to the study of separatism in contemporary political science, namely the application of a combination of mathematical models in the study of separatist processes in Europe. Modelling political processes is one of the relatively new and most relevant areas of scientific research today. *Methods and materials.* In this study, the proposed multi-model approach is based on elements of individual models: the Shapley–Shubik index, the Downs model and the median voter theorem, the Pólya urn model, the principles of normal and power probability distribution, and Granovetter’s rebellion model. The cases of Corsica, the Basque Country, Scotland, and Northern Ireland were selected for analysis. The main theoretical premise of the study is that a multi-model approach minimises the shortcomings of using individual types of single mathematical models and has the potential to systematically illustrate phenomena of social reality. *Analysis.* This combination of models enables a number of analytical and predictive goals to be achieved in the study of separatism; in particular, it allows conclusions to be drawn about the possible strategy of governments towards “problematic” separatist regions (for example, the classic discussion among separatism researchers regarding decentralisation as a way to solve such problems), to analyse the political course and possible shift in the ideological values of separatist actors in the region, and to examine the characteristics of the involvement of the population of the regions in the processes within the regionalisation/centralisation dichotomy. *Results.* As a result, a conclusion is formulated about the epistemological significance of such a combination of models: the applied multimodel approach allows, first of all, the descriptive and research function of modelling to be realised. The presented combination of models demonstrates a comprehensive understanding of the processes of separatism in Europe: not only from the perspective of the regions, but also from the perspective of the states; the logic of the behaviour of separatist actors is explained, and an attempt is made to analyse the peculiarities of the relationship between the centre and the regions.

Key words: Separatism, autonomism, power index, modelling, Downs model, normal distribution, Granovetter model, Pólya urn model.

Citation. Frolova Yu.N. Modelling of Separatism in Europe. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 164-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.13>

УДК 327:323.173

ББК 66.4(4),30

Дата поступления статьи: 28.02.2024

Дата принятия статьи: 09.09.2024

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССОВ СЕПАРАТИЗМА В ЕВРОПЕ

Юлия Николаевна Фролова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию сепаратизма в современной политической науке, а именно применению комбинации математических моделей в изучении процессов сепаратизма в Европе. Моделирование политических процессов сегодня представляет собой одно из относительно новых и наиболее актуальных научных направлений. *Методы и материалы.* В данном исследовании предлагаемый много-модельный подход строится на основе элементов отдельных моделей: индекса Шепли – Шубика, модели Даунса и теоремы медианного избирателя, урны Пойи, принципов нормального и степенного распределения вероятностей, модели мятежа Грановеттера. Для анализа были отобраны случаи Корсики, Страны Басков, Шотландии, Северной Ирландии. Основная теоретическая предпосылка исследования заключается в том, что многомодельный подход позволяет минимизировать недостатки применения отдельных видов одиночных математических моделей, а также обладает потенциалом системно иллюстрировать феномены социальной реальности. *Анализ.* Подобная комбинация моделей обеспечивает достижение ряда аналитических и прогностических целей в исследовании сепаратизма; в частности, она позволяет сделать выводы о возможной стратегии правительств в отношении «проблемных» сепаратистски настроенных регионов (например, классическая для исследователей сепаратизма дискуссия относительно децентрализации как способа решения проблем такого типа), проанализировать политический курс и возможное смещение идеологических ценностей сепаратистских акторов в регионе, особенности вовлечения населения регионов в процессы в рамках дихотомии регионализация / централизация. *Результаты.* Формулируется вывод об эпистемологической значимости такой комбинации моделей: примененный многомодельный подход позволяет реализовать прежде всего дескриптивную и исследовательскую функции моделирования. Представленная комбинация моделей демонстрирует осмысление процессов сепаратизма в Европе комплексно: не только со стороны регионов, но и со стороны государств; объясняется логика поведения сепаратистских акторов, а также предпринимается попытка анализа особенностей взаимоотношения центра с регионами.

Ключевые слова: сепаратизм, автономизм, индексы влияния, моделирование, модель Даунса, нормальное распределение, модель Грановеттера, урна Пойи.

Цитирование. Фролова Ю. Н. Моделирование процессов сепаратизма в Европе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 164–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.13>

Введение. Моделирование политических процессов представляет собой одно из актуальных научных направлений в тренде междисциплинарности социальных наук. Построение моделей политических процессов известно по трудам разработчиков моделей политических систем Д. Истона и Г. Алмонда. В отечественной науке электро-ральные процессы часто рассматриваются через призму моделей индексов Шепли – Шубика, Банцафа и др. – этим вопросам посвящены работы Р.У. Камаловой, А.В. Соколовой, Ф.Т. Алескерова, К.Б. Погорельского и др. Моделирование входит в число методов исследований в области стратегического менеджмента в политике и представлено, в частности, в работах Д.А. Мальцевой, С.Г. Еремеева, А.В. Алейникова. Разного рода модели также применяются в трудах конфликтологов, например, В.А. Семенова, В.А. Светлова. Другим вопросам применения моделей в политической науке посвящены труды Н.В. Красницкого, В.В. Тяна, Р.Д. Кайдина, С.В. Кручинина, С.В. Расторгуева, О.Н. Ярыгина и др. Отдельно

остановимся на исследованиях по моделированию сепаратизма. В отечественной литературе уделено внимание использованию отдельных моделей, прежде всего для прогноза и поиска ответов на вызовы сепаратизма. Среди последних фундаментальных работ по теме можно назвать диссертацию доктора политических наук А.А. Токарева «Форма и динамика сепаратизма на постсоветском пространстве: опыт прогностического моделирования». В числе других публикаций выделены труды Т.А. Сенюшкиной, Е.С. Ермакова, Т.И. Чилачавы и др. В зарубежной литературе распространены работы по построению теорий сепаратизма на основе математических моделей (Erlingsson; Esteban, Flamand, Morelli, Rohner; Bartkus; Hechter), а также моделирование отдельных аспектов сепаратизма, таких как роль государства (Frombgen), правовые вопросы (Wheatley), экономическое влияние (Rodrigues-Pose, Stermsek).

Применение моделей может решать [17] следующие задачи: рассуждение, объяснение, разработка, коммуникация, действие, прогно-

зирование или исследование процессов социальной реальности. В рамках анализа предлагается использовать многомодельный подход к исследованию феномена сепаратизма. Предпосылкой подхода является тезис об ограниченности любой модели (как и любой теории) в интерпретации политических процессов. Математическая модель служит инструментом «упрощения» действительности; ее основная цель – представить ключевые причинно-следственные связи, оставив в стороне нюансы, но в силу сложности и комплексности любых социальных систем (в том числе и политических) такие нюансы могут в действительности оказывать значительное влияние. Решением данной проблемы может быть использование комбинации моделей (как целых, так и отдельных элементов) для анализа и осмысления одного объекта. Здесь таким объектом выступает сепаратизм в Европе. Под сепаратизмом в рамках данного исследования мы, ориентируясь на подход Ф.А. Попова [4], понимаем стремление к обособлению части территории как путем сепарации, так и путем повышения статуса региона в суверенном государстве: в исследуемых регионах представлены как сепаратистские, так и автономистские движения.

Методы и материалы. Для анализа отобраны случаи Корсики, Северной Ирландии, Шотландии и Страны Басков. Возможность сопоставимости кейсов сепаратизма в Испании и Великобритании уже доказывалась в научной литературе (см., например: [10]). Французский опыт «работы» с кейсами сепаратизма демонстрирует некоторую успешность [7] (в противовес, например, той же Испании), и представляется, что подход французского государства принципиально отличается от подхода ближайших соседей, что и может быть проиллюстрировано на примере Корсики. Метод исследования представляет собой комбинацию, в центре которой лежит модель Шепли – Шубика с элементами модели пространственной конкуренции Даунса, законов распределения вероятностей, модели мятежа Грановеттера и процесса Пойа. Далее подробно остановимся на особенностях каждой из них.

Модель Шепли – Шубика представляет собой инструмент оценки ценности и влия-

ния участника при его вступлении в некую группу (коалицию). Мы моделируем последовательное включение игроков в коалицию и вычисляем вносимую игроком ценность в каждом случае. Актор становится ключевым, если, присоединившись к коалиции, формирует строгое большинство. Подобная методика часто используется в исследованиях электоральных процессов, чтобы понять, какая партия окажет наибольшее влияние в сформированном органе. Сами авторы, описывая принцип действия модели, утверждают, что «определение силы индивида зависит от шансов стать критически важным участником в победе коалиции» [18, р. 787]. Существует формула расчета индекса Шепли – Шубика [1, с. 218], однако в данном исследовании были привлечены программные разработки, позволяющие оптимизировать процесс расчетов, а именно проект Уорикского университета в Великобритании [13]. Значение индекса Шепли – Шубика показывает степень влияния (в долях) акторов в сформированном органе, причем этот показатель коррелирует с количеством выигранных мест, но эта корреляция не всегда одинакова. Суммарная степень влияния всех акторов всегда равна единице. Пороговым значением в соответствии с логикой модели является простое большинство.

Модель, разработанная Э. Даунсом, предполагает, что действия политических акторов рациональны. В ее основе принципы пространственной конкуренции, предложенные экономистом Г. Хотеллингом, которые используются для описания позиционирования кандидатов на выборах. Кратко суть заключается в распределении избирателей политических партий на прямой в соответствии с их политическими предпочтениями (от крайне правых до крайне левых). Если речь идет о равномерном распределении позиций, то максимальное количество избирателей будет в центре (в соответствии с нормальным распределением). Следствием модели является теорема о медианном избирателе, которая в одной из своих интерпретаций предполагает, что, для того чтобы партия или кандидат могли повысить свои шансы на успех и набрать большее количество голосов, им необходимо смещаться в сторону более умеренных центральных позиций [8, с. 322]. Для анализа собраны

данные из базы Manifesto Project [14], в которой представлено содержание предвыборных программ партий из более чем 50 стран мира.

Распределения вероятностей описывают, как часто случайные (для нормального распределения) или взаимосвязанные (для степенного распределения) события встречаются в исследуемом наборе данных. В рамках многомодельного подхода к анализу сепаратизма мы ориентируемся на свойства распределений и обращаемся к трем элементам: логике определения стандартного отклонения математического ожидания (s) [6, с. 275]; степенному закону распределения вероятностей для взаимосвязанных величин, у которых может существовать положительная обратная связь [15]; модели предпочтительного присоединения, которая описывает совокупность, увеличивающуюся за счет притока входящих объектов («большее порождает большее») [9], что часто становится причиной возникновения степенного распределения.

В *модели мятежа* (массовых беспорядков), разработанной социологом Марком Грановеттером [12], описывается схема включения людей в любые общественные процессы. Каждый человек обладает определенным порогом и присоединяется к мятежу, когда количество его участников превышает этот порог. Первыми в массовые движения включаются люди с нулевым порогом. Модель показывает важность разброса таких порогов для организации движения и показывает, как этот разброс влияет на вероятность возникновения массовых движений.

Например, если не будет потенциальных участников с нулевым порогом, то мятеж не начнется вовсе. Модель может быть руководством к действию для антиреволюционного движения, которое стремится предотвратить мятеж.

Тип статистических моделей, известный как *урна Пойи*, названный в честь математика Д. Пойи, описывает извлечение из урны шара одного из двух цветов и возвращение в урну шара того же цвета, что и извлеченный. Этот процесс порождает зависимость результатов «от пути» [16], когда результаты каждой итерации зависят от предыдущих результатов. Модель используется для описания многих социальных и экономических явлений, когда актер принимает свое решение на основании решений других: например, какое хобби выбрать или какую политическую партию поддержать. В исследуемых случаях логика модели урна Пойи и модель мятежа будут рассматриваться совместно.

Анализ. С помощью модели Шепли – Шубика были проанализированы выборы в местные парламенты, а именно выборы 1998–2020-х гг. в Стране Басков; выборы 1998–2022-х гг. в Северной Ирландии, выборы 1999–2021-х гг. в Шотландии и выборы 2004–2021-х гг. на Корсике. Для наглядности сепаратистские партии выделены курсивом. Во всех случаях индекс влияния рассчитан с помощью ресурса Уорикского университета: Computer Algorithms for Voting Power Analysis [13]. Результаты оценки влияния представлены в таблицах 1–4.

Таблица 1. Результаты выборов и оценка влияния по индексу Шепли – Шубика в Стране Басков

Table 1. Election results and Shapley–Shubik index impact assessment in the Basque Country

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
1998	<i>БНП</i>	21	0,28
	Народная партия	16	0,21
	<i>«Алавское единство»</i>	2	0,05
	<i>«Баскская солидарность»</i>	6	0,11
	Объединенные левые	2	0,05
	ИСРП	14	0,15
	<i>«Единство Страны Басков»</i>	14	0,15
2001	Народная партия	19	0,17
	Объединенные левые	3	0
	ИСРП	13	0,17
	<i>«Единство Страны Басков»</i>	7	0,16
	<i>БНП + «Баскская солидарность»</i>	33	0,5

Окончание таблицы 1

End of Table 1

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
2005	Народная партия	15	0,17
	Объединенные левые	3	0
	ИСРП	18	0,17
	БНП + «Баскская солидарность»	29	0,5
	«Аралар»	1	0
	Коммунистическая партия баскских земель	9	0,16
2009	БНП	30	0,33
	Народная партия	13	0,33
	«Баскская солидарность»	1	0
	Объединенные левые	1	0
	ИСРП	25	0,33
	«Аралар»	4	0
	«Союз, прогресс, демократия»	1	0
2012	БНП	27	0,4
	Народная партия	10	0,07
	ИСРП	16	0,23
	«Союз, прогресс, демократия»	1	0,07
	«Единство Страны Басков»	21	0,23
2016	БНП	28	0,4
	Народная партия	9	0,07
	ИСРП	9	0,07
	«Единство Страны Басков»	18	0,23
	«Мы можем»	11	0,23
2020	БНП	31	0,47
	ИСРП	10	0,17
	«Единство Страны Басков»	21	0,17
	«Вокс»	1	0,07
	«Мы можем»	6	0,07
	Народная партия + «Граждане»	6	0,07

Примечание. Составлено автором на основе данных официального сайта Парламента Страны Басков.
URL: <http://www.legebiltzarra.eus/>

Из таблицы 1 видно, что на протяжении всего периода в Стране Басков заметен стабильный рост влияния Баскской националистической партии (PNV, БНП). Она также самый влиятельный актор на протяжении всех периодов, кроме выборов 2009 г., когда индекс распределился поровну между БНП, Народной партией (PP, НП) и Испанской социалистической рабочей партией (PSOE, ИСРП). Такой результат стал следствием роста популярности испанских социалистов, в том числе благодаря акценту в их программе на преодоление экономического кризиса. На втором месте радикальные националисты из «Единства Страны Басков» (EH Bildu), которые демонстрируют рост в количестве занятых мест на последних выборах, что может навести на мысль о радикализации власти после последних выборов. Однако если мы посмот-

рим на индекс влияния, то для этой партии он даже снизился, поэтому такие заявления, очевидно, несколько преждевременны, что в целом можно и наблюдать сегодня.

Что касается Северной Ирландии, то 2022 г. был ознаменован заявлениями об исторической победе партии «Шинн Фейн» (SF, ШФ) в парламентских выборах региона, что повлекло за собой разговоры о возможной радикализации политических процессов, в том числе на фоне последствий Брексита. Однако, как следует из таблицы 2, ситуация кардинально не изменилась: значения индекса влияния «Шинн Фейн» и Демократической юнионистской партии (DUP, ДЮП) близки так же, как и ранее. Таким образом, для увеличения влияния и проведения желаемой политики такой победы явно недостаточно. Стоит добавить,

что победа партии связана в том числе и с демографическими процессами: увеличением числа католиков в регионе [11]. Интересно также заметить то, как влияет изменение общего количества мест на распределение влияния. Число мест в Ассамблее Северной Ир-

ландии было уменьшено со 108 до 90 (2016–2017 гг.), что привело к росту влияния «Шинн Фейн» даже при уменьшении количества выигранных мест и фактически к выравниванию по индексу с показателями ДЮП (при достаточно большом разрыве в местах).

Таблица 2. Результаты выборов и оценка влияния по индексу Шепли – Шубика в Северной Ирландии

Table 2. Election results and Shapley–Shubik index scores in Northern Ireland

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
1998	«Шинн Фейн»	18	0,12
	ДЮП	20	0,16
	«Альянс»	6	0,07
	Ольстерская юнионистская партия	28	0,29
	СДЛП	24	0,22
	Юнионистская партия Великобритании	5	0,06
	Прогрессивная юнионистская партия	2	0,02
	«Коалиция женщин»	2	0,02
2003	Независимые	3	0,04
	«Шинн Фейн»	24	0,22
	ДЮП	30	0,38
	«Альянс»	6	0,07
	Ольстерская юнионистская партия	27	0,24
	СДЛП	18	0,07
	Прогрессивная юнионистская партия	1	0,01
	Юнионистская партия Великобритании	1	0,01
2007	Независимые	1	0,01
	«Шинн Фейн»	28	0,22
	ДЮП	36	0,4
	«Альянс»	7	0,05
	Ольстерская юнионистская партия	18	0,19
	СДЛП	16	0,09
	«Зеленые»	1	0,02
	Прогрессивная юнионистская партия	1	0,02
2011	Независимые	1	0,02
	«Шинн Фейн»	29	0,22
	ДЮП	38	0,4
	«Альянс»	8	0,05
	Ольстерская юнионистская партия	16	0,19
	СДЛП	14	0,09
	«Голос традиционных юнионистов»	1	0,02
	«Зеленые»	1	0,02
2016	Независимые	1	0,02
	«Шинн Фейн»	28	0,22
	ДЮП	38	0,40
	«Альянс»	8	0,05
	Ольстерская юнионистская партия	16	0,19
	СДЛП	12	0,09
	«Зеленые»	2	0,02
	«Народ важнее прибыли»	2	0,02
	«Голос традиционных юнионистов»	1	0,01
	Независимые	1	0,01

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
2017	«Шинн Фейн»	27	0,29
	ДЮП	28	0,30
	«Альянс»	8	0,13
	Ольстерская юнионистская партия	10	0,13
	СДЛП	12	0,14
	«Зеленые»	2	0,002
	«Голос традиционных юнионистов»	1	0,002
	«Народ важнее прибыли»	1	0,002
	Независимые	1	0,002
2022	«Шинн Фейн»	27	0,33
	ДЮП	25	0,27
	«Альянс»	17	0,2
	Ольстерская юнионистская партия	9	0,07
	СДЛП	8	0,07
	«Голос традиционных юнионистов»	1	0,02
	«Народ важнее прибыли»	1	0,02
	Независимые	2	0,03

Примечание. Составлено автором на основе данных официального сайта Ассамблеи Северной Ирландии. URL: <http://www.niassembly.gov.uk>

Таблица 3. Результаты выборов и оценка влияния по индексу Шепли – Шубика в Шотландии

Table 3. Election results and Shapley–Shubik index scores in Scotland

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
1999	ШНП	35	0,17
	Консервативная партия	18	0,17
	Лейбористская партия	56	0,5
	Либеральные демократы	17	0,17
	«Зеленые»	1	0
	ШСП	1	0
	Независимые	1	0
2003	ШНП	27	0,15
	Консервативная партия	18	0,15
	Лейбористская партия	50	0,51
	Либеральные демократы	17	0,15
	«Зеленые»	7	0,01
	ШСП	6	0,01
	«Шотландская партия единства пожилых граждан»	1	0
	Независимые	3	0,01
2007	ШНП	47	0,3
	Консервативная партия	17	0,17
	Лейбористская партия	46	0,27
	Либеральные демократы	16	0,1
	«Зеленые»	2	0,1
	Независимые	1	0,03
2011	ШНП	69	1
	Консервативная партия	15	0
	Лейбористская партия	37	0
	Либеральные демократы	5	0
	«Зеленые»	2	0
	Независимые	1	0

Окончание таблицы 3

End of Table 3

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
2016	ШНП	63	0,6
	Консервативная партия	31	0,1
	Лейбористская партия	24	0,1
	Либеральные демократы	5	0,1
	«Зеленые»	6	0,1
2021	ШНП	64	0,6
	Консервативная партия	31	0,1
	Лейбористская партия	22	0,1
	Либеральные демократы	4	0,1
	«Зеленые»	8	0,1

Примечание. Составлено автором на основе данных официального сайта Парламента Шотландии. URL: <https://www.parliament.scot>

В Шотландии начиная с выборов 2007 г. заметно устойчивое лидерство Шотландской национальной партии (ШНП, SNP): несмотря на то что партия несколько потеряла в парламентских местах с выборов 2011 г. (когда доля ее влияния составляла 100 %), она по-прежнему опережает других игроков, что безусловно отражается на политической жизни региона, в частности, недавних попытках организации второго референдума о независимости (первый был в 2014 г.).

В Корсике наблюдается стремительный рост влияния партии «Давайте сделаем Корсику» (Femu a Corsica, FaC) с того момента, как она выделилась в самостоятельного актора из коалиции с партией «Свободная Корсика» (Corse Libre, CL). Модель влияния помогает увидеть, что простой подсчет в увеличении / уменьшении количества занятых в Парламенте мест не позволяет сделать вывод о росте влияния той или иной группы. На примере Корсики мы также можем видеть эффект от изменения общего количества мест в Парламенте (в 2015 г. – 51, в 2017 г. – 63), однако в отличие от Северной Ирландии здесь наблюдается увеличение количества, которое обычно приводит к уменьшению удельной ценности каждого отдельного игрока. В данной ситуации увеличение лишь сыграло в пользу партии «Давайте сделаем Корсику»: потеряв 6 мест в 2017 г., она увеличила свою ценность относительно других игроков, ценность которых при большом различии в количестве мест (например, 6 у Республиканцев и 13 у «Свободной Корсики») примерно равна.

Теорему о медианном избирателе из модели Даунса рассмотрим на примере данных партий БНП, ШНП, ДЮП и «Шинн Фейн» из базы Manifesto Project, кодирующей позиции акторов на основе их программ (см. табл. 5). С этой целью возьмем параметры из колонок per 203 (constitutionalism positive), per 204 (constitutionalism negative), per 301 (decentralization). В соответствии с кодовой книгой базы данных [14] колонки per 203 и per 204 отражают позиции партии относительно сохранения действующей конституции и ее реформирования / отмены. Чем больше значение в соответствующей колонке, тем более ярко проявлена позиция. Колонка per 301 отражает мнение актора о возможной децентрализации: передачи полномочий от центра к периферии. При анализе процессов сепаратизма именно эти параметры часто являются ключевыми: децентрализация – один из инструментов формирования сильных автономий в регионах с сепаратистски настроенными политическими силами; а отношение к действующей конституции представляет собой один из индикаторов взаимоотношений регионального и центрального правительств. В анализируемых кейсах конституциями закреплены унитарные государства, что является проблемой для сепаратистских акторов, требующих больших полномочий от центра. В связи с этим федерализация как переход от унитарной структуры к федеральной иногда рассматривается в качестве возможного способа решения проблемы сепаратизма.

Таблица 4. Результаты выборов и оценка влияния по индексу Шепли – Шубика на Корсике

Table 4. Election results and Shapley–Shubik index scores in Corsica

Год	Партия	Количество мест, шт.	Индекс влияния
2004	«Союз за народное движение» (UMP)	15	0,32
	Радикальная левая партия (PRG)	9	0,2
	«Национальный Союз» (UN)	8	0,15
	Движение левых радикалов (PRG-2)	7	0,13
	Коммунистическая партия (PCF)	4	0,07
	Независимые правые	4	0,07
	«Социал-демократическая Корсика» (CSD)	4	0,07
2010	Президентское большинство	12	0,17
	Партия корсиканской нации (PNC)	11	0,17
	Оппозиционная коалиция	24	0,17
	«Свободная Корсика» (CL)	4	0
2015	«Давайте сделаем Корсику» + «Свободная Корсика»	24	0,17
	Независимые левые	12	0,17
	Коалиция бонапартистов и республиканцев (LR-UDI-CCB)	11	0,17
	«Национальный фронт»	4	0
2017	«Давайте сделаем Корсику»	18	0,3
	«Свободная Корсика» (CL)	13	0,17
	Партия корсиканской нации (PNC)	10	0,17
	Независимые правые	10	0,17
	Независимые левые	6	0,1
	Республиканцы (LR)	6	0,1
2021	«Давайте сделаем Корсику»	32	1
	Коалиция бонапартистов и республиканцев (CCB-LR-UDI)	17	0
	Партия корсиканской нации (PNC)	7	0
	«Свободная Корсика» (CL)	1	0
	«Национальное обновление»	6	0

Примечание. Составлено автором на основе данных официальных сайтов: Ассамблея Корсики. URL: <https://www.isula.corsica/assemblea/>; Министерство внутренних дел Франции. URL: <https://www.archives-resultats-elections.interieur.gouv.fr>

Предсказуемо высокие показатели в пользу децентрализации и реформы конституционного устройства можно увидеть у «Шинн Фейн». Наиболее ярко иллюстрируют работу теоремы о медианном избирателе примеры БНП и ШНП. БНП смещается в сторону более умеренных позиций в отношении конституции и децентрализации, вместе с тем растет количество ее мест в Парламенте, а также индекс влияния Шепли – Шубика (см. табл. 1). В случае с ШНП ситуация несколько другая: здесь смещения в центр не наблюдается; партия стала несколько более умеренной в вопросах децентрализации, однако радикализировалась в вопросе конституционного устройства. Такая ситуация объяснима: на основе оценки ее деятельности через модель

Шепли – Шубика (см. табл. 3) мы видим высокий индекс влияния и большой процент парламентских мест, которые демонстрируют отсутствие необходимости смещаться в центр для получения большего количества сторонников.

Возможность экстраполяции принципов нормального распределения в другие области знания хорошо видна на примере методологии управления «шесть сигм», а также проиллюстрирована в анализе социально-политических процессов [17]. Стандартное отклонение математического ожидания, представляющее собой отношение стандартного отклонения к количеству элементов, показывает, что чем больше элементов в совокупности, тем меньше показатели отклонения от среднего

значения и тем меньше вероятность появления очень больших или очень маленьких событий. В отличие от стандартной ошибки стандартное отклонение представляет собой меру разброса данных в выборке. Таким образом, дробление целого на маленькие части приводит к появлению в этих частях экстремальных значений, которыми могут быть проявления экстремизма и сепаратизма в его радикальных формах. Этот тезис является контраргументом сторонников процессов децентрализации для разрешения этнополитических конфликтов. При автономизации региональных единиц целое фактически дробится на части,

увеличивая риски сецессии. Степенной закон в распределениях показывает проблему появления событий, связанных между собой, вследствие чего формируется так называемое распределение «с длинным хвостом», которое предполагает появление катастрофически отклоняющихся от центрального значения событий. Важным здесь является не только наличие малочисленной группы, но и обратной связи, что ведет к росту риска развития экстремизма, тогда как при нормальном распределении в больших совокупностях независимых событий такой риск значительно ниже. Эти тезисы хорошо заметны на примерах

Таблица 5. Позиции партий на основе Manifesto Project

Table 5. Party positions based on the Manifesto Project

Название партии	Год (если указан)	Позитивное восприятие конституции (Per 203)	Негативное восприятие конституции (Per 204)	Отношение к децентрализации (Per 301)
ДЮП	–	0	0	1,604
	–	0	0	1,604
	2004	0	0	1,604
	2015	1,31	3,93	3,493
	2018	0	0	3,926
	2020	0	0,211	4,017
«Шинн Фейн»	–	0	0	0,931
	2004	0	0	0,931
	2015	0	2,574	15,809
	2018	0	0	4,145
	2020	0	4,724	3,15
ШНП	–	0,123	0	11,562
	–	0,614	0	11,828
	2004	0,248	0	11,042
	2015	0	0,336	11,435
	2018	0	0	8,524
	2020	0	1,307	5,322
БНП	1994	1,19	0	21,429
	1994	0	0,912	15,511
	1994	0	0	13,606
	1994	0	0	13,13
	1994	0	0,111	13,374
	1994	0	0	11,22
	–	0,044	0,487	16,43
	2008	0	1,704	13,857
	2008	0	0,185	20,295
	2008	0,325	0,433	19,372
	2012	0	0	16,279
	2016	0	0	14,898
	2016	0	0	14,898
	2020	0	0	9,944
	2020	0	0	9,917

Примечание. Составлено автором по: [14].

Франции, Испании и Великобритании. Высокий уровень полномочий у сепаратистски настроенных регионов в Испании и Великобритании одновременно с актуализацией этой проблемы для обоих государств показывает, что ни планы по формированию государства автономий и децентрализации Испании (один из тезисов программы нынешнего главы правительства П. Санчеса), ни широкие полномочия, предоставленные Белфастским соглашением в Северной Ирландии, не способствуют успокоению сепаратистских настроений, а скорее наоборот. Противоположным примером здесь является политика Франции с ее отказом от политизации этничности и курсом на унификацию государства [3], что фактически означает отказ от дробления и возврат к большой совокупности с нормальным распределением независимых событий.

Модель мятежа и процесс Пойа помогают понять логику возникновения и роста сепаратистских движений. Точкой отсчета является группа людей с нулевым порогом участия: интерпретируя этот тезис, мы можем говорить о необходимости наличия самоотверженных идеологов движения (каковым, например, был Сабино Арана в Стране Басков), а также решительно настроенных групп (как правило, последователей таких идеологов). В исследуемых случаях такими группами были ИРА для Северной Ирландии и ЭТА для Страны Басков. Помимо этого, на формирование движения влияет наличие достаточно большой группы людей с минимальным порогом вхождения в процесс «мятежа» и/или групп с равномерным распределением таких порогов. Очевидно, что ключевым моментом в данной модели является концептуализация понятия «порог», а также механизм его распределения и формирования. Возникает вопрос: что же может повлиять на формирование таких порогов и какие факторы повышают / понижают их? Вероятно, это вопросы для дальнейших исследований. В то же время логика процесса Пойа демонстрирует, что все большее количество людей будут следовать тому результату, который предпочло большинство. При этом изначально вероятность наступления события «а» (вступление в сепаратистскую организацию) и события «б» (невступление в сепаратистскую организацию) равна, что фор-

мирует зависимость от первоначально выбранного пути.

Результаты. Представляется, что среди описанных в начале статьи сфер применения моделей примененный многомодельный подход позволяет реализовать прежде всего дескриптивную и исследовательскую функции. Комбинация моделей Шепли – Шубика и Даунса объясняет поведение сепаратистских акторов в регионах: мы видим смещение в более центристские позиции (по теореме медианного избирателя) у БНП в Стране Басков и, как следствие, рост индекса ее влияния. Также мы видим, что прирост в количестве мест в парламенте не всегда увеличивает значимость политического актора на примере партии «Единство Страны Басков», которая в результате последних выборов получила дополнительные места, но снизила свое влияние в рамках всего законодательного органа, что не привело к радикализации политики в регионе, хотя такие опасения существовали на основе простого анализа числа мест. Аналогичные процессы мы наблюдаем и в Северной Ирландии у партии «Шинн Фейн», которая впервые победила на выборах, однако фактически не увеличила степень влияния. Вместе с тем случай Шотландии показывает, как ШНП с устойчивым высоким индексом влияния не стремится переходить на более умеренные позиции по теореме Даунса и проводит достаточно смелую политику в контексте процессов сепаратизма, – речь, прежде всего, идет о попытках референдума.

Представленная комбинация моделей демонстрирует осмысление процессов сепаратизма комплексно: не только со стороны регионов, но и со стороны государств. Так, свойства нормального распределения предоставляют нам дополнительные аргументы в пользу малой активности сепаратистских акторов во Франции в противовес активизации этих процессов в Испании и Великобритании: отказ от политизации этнических факторов, политика универсализма в отношениях с регионами, тренд на укрепление государства с «единым пониманием элитой и обществом национального интереса» [2, с. 30] во Франции с позиции моделей представляют собой отказ от дробления целого (государства) на мелкие части (регионы с сильной автономией),

что нивелирует риск развития экстремальных событий. Помимо Корсики эта тенденция наблюдается и на примере французской Страны Басков (провинции Лабур, Суль, Басс-Наварра), где сепаратистское движение исторически не имело такой силы, как в испанских автономиях. Противоположен пример Испании с уже устоявшимся применительно к ее территориальному устройству термином «государство автономий» и запросами ключевых политических сил страны (партии ИСРП) на федерализацию. Представленная комбинация моделей может быть основой и в выработке комплексных решений на государственном уровне с целью борьбы с экстремальными проявлениями сепаратизма в регионах.

Стоит упомянуть и ограничения метода: проблему полноты данных, отсутствие инструмента расчета порогов в модели мятежа, риск субъективности кодирования данных (например, в базе данных Manifesto Project), а также необходимость математической проверки отдельно взятого случая при использовании свойств нормального распределения (что может стать предметом отдельного исследования). Положительная сторона подхода — широта возможности комбинаций модельных методов и создание уникального комплекса под конкретную исследовательскую задачу.

Модели — логические структуры осмысления сложных социальных явлений: одиночные модели концентрируются на отдельных факторах процессов, а их комбинации позволяют представить комплексный анализ. В этой ситуации использование многомодельного подхода фактически является следствием логики ансамблевых методов машинного обучения, где объединяют несколько моделей для создания наиболее оптимального результата.

На наш взгляд, логическое моделирование процессов сепаратизма представляет собой важное и перспективное направление в русле общей тенденции развития междисциплинарности политической науки. При этом, как ранее заявлял политолог Р. Таагепера, современное увлечение количественными исследованиями и «бессмысленная обработка статистических данных вытеснили логическое моделирование» [5, с. 25], а ведь именно модели представляют основу рассуждений и фиксирования зависимостей и закономерностей, не-

обходимых для развития научного знания. Именно поэтому в рамках многомодельного подхода предлагается фокусироваться на построении смешанных качественно-количественных моделей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Камалова Р. У. Об измерении влияния государств на принятие политических решений на примере голосований в институтах Европейского союза // Политическая наука. 2016. № 4. С. 214–241.
2. Кокошин А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: Европа, 2006. 180 с.
3. Мартынова М. Ю., Ганцкая О. А., Деметер Н. Г. и др. Государство и этнос. Роль государства в этнических процессах зарубежной Европы: отчет о НИР РФФИ 96-06-80077-а. 1996.
4. Попов Ф. А. География сепаратизма в современном мире. М.: Новый хронограф, 2012. 672 с.
5. Таагепера Р. Две моих мечты. Изложение лекции Рейна Таагеперы, лауреата премии имени Карла Дойча // Политическая наука. 2018. № 1. С. 12–39.
6. Теория статистики с элементами эконометрики / отв. ред. В. В. Ковалев. М.: Юрайт, 2023. 333 с.
7. Фролова Ю. Н. Проблемы суверенитета и национального самоопределения в Испании в условиях глобализации: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2017. 156 с.
8. Хелланд Л. Теорема медианного избирателя // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза. М.: РОССПЭН, 2009. С. 322–351.
9. Щербакова Н. Г. Модели сетей с предпочтительным присоединением // Проблемы информатики. 2019. № 3 (44). С. 46–61.
10. Berastegi A. A. Transitional Justice in Settled Democracies: Northern Ireland and the Basque Country in Comparative Perspective // Critical Studies on Terrorism. 2017. Vol. 10, iss. 3. P. 1–20. DOI: 10.1080/17539153.2017.1336290
11. Census 2021: Catholics Outnumber Protestants in Northern Ireland for First Time // Belfast Telegraph 22.09.2022. URL: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/census-2021-catholics-outnumber-protestants-in-northern-ireland-for-first-time/42008881.html#>
12. Granovetter M. Threshold Models of Collective Behavior // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 83, iss. 6. P. 1420–1443.
13. Leech D., Leech R. Computer Algorithms for Voting Power Analysis. URL: <http://homepages.warwick.ac.uk/~ecaae/index.html>

14. Manifesto Project Dataset Codebook. URL: https://manifesto-project.wzb.eu/download/data/2023a/codebooks/codebook_MPDataset_MPDS2023a.pdf

15. Newman M. E. J. Power Laws, Pareto Distributions and Zipf's Law // *Contemporary Physics*, 2005. Vol. 46, iss. 5. P. 323–351. DOI: 10.1080/00107510500052444

16. Page S. E. Path Dependence // *Quarterly Journal of Political Science*. 2006. Vol. 1, iss. 1. P. 87–115.

17. Page S. E. *The Model Thinker: What You Need to Know to Make Data Work for You*. N. Y.: Basic Books, 2018. 427 p.

18. Shapley L. S., Shubik M. A Method for Evaluating the Distribution of Power in a Committee System // *The American Political Science Review*. 1954. Vol. 48, iss. 3. P. 787–792. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951053>

REFERENCES

1. Kamalova R.U. Ob izmerenii vliyaniya gosudarstv na prinyatie politicheskikh reshenii na primere golosovaniy v institutakh Evropeiskogo soyuza [On Measurement of States' Power on Political Decision-Making on the Example of Voting in European Union Institutions]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, no. 4, pp. 214–241.

2. Kokoshin A. *Realnyy suverenitet v sovremennoy miropoliticheskoy sisteme* [Real Sovereignty in World Political System]. Moscow, Evropa Publ., 2006. 180 p.

3. Martynova M.Yu., Gantskaya O.A., Demeter N.G. et al. *Gosudarstvo i etnos. Rol gosudarstva v etnicheskikh protsessakh zarubezhnoy Yevropy: otchet o NIR RFFI 96-06-80077-a* [State and Ethnicity. The Role of the State in Ethnic Processes in Europe. Research Report of the Russian Foundation for Basic Research 96-06-80077-a], 1996.

4. Popov F.A. *Geografija secessionizma v sovremennoy mire* [Geography of Secessionism in the Modern World]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2012. 672 p.

5. Taagepera R. Dve moikh mechy. Izlozhenie lektzii Reina Taagepera, laureata premii imeni Karla Doicha [Two of My Dreams. Presentation of the Lecture by Rein Taagepera, Winner of the Karl Deutsch Prize]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2018, no. 1, pp. 12–39.

6. Kovalev V.V., ed. *Teoriya statistiki s elementami ekonometriki* [Theory of Statistics with Elements of Econometrics]. Moscow, Yurait Publ., 2023. 333 p.

7. Frolova Yu.N. *Problemy suvereniteta i natsionalnogo samoopredeleniya v Ispanii v usloviyakh globalizatsii: dis. ... kand. polit. nauk* [Problems of Sovereignty and National Self-Determination in Spain in the Context of Globalization. Cand. polit. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2017. 156 p.

8. Khelland L. Teorema mediannogo izbiratelya [The Median Voter Theorem]. *Teoriya i metody v sovremennoy politicheskoy nauke: pervaya popytka teoreticheskogo sinteza* [Theory and Methods in Contemporary Political Science: A First Attempt at Theoretical Synthesis]. Moscow, ROSSPEN, 2009, pp. 322–351.

9. Shcherbakova N.G. Modeli setei s predpochtitelnym prisoedineniem [Models of Networks with Preferential Attachment]. *Problemy informatiki* [Problems of Informatics], 2019, no. 3 (44), pp. 46–61.

10. Berastegi A.A. Transitional Justice in Settled Democracies: Northern Ireland and the Basque Country in Comparative Perspective. *Critical Studies on Terrorism*, 2017, vol. 10, iss. 3, pp. 1–20. DOI: 10.1080/17539153.2017.1336290

11. Census 2021: Catholics Outnumber Protestants in Northern Ireland for First Time. *Belfast Telegraph*, 2022, Sept. 22. URL: <https://www.belfasttelegraph.co.uk/news/northern-ireland/census-2021-catholics-outnumber-protestants-in-northern-ireland-for-first-time/42008881.html#>

12. Granovetter M. Threshold Models of Collective Behavior. *American Journal of Sociology*, 1978, vol. 83, iss. 6, pp. 1420–1443.

13. Leech D., Leech R. *Computer Algorithms for Voting Power Analysis*. URL: <http://homepages.warwick.ac.uk/~ecaae/index.html>

14. Manifesto Project Dataset Codebook. URL: https://manifesto-project.wzb.eu/download/data/2023a/codebooks/codebook_MPDataset_MPDS2023a.pdf

15. Newman M.E.J. Power Laws, Pareto Distributions and Zipf's Law. *Contemporary Physics*, 2005, vol. 46, iss. 5, pp. 323–351. DOI: 10.1080/00107510500052444

16. Page S.E. Path Dependence. *Quarterly Journal of Political Science*, 2006, vol. 1, iss. 1, pp. 87–115.

17. Page S.E. *The Model Thinker: What You Need to Know to Make Data Work for You*. New York, Basic Books, 2018. 427 p.

18. Shapley L.S., Shubik M. A Method for Evaluating the Distribution of Power in a Committee System. *The American Political Science Review*, 1954, vol. 48, iss. 3, pp. 787–792. DOI: <https://doi.org/10.2307/1951053>

Information About the Author

Yulia N. Frolova, Candidate of Science (Politics), Associate Professor, Department of Political Science, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russian Federation, frolovayuliya@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0743-6144>

Информация об авторе

Юлия Николаевна Фролова, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, frolovayuliya@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-0743-6144>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.14>

UDC 327(663)

LBC 66.4(6Сен),9

Submitted: 10.06.2025

Accepted: 15.09.2025

THE TRANSFORMATION OF SENEGAL'S FOREIGN POLICY: NEW OPPORTUNITIES FOR RUSSIA?

Alexey L. Petrov

Russian Television and Radio Broadcasting Company, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Senegal's active role on the African political scene and its participation in interstate associations point to the country's use of foreign policy tools to assert its sovereign policy, which was questioned even after the region's decolonization. *Methods and materials.* The author compares the rhetoric of key political actors in Senegal and the tone of publications in the African and European press to assess the opportunities opening up in the transformation of the country's foreign policy. Publications and reports in various media, including Russian, French, and Senegalese, and statistical materials reflecting the development of international cooperation, as well as statements by the heads of Senegal, became the source base for the study. The paper uses the method of content analysis to assess the attitude of representatives of the Government of Senegal to foreign policy partners and event analysis, which helped determine the qualitative content of initiatives through their implementation in specific programs. *Analysis.* The article reveals the political climate of Senegal, which influences the development of this country's international relations and determines its relations with the Russian Federation. The specifics of the coming to power of the current President, B.D. Faye (2024–2029), and his stated policy of upholding the country's sovereignty reflect a significant transformation in its relations with the former metropolis of France. The focus is on building a multi-vector foreign policy for the country, which creates conditions for Russia for special opportunities and risks. *Results.* Dakar's desire to diversify its political and economic ties, reduce its dependence on Paris, and build more pragmatic relations with the former metropolis is obvious. Russia is perceived as a promising partner, with a warm attitude towards its culture and history. The solid foundation of the established contacts was laid during the work of the previous president, M. Sall (2012–2024). However, it would be rash to ignore the continuing influence of France and the role of French business. In addition, Russia is forced to act on the African track in conditions of high interest in the African continent from other states.

Key words: Senegal, international relations, Africa, Russia, sovereignty, national interest, postcolonial development.

Citation. Petrov A.L. The Transformation of Senegal's Foreign Policy: New Opportunities for Russia? *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 178–190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.14>

УДК 327(663)

ББК 66.4(6Сен),9

Дата поступления статьи: 10.06.2025

Дата принятия статьи: 15.09.2025

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СЕНЕГАЛА: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ?

Алексей Львович Петров

Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания,
г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Активная роль Сенегала на африканской политической сцене, его участие в межгосударственных объединениях указывают на использование этой страной внешнеполитических инструментов для утверждения суверенной политики, которая ставилась под вопрос даже после деколонизации региона. *Методы и материалы.* Автор сопоставляет риторику ключевых политических акторов Сенегала,

тон публикаций в африканской и европейской прессе для оценки открывающихся возможностей при трансформации внешней политики страны. Публикации и репортажи в различных СМИ, в том числе российских, французских и сенегальских, статистические материалы, отражающие развитие международного сотрудничества, а также заявления глав Сенегала стали источниковой базой для проведения исследования. В работе применены методы контент-анализа для оценки отношения представителей власти Сенегала к внешнеполитическим партнерам и ивент-анализа, который помог определить качественное наполнение инициатив через их реализацию в конкретных программах. *Анализ.* В статье раскрыт политический климат Сенегала, оказывающий влияние на развитие международных отношений этой страны, определяющий ее отношения с Российской Федерацией. Особенности прихода к власти действующего президента Б.Д. Фая (2024–2029 гг.), заявленный им курс на отстаивание суверенитета страны отражают существенную трансформацию в ее отношениях с бывшей метрополией – Францией. Фокус делается на выстраивании многовекторной внешней политики страны, что создает для России условия особых возможностей и рисков. *Результаты.* Очевидно желание Дакара диверсифицировать политические и экономические связи, сократить степень зависимости от Парижа, выстроить более прагматические отношения с бывшей метрополией. Россия воспринимается как перспективный партнер, к культуре и истории которой отмечается теплое отношение. Прочный фундамент в качестве выстроенных контактов был заложен в период работы предыдущего президента М. Салла (2012–2024 гг.). Однако было бы поспешным игнорировать сохраняющееся влияние Франции, роль французского бизнеса. Кроме того, Россия вынуждена действовать на африканском треке в условиях высокого интереса к африканскому континенту со стороны других государств.

Ключевые слова: Сенегал, международные отношения, Африка, Россия, суверенитет, национальный интерес, постколониальное развитие.

Цитирование. Петров А. Л. Трансформация внешней политики Сенегала: новые возможности для России? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 178–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.14>

Введение. Сенегал, западноафриканское государство с бурно растущим населением, на протяжении десятилетий находился в зависимости от бывшей метрополии, Франции. Париж по-прежнему пытается сохранить свое влияние на африканском континенте, однако внешнеполитическая активность Дакара демонстрирует курс на укрепление суверенитета, диверсификацию политических и экономических связей с партнерами. Такой подход отвечает и интересам России, которая активно и последовательно укрепляет отношения с африканскими государствами. Цель работы – в условиях трансформации внешней политики Сенегала, принимая во внимание публичный образ действующего президента Сенегала, его внешнеполитические шаги, степень влияния Франции, определить возможности для укрепления диалога с Россией.

Методы и материалы. Статистическая информация, информационные сообщения, содержащиеся на сайтах Министерства иностранных дел, Министерства промышленности и торговли Сенегала, в отчетах агентства статистики и демографии Сенегала, в публикациях российских, французских и сенегальских СМИ, дает представление о степени уча-

стия страны в мировом разделении труда, политическом климате, внешнеполитической линии, экономических и социальных целях на ближайшие десятилетия.

В работе применялся контент-анализ для определения восприятия РФ, которое демонстрирует политический истеблишмент Сенегала, степени и глубины контактов, отношения к инициативам Москвы на основе публикаций и репортажей, в первую очередь в сенегальских СМИ, их отражение во французских и российских массмедиа. Речь идет в частности о СМИ, которые нужно разделить на следующие группы: сенегальские (телеканал «rts.sn», издания «lesoleil.sn», «thiesinfo.com», «Le Quotidien», агентство печати «aps.sn», портал «Senego.com»), европейские (africanews.com), среди которых надо выделить французские из-за особого интереса к региону (телеканал «TV5monde», издания «Lemonde.fr», «lefigaro.fr», сайт «Le monde diplomatique») и российские, дающие представление скорее о российской реакции на региональные события, а также говорящие об особом внимании российских журналистов к региону, тем не менее представляющие интерес (ИА «ТАСС», РИА «Новости», «Известия», «Африканская инициатива»).

Большую ценность для исследования представляют материалы посольства России в Сенегале.

Большое значение для данной работы также имеет ивент-анализ, отражающий глубину отношений между странами. Важно было определить частоту встреч между представителями политического и бизнес-сообществ, их содержание, акценты реализуемой работы, что позволяет судить о качестве заявленных в устных выступлениях или международных договорах инициатив.

В своем исследовании автор опирается на научно-теоретический подход неореализма К. Уолтца, где среди основных принципов – опора на суверенитет и проведение самостоятельной внешней политики с учетом присутствия надгосударственных институтов и их использования как инструмента манипулирования при реализации интересов в мировой политике. Актуальность представляет описанный К. Уолтцем системный характер международных отношений, который объясняется свойствами структуры международной системы [66]. В условиях трансформации однополярной системы интерес представляет политика малых государств, ранее состоявших в зависимых от ведущих держав отношениях, в реализации их цели формирования независимой внешней политики. Среди ключевых факторов, относящихся к неореализму, – это понятие безопасности, где соседние государства настолько взаимосвязаны, что национальная безопасность одного из них не может быть отделена от национальной безопасности другого. При этом мы исходим из того, что Сенегал, будучи бывшей колонией Франции, до настоящего времени испытывает значительное влияние в культурной, экономической, военной и политической сферах со стороны этой европейской страны [18]. В то же время трансформация системы международных отношений создает внутренний запрос на поиск иных ресурсов независимости во внутренней и внешней политике страны.

Формирование политических структур в Сенегале в начале XXI в. подробно рассматривается в монографии Л.М. Садовской «Власть и оппозиция в африканском обществе в конце XX – начале XXI вв.» [49]. На примере Сенегала и Кот-д’Ивуара исследователь

отметила большое влияние этноплеменной ориентации при реализации политического процесса. Автор рецензии на эту монографию, Н.В. Гришина, обращает внимание на трансформацию политической системы страны в 2000–2012 гг. [23].

Большое значение для понимания политики Сенегала имеет изучение постколониального влияния Франции. В работах доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН В.Р. Филиппова дана характеристика политическому наследию, которое уходит корнями еще к эпохе Де Голля. Традиция выстраивания отношений с бывшими колониями в Африке включает в себя комплекс неформальных связей, систему военно-политического и экономического влияния, лоббистские технологии [19].

Французские эксперты Центра анализа, прогнозирования и стратегии в 2020 г. на фоне пандемии COVID-19 в докладе президенту «Эффект панголина: грядущий шторм в Африке» призвали его готовиться к «длительной дестабилизации» в Африке в условиях «предстоящего кризиса обществ и государств». Речь в докладе шла о том, что государства франкоязычной Африки продемонстрируют свою неспособность защитить свое население [34].

Сырьевую особенность товарооборота Франции со странами Африки в 2022 г. отметила А.Б. Секачева. На страны Африки приходится примерно 5 % французского экспорта, взамен Франция получает необходимое для ее промышленности сырье: металлы из Центрально-Африканской Республики, нефть из Габона, хлопок и золото из Мали, уран из Нигера (французская корпорация Areva добывает от 1/3 до 40 % урана, используемого французскими АЭС для производства примерно 2/3 электроэнергии в стране). Основные доходы от экспорта сырья получает не африканский, а именно французский бизнес [50].

Таким образом, исследователи отмечают стремление Франции сохранить свое влияние в регионе при растущем запросе со стороны африканских стран на реализацию независимой внешней политики [2]. Сложившимся элитам сложно отказаться от внешних дотаций своего режима, поэтому интерес пред-

ставляет внешняя политика государств, в которых происходит мирная передача власти от президента к президенту, и которые в настоящее время осуществляют диверсификацию набора своих международных партнеров. Сам регион вызывает интерес со стороны ряда ведущих государств, поэтому важно определить возможности, которые существуют в данный момент у Российской Федерации.

Анализ. По форме правления Сенегал – президентская республика. Это государство с населением в 17 млн чел. и большими возможностями для развития бизнеса. Как отмечал Посол РФ в Сенегале Д. Кураков, эта страна в 2023 г. заняла второе место по объемам импорта российских нефтепродуктов в регионе к югу от Сахары. Многие компании ищут там партнеров [24; 41]. В таблице ниже приведены основные показатели макроэкономического развития страны, составленные по данным ТАСС [54].

Ключевые экономические параметры	
Численность населения, чел.	17 763 163 (2023)
Численность населения столицы, чел.	3 429 536 (2023)
Рост ВВП, %	3,7 (2023)
Инфляция, %	5,3 (2023)
Размер госдолга, % ВВП	75 (2022)
Уровень безработицы, %	2,9 (2023)
Продолжительность жизни, лет (м/ж)	65/68 (2014)

Однако согласно аудиту, инициированному президентом страны Бассиру Диомаем Фаем, выяснилось, что предыдущая администрация М. Салла подтасовывала статистические данные о дефиците бюджета: вместо 5 % дефицит достигал 10 % ВВП. В качестве фактора социально-экономического риска Л.М. Садовская выделяет безработицу среди молодежи и социальное неравенство, а также коррупцию. Кроме того, одной из угроз политической стабильности Сенегала является кризис в южной провинции – Казамансе. Речь идет о сепаратистских настроениях одной из местных народностей [48].

Согласно оценкам агентства Рейтер, рост экономики Сенегала по итогам 2024 г. составил 8,8 %. Отмечалось, что его основным драйвером станет запуск нефтедобычи [53].

По ряду причин зависимость Сенегала от зарубежных, прежде всего западных струк-

тур в сфере обеспечения безопасности остается высокой. Сенегальские силовые ведомства наладили сотрудничество со своими партнерами в США и Франции. В Дакаре был утвержден постоянный представитель Франции – офицер по связям с Министерством внутренних дел Сенегала, а также полномочный представитель Дирекции внутренней безопасности по сотрудничеству с сенегальскими партнерами. В 2016 г. США подписали соглашение с Сенегалом, которое дает разрешение на «постоянное присутствие» американских военных с доступом ко всей военной инфраструктуре, включая аэродромы. Исследователь А.Б. Секачева приводит мнение испанского политолога Ф. Аранкона, согласно которому каждая кризисная ситуация в Африке, «в которой французская армия рассматривалась как единственный гарант мира, предоставляет геостратегические возможности для Франции» [50]. Взамен Париж получал преимущества при добыче природных ресурсов на территориях своих бывших колоний. Таким образом, контроль за ключевыми параметрами стабильности политического режима находится в руках внешних партнеров.

О вмешательстве французских сил во внутривнутриполитические события в африканских странах написала кандидат исторических наук, доцент МГИМО Н.В. Шмелева [58]. Французская военная база в Сенегале была создана 1 августа 2011 г. в соответствии с соглашением, подписанным Францией и Сенегалом. В 2013 г. был также заключен договор об оборонном партнерстве этих стран, по условиям которого была создана такая структура, как «*Éléments français au Sénégal*» [27]. Ее основная задача – обеспечить защиту французских интересов и выходцев из Франции через оперативное развертывание в регионе, содействовать операционному взаимодействию. Французские военные также поддерживали укрепление миротворческого потенциала африканских стран, реализуя обучение их контингентов и обеспечивая их участие в миссиях по поддержанию мира. Разумеется, «поддержание мира» осуществлялось в интересах Пятой республики, что становилось объектом критики со стороны сенегальских политиков [44].

Примечательно, что уже в 2017 г. Э. Макрон, придя к власти, совершил поездку по странам

Африки и объявил о завершении эпохи Франсафрик, обещав при этом устанавливать и поддерживать новые партнерские взаимовыгодные отношения как с франкоязычными странами, так и со всеми другими государствами континента. По состоянию на 2022 г. около 9 000 французских военных были дислоцированы в странах Франсафрики (Джибути, Сенегале, Чаде, Кот-д'Ивуаре, Нигере и Габоне), в основном в рамках миротворческих миссий ООН. А с 2023 г. французское правительство сообщило о сокращении своего присутствия в регионе, изменении его состава [33]. По заявлению Э. Макрона, Париж должен заниматься преимущественно вопросами подготовки и переоснащения, военные базы должны быть трансформированы в академии и центры подготовки. В январе 2024 г. Президент Франции вновь обнародовал свое решение «значительно сократить военные контингенты Франции в ряде стран», в первую очередь численность воинского контингента будет уменьшена на базе в Абиджане (Кот-д'Ивуар), затем в Дакаре (Сенегал) и Либревиле (Габон). В Кот-д'Ивуаре на начало 2024 г. насчитывалось 950 французских военнослужащих, в Сенегале и Габоне примерно по 350 военнослужащих. Начиная с 2010 г. численность французских военных в Сенегале сократилась больше чем в три с половиной раза: в 2010 г. их было 1 200 человек [38].

В 2025 г. начался процесс вывода французских сил с территории Сенегала, как того требовал президент страны Б.Д. Фай. Он заявил о прекращении любого иностранного присутствия на территории страны, при этом Франция теряет какую-либо исключительность и рассматривается наравне с любыми другими иностранными партнерами. 12 февраля 2025 г. Париж анонсировал создание совместной комиссии, которая занимается вопросами вывода французских сил и передачи имущества. Как отмечает издание Монд, Франция передала в распоряжение сенегальской стороны сооружения и жилые помещения в двух районах Маршал и Сент-Экзюпери [55]. Можно отметить, что интересы Франции по сокращению финансирования своего зарубежного присутствия и интересы Сенегала по обеспечению своего суверенитета в данном случае совпали.

Обращает на себя внимание и то, как непростое для Парижа решение характеризуется на сайте МИД Франции. Там, говоря о выводе войск, подчеркивают, что две страны намерены работать над новым партнерством в области обороны и безопасности, при этом берутся в расчет стратегические приоритеты всех сторон [12]. Французский исследователь Т. Виркулон из Французского института международных отношений (IFRI) отметил, что общественное мнение среди африканцев поставило под вопрос искренность подобных намерений, возникли опасения, что Франция намерена вовлекать институты Европейского союза, интернационализируя ответственность за Африку [65]. Российский исследователь А. Чихачев делает вывод о продолжающейся неокOLONIALной политике Франции без учета нынешних реалий [11].

Помимо обеспечения военной безопасности у Елисейского дворца есть еще один существенный рычаг, а именно – возможность контролировать финансовые системы 14 стран за счет использования CFA – франка африканского финансового сообщества, который привязан к евро. Преподаватель МГИМО Н.В. Шмелева цитирует в этой связи реплику бывшего генерального секретаря партии Демократического национального объединения Сенегала Д. Диопа о том, что «независимость африканских стран, бывших колоний Франции, – это фикция». Степень зависимости от Франции постепенно сокращается. Так, доля рынка Франции в Африке с 7,4 % в 2010 г. упала до 4,5 % в 2022 г., в то время как этот же показатель для Китая вырос с 10,5 % в 2010 г. до 16,5 % в 2022 году. Наиболее ощутимо вес Франции снизился в сфере продажи автомобилей, зерна, фармацевтике, в торговле оборудованием [58].

К 2025 г., по сообщению сенегальского издания «Солей», Китай отобрал у Франции позицию лидера по поставкам в страну [14]. По данным национального агентства статистики и демографии за 2024 г., импорт из Китая вырос на 8,3 %, достигнув 848,242 франков КФА – это примерно 1,3 млрд евро. Речь идет преимущественно о стройматериалах, оборудовании. За этот же период поставки из Франции снизились на 17 %. Их объем составил 725,252 франков КФА, то есть примерно

1,1 млрд евро. Среди основных поставщиков также выделим Россию (578,966 млрд франков КФА), ОАЭ (408,962 млрд франков КФА), Бельгию (397,632 млрд франков КФА). Далее следуют Индия, Нигерия, Турция. Издание связывает подобные цифры с изменением мировой экономики, где влияние на Африку европейских государств снижается. Эти же данные приводит и сайт крупнейшего сенегальского телеканала RTS [27], отмечая, что подобные сведения иллюстрируют эволюцию торговой динамики страны, которая характеризуется увеличением влияния новых партнеров и диверсификацией источников поставок.

Париж по-прежнему занимает первое место среди зарубежных инвесторов в экономике Сенегала. К 2024 г. в стране насчитывалось более 250 французских предприятий, благодаря которым государство получает почти четверть налоговых отчислений [32]. Н.В. Шмелева обращает внимание на мнение французского исследователя Ф. Югона, который отметил, что в Африке наблюдается «все менее стратегически согласованная деятельность французских транснациональных компаний» [58]. Отдельные компании ориентируются исключительно на свой интерес.

Действующий президент Сенегала Басиру Диомай Фай принял присягу 2 апреля 2024 г. и пришел к власти под лозунгами сокращения зависимости от Парижа, пересмотра многих обязательств и контрактов, а также рассмотрения вопроса о выходе из зоны обращения франка КФА [35]. Подробный анализ того, как состоялась смена власти, дает африканист Л.М. Садовская [47]. После выборов Фай предсказуемо смягчил свою позицию. Тем не менее сам факт прихода к власти кандидата с такими взглядами — индикатор, который говорит об общественном запросе на подобные идеи. В его политическом лагере находится У. Сонко, сторонники которого осенью 2023 г. во время манифестации с требованием его освобождения в руках несли российские флаги. Сенегальские издания сочли это странным, ведь Россия считалась союзником прежнего правительства страны [7]. У. Сонко в сенегальском медиапространстве считается значимым политическим союзником Б.Д. Фая. Поэтому интересными представляются его высказывания о сотрудничестве с

Россией. Так, в 2022 г. У. Сонко упрекал своих критиков, выступавших за то, чтобы Африка освободилась из-под влияния Франции. В его представлении велика опасность оказаться под влиянием США, Китая или России. «Сами африканцы должны определять свою судьбу. Мы не против Франции. Мы хотим иметь равные, сбалансированные отношения со всеми», — заявлял Сонко [40]. Он отмечал, что ожидает от России сотрудничества, охватывающего все аспекты развития, а не обеспечивающего механическую замену Франции Россией или какой-либо другой страной [56].

Тесная связь между Сонко и Фаем могла стать причиной настороженного отношения к России. Будучи ограниченным своими предвыборными обещаниями о борьбе с коррупцией, проведении налоговых реформ, о необходимости пересмотра нефтегазовых контрактов, отказе от невыгодных для страны соглашений в сфере углеводородов и рыболовства, Фай не мог напрямую выстраивать отношения с Францией. Однако он воспользовался участием в мировом форуме по вопросам суверенитета и инноваций в области вакцин в 2024 г. во Франции для организации встречи с президентом Э. Макроном. Согласие на этот разговор дала и администрация Макрона, преследуя свои интересы. Несмотря на резкие по отношению к Франции первоначальные заявления Фая, французская пресса оценила эту встречу как способную придать новый импульс франко-сенегальским отношениям. Сообщалось, что стороны обсудили вопрос присутствия французских военных в Сенегале, ранее рассмотренный в статье [5; 8; 17].

Очевидно, что влияние Франции на страну сохраняется. Одновременно Фай прилагает усилия для привлечения зарубежных партнеров. В декабре 2024 г. он совершил визит в ОАЭ и Катар в поисках инвесторов: «Мы открыты для всех стран при условии уважения суверенитета Сенегала, его социальных норм, а также при условии, что речь идет о взаимовыгодном сотрудничестве» [9].

В ходе форума «Invest in Senegal», прошедшего в октябре 2025 г. в Сенегале, почетным гостем стала Саудовская Аравия, которая финансирует ряд проектов в сфере развития инфраструктуры в Сенегале. На мероприятие

страна привлекла более 3 000 участников [10; 20; 51]. Вслед за ним, 9 октября в Дакаре прошла встреча по линии Торгово-инвестиционной палаты Африка – Россия – Евразия при содействии посольства РФ. Обсуждалась совместная работа в сельском хозяйстве и промышленности [62].

В международных вопросах Фай занимает сдержанную позицию. С трибуны ООН 26 сентября 2024 г. он осудил геополитическое соперничество в Сахеле, которое разжигает трения в регионе, где и так растет напряженность. В своей речи он дистанцировался от обвинений со стороны Мали в адрес Украины: власти этой африканской страны обвиняют Киев в поддержке терроризма. Фай в этой связи заявил, что противостояние зарубежных стран в регионе лишь увеличивает нестабильность [7]. В сентябре 2025 г. в ООН Фай подчеркнул важность демократии как жизненного идеала, который подразумевает баланс между свободой, ответственностью и уважением к республиканским устоям. Президент Сенегала выделил три приоритета: усиление доверия между людьми и лидерами с помощью институтов, защита мультилатерализма против политики силы, противостояние экстремизму, в том числе через образование и культуру [4].

Президент Сенегала на региональном уровне выступил как посредник при урегулировании противоречий в региональной организации ЭКОВАС между Буркина-Фасо, Мали и Нигером с одной стороны и остальными членами организации с другой [37]. Будучи сторонником реформ региональных организаций, он настаивает на их сохранении для объединения сил африканских стран [1; 9; 15; 42; 43; 63]. В ходе визита премьер-министра Сенегала У. Сонко 16–17 мая 2025 г. в Буркина-Фасо приняты документы, согласно которым торгово-промышленная палата Буркина-Фасо будет представлена в Сенегале. Данная тема обращает на себя внимание еще в связи с тем, что у России и Буркина-Фасо выстроились устойчивые доверительные отношения [45].

Сенегал не входит в число основных российских партнеров в Африке. В 2023 г. ими стали Египет, Алжир, Марокко, Нигерия и ЮАР [46]. Однако стоит сказать, что прогресс в отношениях Москвы и Дакара был достиг-

нут еще во время работы предыдущего главы государства Маки Салла. Он принимал участие в первом саммите «Россия – Африка», прошедшем в 2019 г. в Сочи, а в 2018 г. прилетал в Россию на Чемпионат мира по футболу и общался с президентом России. Затем он встречался с В. Путиным в Сочи в июне 2022 г. в качестве Председателя Африканского союза. Сенегал был представлен на втором саммите «Россия – Африка», который прошел в июле 2023 г. в Санкт-Петербурге. На полях саммита В. Путин провел встречу с М. Саллом, особо подчеркнув, что Москва планирует расширять сотрудничество с Дакар, который показал себя надежным партнером [22]. Важным этапом стал визит главы МИД страны Я. Фалл в Москву в конце августа 2024 года. Она провела переговоры с министром иностранных дел РФ С. Лавровым [21]. 22 ноября 2024 г. по инициативе сенегальской стороны состоялся телефонный разговор В. Путина с Б.Д. Фаем [61]. Согласно официальным сообщениям, лидеры высказались в пользу укрепления традиционно дружественных российско-сенегальских отношений в торгово-экономической и инвестиционной сферах, включая реализацию перспективных совместных проектов в энергетике, транспорте и сельском хозяйстве. Обсудили вопросы безопасности и борьбы с терроризмом.

В сенегальском медиаполе присутствует тема развития отношений с Россией. Так, представлена информация о том, что 7 июня 2024 г. премьер-министр Республики Сенегал У. Сонко принял чрезвычайного и полномочного посла Российской Федерации в Сенегале Д. Куракова [39]. В ходе встречи стороны обсудили перспективы многопланового сотрудничества между Россией и Сенегалом [25]. Сенегальский портал Dakarois.sn, комментируя встречу, делает акцент на том, что присутствие посла России в списке участников мероприятия символизирует взаимное намерение России и Сенегала усилить коммерческие обмены между двумя государствами, диверсифицируя круг партнеров [28; 45].

Кроме того, 10 июля 2024 г. замглавы российского МИД М. Богданов открыл в Дакаре торгово-инвестиционную палату «Африка – Россия – Евразия» [25]. Ее цель – укрепление деловых связей и создание платформы

для диалога между экономическими операторами России и стран Евразии с сенегальскими партнерами, привлечения инвестиций. Инициатором создания палаты выступил сенегальский предприниматель и общественный деятель К. Харати [64].

Как было отмечено в Министерстве промышленности и торговли Сенегала, у Богданова состоялись встречи с президентом страны Б.Д. Фаем и премьер-министром У. Сонко [26]. В ходе переговоров Сенегал позиционировал себя как мост между Африкой и Евразией. Была отмечена незначительная доля России в общем объеме прямых зарубежных инвестиций в африканский континент (менее 1 %).

Практический пример активизации связей – поездка мэра сенегальского города Тиес Бабакара Диопа и представительной делегации в Севастополь в августе 2024 г. [57]. Договоренность об этом была достигнута еще в 2023 г. на форуме «Россия – Африка». Примечательно в этой связи, что визит состоялся, несмотря на западные санкции и возмущение украинских дипломатов. Поездка и заключенные договоренности широко освещались и сенегальскими СМИ. Был сделан акцент на перспективах экономического сотрудничества [29]. Стороны договорились о поддержке российскими медиками налаживания работы городской станции скорой помощи, об обмене студентами и преподавателями, об участии севастопольских специалистов – архитекторов, дизайнеров, строителей – в благоустройстве центральной площади Тиеса, которая будет носить имя легендарного города. В городских изданиях это событие было названо новой эрой сотрудничества, историческим переломом в отношениях двух городов [60], реализованным во многом за счет взаимопонимания между мэром города Б. Диопом и президентом Фаем [6].

Делегация Сенегала приняла участие в международном экономическом форуме KazanForum2025. Президент Торгово-промышленной и сельскохозяйственной палаты Дакара (CCIAD) А. Соу провел встречу с Президентом Торгово-промышленной палаты Московской области Д. Французовым [52]. Целью переговоров было создание прочных и взаимовыгодных связей между подмосковными и сенегальскими предпринимателями.

Особое внимание на встрече было уделено перспективам сотрудничества в ключевых сферах экономики: сельское хозяйство, промышленность, туризм. Стороны обсудили форматы взаимодействия, обмен опытом и возможные совместные проекты, был подписан меморандум о сотрудничестве.

По данным ФТС РФ, товарооборот России и Сенегала по итогам 2021 г. составил 1,224 млрд долл., за первые месяцы 2022 г. двусторонний товарооборот вырос более чем на 34 % [16]. Всего, по информации российского посольства, в 2022 г. товарооборот стран составил 1,400 млрд долларов. Его основа – продажи российских нефтепродуктов, пшеницы, удобрений. Причем в основном речь идет о закупках российской продукции из Сенегала [16]. По объемам импорта российских нефтепродуктов из России в странах к югу от Сахары Сенегал занимает второе место. Среди перспективных задач – расширение поставок сельхозпродукции из Сенегала, в том числе фруктов и сухофруктов [16]. Среди потенциальных сфер сотрудничества – торговля, горнодобывающая отрасль, добыча углеводородов. Есть совместные проекты в геологоразведке, большой интерес стороны проявляют к развитию сотрудничества в сфере энергетики, инфраструктурных проектов [36]. Активно развивается продажа российских металлов и изделий. По данным Россельхознадзора, Сенегал предлагает поставлять в Россию рыбопродукцию, сухофрукты, манго и арахис. Россия рассматривала перспективы создания портов в ряде стран Африки, в том числе в Сенегале. В стране развивает деятельность компания «Яндекс», прежде всего предлагая услуги в сфере такси. Определенные перспективы присутствуют и в области туризма, который хоть и носит нишевый характер и не сопоставим по потенциалу с Турцией и Египтом, однако стране есть что предложить любителям экзотики и природы [31].

Между странами действует соглашение о военно-техническом сотрудничестве, заключенное в 2007 г. [59]. Однако оно несопоставимо даже с сокращающимся влиянием Франции. К 2025 г. Сенегал использует несколько вертолетов российского производства. Для работы жандармерии несколько лет назад Сенегал закупил в России машины марки «Нива».

Сенегал – это одна из редких африканских стран, где преподавание русского языка осуществляется не только в вузах, но и в 50 лицеях по всей стране. Между Университетом Дакара (ныне Университет Шейха Анты Диопа) и Институтом русского языка им. А.С. Пушкина действует договор о сотрудничестве. В Дакарском университете существует отделение славянских языков и культур. Во многом в этом есть заслуга первого президента Сенегала Л. Сенгора, который сказал, что каждый образованный сенегалец должен уметь читать великого африканского поэта Пушкина на его родном языке [13]. Знание русского языка создает хорошие предпосылки для развития двусторонних связей.

Еще один пример интереса к России – старт в октябре 2024 г. в Дакаре масштабного проекта в области современного искусства. В рамках проекта «Дни России» здесь была открыта выставка творчества современных российских художников [30].

Стоит отметить и политическое сотрудничество Москвы и Дакара на площадке ООН. Еще в 2014 г. Дакар не стал осуждать действия России после вхождения в ее состав Крыма и Севастополя. Умеренную позицию он занял и после начала СВО, когда США и их союзники ожидали от партнеров жесткой критики действий России [3]. Поэтому Москва относится к Дакару как к важному игроку с самостоятельной выверенной позицией по многим международным вопросам.

Результаты. Сенегал стремится обеспечить самостоятельность своей внешней и внутренней политики. Это проявляется в намерении пересмотреть контракты с точки зрения выгоды для развития государства. Президент страны прилагает усилия для привлечения инвесторов из разных стран. Он выступает медиатором на африканской политической сцене, в диалоге ЭКОВАС и AES, пересматривает отношения с действующей администрацией Франции Э. Макрона с позиции обеспечения самостоятельности страны на фоне значительного влияния французского бизнеса.

Россия – одна из стран, к сотрудничеству с которой Дакар проявляет большой интерес. Это отражает своего рода общественный запрос, желание сенегальского общества

обеспечить отношения с новыми партнерами после длительного периода колониальной зависимости от Франции. Уже несколькими поколениями политиков страны Россия рассматривается как политическая альтернатива при отстаивании собственных национальных интересов перед европейскими странами. Российские международные экономические и политические форумы в настоящий момент способствуют поиску новых неевропейских партнеров. В стране поддерживается изучение русского языка, однако степень влияния французского по-прежнему высока, в стране распространены французские СМИ. На фоне растущего присутствия инфраструктурных проектов Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Китая и Турции все же российские позиции в настоящий момент имеют большой потенциал для роста, который важно не упустить.

REFERENCES

1. Abuja: La CEDEAO salue les efforts de médiation du Président Faye avec les pays de l'AES. *La Présidence de la République du Sénégal*, 2024, Dec. 15. URL: <https://www.presidence.sn/fr/actualites/66eme-session-ordinaire-de-la-cedeao-a-abuja-la-conference-felicite-le-president-faye-pour-ses-efforts-de-mediation-entre-la-cedeao-et-les-pays-de-laes>
2. *Afrika: perspektivy razvitiya i rekomendacii dlya politiki Rossii: doklad po itogam situacionnogo analiza* [Africa: Development Prospects and Recommendations for Russian Policy: A Situation Analysis Report]. Moscow, International Relations, 2021. 142 p. URL: <https://we.hse.ru/mirror/pubs/share/1017997603.pdf>
3. Ajala O. K voprosu o pozicii stran Afriki v konflikte na Ukraine [On the Position of African Countries in the Conflict in Ukraine]. *Bulletin of International Organizations*, 2023, vol. 18, no. 2, pp. 7-30.
4. At the UN, President Faye Calls for Defending Democracy Against Extremism. *Gouvernement du Sénégal*, 2025, Sept. 24. URL: <https://www.presidence.sn/en/actualites/at-the-un-president-faye-calls-for-defending-democracy-against-extremism-1>
5. Au Sénégal, le président Bassirou Diomaye Faye ne veut pas de «rupture brutale» avec la France. *Monde*, 2024, July 24. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/07/14/au-senegal-le-president-bassirou-diomaye-faye-ne-veut-pas-de-rupture-brutale-avec-la-france_6249895_3212.html

6. Babacar Diop, maire de Thiès: “Diomaye doit être soutenu dans son projet de construction d’un Sénégal nouveau”. *Le Quotidien*, 2024, June 8. URL: <https://lequotidien.sn/babacar-diop-maire-de-thies-diomaye-doit-etre-soutenu-dans-son-projet-de-construction-dun-senegal-nouveau/>

7. Bagayoko A. Sénégal: Manifestation de soutien à Ousmane Sonko, des drapeaux russes aperçus. *Maliactu*, 2023, Mar. 29. URL: <https://maliactu.net/au-senegal-des-manifestants-reclament-la-liberation-des-detenus-politiques/>

8. Bensimon C., Kane C. Entre Emmanuel Macron et Bassirou Diomaye Faye, une rencontre pour «donner une nouvelle impulsion» aux relations franco-sénégalaises. *Monde*, 2024, June 20. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2024/06/20/entre-emmanuel-macron-et-bassirou-diomaye-faye-une-rencontre-pour-donner-une-nouvelle-impulsion-aux-relations-franco-senegalaises_6241857_3212.html

9. Cédéo: le président du Sénégal dans le rôle de médiateur avec les pays réfractaires du Sahel. *TV5MONDE*, 2024, Dec. 9. URL: <https://information.tv5monde.com/afrique/cedeao-le-president-du-senegal-dans-le-role-de-mediateur-avec-les-pays-refractaires-du>

10. Cérémonie d’ouverture de la 2e édition du Forum Invest in Sénégal (FII SENEGAL). *Gouvernement du Sénégal*, 2025, Oct. 7. URL: <https://primature.sn/publications/actualites/ceremonie-douverture-de-la-2e-edition-du-forum-invest-senegal-fii-senegal>

11. Chihachev A. Franciya v Afrike: otstuplenie prodolzhaetsya [France in Africa: The Retreat Continues]. *Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub Valdaj*, 2025, Febr. 18. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsiya-v-afrike-otstuplenie-prodolzhaetsya/>

12. Communiqué conjoint de Jean-Noël Barrot, ministre de l’Europe et des Affaires étrangères et Yassine Fall, ministre de l’Intégration africaine et des Affaires étrangères de la République du Sénégal, 12 février 2025. *Ministère de l’Europe et des affaires étrangères*. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/senegal/evenements/article/communiqu%C3%A9-conjoint-de-jean-no%C3%A9l-barrot-ministre-de-l-europe-et-des-affaires>

13. Denisova T.S. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya Leopolda Sedara Sengora [On the 110th Anniversary of the Birth of Leopold Cedar Senghor]. *Aziya i Afrika segodnya*, 2017, no. 5, pp. 34-36. URL: <https://asafras.ru/s0321-50750000616-3-1-ru-169/>

14. Diop C.G. La Chine détrône la France comme premier fournisseur commercial du Sénégal. *Soleil*, Apr. 2, 2025. URL: <https://lesoleil.sn/actualites/economie/la-chine-detrone-la-france-comme-premier-fournisseur-commercial-du-senegal/>

15. Diop M. Sommet de l’UA: le président Bassirou Diomaye Faye plaide pour une Afrique

souveraine et une gouvernance transparente. *RTS*, 2025, Febr. 15. URL: <https://www.rts.sn/actualite/detail/international/sommet-de-lua-le-president-bassirou-diomaye-faye-plaide-pour-une-afrique-souveraine-et-une-gouvernance-transparente>

16. Dmitrij Kurakov: Senegal interesen rossijskim ehnergokompaniyam [Dmitry Kurakov: Senegal Is Interesting for Russian Energy Companies]. *RIA Novosti*, 2024, June 2. URL: <https://ria.ru/20240602/kurakov-1949742445.html>

17. Dregnounou L.L. ONU: Diomaye Faye dénonce les rivalités géopolitiques dans le Sahel. *Africanews*, 2024, Sept. 26. URL: <https://fr.africanews.com/2024/09/26/onu-diomaye-faye-denonce-les-rivalites-geopolitiques-dans-le-sahel/>

18. Drobinin A. Neokolonializm i nasha borba s nim [Neocolonialism and our Struggle Against It]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2024, Jan. 26. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/44348>

19. Filippov V.R. Sistemnyj krizis «Fransafrik» [‘Françafrique’ Systemic Crisis]. *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Journal of the Institute for African Studies], 2024, no. 2, pp. 144-156. DOI: <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-144-156>

20. Forum Invest in Senegal. *Presidency of Senegal*, 2025, Oct. 7. URL: <https://www.presidence.sn/en/actualites/president-bassirou-diomaye-faye-opens-the-2nd-edition-of-the-invest-in-senegal-forum-1>

21. Glava MID Senegala nazvala otnosheniya s Rossiej bratskimi [The Foreign Minister of Senegal Called Relations with Russia Fraternal]. *Izvestiya*, 2024, Aug. 29. URL: <https://iz.ru/1750635/2024-08-29/glava-mid-senegala-nazvala-otnosheniia-s-rossiei-bratskimi>

22. Goncharuk D. Putin nazval Senegal nadezhnym partnerom Rossii [Putin Called Senegal a Reliable Partner of Russia]. *Rossiyskaya gazeta*, 2023, July 28. URL: <https://rg.ru/2023/07/28/putin-nazval-senegal-nadezhnym-partnerom-rossii.html>

23. Grishina N.V. Recenziya na monografiyu Sadovskoj L.M. «Vlast i oppozitsiya v afrikanskom obshchestve v konce XX – nachale XXI v. (na primere Senegala i Kot-d’Ivua)». M., Institut Afriki RAN, 2017. 152 s. [Review of the Monograph by Sadovskaia L.M. “Power and Opposition in African Society in the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries (On the Example of Senegal and Côte d’Ivoire)”. Moscow, Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences, 2017. 152 p.]. *Uchenye zapiski instituta Afriki RAN*, 2017, no. 4 (41), pp. 123-128. URL: <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2024/10/Zapiski-4-2017-%D0%93%D1%80%D0%B8%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf>

24. Informatsiya o Senegale [Information About Senegal]. *Posolstvo Rossijskoj Federacii v Respublike Senegal i v Respublike Gambii* [Embassy of the

Russian Federation in the Republic of Senegal and in the Republic of the Gambia]. URL: <https://senegal.mid.ru/ru/countries/senegal/>

25. Intense ballet diplomatique à la Primature: Le PM Ousmane Sonko reçoit plusieurs. *OURAGAN.SN*, 2024, June 8. URL: <https://ouragan.sn/intense-balai-diplomatique-a-la-primature-le-pm-ousmane-sonko-recois-plusieurs-ambassadeurs/>

26. La Chambre de commerce et d'investissement Afrique, Russie et Eurasie installée à Dakar. *Ministère de l'Industrie et du Commerce*, 2024, July 17. URL: <https://industriecommerce.gouv.sn/cooperation-russie-senegal/>

27. La Chine devient le premier fournisseur du Sénégal en 2024, devant la France. *RTS*, 2025, Mar. 29. URL: <https://www.rts.sn/actualite/detail/economie/la-chine-devient-le-premier-fournisseur-du-senegal-en-2024-devant-la-france>

28. La Russie et le Sénégal renforcent leurs liens bilatéraux. *Africanews*, 2024, Sept. 30. URL: <https://fr.africanews.com/2024/08/30/la-russie-et-le-senegal-renforcent-leurs-liens-bilateraux/>

29. La ville de Thiès signe un partenariat avec celle de Sébastopol. *APS*, 2024, July 31. URL: <https://aps.sn/les-ville-de-thies-et-sebastopol-signent-une-convention-de-partenariat/>

30. Labutina D. V Senegale projdet vystavka sovremennogo rossijskogo iskusstva [An Exhibition of Contemporary Russian Art Will Be Held in Senegal]. *TASS*, 2024, Sept. 5. URL: <https://tass.ru/kultura/21783957>

31. Le gouvernement lance fii sénégal 2025: cap sur une économie souveraine et attractive. *RTS*, 2025, May 27. URL: <https://www.rts.sn/actualite/detail/a-la-une/le-gouvernement-lance-fii-senegal-2025-cap-sur-une-economie-souveraine-et-attractive>

32. Makron dogovorilsya s prezidentom Senegala ob obnovlenii dvustoronnego partnerstva [Macron Agreed with the President of Senegal on the Renewal of the Bilateral Partnership]. *IA Afrikanskaya iniciativa*, 2024, June 21. URL: <https://afrinz.ru/2024/06/makron-dogovorilsya-s-prezidentom-senegala-ob-obnovlenii-dvustoronnego-partnerstva/>

33. Makron obyyavil o sushchestvennom sokrashchenii francuzskogo voennogo prisutstviya v Afrike [Macron Announced a Significant Reduction in the French Military Presence in Africa]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 2023, Febr. 28. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/39204>

34. Mantelin F. «L'effet pangolin», une note confidentielle sur la crise africaine qui vient. *Le monde diplomatique*, 2020, Apr. 9. URL: <https://blog.mondediplo.net/l-effet-pangolin-une-note-confidentielle-sur-la>

35. Maslov A., Sviridov V., Ayuma A.C., Bianchi V., Bondarenko A., Kalashnik O., Panin N., Shelkovnikov A., ed. *Doklad mezhdunarodnogo*

diskussionnogo kluba «Valday» «Perspektivy i zadachi rossijsko-afrikanskogo sotrudnichestva» [Report of the Valdai International Discussion Club “Prospects and Objectives of Russian-African Cooperation”], 2024. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/48732/>

36. Mezhgosudarstvennye otnosheniya Rossii i Senegala [Interstate Relations Between Russia and Senegal]. *RIA Novosti*, 2023, June 17. URL: <https://ria.ru/20230617/diplomatiya-1878786265.html>

37. Mihajlenko A.N., Rovchak P.Yu. Otnosheniya Rossii so stranami Afriki v kontekste formirovaniya novogo mirovogo poryadka [Russia's Relations with African Countries in the Context of the Formation of a New World Order]. Moscow, MAKSPress, 2024. 260 p.

38. *Ministère des Armes*. URL: <https://www.defense.gouv.fr/operations/afrique/afrique-centrale-louest/elements-francais-au-senegal>

39. Na vstreche Chrezvychajno i Polnomochnogo Posla RF D.V. Kurakova s premyer-ministrom Respubliki Senegal U. Sonko [On the Meeting of Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation D.S. Kurakov with the Prime Minister of the Republic of Senegal W. Sonko]. *Posolstvo Rossijskoj Federacii v Respublike Senegal i v Respublike Gambii*, 2024, June 8. URL: https://senegal.mid.ru/ru/press-centre/news/o_vstreche_chrezvychajno_i_polnamochnogo_posla_rossiyskoj_federatsii_d_v_kurakova_s_premier_ministr/

40. On ne remplace pas la France par la Russie, dit Sonko aux burkinabais. *Senalione*, 2022, Nov. 10. URL: <https://senalioune.com/on-ne-remplace-pas-la-france-par-la-russie-dit-sonko-aux-burkinabais/>

41. Posol RF v Senegale nazval «velikim» obyem importa rossijskikh nefteproduktov [The Russian Ambassador to Senegal Called the Volume of Imports of Russian Petroleum Products “Great”]. *Vedomosti*, 2024, June 2. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2024/06/02/1040985-obem-importa-nefteproduktov>

42. Prezident Senegala prizval k reformirovaniyu EKOVAS dlya borby s terrorizmom [The President of Senegal Called for the Reform of ECOWAS to Combat Terrorism]. *IA Afrikanskaya iniciativa*, 2024, Dec. 9. URL: <https://afrinz.ru/2024/12/prezident-senegala-prizval-k-reformirovaniyu-ekovas-dlya-borby-s-terrorizmom/?ysclid=m4snuczaru659641095>

43. Prezident Senegala: ECOWAS nuzhno reformirovat dlya borby s terrorizmom [President of Senegal: ECOWAS Needs to Be Reformed to Fight Terrorism]. *TASS*, 2024, Dec. 8. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22609161>

44. Prezident Senegala: nalichie voennykh baz Francii nesovmestimo s suverenitetom [The President of Senegal: The Presence of French Military Bases Is Incompatible with Sovereignty]. *Kommersant*, 2024, Nov. 29. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7330416>

45. *Renforcement des liens diplomatiques: Le Premier ministre sénégalais reçoit plusieurs ambassadeurs*, 2024, June 7. URL: <https://ledakarois.sn/renforcement-des-liens-diplomatiques-le-premier-ministre-senegalais-recoit-plusieurs-ambassadeurs/>
46. Romanov R., Bojko A., Sokolov A., Sobol M. Ehksperity ocenili potencial razvitiya torgovykh svyazey s Afrikoy [Experts Assessed the Potential for Developing Trade Relations with Africa]. *Vedomosti*, 2023, July 27. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/07/27/987126-eksperti-otsenili-potentsial-razvitiya-torgovih-svyazei-s-afrikoi>
47. Sadovskaya L.M. Prezidentskie vybory v Senegale: veter kontinentalnykh peremen [Presidential Elections in Senegal: The Wind of Continental Change]. *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk*, 2024, May 31. URL: <https://www.inafran.ru/node/3238>
48. Sadovskaya L.M. Problemy politicheskoy stabilnosti stran Zapadnoy Afriki i metody ikh resheniya (na primere Kot-D'Ivua i Senegala) [Problems of Political Stability in West African Countries and Methods of Their Solution (Using the Example of Côte d'Ivoire and Senegal)]. *Uchenye zapiski instituta Afriki RAN*, 2018, no. 2 (43), pp. 75-88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-politicheskoy-stabilnosti-stran-zapadnoy-afriki-i-metody-ih-resheniya-na-primere-kot-d-ivuara-i-senegala>
49. Sadovskaya L.M. *Vlast i oppozitsiya v afrikanskom obshchestve v konce XX – nachale XXI vv. (na primere Senegala i Kot-D'Ivua)* [Power and Opposition in African Society in the late 20th – Early 21st Centuries (Using the Example of Senegal and Côte d'Ivoire)]. Moscow, In-t Afriki RAN, 2017. 152 p.
50. Sekacheva A.B. Osobennosti vzaimosvyezey Francii s byvshimi afrikanskimi koloniyami v ramkakh mezhdunarodnoj organizatsii frankoyazychnykh stran [Peculiarities of France's Relations with Former African Colonies Within the Framework of the International Organization of French-Speaking Countries]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Ehkonomika i upravlenie*, 2022, no. 3, pp. 110-122.
51. Senegal Holds Forum to Attract Global Investors. *Xinhua*, Oct. 8, 2025. URL: <https://english.news.cn/africa/20251008/8f9df8c9c0e5492e812d107bde51a0d1/c.html>
52. Senegal stanovitsya blizhe: novye vozmozhnosti dlya biznesa Podmoskovya! [Senegal Is Getting Closer: New Business Opportunities in the Moscow Region!]. *Chamber of Commerce and Industry in the Moskovskaya oblast*, 2025, May 19. URL: <https://mosobl.tpprf.ru/ru/news/574600/>
53. Senegal zaplaniroval sokratit deficit byudzheta do 7% VVP v 2025 godu [Senegal Plans to Reduce Budget Deficit to 7% of GDP in 2025]. *IA Afrikanskaya iniciativa*, 2024, Dec. 15. URL: <https://afrinz.ru/2024/12/senegal-zaplaniroval-sokratit-deficit-byudzheta-do-7-vvp-v-2025-godu/>
54. Senegal. Statistika [Senegal. Statistics]. *TASS*. URL: <https://tass.ru/encyclopedia/country/%D0%A1/senegal?ysclid=m5178ng7sm431289584#statistics>
55. Sénégal: l'armée française commence à restituer ses installations aux autorités. *Monde*, 2025, March 7. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2025/03/07/senegal-l-armee-francaise-commence-a-restituer-ses-installations-aux-autorites_6577044_3212.html
56. Sénégal: l'opposant Sonko, «dépeint comme anti-Français», affirme n'avoir «rien contre» Paris. *le Figaro*, 2023, Jan. 6. URL: <https://www.lefigaro.fr/flash-actu/senegal-l-opposant-sonko-depeint-comme-anti-francais-affirme-n-avoir-rien-contre-paris-20230106>
57. Sevastopol i gorod Ties naladyat tovarooborot [Sevastopol and the City of Ties Will Establish Trade Turnover]. *Pervyy Sevastopolskiy telekanal*, 2024, Aug. 1. URL: <https://sev.tv/news/97074.html>
58. Shmeleva N.V. Franciya i Afrika: slozhnye otnosheniya, tumannye perspektivy [France and Africa: Complicated Relations, Vague Prospects]. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* [Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences], 2023, no. 4, pp. 94-108. DOI: 10.18384/2949-5164-2023-4-94-108
59. Soglashenie mezhdru pravitelstvom Rossijskoj Federatsii i pravitelstvom Respubliki Senegal o voenno-tekhnicheskome sotrudnichestve. Data podpisaniya: 14.09.2007 [Agreement Between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Senegal on Military-Technical Cooperation. Date of Signing: 14.09.2007]. *Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation*. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/45689/
60. Sous la Houlette du Maire Babacar Diop, les Enjeux du Partenariat Thiès-Sébastopol. *Thiesinfo*, 2024, Sept. 1. URL: https://www.thiesinfo.com/Sous-la-Houlette-du-Maire-Babacar-Diop-les-Enjeux-du-Partenariat-Thies-Sebastopol_a4294.html
61. Telefonnyj razgovor s Prezidentom Respubliki Senegal Bassiru Diomaem Faem [Telephone Conversation with President of the Republic of Senegal Bassiro Diomay Faye]. *Kremlin.ru*, 2024, Nov. 22. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75618>
62. Torgovo-investicionnaya palata Afrika-Rossiya-Evraziya namerena organizovat mezhdunarodnuyu delovuyu vstrechu v Dakare [The Africa-Russia-Eurasia Chamber of Commerce and Investment Intends to Organize an International Business Meeting in Dakar].

RT en français, 2025, Oct. 9. URL: <https://francais.rt.com/afrique/126172-senegal-chambre-commerce-dinvestissement-afrique—eurasie-organise-rencontre-affaires-internationale?ysclid=mgjvrog6sp680516082>

63. V Burkina-Faso obvinili Benin i Kot-d'Ivuar v popytках destabilizacii strany [Burkina Faso Accused Benin and Côte d'Ivoire of Trying to Destabilize the country]. *TASS*, 2024, July 11. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21339109>

64. V Senegale otkrylas trgovno-investicionnaya palata «Afrika-Rossiya-Evraziya» [The Africa-Russia-

Eurasia Chamber of Commerce and Investment Opened in Senegal]. *IA Afrikanskaya iniciativa*, 2024, July 11. URL: <https://afrinz.ru/2024/07/v-senegale-otkrylas-torgovo-investicionnaya-palata-afrika-rossiya-evraziya/>

65. Vircoulon T. Le dilemme de la relation militaire franco-africaine : réinventer ou tourner la page?». *IFRI*, 2024, Nov. 18. URL: <https://www.ifri.org/fr/briefings/le-dilemme-de-la-relation-militaire-franco-africaine-reinventer-ou-tourner-la-page>

66. Waltz K.N. *Theory of International Politics*. Addison-Wesley Publishing Company, 1979. 252 p.

Information About the Author

Alexey L. Petrov, Master of Sciences (Political Studies), Political Observer, Russian Television and Radio Broadcasting Company, 5-ya Yamskogo Polya St, 19–21, 125040 Moscow, Russian Federation, a-l-petrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5476-3958>

Информация об авторе

Алексей Львович Петров, магистр политологии, политический обозреватель, Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания, ул. 5-я Ямского Поля, 19–21, 125040 г. Москва, Российская Федерация, a-l-petrov@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5476-3958>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.15>

UDC 72:719

LBC 63.3(2)64

Submitted: 25.01.2024

Accepted: 20.07.2024

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE STUDY OF RUSSIAN INDUSTRIAL HERITAGE: A REVIEW OF URAL HISTORIOGRAPHY

Elizaveta S. Lakhtionova

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. Introduction. This article provides a review of publications by Ural scientists exploring the subject of cooperation between Russia and other countries in the field of Russian industrial heritage. The scientific significance of the topic lies in the need to assess the impact of the global movement for the preservation of industrial heritage on the origins and development of the domestic one. **Methods and materials.** The directions of ongoing international cooperation were identified. In addition, the author explored over 30 currently available scientific publications concerning these directions in one way or another. For this purpose, general scientific and special historical methods were used (comparative/historical, historical/typological, and chronological domain-specific). There are no special studies comprehensively investigating the problem stated in the article. However, there exist three historiographic reviews that cursorily touch upon the subject of international cooperation in the sphere of industrial heritage. **Analysis.** The scrutiny of the scholarly papers identified several directions related to the study of the posed problem: the history and activities of the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage, Russia's membership in it; exchange of experience between scientists of different countries; organisation of international events; joint scientific research; the formation of the domestic conceptual framework in this scientific sphere and the use of international terminology; and the role of personality. **Results.** The analysis of the published materials shows that Russian researchers have studied quite thoroughly the influence of the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage on the emergence of activities focused on the study and conservation of industrial heritage in Russia. Much attention has been paid to the history of the organisation of international congresses and conferences and the implementation of joint research projects, mainly with scientists from European countries. Some attention has also been paid to the problem of using and borrowing foreign terms and methods and their subsequent transformation in relation to domestic material. A conclusion is made regarding national researchers' insufficient attention to analysing the impact of the personality factor in this sphere.

Key words: industrial heritage, congresses, Russian Federation, Ural, historiography.

Citation. Lakhtionova E.S. International Cooperation in the Study of Russian Industrial Heritage: A Review of Ural Historiography. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 191-198. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.15>

УДК 72:719

ББК 63.3(2)64

Дата поступления статьи: 25.01.2024

Дата принятия статьи: 20.07.2024

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ: ОБЗОР УРАЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Елизавета Сергеевна Лахтионова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. Введение. В статье дается обзор публикаций уральских ученых, исследующих тему сотрудничества между Россией и другими странами в области изучения российского индустриального наследия.

Научная значимость состоит в необходимости определить степень влияния мирового движения за сохранение промышленного наследия на зарождение и развитие отечественного. *Методы и материалы.* Были выявлены направления, по которым осуществлялось международное сотрудничество. После этого автором было изучено более 30 имеющихся на данный момент научных публикаций, которые так или иначе касались выявленных направлений. Для этого были использованы как общенаучные методы, так и специально-исторические (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-типологический). Специальные исследования, которые комплексно изучают поставленную в статье проблему, отсутствуют. Однако имеется 3 историографических обзора, которые вскользь затрагивают тему международного сотрудничества в сфере индустриального наследия. *Анализ.* В процессе изучения научных работ были определены направления, связанные с изучением поставленной проблемы: история и деятельность Международного комитета по сохранению индустриального наследия (ТИССИН), вхождение России в его состав; обмен опытом между учеными различных стран; организация международных мероприятий; осуществление совместных научных исследований; формирование отечественного понятийного аппарата в данной научной сфере и использование международной терминологии; роль личности. *Результаты.* Проведенный анализ опубликованных материалов свидетельствует о том, что российскими исследователями достаточно неплохо изучена тема влияния ТИССИН на зарождение в нашей стране деятельности по изучению и сохранению индустриального наследия. Особое место занимало изучение истории организации международных конгрессов и конференций, осуществления совместных научно-исследовательских проектов, главным образом с учеными из стран Европы. Определенный интерес вызывала проблема использования и заимствования иностранных терминов и методик и последующей их трансформации применительно к отечественному материалу. Делается вывод о недостаточном внимании со стороны отечественных исследователей к анализу влияния личностного фактора в этой сфере.

Ключевые слова: индустриальное наследие, конгрессы, Российская Федерация, Урал, историография.

Цитирование. Лахтионова Е. С. Международное сотрудничество в области изучения российского индустриального наследия: обзор уральской историографии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 191–198. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.15>

Introduction. The relevance of the article is determined by the forthcoming 35th anniversary (1990–2025) of Russia's national representation in the International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage, which will mark 50 years of its existence in 2023¹.

According to the definition proposed by Professor V.V. Zapariy, industrial heritage is understood as a part of the material historical and cultural heritage, defined as “a set of structures and artefacts produced by society with the use of labour, which are considered quite important to be preserved for future generations” [24, p. 79].

The scientific novelty of the study lies in the fact that so far no one has undertaken a focused analysis of the existing bulk of extensive publications that, in one way or another, address the subject of cooperation between Russia and other countries in the study of the national industrial heritage. Such a comprehensive historiographic review is important for assessing the significance of the impact of different countries on the formation and development of the movement for the preservation of industrial heritage in our country since the 1990s.

The aim of the article is to identify the areas of interaction between Russian researchers and the international community in the sphere of industrial heritage studies through a review of Ural historiography.

Methods and materials. The author scrutinised over 30 currently available scientific publications devoted to international cooperation in the study of Russian industrial heritage. The set of scientific techniques used to achieve the research goal comprises both general scientific and special historical methods. Among the latter, the historical/typological method should be singled out, as it was used to identify the types of problems that arose within the framework of international cooperation and were faced by the involved parties at different times. The application of the comparative-historical and chronological domain-specific methods made it possible to characterise the extent of coverage of the identified problem areas across different chronological periods.

The theoretical and methodological framework used in this paper made it possible to assess the contribution made by Ural researchers –

active participants in international contacts – to the study of the history of cooperation between Russia and other countries in the field of industrial heritage.

Among those who briefly touched upon the subject of international cooperation within the framework of historiographic reviews, scholars such as Kamynin [12], Kurlaev [14], and Shipitsyna [19] should be mentioned; in revealing their subject areas, they could not ignore the issue of interaction between Russia and other countries in preserving this category of historical and cultural heritage.

Analysis. The global movement for the conservation of industrial heritage originated in the 1960s in Great Britain. As other European countries joined the movement, in 1973, The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage ² (hereinafter – TICCIH) was formed with a view to exploring, preserving, and maintaining the industrial, engineering, and technical heritage in Europe and, subsequently, all over the world.

A number of Russian works are devoted to the history of this international organisation, which is explained by its significant contribution to activities aimed at preserving industrial heritage in our country. V.V. Zapariy, Russia's national representative in the TICCIH since 2003, wrote about it in the greatest detail. He noted that “the strong point of national TICCIH organisations is the tangible experience in restructuring and adaptation of a number of industrial heritage objects to modern social needs” [25, p. 7]. That is, it is not only about the study and accounting of preserved industrial heritage objects but also their actualisation and use.

Professor V.D. Kamynin, Doctor of Sciences (History), explains the growing interest in the problems of industrial heritage protection in our country by the development of international scientific relations at the turn of the 1990s [12, p. 89]. Indeed, in 1990, Russia joined the global movement for the preservation of industrial heritage when Professor V.V. Alekseev, Doctor of Sciences (History), was elected the first national representative from Russia in the TICCIH at the VII International Conference on the Conservation of Industrial Heritage “Industry, Man and Landscape” in Brussels (Belgium). This marked Russia's official entry into this organisation. This was highlighted by a number

of researchers [1; 7; 22], many of whom quite reasonably note the positive contribution of TICCIH to this process.

Subsequently, the TICCIH's role in the ongoing movement for the preservation of industrial heritage diminished, as repeatedly mentioned by Zapariy [23; 28]. Kurlaev explains this in one of his works by the assumption that “having exhausted the initial impetus in the early 1990s, the committee was unable to produce any impact on the preservation of industrial monuments in Russia, being outside the established structure of monument protection and preservation in Russia” [13, p. 75].

Problems in exploring industrial heritage in Russia were largely due to the lack of clear terminology and criteria for defining an object of industrial heritage and in classifying its types and categories. Originally, Russian scientists had to use terms developed by foreign scholarship [5]. E.V. Alekseeva, Doctor of Sciences (History), analysed foreign- and Russian-language concepts related to the study and preservation of industrial heritage and concluded that the terminology of different countries showed significant differences, which, undoubtedly, were reflected in the specifics of their respective policies and research practices [8]. A glossary jointly compiled with Doctor of Philosophy T.Yu. Bystrova proved to be the result of long-term research; its creation involved the study of numerous notions and terms, as well as concepts and practical methods used by researchers and practitioners all over the world [11].

Zapariy was closely engaged in elaborating appropriate terminology; this work contributed to the development of the fundamental concept of “industrial heritage” relative to the Russian reality [24]. The international term was taken as a basis ³, but its interpretation was expanded: in addition to material remnants, anthropological and socio-economic factors were also considered, which was explained by the historical peculiarities of the national industry.

Two major international events held in Russia were landmark events. In 1993, Nizhny Tagil and Yekaterinburg hosted a conference with the status of an official TICCIH inter-congress event. In 2003, the 12th International Congress of this organisation was held in Yekaterinburg and Moscow. Following each event, collections of

speech abstracts of the participants were published⁴. Numerous articles were published on the materials of these congresses, both those specifically devoted to them [17] and those mentioning them briefly [12, pp. 90-91; 20, pp. 124-127; 28, pp. 49-50]. All authors unanimously agree that the organisation of such large-scale events under the auspices of TICCIH in Russia was a sign of respect and trust from foreign colleagues.

Scientific contacts at the international level have been maintained by Russian scientists since the early 1990s. At that time, Russia was only beginning its own path in terms of preserving industrial heritage, without having effective tools for this. Professional cooperation with international organisations and foreign specialists with rich practical experience in identifying, studying, and protecting industrial heritage sites proved very helpful. Russian scientists' trips abroad contributed to strengthening the network of scientific contacts with organisations and institutions of a number of countries engaged in the study, preservation, and museumisation of industrial heritage monuments [16, pp. 166, 171].

In the 2000s–2010s, international scientific contacts continued [4]. This is evidenced by regular trips, with reports and papers, to other countries to attend various events. In particular, V.V. Zapariy, Russia's national representative in the TICCIH, visited a number of countries: 2006 – Italy [29]; 2009 – Germany [27]; 2010 – Spain; and 2012 – Taiwan [30]. After each trip, he published reporting articles in which he not only covered the course of the attended congresses and conferences but also noted the effectiveness of such events, as well as the need for the participation of Russian scientists in them. Each time, foreign colleagues expressed their interest in further developing scientific contacts.

A number of major international conferences entitled "Industrial Heritage" were organised in 2005–2007 in the cities of Saransk, Gus-Khrustalny, and Vyksa, initiated and supported by N.P. Ogarev Mordovian State University (Saransk) and the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Russian and World Economic History. They were addressed by foreign colleagues representing scientific, educational, and public organisations. These scientific events are considered momentous for specialists engaged in the study and preservation

of industrial heritage, as they made it possible to actualise this subject area and consolidate the work of scientists from different scholarly directions in different countries [28, p. 51].

Joint scientific research by Russian and foreign scientists also contributed to the exchange of experience among colleagues from different countries. A vivid example is a long-term research project by scientists from Russia and France, embodied in a number of publications [6], including an illustrated French-language monograph by V.V. Alekseev and E.V. Alekseeva devoted to the history of Ural metallurgy and its heritage [3]. The high value of this Russian-French study is confirmed by the recognition of Russian colleagues [26] and by the fact that this monograph is actively used in the educational process of some European universities, which is due not only to its scientific credibility but also to the clarity of its language.

Close Russian-French scientific contacts in the sphere of studying and preserving industrial heritage were also realised through reciprocal visits by representatives of the two countries. This included Alekseeva's repeated lectures in France, as well as return visits to Russia by representatives of the Association for the Preservation of Industrial Heritage of the Champagne-Ardenne region and the French National Association for Industrial Heritage [10, pp. 29-30; 15; 20, pp. 131-132].

The personality factor is of great importance in any interaction. The global movement for the preservation of industrial heritage and Russia's participation in it would be impossible without its actors. In this regard, Alekseeva's article is of interest – the only one of its kind – on women's contribution to the development of this movement, including in Russia [10]. The author selected not only foreign female researchers for her study but also Russian compatriots to describe the contribution of each of them to establishing international contacts between Russia and other countries.

A number of articles not focused on gender [9; 21] also address the personality factor in the development of international cooperation in studying and preserving industrial heritage. This includes, for instance, an article by S.A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, detailing Zapariy's activity and scientific creativity in the field of industrial heritage preservation. As noted by

Nefedov, this scientist's personal contribution includes not only over 80 works on the problems of studying and preserving industrial heritage, including those published and presented abroad, but also the coverage of "difficulties and problems in the development of this movement in our country" [18, p. 91], explained by Zapariy's in-depth involvement in the development of the movement for preserving industrial heritage in Russia, as well as by his opportunity to compare how this issue is addressed in other countries through personal experience.

The year 2025 will mark the 35th anniversary of Russia's national representation in the TICCIH. Earlier, its 25th anniversary was marked by several articles by leading scholars, recognised authorities in the field of studying and preserving industrial heritage in our country [2; 28]. All of them note the great importance of international cooperation for the emergence and development of the Russian movement aimed at studying and preserving industrial heritage.

Results. Thus, in the 1990s, international cooperation in the sphere of studying Russian industrial heritage originated due to the active participation of Ural scientists in scholarly events held under the auspices of the TICCIH. The influence and contribution of the latter to the formation of the Russian movement for preserving industrial heritage are assessed positively by most domestic researchers. However, this movement did not fully develop in our country due to the lack of support from state structures.

Ural scientists have explored quite profoundly the impact of international experience in studying and preserving industrial heritage on Russian research practice. This concerns, in the first place, foreign terminology and methodology, which, undoubtedly, were successfully used by Russian scientists in developing national terms and methods.

Sharing experience within the framework of joint scientific, methodological, and research activities, both in Russia and abroad, is also a subject that has drawn significant attention from Russian scholars. Numerous papers cover particular events and assess their results and significance for the study and preservation of industrial heritage in Russia. Many publications attach great importance to the international scientific events held under the aegis of the TICCIH in Russia in 1993 and 2003.

Judging by the publications, two main centres dealing with the study of industrial heritage are functioning in our country; their representatives have actively interacted with the international scientific community. These centres are located in the Urals (Yekaterinburg, Nizhny Tagil) and Mordovia (Saransk). They host such notable scientific and educational institutions as the Institute of History and Archaeology under the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University named after the First President of Russia, Boris Yeltsin, and N.P. Ogarev Mordovia State University. Assessing the activities of these organisations, researchers note a number of directions that promote and expand international cooperation in exploring and preserving industrial heritage: joint research projects, preparation and publication of articles and monographs, and trips to other countries to attend various events. According to the authors of a number of articles, all of the above enrich our compatriots' work and contribute to the further development of their research in the sphere of industrial heritage.

The personality aspect of international cooperation should be specifically accentuated, since it is people who promote successful interaction and the establishment of strong relationships. This aspect does not seem to have been well studied: there are only a few scattered articles that briefly highlight the contributions and activities of individual scholars, whereas this subject deserves more attention. Many scholars in our country have made significant contributions to the study and preservation of industrial heritage and have promoted international cooperation in this field since the 1990s.

NOTES

¹ The International Committee for the Conservation of the Industrial Heritage. *TICCIH Congress 1973. 1975*. URL: <https://osf.io/c2rzs>

² *Международный комитет по сохранению индустриального наследия*. URL: <https://ticcih.org>

³ *The Nizhny Tagil Charter for the Industrial Heritage*. URL: <https://ticcih.org/wp-content/uploads/2013/04/NTagilCharter.pdf>

⁴ Conservation of the Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems. *TICCIH Proceedings of the International Scientific Conference*. Yekaterinburg, Cultural Information Bank,

1994; The Transformation of Old Industrial Centres and the Role of Industrial Heritage. *Presentation abstracts of the XII International Congress on Industrial Heritage, Moscow – Yekaterinburg – Nizhny Tagil, 10 – 17 July 2003*. Yekaterinburg, Cultural Information Bank, 2003.

REFERENCES

1. Alekseev V.V. Problemy izucheniya industrialnogo naslediya Urala [Problems of Studying the Industrial Heritage of the Urals]. *Sokhranenie industrialnogo naslediya: mirovoi opyt i rossiiskie problemy: materialy Mezhdunar. nauch. konf. TICCIH* [Preservation of Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems. Proceedings of the International Scientific Conference TICCIH]. Yekaterinburg, Bank kultur. informatsii, 1994, pp. 47-56.
2. Alekseev V.V. Ural v mirovom industrialnom nasledii (k 25-letiyu vklucheniya Rossii v mezhdunarodnoe dvizhenie za sokhranenie industrialnoe naslediya) [Ural in the World Industrial Heritage (To the 25th Anniversary of Russia's Inclusion in the International Movement for the Preservation of Industrial Heritage)]. *Vesi* [Vesey], 2015, no. 10, pp. 1-5.
3. Alekseev V., Alekseeva E. *L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine*. Chambéry. Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel-Ferré, 2011. 178 p.
4. Alekseeva E.V. Est li budushchee u starykh rabochikh poselkov? (Zametki o mezhdunarodnom kongresse «Rabochie poselki i goroda-zavody», 4–6.10.2018, g. Terrassa, natsionalnyi muzei nauki i tekhniki Katalonii) [Is There a Future for the Old Workers' Settlements? (Notes on the International Congress "Working Settlements and City-Factories," Oct. 4–6, 2018, Terrassa, National Museum of Science and Technology of Catalonia)]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2019, no. 3 (64), pp. 142-144. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3\(64\)-142-144](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2019-3(64)-142-144)
5. Alekseeva E.V. Industrialnoe nasledie gorodov-zavodov: zarubezhnye podkhody k izucheniyu, sokhranenyu i ispolzovaniyu [Industrial Heritage of City-Factories: Foreign Approaches to the Study, Conservation and Use]. *Aktualnye problemy izucheniya istoricheskikh gorodov-zavodov* [Actual Problems of Studying Historical City-Factories]. Izhevsk, Udmurt. feder. issled. tsentr Ural. otd-niya Ros. akad. nauk, 2020, pp. 12-19.
6. Alekseeva E. La métallurgie ouralienne dans l'Histoire et le patrimoine mondiale. *Le patrimoine industriel de Champagne-Ardenne. Diversité et destinées. L'inventaire en perspective*. Reims, CRDP, 2012, pp. 131-139.
7. Alekseeva E.V. Mezhdunarodnye nauchnye svyazi kak faktor razvitiya dvizheniya za mirovoe industrialnoe nasledie [International Scientific Relations as a Factor in the Development of the Movement for the World Industrial Heritage]. *Industrialnoe dostoyanie Yuzhnogo Urala: materialy elektron. konf.* [Industrial Property of the Southern Urals: Proceedings of Electron. Conf.]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, 2011, pp. 213-220.
8. Alekseeva E.V. Mirovoe industrialnoe nasledie: k voprosu o terminologii izucheniya i sokhraneniya [World Industrial Heritage: On the Issue of the Terminology of Study and Preservation]. *Industrialnoe nasledie Rossii: mezhdistsiplinarnye issledovaniya, opyt sokhraneniya, strategii renovatsii* [Industrial Heritage of Russia: Interdisciplinary Research, Conservation Experience, Renovation Strategies]. Khanty-Mansiysk, Yugor. format Publ., 2020, pp. 48-54.
9. Alekseeva E.V. Sokhranenie mirovogo industrialnogo naslediya: lidery dvizheniya i issledovatel'skogo napravleniya [Preservation of the World Industrial Heritage: Leaders of the Movement and Research Direction]. *Industrialnoe nasledie kak resurs dlya razvitiya. Varianty strategii. 300+* [Industrial Heritage as a Resource for Development. Strategy Options. 300+]. Nizhny Tagil, Nizhnetagil. muz.-zapovednik «Gornozavodskoi Ural», 2020, pp. 6-12.
10. Alekseeva E.V. Zhenshchiny v mirovom dvizhenii za sokhranenie industrial'nogo naslediya [Women in the World Movement for the Preservation of Industrial Heritage]. *Gender v fokuse antropologii, etnografii semyi i sotsialnoi istorii povsednevnosti* [Gender in the Focus of Anthropology, Family Ethnography and Social History of Everyday Life]. Moscow, Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2019, pp. 27-34.
11. Alekseeva E.V., Byistrova T.Yu. *Industrialnoe nasledie: ponyatiya, tsennostnyi potentsial, organizatsionnye i pravovye osnovy* [Industrial Heritage: Concepts, Value Potential, Organizational and Legal Foundations]. Yekaterinburg, TATLIN, 2021. 164 p.
12. Kamynin V.D. Izuchenie industrialnogo naslediya na Urale na rubezhe XX–XXI stoletii [The Study of the Industrial Heritage in the Urals at the Turn of the 20th–21st Centuries]. *Vesi* [Vesey], 2015, no. 10, pp. 89-96.
13. Kurlaev A.E. Industrialnoe nasledie v sisteme okhrany i sokhraneniya pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii: problemy i perspektivy [Industrial Heritage in the System of Protection and Conservation of Monuments of History and Culture of Russia: Problems and Prospects]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian Scientific Journal], 2015, no. 4 (47), pp. 72-79.
14. Kurlaev A.E. Istoriograficheskoe osmyslenie industrialnogo naslediya v Rossii [Historiographic Understanding of the Industrial Heritage in Russia].

Uralskii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal], 2011, no. 4 (33), pp. 47-53.

15. Lakhtionova E.S. Uralskii federalnyi universitet kak tsentr rossiiskogo dvizheniya za sokhranenie industrialnogo naslediya [Ural Federal University as the Center of the Russian Movement for the Preservation of Industrial Heritage]. *Industrialnoe razvitie regiona i mira: istoriya i sovremennost* [Industrial Development of the Region and the World: History and Modernity]. Yekaterinburg, UMC UPI, 2019, pp. 51-57.

16. Logunov E.V. Industrialnoe nasledie Rossii v Severnoi Amerike. (K itogam uchastiya uralskikh istorikov v Mezhdunarodnykh nauchnykh konferentsiyakh v Kanade i SShA) [Industrial Heritage of Russia in North America. (On the Results of the Participation of Ural Historians in International Scientific Conferences in Canada and the USA)]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 1995, no. 2, pp. 166-171.

17. Logunov E.V., Ustyantsev S.V. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Sokhranenie industrialnogo naslediya: mirovoi opyt i rossiiskie problemy» [International Scientific Conference “Preservation of Industrial Heritage: World Experience and Russian Problems”]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 1995, no. 2, pp. 161-165.

18. Nefedov S.A. Professor V.V. Zapariy kak issledovatel i propagandist voprosov sokhraneniya industrialnogo naslediya [Professor V.V. Zapariy as a Researcher and Promote of Conservation Industrial Heritage]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Russian Journal of Economic History], 2023, vol. 19, no. 1, pp. 87-95. DOI: <https://doi.org/10.15507/2409-630X.060.019.202301.087-095>

19. Shipitsyna O.A. Istoriya promyshlennogo zodchestva Urala: evolyutsiya nauchnykh issledovaniy [History of Industrial Architecture of the Urals: The Evolution of Scientific Research]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* [History and Modern Perspectives], 2020, vol. 2, no. 1, pp. 67-75.

20. Veniamin Alekseev: gorizonty istorii [Veniamin Alekseev: Horizons of History]. Yekaterinburg, Bank kultur. informatsii, 2019. 470 p.

21. Zaitseva E.V., Azorkin E.A., Alekseychik A.S. Uchenye Ekaterinburga kak aktory propagandy dvizheniya za sokhranenie industrialnogo naslediya [Scholars of Yekaterinburg as Propaganda Actors for the Movement for the Preservation of the Industrial Heritage]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki* [News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical sciences], 2021, vol. 3, no. 1, pp. 118-124. DOI: <https://doi.org/10.37313/2658-4816-2021-3-1-118-124>

22. Zapariy V.V. Industrialnoe nasledie kak sostavnaya chast uralskogo kraevedeniya: k

dvadtsatipyatiletiyu vstupleniya Rossii v Mezhdunarodnyy komitet po sokhraneniyu industrialnogo naslediya [Industrial Heritage as an Integral Part of the Ural Local History: On the Twenty-Fifth Anniversary of Russia's Entry into the International Committee for the Preservation of the Industrial Heritage]. *Aktualnye problemy sovremennogo kraevedeniya na Srednem Urale* [Actual Problems of Modern Local History in the Middle Urals]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2015, pp. 32-38.

23. Zapariy V.V. Industrialnoe nasledie Rossii: voprosy izucheniya i sokhraneniya [Industrial Heritage of Russia: Issues of Study and Preservation]. *Industrialnoe nasledie kak resurs dlya razvitiya. Varianty strategii. 300+* [Industrial Heritage as a Resource for Development. Strategy Options. 300+]. Nizhny Tagil, Nizhnetagil. muzei-zapovednik «Gornozavodskoi Ural», 2020, pp. 75-81.

24. Zapariy V.V. K voprosu o ponimanii kontseptsii «industrialnoe nasledie» v Rossii i za rubezhom [On the Issue of Understanding the Concept of “Industrial Heritage” in Russia and Abroad]. *Rossiiskii nauchnyi zhurnal* [Russian Scientific Journal], 2008, no. 2, pp. 77-83.

25. Zapariy V.V. Mezhdunarodnyi komitet po sokhraneniyu industrialnogo naslediya (TICCIH) [International Committee for the Preservation of Industrial Heritage (TICCIH)]. *Informatsionno-analiticheskii byulleten nauchnogo soveta RAN po problemam rossiiskoi i mirovoi ekonomicheskoi istorii* [Information and Analytical Bulletin of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Problems of Russian and World Economic History], 2008, no. 6, pp. 5-8.

26. Zapariy V.V. Review of L'oural metallurgique, histoire et patrimoine, by V.V. Alekseev, E.V. Alekseeva. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2011, no. 4 (33), pp. 139-141.

27. Zapariy V.V. *Russia. National Report 2006–2009. National Reports on Industrial Heritage – The Current Situation Worldwide Presented on the Occasion of the XIV International TICCIH Congress in Freiberg*. Freiberg, Zweckverband Sächsisches Industriemuseum, 2009, pp. 140-141.

28. Zapariy V.V. Uspekhi i porazheniya Rossiiskogo natsionalnogo predstavitelstva Mezhdunarodnogo komiteta po sokhraneniyu industrialnogo naslediya (TICCIH) [Successes and Failures of the Russian National Representative Office of the International Committee for the Preservation of Industrial Heritage (TICCIH)]. *Vesi* [Vesey], 2015, no. 10, pp. 49-52.

29. Zapariy V.V. XIII Kongress Mezhdunarodnogo komiteta po sokhraneniyu industrialnogo naslediya v Italii [The 13th Congress of the International Committee

for the Preservation of Industrial Heritage in Italy]. *Byulleten nauchnogo soveta Rossiiskoi akademii nauk po problemam rossiiskoi i mirovoi ekonomicheskoi istorii* [Bulletin of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Problems of Russian and World Economic History], 2006, no. 4, pp. 60-63.

30. Zapariy V.V. XV Kongress Mezhdunarodnogo komiteta po sokhraneniyu industrialnogo naslediya. Taiwan, 4–8 noyabrya 2012 g. [The 15th Congress of the International Committee for the Preservation of Industrial Heritage. Taiwan, November 4–8, 2012]. *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic History], 2012, no. 4 (19), pp. 71-74.

Information About the Author

Elizaveta S. Lakhtionova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Russian History, Doctoral Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, elza1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8414-4540>

Информация об авторе

Елизавета Сергеевна Лахтионова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, докторант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, elza1982@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8414-4540>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.16>

UDC 32.019.51
LBC 66.2(2Рос)

Submitted: 16.01.2024
Accepted: 11.01.2025

DETERMINANTS AND BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF THE INTEGRATION POTENTIAL OF THE IMAGE OF THE FUTURE OF RUSSIA

Irina A. Batanina

Tula State University, Tula, Russian Federation

Anastasia A. Lavrikova

Tula State University, Tula, Russian Federation

Olga E. Shumilova

Tula State University, Tula, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This study identifies a system of factors for the development of the integration potential of the ideal image of the future Russian society, which addresses a significant gap in modern political science. The scientific novelty of the work lies in the use of a multidimensional analytical model developed by the authors to identify structural dissonances between the ideal, real, and declared images of the future at the micro-, meso-, and macro-levels. *Methods and materials.* The research is based on a comparative analysis of in-depth interviews with representatives of the expert community (including heads of departments of regional government bodies, business structures, and mass media) and ordinary citizens of the Central Federal District and the Southern Federal District. The choice of the two districts is justified by the specifics of their socio-cultural profiles, historical development trajectories, and geopolitical status, which allows for a more detailed analysis of regional differences in perceptions of the future. *Analysis.* It is noted that the vector of perception of the country's future is positive; however, there is fragmentation and stereotyping associated with the dominance of retro-orientations in the mechanism of forming ideas about the future, which entails a narrowing of the planning horizon. It is proven that key factors limiting the functionality of the vision of the country's development prospects, and consequently differentiating society, include lack of social experience, status characteristics, and place of residence (socio-cultural characteristics of the region). The study reveals significant differences between elite and mass groups, as well as between generations. *Results.* Experts demonstrate a more complex, cognitively rich perception, while mass consciousness tends towards short-term planning and personalization of power. In high-risk conditions, the authors conclude that there is a need to form unambiguous interpretations of key evaluative categories in the information agenda at the federal and regional levels. This will help minimize the fragmentation of public space and enhance the integration potential of Russia's image of the future. *Authors' contribution.* I.A. Batanina – conceptualization, research design, supervision, and final approval of the manuscript. A.A. Lavrikova – methodology, development of research instruments, data curation, formal analysis, and writing – original draft. O.E. Shumilova – investigation, data collection, formal analysis of literature, writing – review and editing. *Funding.* The article was prepared as part of the work in accordance with the State Assignment № FEWG-2023-0004.

Key words: image of the future, ideal image, mechanism of forming the image of the future, integration potential, information agenda, retro-orientations, value system.

Citation. Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E. Determinants and Barriers to the Development of the Integration Potential of the Image of the Future of Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 199-209. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.16>

УДК 32.019.51
ББК 66.2(2Рос)

Дата поступления статьи: 16.01.2024
Дата принятия статьи: 11.01.2025

ДЕТЕРМИНАНТЫ И БАРЬЕРЫ РАЗВИТИЯ ИНТЕГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ОБРАЗА БУДУЩЕГО РОССИИ

Ирина Александровна Батанина

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Анастасия Александровна Лаврикова

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Ольга Евгеньевна Шумилова

Тульский государственный университет, г. Тула, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данном исследовании определяется система факторов развития интеграционного потенциала идеального образа будущего российского общества, что восполняет важный пробел в современной политической науке. Научная новизна работы заключается в использовании разработанной авторами многомерной аналитической модели для выявления структурных диссонансов между идеальным, реальным и декларируемым образами будущего на микро-, мезо- и макроуровнях. *Методы и материалы.* Исследование строится на основе сравнительного анализа глубинных интервью представителей экспертного сообщества (из числа руководителей подразделений региональных органов власти, бизнес-структур, масс-медиа) и рядовых граждан Центрального федерального округа и Южного федерального округа. Для обеспечения репрезентативности и выявления возрастной динамики респонденты были стратифицированы по трем поколенческим когортам (18–35 лет, 36–55, 56+). Выбор двух округов обоснован спецификой их социокультурных профилей, траекторий исторического развития и геополитического статуса, что позволило выявить региональные различия в представлениях о будущем. *Анализ.* Отмечено, что вектор восприятия будущего страны носит позитивный характер, однако наблюдается фрагментарность, стереотипность, связанные с доминированием ретроориентаций в механизме формирования представлений о грядущем, что влечет за собой сужение горизонта планирования. Доказано, что среди факторов, ограничивающих функциональность видения перспектив развития страны, и, как следствие, дифференцирующих общество, ключевое значение имеют дефицит социального опыта, статусные характеристики, место проживания (социокультурные особенности региона). *Результаты.* В ходе исследования выявлены существенные различия между элитными и массовыми группами, а также между поколениями. Эксперты демонстрируют более сложное, когнитивно насыщенное восприятие, в то время как массовое сознание склонно к краткосрочному планированию и персонализации власти. В условиях высокой рискогенности авторы делают вывод о необходимости формирования однозначных интерпретаций ключевых оценочных категорий в информационной повестке дня на федеральном и региональном уровнях. Это будет способствовать минимизации фрагментации публичного пространства и усилению интеграционного потенциала образа будущего России. *Вклад авторов.* И.А. Батанина – постановка цели и задач исследования, разработка исследовательского дизайна, общее научное руководство и утверждение окончательного текста. А.А. Лаврикова – разработка методики и инструментария исследования, курирование сбора и формально-логического анализа данных, написание первоначального варианта рукописи. О.Е. Шумилова – организация и проведение полевого этапа исследования, сбор эмпирических данных, анализ литературы и подготовка аналитического обзора, критический пересмотр рукописи с внесением существенных правок. *Финансирование.* Статья подготовлена в рамках выполнения работ в соответствии с государственным заданием № FEWG-2023-0004.

Ключевые слова: образ будущего, идеальный образ, механизм формирования образа будущего, интеграционный потенциал, информационная повестка, ретроориентации, ценностная система.

Цитирование. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Детерминанты и барьеры развития интеграционного потенциала образа будущего России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 199–209. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.16>

Введение. В ситуации неопределенности, обусловленной, с одной стороны, усложнением и подвижностью структуры взаимодействий представителей элитных и массовых групп, с другой – изменением геополитической ситуации, происходят как модификация традиционных противоречий, связанных с формированием образа будущего страны, так и возникновение целого ряда новых. Как показывают результаты исследований [1; 4], в постсоветскую эпоху образ будущего страны определяется наличием в общественном сознании противоречий, лежащих в следующих плоскостях:

- социально-экономической (между капитализмом и социализмом);
- культурно-цивилизационной (между славянофильством и западничеством);
- жизненных стратегий (между уверенностью и неуверенностью в завтрашнем дне);
- политической (между демократией и авторитаризмом);
- идеологической (между политической лояльностью и оппозицией).

В то время, когда общественно-политическая жизнь характеризуется нестабильностью, конфликтностью, усложнением процесса принятия и реализации политических решений, а иерархические структуры в системе «власть – общество» уступают место горизонтальным, образ будущего страны становится существенным фактором интеграции общества. При этом представления о грядущем выступают не только маркером социальных установок, фиксирующих направленность отношения к стране и государству и отражающих готовность проявлять личное участие в различных видах социальной активности, но и являются показателем сформированности гражданской / национально-государственной идентичности.

При достаточно широком употреблении понятия «образ будущего» как в научной, так и популярной литературе его универсальное определение отсутствует. Для формулировки рабочей дефиниции термина «образ будущего» нам требуется обратиться также к трак-

товкам категории «образ». Анализ литературы [8; 9] позволил прийти к выводу, что под образом в широком смысле слова понимается субъективная картина мира или его фрагментов, включая самого субъекта восприятия, других людей, пространственное окружение и временную последовательность событий. Это результат психического отражения (представления) того или иного объективного явления; в процессе этого отражения возможны преобразования исходной информации, поэтому главной чертой образа является репрезентация идеального, соединенная с нравственно-этическими оценочными суждениями, а сам процесс включает процедуры анализа (что позволяет отобразить типичное в объекте) и синтеза (благодаря чему образ обладает характеристиками индивидуального явления). На восприятие политических объектов (к которым относится страна) оказывает влияние множество факторов, среди которых – когнитивные особенности субъекта, специфика среды и источников, получаемой информации, существующий политический и исторический контекст, социокультурные особенности исторического процесса [18]. Все сказанное в полной мере относится и к феномену «образ будущего страны», под которым подразумевается видение перспектив развития страны через призму потребностей, интересов, ожиданий, идеалов и системы ценностей субъекта восприятия (индивида, социальной группы, сообщества и т. д.). В данном случае образ основан на информации, личном и коллективном опыте, имеет генетические корни, обусловлен историческим, этническим, социально-экономическим и социокультурным контекстом и специфически отражен в планах и ценностных ориентациях. При такой трактовке понятия во внимание принимаются положения как макросоциологического, так и микросоциологического подходов интерпретации будущего. В качестве основного субъекта восприятия рассматривается личность, индивидуальный субъект социального действия, однако учитывается и тот факт, что интересы и представления отдельного

гражданина принимаются как действительный фактор общественной / политической жизни, только при их совпадении с интересами / ценностями определенной социальной группы / общности, члены которой осознают свою принадлежность к ней, а сами интересы / ценности достаточно отчетливо сформулированы и выражены на особом языке, понятном для членов данной группы и для прочих представителей социума. Так, в логическую схему исследования были включены параметры, имеющие значение для индивидуальной и коллективной субъективизации (что не только не исключает, но и подчеркивает различие в данных процессах). В содержании образа будущего находят отражение коллективные / индивидуальные цели и планы, страхи, тревоги и идеалы, групповые / индивидуальные ожидания, надежды, мечты [7]. Функциональность образа будущего зависит от достижения конгруэнтности на всех уровнях: индивидуальном, групповом и социальном.

Изучение образа будущего посредством выявления структурных составляющих является достаточно распространенным в литературе. Однако не во всех исследованиях принимается во внимание расположение компонентов относительно друг друга в микро-, мезо- и макросреде. Опираясь на вышеизложенное, наиболее перспективным представляется исследование проблемы формирования образа будущего страны через построение многомерной модели, основанной на системе различных координат.

Выделим ключевые положения, которые необходимо принимать во внимание.

Во-первых, в связи с тем, что целевыми группами общественности могут выступать как граждане государства, так и представители мирового сообщества, следует вести речь о внутренних и внешних параметрах образа будущего (внутренний и внешний образ).

Во-вторых, необходимо учитывать дифференциацию типов образа и выделять образы будущего: идеальный / желаемый (с точки зрения запросов общества), моделируемый / декларируемый (с точки зрения предложения представителей органов государственной власти) и реальный / объективный (с точки зрения оценки текущей ситуации). При этом главными точками пересечения указанных обра-

зов являются следующие: описание страны в перспективе / представления об оптимальном пути развития; ценностное наполнение генеральной идеи; горизонт планирования; способы и ресурсы достижения целей. Именно по данным позициям должно наблюдаться согласование, что позволит формировать целостный образ будущего.

В-третьих, конструирование образа будущего страны предполагает интерпретацию: а) прошлого как обоснование роли страны в мировой истории; б) современного состояния страны с демонстрацией места в современной мировой системе; в) видения позиции страны как изменение сегодняшнего положения государства в краткосрочной или долгосрочной перспективе в рамках заложенной исторической матрицы.

В-четвертых, эффективность механизма формирования образа будущего зависит не только от ценностно-смысловых доминант «представлений о себе как стране и государстве», но и от сформированных образов реальных и потенциальных «друзей» и «врагов», так как именно они задают систему координат для самооценки и оценки происходящих и будущих внешне и внутриполитических событий.

И наконец, неоднородность образа будущего страны объясняется его динамичностью: он меняется с течением времени и используется разными политическими субъектами для политического самопозиционирования в рамках собственных государств и на мировой арене. При этом существенное влияние оказывает так называемая «геополитика восприятия» как господствующий дискурс, вырабатываемый доминирующими державами и навязываемый всему остальному миру в качестве представления о существе и значении мирополитических процессов, а также собственного места в мире.

Существенное теоретико-методологическое значение при определении исследовательской модели имели следующие разработки:

– факторная модель политического восприятия, предложенная Е.Б. Шестопал и уточненная представителями ее школы политического восприятия [11; 15; 16], согласно которой формирование образа страны в массовом сознании обусловлено воздействием объектных факторов (характеристик непосредственно

воспринимаемого объекта) и субъектных факторов (связанных с воспринимающей стороной);

– классические работы, посвященные природе политических символов, логике их зарождения и существования К. Юнга, М. Элиаде, А.Н. Лосева, Э. Кассирера и др. [3; 5; 17];

– концепция символической репрезентации политических явлений и процессов, связанная с теориями «символической власти» П. Бурдьё, социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, символической политики М. Эдельмана, Т.В. Евгеньевой, О.Ю. Малиновой и др. [2; 6; 19];

– труды, посвященные вопросам конструирования и позиционирования национально-государственной идентичности в современном мире [10; 12–14; 20; 21].

Предлагаемая исследовательская модель, с одной стороны, соответствует проблематике и тематическому репертуару изучаемого явления, связывая в целостную систему наиболее общие понятийные средства, характеризующие значимость образа будущего страны в процессе интеграции общества, а с другой – позволяет операционализировать концептуальное определение образа будущего с учетом его полиструктурности, противоречивости, трансформации в ходе онтогенеза, обусловленности историческими изменениями, что в итоге помогает получить практические знания, необходимые для формулировки выводов и рекомендаций.

Методы и материалы. Сложные содержательные и контекстуальные параметры образа будущего страны обуславливают методологические трудности исследования данного феномена; представляется проблематичным выделение прямых индикаторов измерения отдельных составляющих, что заставляет ориентироваться на маркеры и использовать комплексный социологический инструментарий.

Исследовательский дизайн предполагал изучение особенностей личностного уровня восприятия образа будущего, характеристики разных видов дискурсивных пространств, влияющих на формирование в массовом сознании картины грядущего, отражении культурных кодов в выявленном видении перспектив развития страны.

С целью определения детерминант и барьеров развития интеграционного потенци-

ала идеального образа будущего исследователем коллективом была проведена серия глубинных интервью с представителями регионального сообщества из числа массовых и элитных групп Центрального и Южного федеральных округов. Для обеспечения репрезентативности и выявления возрастной динамики респонденты были стратифицированы по трем когортам: молодежь (18–35 лет), среднее (36–55 лет) и старшее (56 лет и старше) поколение. Выбор округов обусловлен их существенными различиями, связанными со спецификой историко-культурного контекста и геополитическим статусом. Сравнение этих двух контрастных кейсов позволяет выявить общероссийские тенденции и региональную специфику в формировании образа будущего.

В ходе исследования выявлялось восприятие России как страны в контексте ее прошлого, настоящего и будущего, окружающего мира посредством конструирования образа «друзей» и «врагов» и определялась степень детализации предполагаемого видения через общую картину мира, связь с конкретными коллективными действиями и поступками отдельных знаковых личностей.

При этом ключевое внимание уделялось временной ориентации, что, с одной стороны, позволило отследить динамику восприятия образа России, а с другой – выявить роль представлений о прошлом и настоящем в механизме формирования будущего российского общества. Респондентам предлагалось высказать свою позицию по пяти периодам российской истории, условно обозначенным как «Царская Россия», «Советская Россия», «Россия 90-х», «Современная Россия», «Будущее России». Участники опроса давали эмоциональную (ассоциативный ряд, яркие события периода) и рациональную (персоналии, союзники, противники) оценки каждого этапа.

Анализ. Сравнительный анализ результатов глубинного интервью рядовых граждан Центрального федерального (далее – ЦФО) и Южного федерального округа (далее – ЮФО) позволил выявить некоторые различия в механизме формирования образа будущего. Так, если для жителей ЦФО ассоциативный ряд выстраивается вокруг конкретных исторических событий, то для респондентов из ЮФО, напротив, характерно обращение к

обобщенному ценностному ряду («стабильность», «справедливость», «беззаконие», «правовое государство», «процветание», «надежда», «развитие», «перспектива», «вера», «сила», «величие», «движение», «мощь» и пр.).

Результаты исследования позволили подтвердить гипотезу относительно дифференциации подходов к конструированию образа будущего: через личностно наполненное восприятие прошлого («молодость», «школа и институт», «Ну, погоди!», «В гостях у сказки», «пионер, комсомолец, пионерлагерь, пионерский костер, совет дружины») и настоящего («живем и слава...», «получение образования и медицинской помощи напрямую зависит от кошелька», «война», «Бессмертный полк», «патриотизм», «Разговоры о важном») и социетальную доминанту («Царская Россия» – это «Петр I», «строительство Петербурга», «крепостное право, отмена крепостного права, правление династии Романовых, появление железной дороги»). Последнее сопряжено с временной удаленностью характеризующих периодов. При этом данная точка зрения является скорее крайней, чем типичной (по одному случаю в каждом федеральном округе).

Также к числу нераспространенных позиций следует отнести ситуацию, когда образы «друзей» и «врагов» рассматриваются через внутрисполитические процессы, для их характеристики используются стереотипизированные суждения (противники во все времена – «дураки и дороги», «те, кто развалил страну», союзник – «сама Россия», «армия и флот»).

При обозначении персоналий называются популярные образы, количественно ограниченные, что может свидетельствовать о когнитивной бедности представлений и находит отражение в скептицизме относительно будущего России как страны и государства на рациональном и эмоциональном уровнях установки («о-е-ей», «инопланетяне»). Следствием указанного является пассивность поведенческих моделей («все мы там будем»).

В то же время когнитивная наполненность образов прошлого (разнообразие ассоциаций как позитивного, так и негативного характера, широкий перечень государств-союзников и государств-противников, достаточно объемный набор персоналий, не всегда политических деятелей («Л.И. Брежнев, Ю.А. Гага-

рин, С.П. Королев, Г. Жуков, В. Высоцкий, Ю. Никулин, Г. Вицин, Г. Милляр») и настоящего однозначно не гарантирует конкретизацию представлений о будущем («неопределенность», «не знаю», «хотелось бы кто-то из хороших»). Такая позиция наблюдается скорее у представителей старшей возрастной группы, живущих в ориентации «настоящее – прошлое». В случае с другими когортами детализация позволяет определить собственную роль в картине мира («С какими личностями у Вас ассоциируется будущее России?» – «Я сам»). При опоре на актуальную повестку формируется более-менее целостный образ будущего (среди наиболее ярких событий «Будущего России» – «победа в СВО, ликвидация терроризма, невозможность ядерной войны, экономическое процветание»).

Следует указать, что внутренний локус контроля в большей степени характерен для жителей ЮФО (будущее России ассоциируется с молодежью, что отсылает к высказыванию «молодежь – будущее России»), в то время как население ЦФО чаще персонифицируют власть, снимая с себя ответственность за развитие общества. При этом данная позиция свидетельствует скорее о планировании в краткосрочной перспективе.

Отмечено доминирование институциональной составляющей в оценочных суждениях респондентов: отсылка к структурным и нормативным характеристикам социально-политической системы как маркеров образов прошлого. Образы настоящего персонифицированы и связаны с конкретными политическими решениями.

В качестве одного из знаковых параметров будущего является «объединение всех народов», что обеспечит «мир и процветание», избавит от противников, превратив их в союзников. Такое мнение не всегда является показателем лояльности к существующей власти, а может отражать оппозиционные настроения (в данном случае будущее России связывается с фигурой иноагента).

Достаточно распространенным способом формирования образа будущего России является отсылка к актуальной повестке дня. Одни рассматривают ее через призму геополитических процессов: когда прошлое, настоящее и будущее определяется местом Рос-

сии в мировой политической системе («борьба за место в мире»), территориальными характеристиками (значимые события в конкретный период истории России: «Царская Россия» – «выход к Черному морю»; «Советская Россия» – «победа в ВОВ»; «Современная Россия» – «возврат территории Крыма»; «Будущее России» – «расширение границ территории»), достижение указанных целей сопряжено с наличием сильной власти, связанной с конкретной политической фигурой. Другие акцентируют внимание на экономической составляющей (значимые события в конкретный период истории России: «Россия 90-х» – «создание Макдональдса»; «Современная Россия» – «импортозамещение»; «Будущее России» – «лучшая экономика в мире»). Третья группа воспринимает будущее как продолжение настоящего (с точки зрения знаковых персоналий, союзников, противников), только в более интенсивном формате (сегодня – «движение» / «возрождение страны», завтра – «сила и мощь» / «укрепление страны»), либо видят решение значимой проблемы («конец СВО на территории Украины»), что приведет к изменению вектора восприятия ситуации с «неопределенности» на «надежду».

Результаты исследования показали, что чаще всего пессимизм / аморфность позиций в отношении определения грядущего высказывают представители старшей возрастной группы (достаточно часто графа «Будущее России» при обозначении разных параметров остается без ответа), тем временем для молодежи важное значение при определении образа будущего имеют вопросы технологизации общественной жизни («развитие медицинских технологий в борьбе с неизлечимыми заболеваниями»), а для представителей других когорт они уходят на второй план.

Как и предполагалось, эксперты демонстрируют более сложную в когнитивном плане картину мира (данная тенденция типична прежде всего для представителей ЦФО): более широкий набор персоналий, ассоциативный ряд. Ответы на вопрос «С какими личностями у Вас ассоциируются конкретные периоды в истории России?» оказались следующими:

1. Царская Россия – Иван Калита, Иван III, Иоанн IV, Борис Годунов, Алексей Михайлович, Петр I, Екатерина II, Николай I, Алек-

сандр Суворов, Румянцев, Михаил Ломоносов, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Дмитрий Менделеев, Иван Павлов, Владимир Вернадский, Федор Достоевский, Николай Гоголь, Лев Толстой, Сергей Есенин, Модест Мусоргский, Николай Римский-Корсаков, Петр Чайковский, Александр Бородин, Виссарион Белинский, Николай Карамзин и др.

2. Советская Россия – Владимир Ленин, Иосиф Сталин, Юрий Гагарин, Алексей Маресьев, Александр Покрышкин, Сергей Королев, Николай Вавилов, Петр Капица, Андрей Колмогоров, Сергей Королев, Игорь Курчатов, Владимир Маяковский, Лев Яшин, Юрий Власов, Александр Карелин, Вячеслав Третьяк, Валерий Харламов, Вячеслав Фетисов, Василий Ощепков, Анатолий Харлампиев, Виктор Спиридонов и др.

3. Россия 90-х – Владимир Путин, Борис Ельцин, Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский, Григорий Явлинский, Сергей Мавроди.

4. Современная Россия – Владимир Путин, Николай Патрушев, Дмитрий Медведев, Сергей Лавров и др.

5. Будущее России – Владимир Путин, Николай Патрушев, Дмитрий Медведев, Сергей Лавров и др.

Соответственно, наполненность картины мира не обязательно имеет следствием детализацию образа будущего, что частично совпадает с результатами опроса рядовых граждан. Можно выделить сегмент экспертов, демонстрирующих готовность прогнозировать грядущее развитие общества, проявляя когнитивную гибкость. Ассоциативный ряд «Будущее России» включает блоки «международные отношения», «политический режим», «инфраструктура», «социальная политика», «экономические отношения» («Рыночная экономика при сохранении значительной роли государственных компаний, развитие перерабатывающей промышленности, преодоление угрозы внешнего вмешательства со стороны недружественных стран, выстраивание гармоничных и равноправных международных отношений с собственной повесткой при учете повестки других государств и государственных объединений, многопартийность, выстраивание гармоничных федеративных отношений, совершенствование практик социального обеспечения

граждан, совершенствование инфраструктуры и повышение комфорта условий проживания граждан»). Такая позиция во многом совпадает с эмпирическим материалом, полученным в рамках психографического метода, и типична для представителей молодежного сегмента.

Другая группа проявляет при значительной наполненности картины мира относительно скромную характеристику позиций настоящего и будущего. Так, будущее определяется позитивно («развитие и процветание», «возвращение утраченного величия»), но как продолжение настоящего (исходя из определения персоналий, союзников и противников), то есть прогноз носит скорее текущий характер (яркое событие «Будущего России» – «в настоящее время нельзя определить. Речь идет о еще не наступившем периоде»).

Если у первых базовым критерием для оценки различных периодов выступает «демократизация» («Царская Россия» – «отмена крепостного права»; «Советская Россия» – «Октябрьская революция»; «Россия 90-х» – «Путч 1993 г.»), то у вторых – целостность государства с определенной долей ностальгии по эпохе СССР, что выражается в многоаспектности характеристик данного исторического этапа. В подтверждение приведем ответы на вопрос «Какие ассоциации у Вас возникают, когда Вы слышите словосочетания?»:

1. Царская Россия – объединение земель русских, увеличение территории государства, расширение его границ, золотой век русской поэзии и музыки.

2. Советская Россия – препятствие распаду государства, воссоединение территорий, входящих в состав Российской империи, индустриализация, переселение граждан в многоквартирные дома, всеобщее образование, высокий уровень образования, советский кинематограф.

3. Россия 90-х – последствия распада СССР, кризис в различных сферах, угрозы дальнейшего распада государства.

4. Современная Россия – деятельность, направленная на преодоление последствий распада СССР, преодоление последствий распада СССР.

Последнее может быть связано с ретроориентацией эксперта («С каким наиболее ярким событием связан для Вас конкретный период истории России?» – характеристика

экспертом исторических периодов «Царская Россия» и «Советская Россия»: «Нельзя указать только одно событие. Ярких событий было много»). Вместе с тем романтизация прошлого характерна лишь применительно к периодам «Царской России» и «Советской России». В то время как описания «России 90-х» имеют негативную направленность: «развал всего, что было создано за полвека, деградация населения», «организованные преступные группы», «раскол», «хаос», «дефолт», «развал СССР», гиперинфляция, развал страны, бандитизм.

«Друзья» и «враги» определяются исходя из их роли в поддержании целостности страны. Для первой группы экспертов это внешние силы (преимущественно «международные террористические организации»), для второй – внутренние. В качестве союзников рассматриваются вооруженные силы («Армия и флот / Вооруженные Силы СССР / Вооруженные силы Российской Федерации»), противников – деструктивные структуры внутри государства («Все силы, государственные и негосударственные объединения, отдельные личности, явные и (или) неявные действия которых были направлены на нанесение вреда и причинение государству ущерба различного характера в данный период»), что коррелирует с мнениями некоторых представителей из числа рядовых граждан. Стоит отметить, что идентичность состава для всех периодов может быть интерпретирована как ориентация на цикличность истории, в отличие от линейного характера ее развития. Это в какой-то мере объясняет воспроизводство настоящего в будущем.

Другой полюс экспертных позиций, выделенных как в ЦФО, так и в ЮФО, связан с предельно обобщенной характеристикой прошлого и настоящего, образ будущего носит провластный характер, связан с действующим политическим режимом, в качестве наиболее яркого события «Будущего России» называются «Президентские выборы в России в 2024 г.», ключевой фигурой – Владимир Путин / «президент, который сможет сохранить то, что было создано в современной России, преумножить и сделать еще мощнее», результатом чего будет являться «устойчивое развитие», «победа, суверенитет, восстановление промышленности».

При этом достаточно типичной является позиция, когда эксперты отказывают в наличии союзников Российского государства на любом историческом периоде («Ответ единый – Россия, по сути, всегда была одна. Примицающие к ней время от времени союзники – особенности конкретного этапа ее развития»). В массовом опросе обозначенная позиция не встречается.

Нетипичным фактом для экспертного сообщества является акцентирование внимания на технологизации как индикаторе развития (яркое событие «Царской России» – «постройка Транссибирской железной магистрали»; «Советская Россия» – «полет человека в космос»; «Будущее России» – «точно будет что-то с искусственным интеллектом», «новые технологии, криптовалюта, инновации, технические прогрессы, ИИ») и на значимости победы в СВО. При этом «решение украинского вопроса» упоминается лишь в ответах экспертов ЮФО, в массовых же группах последняя позиция является наиболее распространенной вне зависимости от территории проживания. Кроме того, уникальностью ответов экспертов ЮФО является акцент на межнациональной тематике с выходом на гармонизацию отношений, а также достижение лидерства на мировой арене («Объединение многих стран в государство более мощное, чем СССР; создание лучших условий для жизни каждого россиянина, Россия – страна топ-3 в новом, многополярном мире»).

Результаты. Проведенное исследование позволяет констатировать, что, несмотря на преобладание позитивного вектора в восприятии будущего страны, сформировавшийся образ лишен системности и целостности. Эмпирические данные выявили наличие существенных разрывов в представлениях о грядущем между различными сегментами общества: элитными и массовыми группами, носителями различных региональных культур, а также внутри самих этих групп. Установлено, что ключевыми детерминантами, обуславливающими функциональность видения перспектив развития страны, выступают объем и характер социального опыта, статусно-ролевые характеристики индивидов, а также социокультурные особенности их региона проживания.

Что касается временного горизонта конструируемого будущего, то анализ данных показал следующее. Хотя в ходе исследования временные рамки «будущего России» не ограничивались жесткими хронологическими рамками во избежание искусственного сужения поля ответов респондентов, в массовом сознании конкретные планируемые события и образы чаще укладываются в краткосрочную (1–2 года), реже среднесрочную перспективу (5–10 лет). Долгосрочные прогнозы (свыше 10 лет) носят в основном абстрактный, ценностно-идеологический характер («величие», «процветание», «могущество»). Экспертное сообщество, в свою очередь, демонстрирует более широкий горизонт планирования, однако также с выраженной тенденцией к конкретике в кратко- и среднесрочной перспективе.

Полученные результаты являются элементом трехмерной матрицы «образа будущего России», включающей его идеальный, реальный и моделируемый (декларируемый) типы. Последующий сравнительный анализ компонентов этой матрицы открывает перспективы для разработки концепции оптимизации механизма формирования образа будущего страны. Эта работа должна вестись с учетом выявленных диссонансов как между содержательными элементами образа, так и в степени их сформированности на различных уровнях (микро-, мезо- и макро-) и их репрезентативности в различных дискурсивных пространствах. В этой связи представляется целесообразным при формировании информационной политики на федеральном и региональном уровнях уделять особое внимание обеспечению смысловой однозначности интерпретации ключевых оценочных категорий актуальной повестки дня. Подобная работа будет способствовать минимизации фрагментации публичного пространства и расширению интеграционного потенциала образа будущего России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батанина И. А., Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Образ будущего страны: восприятие региональным сообществом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 13–19. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-13-19

2. Евгеньева Т. В. Крым в пространстве российской идентичности: образно-символическое измерение // Ценности и смыслы. 2017. Т. 50, № 4. С. 20–33.

3. Кассирер Э. М. Философия символических форм. Т. 2. СПб.: Унив. кн., 2002. 79 с.

4. Комаровский В. С. Образ желаемого будущего России: проблема формирования // Власть. 2020. № 1. С. 45–50.

5. Лосев А. Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М.: Изд-во полит. лит., 1991. 320 с.

6. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. 421 с.

7. Нестик Т. А. Образ будущего, социальный оптимизм и долгосрочная ориентация россиян: социально-психологический анализ // СОЦИОДИГТЕР. 2021. Т. 2, вып. 9 (14): Горизонты будущего. С. 6–48.

8. Образ будущего России в методологическом подходе / под общ. ред. О.С. Анисимова. М.: Угоеша Т, 2020. 124 с.

9. Образ России будущего в массовом сознании россиян // Российское общество и вызовы времени. Книга шестая / под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. С. 228–250.

10. Попова О. В. Базовая матрица государственной политики идентичности в современной России // Политическое пространство и социальное время. Симферополь: Ариал, 2016. С. 160–165.

11. Селезнева А. В., Смутькина Н. В. Образы стран славянского мира в сознании российских граждан (на примере Украины и Белоруссии) // Русин. 2020. Т. 54, № 4. С. 352–371. DOI: 10.17223/18572685/54/21

12. Семененко И. С., Лапкин В. В., Пантин В. И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.

13. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. СПб.: Питер, 2020. 688 с.

14. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Ваш формат, 2017. 184 с.

15. Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.03

16. Шестопап Е. Б., Смутькина Н. В., Морозикова И. В. Сравнительный анализ образов своей страны у жителей российских регионов // Сравнительная политика. 2019. № 3. С. 74–94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

17. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Инвест-ППЦ, 1996. 240 с.

18. Greenstein F. J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically // Political Psychology: Key Readings / ed. by John T. Jost and James Sidanius. N. Y.: Taylor & Francis Books, 2004. 497 p.

19. Edelman M. The Symbolic Uses of Politics. Urbana: University of Illinois Press, 1985. 232 p.

20. MacCrone D. Bechhofer F. Understanding National Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 226 p.

21. Siddy M. National Identities and Foreign Policy in the European Union the Russia Policy of Germany, Poland and Finland. Colchester: ECPR Press, 2017. 224 p.

REFERENCES

1. Batanina I.A., Lavrikova A.A., Shumilova O.E. *Obraz budushhego strany. Vospriyatie regionalnym soobshhestvom* [The Image of the Country's Future: Perception by the Regional Community]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Tula State University Bulletin], 2023, no. 1, pp. 13-19. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-13-19

2. Evgenyeva T.V. *Krym v prostranstve rossijskoj identichnosti. Obrazno-simvolicheskoe izmerenie* [Crimea in the Space of Russian Identity. The Figurative-Symbolic Dimension]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 2017, vol. 50, no. 4, pp. 20-33.

3. Kassirer E.M. *Filosofiya simvolicheskikh form. T. 2* [Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2]. Saint Petersburg, Univ. kn. Publ., 2002. 79 p.

4. Komarovskij V.S. *Obraz zhelaemogo budushhego Rossii. Problema formirovaniya* [The Image of Russia's Desired Future. The Problem of Formation]. *Vlast* [Power], 2020, no. 1, pp. 45-50.

5. Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. *Filosofiya. Mifologiya. Kultura* [Philosophy. Mythology. Culture]. Moscow, Izd-vo polit. lit., 1991. 320 p.

6. Malinova O.Ju. *Konstruirovaniye smyslov. Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii* [The Construction of Meanings. A Study of Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow, INION RAN, 2013. 421 p.

7. Nestik T.A. *Obraz budushhego, socialnyj optimizm i dolgosrochnaya orientaciya rossijan: socialno-psihologicheskij analiz* [The Image of the Future, Social Optimism and Long-Term Orientation of Russians: A Socio-Psychological Analysis]. *SOCIODIGGER*, 2021, vol. 2, iss. 9 (14), pp. 6-48.

8. Anisimov O.S., ed. *Obraz budushhego Rossii v metodologicheskom podhode* [The Image of Russia's Future in a Methodological Approach]. Moscow, Ugoesha T Publ., 2020. 124 p.

9. *Obraz Rossii budushhego v massovom soznanii rossijan* [The Image of Russia's Future in the Mass

Consciousness of Russians]. Gorshkov M.K., Tikhonova N.E., ed. *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni. Kniga shestaja* [Russian Society and the Challenges of Time. Book Six]. Moscow, Ves Mir Publ., 2022, pp. 228-250.

10. Popova O.V. Bazovaya matrica gosudarstvennoj politiki identichnosti v sovremennoj Rossii [The Basic Matrix of State Identity Politics in Modern Russia]. *Politicheskoe prostranstvo i socialnoe vremja* [Political Space and Social Time]. Simferopol, Arial Publ., 2016, pp. 160-165.

11. Selezneva A.V., Smulkina N.V. Obrazy stran slavjanskogo mira v soznanii rossijskikh grazhdan (na primere Ukrainy i Belorussii) [Images of the Slavic World Countries in the Minds of Russian Citizens (On the Example of Ukraine and Belarus)]. *Rusin*, 2020, vol. 54, no. 4, pp. 352-371. DOI: 10.17223/18572685/54/21

12. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Identichnost v sisteme koordinat mirovogo razvitiia [Identity in the Coordinate System of World Development]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2010, no. 3, pp. 40-59.

13. Sergejcev T., Kulikov D., Mostovoj P. *Ideologija russkoj gosudarstvennosti. Kontinent Rossija* [The Ideology of Russian Statehood. Continent Russia]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2020. 688 p.

14. Titov V.V. *Politika pamjati i formirovanie nacionalno-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii* [The Politics of Memory and the Formation of National-State Identity: The Russian

Experience and New Trends]. Moscow, Vash Format Publ., 2017. 184 p.

15. Shestopal E.B., Smulkina N.V. Faktory vosprijatija postsovetских stran v sovremennom obshchestve [Factors of Perception of Post-Soviet Countries in Modern Russian Society]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], 2018, no. 1, pp. 26-44. DOI: 10.17976/jpps/2018.01.03

16. Shestopal E.B., Smulkina N.V., Morozikova I.V. Sravnitelnyj analiz obrazov svoej strany u zhitelej rossijskikh regionov [Comparative Analysis of the Images of Their Country Among Residents of Russian Regions]. *Sravnitel'naja politika* [Comparative Politics], 2019, no. 3, pp. 74-94. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10031

17. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of the Myth]. Moscow, Invest-PPP Publ., 1996. 240 p.

18. Greenstein F.J. Can Personality and Politics Be Studied Systematically. Jost J.T., Sidanius J., eds. *Political Psychology: Key Readings*. New York, Taylor & Francis Books, 2004. 497 p.

19. Edelman M. *The Symbolic Uses of Politics*. Urbana, University of Illinois Press, 1985. 232 p.

20. MacCrone D., Bechhofer F. *Understanding National Identity*. Cambridge, Cambridge University press, 2015. 226 p.

21. Siddy M. *National Identities and Foreign Policy in the European Union the Russia Policy of Germany, Poland and Finland*. Colchester, ECPR Press, 2017. 224 p.

Information About the Authors

Irina A. Batanina, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University, Prosp. Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, batanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8312>

Anastasia A. Lavrikova, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Prosp. Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, elav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3364-9733>

Olga E. Shumilova, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Tula State University, Prosp. Lenina, 92, 300012 Tula, Russian Federation, helgash80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2448-4084>

Информация об авторах

Ирина Александровна Батанина, доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, batanina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8312>

Анастасия Александровна Лаврикова, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, elav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3364-9733>

Ольга Евгеньевна Шумилова, кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Российская Федерация, helgash80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2448-4084>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.17>

UDC 323.3

LBC 66.3(0)

Submitted: 18.12.2024

Accepted: 05.05.2025

IMPLEMENTATION FEATURES OF SOCIAL RATING SYSTEMS IN 2024 IN THE POLITICAL SPHERE

Alexander V. Sokolov

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

Sung-Hoon Jeh

Hankuk University of Foreign Studies, Seoul, Republic of Korea

Papik A. Babajanyan

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article discusses issues related to the potential creation and implementation of social rating systems in the political sphere. Attention is paid to new phenomena in the development of social rating and the emergence of new services and platforms for evaluating citizens. The article considers domestic and foreign approaches to the analysis of the phenomenon of social rating and provides specific characteristics that are observed in the process of forming evaluation systems. *Methods and materials.* The article presents the results of an expert survey on a semi-formalized questionnaire. The study was conducted in April – June 2024. The respondents were 32 specialists (civil servants, deputies, and political technologists; specialists in the field of digital technologies; university administration staff; and teachers). *Analysis.* Assessment by experts of the definition, purpose of creation, and prospects for the implementation of a social rating. More than half of the experts note that at the moment there are no full-fledged social ratings in politics; only a part of the experts notes that they see certain elements of the manifestation of this system in politics. At the same time, many experts note the opportunities and threats of using social systems in the political sphere, which can be successfully used and integrated into the political system. *Results.* The conducted research suggests that the potential creation and implementation of a social rating can significantly transform many traditional areas of activity in politics. In addition, according to experts, social rating technologies will lead to full control of citizens and civil institutions and standardize socially approved behavior. At the same time, the potential creation and implementation of a social rating may simplify communication between citizens and the state and make it more transparent. On the other hand, the risks of control, the subjectivity of criteria, the loss of cultural characteristics, and the technical difficulties of tracking ratings make one skeptical of social rating technologies. *Authors' contribution.* A.V. Sokolov developed the theoretical and methodological basis and methodological design of the study, identified the basic characteristics of the phenomenon of social rating, analyzed the cases of using social rating in Russia, formed a register of experts and organized their interviews, summarized the results of the work, and formulated conclusions. Sung-Hoon Jeh analyzed the cases of using social rating in foreign countries, formulated the dominant trends in the creation and implementation of social rating, analyzed and translated foreign sources, and participated in the interpretation of the collected empirical data. P.A. Babajanyan participated in the refinement of the general methodology and design of the study, conducted interviews and focus groups on the topic of social rating, and described the results. The authors jointly prepared the content and results of the study. *Funding.* The research was funded by the Russian Science Foundation, research project No. 24-28-00728, <https://rscf.ru/en/project/24-28-00728>.

Key words: social rating, evaluation system, digital services, political communication, Internet.

Citation. Sokolov A.V., Jeh S.-H., Babajanyan P.A. Implementation Features of Social Rating Systems in 2024 in the Political Sphere. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 210-223. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.17>

УДК 323.3
ББК 66.3(0)

Дата поступления статьи: 18.12.2024

Дата принятия статьи: 05.05.2025

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СИСТЕМ СОЦИАЛЬНОГО РЕЙТИНГОВАНИЯ 2024 г. В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Александр Владимирович Соколов

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Сун Хун Чже

Университет иностранных языков Хангук, г. Сеул, Республика Корея

Папик Артурович Бабаджанян

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с потенциальным созданием и внедрением систем социального рейтингования в политической сфере. Внимание уделяется новым феноменам развития социального рейтинга, разработке новых сервисов и платформ оценивания граждан. Рассматриваются отечественные и зарубежные подходы к анализу этого явления, приводятся специфические характеристики, которые наблюдаются в процессе формирования систем оценки. *Материалы и методы.* В статье приводятся результаты экспертного опроса по полуформализованной анкете. Исследование проводилось в апреле – июне 2024 года. Респондентами выступили 32 специалиста (государственные служащие, депутаты, политтехнологи, специалисты в сфере цифровых технологий, сотрудники администрации вузов и преподаватели). *Анализ.* Больше половины экспертов, характеризующих цели создания и перспективы внедрения социального рейтинга, отмечают, что на данный момент полноценных систем оценки в политике нет, только часть из них отмечают, что видят отдельные элементы ее проявления в этой сфере. При этом многие эксперты отмечают возможности и угрозы использования социальных систем рейтингования в политической сфере, которые могут быть успешно использованы и интегрированы в нее. *Результаты.* Проведенное исследование позволяет говорить, что потенциальное создание и внедрение социального рейтинга может существенно трансформировать многие традиционные сферы деятельности в политике. К тому же, по мнению экспертов, технологии социального рейтингования приведут к полному контролю граждан и гражданских институтов и стандартизируют социально одобряемое поведение. В то же время потенциальное создание и внедрение социального рейтинга может позволить упростить коммуникацию между гражданами и государством и сделать ее более прозрачной. С другой стороны, риски контроля, субъективности критериев, потеря культурных особенностей и технические сложности отслеживания рейтингования заставляют скептически относиться к технологиям социального рейтинга. *Вклад авторов.* А.В. Соколов разработал теоретико-методологическую базу и методический дизайн исследования, выделил базовые характеристики феномена социального рейтинга; проанализировал кейсы использования социального рейтинга в России; сформировал реестр экспертов и организовал их интервью; обобщил результаты работы и сформулировал выводы. Сун Хун Чже проанализировал кейсы использования социального рейтинга в зарубежных странах, сформулировал доминирующие тенденции создания и внедрения социального рейтинга, осуществил анализ и перевод зарубежных источников, принял участие в интерпретации собранных эмпирических данных. П.А. Бабаджанян принял участие в доработке общей методологии и разработке дизайна исследования, осуществил проведение интервью и фокус-групп по теме социального рейтинга и описание результатов. Авторы совместно подготовили содержание и результаты исследования. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00728 «Политические последствия социального рейтингования граждан», <https://rscf.ru/project/24-28-00728>.

Ключевые слова: социальный рейтинг, система оценки, цифровые сервисы, политическая коммуникация, Интернет.

Цитирование. Соколов А. В., Чже С. Х., Бабаджанян П. А. Особенности реализации систем социального рейтингования 2024 г. в политической сфере // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 210–223. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.17>

Введение. Стремительное развитие цифровизации создает условия для практически неограниченного сбора данных о каждом гражданине на основе оставляемого им цифрового следа [9]. На их базе формируются системы оценки как самого индивида, так и его поведения посредством их соотношения с определенными приоритетами, отраженными в разработанных критериях и показателях, обобщенными в так называемых социальных рейтингах (как это сделано в системе социального кредита в Китае) [18]. В политической сфере социальный рейтинг может стать важным инструментом, формирующим ожидаемое поведение, общественное мнение и демонстрирующим уровень доверия и поддержки политических институтов, лидеров и всей системы в целом.

Первоначально введение практики социальных рейтингов обусловлено необходимостью сделать систему управления и распределения ресурсов более прозрачной и эффективной. Но глобальное их развитие в ситуации отсутствия управления рисками и угрозами может привести к существенным негативным изменениям в функционировании традиционных социальных норм и институтов. То есть в условиях развития практик социального рейтингования важно обеспечивать адекватное их осмысление для этичной и адекватной реализации, учитывающей интересы всех заинтересованных акторов и слоев общества.

В классическом научном понимании социальный рейтинг имеет мало общего с современными цифровыми технологиями. Изначально это один из сложных (комплексных) социально-экономических индикаторов, созданных для оценки эффективности деятельности финансовых и кредитных организаций в соответствии с их общественно-социальными целями [10]. Иначе говоря, социальный рейтинг представляет собой оценку экспертов относительно социальных характеристик финансового учреждения и вероятности того, что такое учреждение соответствует определенным общественным целям и социальным ценностям.

Система социального кредита (далее – ССК) – сравнительно новый феномен в области публичного управления. Это обуславливает сравнительно небольшое число публика-

ций по данной тематике, наличие мифов, зачастую создающих искаженное представление о сути данной системы. Для отечественной науки феномен ССК по-прежнему является «белым пятном»: научная литература по данной проблематике склонна к приукрашиванию, идеализации данного проекта [3] либо, наоборот, к излишнему негативу по отношению к ней [7]. При этом важно отметить, что система социального кредита разрабатывается относительно как граждан, так и юридических лиц и даже органов местной власти [23].

Цель системы социального рейтинга сформулирована в документе «О планировании строительства системы социального доверия (2014–2020)». Система ориентирована на воспитание у граждан надежного и честного поведения посредством учета научно-технических и интеллектуальных особенностей современного развития. Согласно официальным заявлениям, система должна способствовать формированию у населения честности, добросовестности, повышению общего уровня культуры, ответственности за свои действия, соблюдению общепринятых морально-этических норм [6]. Задача системы – оценивать соблюдение этих установок каждым гражданином. Исследователи Т.В. Науменко и К.Н. Секретарева указывают, что, создавая систему социального кредита, «правительство стремится создать общенациональную систему стимулирования, основанную на скоринге репутации, которая оценивает финансовое и социальное поведение граждан, организаций и компаний, чтобы формировать и управлять обществом в соответствии с правительственными идеалами, используя механизмы поощрений и наказаний [13]. Таким образом, ССК рассматривается как инструмент рейтингования – оценки надежности граждан по отношению к курсу правящей партии. Ключевым мотивом внедрения системы являются задачи укрепления социальной сплоченности, повышения ответственности и дисциплины граждан в контексте модернизации китайского общества на основе социалистических ценностей [12].

При этом следует отметить, что китайская система социального кредита достаточно явно критикуется в западной науке за пренебрежение правами граждан, в то время как

в китайской литературе интерпретируется чаще в позитивной коннотации. В то же время ряд исследователей отмечает, что данная система не является единой и скорее включает множество отдельных систем, слабо связанных друг с другом [24].

Еще одной страной, где осуществляется социальное рейтингование, является Индия, в которой существует добровольная система национальной премии, принципиально отличающаяся от китайской модели. Индийская система не предусматривает запретов или негативных санкций за неучастие. Ее основная цель – поощрение граждан, активно участвующих в общественной жизни и вносящих особый вклад в развитие общества. Участники системы получают баллы за свою деятельность, которые в дальнейшем могут быть обменяны на различные государственные или социальные услуги. Таким образом, рейтингование в индийской практике функционирует исключительно как инструмент стимулирования социально значимых инициатив и поощрения гражданской активности.

На бытовом уровне индивиды наиболее часто сталкиваются с системами рейтингования в сервисах такси, которые получили распространение по всему миру, как отмечает Н.О. Блудян, изменив таксомоторную отрасль [2] (Яндекс Go (Россия), Citymobil (Россия), Maxim (Россия), Uber (США и другие страны), Bolt (Эстония), DiDi (Китай), Gett (Израиль и другие страны)).

Другим примером специализированной массовой оценки граждан являются скоринговые системы, также получившие распространение по всему миру. Изначально созданные в США как инструмент оценки риска, они трансформировались в алгоритмы оценки надежности и ответственности индивида. В частности, в России скоринговые системы созданы на базе Национального бюро кредитных историй (НБКИ) и Объединенного Кредитного Бюро (ОКБ); в США – «Consumer Financial Protection Bureau» и кредитных бюро «Experian», «Equifax», «TransUnion»; в Германии – SCHUFA Holding AG и Федерального комиссара по защите данных и свободе информации; Великобритании – «Financial Conduct Authority», «Information Commissioner's Office» и трех основных бюро «Experian», «Equifax», «TransUnion».

Социальный скоринг в политике представляет собой инновационный инструмент, способствующий изменению подходов к управлению социальными процессами. Операции с алгоритмами анализа данных позволяют государственным органам оценивать степень доверия граждан и их предрасположенность к различным социальным действиям. Этот метод подразумевает создание многогранной системы оценки, которая учитывает не только финансовое состояние, но также культурные, социальные и эмоциональные аспекты [14]. Ряд исследователей также отмечает потенциал систем социального рейтинга в анализе поведения индивидов в группе, а также взаимодействия внутри коалиций [25].

Тем не менее система социального рейтинга вызывает ряд этических вопросов, касающихся прав граждан и возможности манипуляции данными, вторжения в личную жизнь граждан [19]. При этом важно отметить, что выбор принципа оценки внутри систем социального рейтингования во многом зависит от целеполагания их автора. В связи с этим выделяются системы рейтингования, построенные на различных принципах: лексикографические социальные рейтинги; социальные рейтинги, основанные на голосовании; социальные рейтинги, основанные на теории игр [22]. Тем самым выбираемые принципы позволяют не только ранжировать исследуемые объекты, но и определенным образом характеризовать их в созданной иерархии.

Значительная часть представителей науки считает, что внедрение аналогов таких систем в развитых странах, включая Россию, неизбежно. По мнению В.С. Крылова, Э.А. Бекировой и Д.В. Крылова [11], безусловным плюсом системы социального рейтинга является объективность уровня доверия между хозяйствующими субъектами, если речь идет о ее применении в экономике страны. Хотя В.С. Крылов и соавторы видят в социальном рейтинге инструмент повышения экономической прозрачности и объективизации доверия [11], они же признают его деструктивный потенциал в сфере социальных отношений, что находит отклик у исследователей, указывающих на угрозу всеохватывающего ранжирования граждан, которое приведет к вмешательству в личную жизнь [26].

Среди минусов социального рейтинга, по мнению А. Бретт, Р. Даффилд, дороговизна системы, угроза национальной безопасности, этическая сторона системы. Относительно потенциала внедрения такой системы в России авторы отмечают, что шаги делаются и при оценке всех недостатков на примере других стран, могут быть достигнуты определенные результаты [20].

Понимание ситуации, связанной с введением социальных рейтингов, становится более сложным из-за формирования глобальных цифровых экосистем на базе отдельных платформ и сервисов. По мнению О.Е. Каленова, эти экосистемы охватывают обширные территории, разнообразные области деятельности и множество пользователей [8]. Не менее значительным является их стремление внедрить определенные культурные нормы и обеспечить зависимость от своих услуг, что приведет к возникновению явления, известного как «инфраструктурный захват» [15]. С другой стороны, А.В. Габов считает, что создатели подобных систем инициируют процесс независимого правового регулирования посредством подписания лицензионного соглашения с пользователем, закрепляя асимметрию в отношениях между цифровой платформой и ее пользователями [4]. Тезис А.В. Габова о формировании частноправового регулирования через пользовательские соглашения развивается К.С. Беззубиковым и Д.Э. Мкртчян, которые усматривают в этом основу новой формы политической власти платформ, базирующейся на контроле данных и отмечают, что данный социальный рейтинг открывает говорить о возникновении специфической политической власти цифровых платформ над различными организациями и гражданами, стремящимися использовать их в своих интересах [1]. Ситуация усугубляется тем, что разработчики таких систем активно применяют системы искусственного интеллекта для анализа и обработки информации о пользователях (объектах рейтингования) с использованием сотен и тысяч различных параметров [7].

Одной из главных характеристик социального рейтинга является его воздействие на спектр возможных вариаций поведения человека, который вытекает из мнений других граждан и организаций о нем. Высокий рей-

тинг обычно связывается с повышенным уровнем доверия со стороны людей, а также с увеличенными шансами на получение различных преимуществ и возможностей [16]. Помимо этого, социальный рейтинг позволяет внедрять модели поведения и ценности, которые одобряются его создателями. Он стимулирует членов общества к самоанализу. В то же время низкий социальный рейтинг может привести к различным ограничениям и исключению из социальной группы, что, в свою очередь, может затруднить карьерный рост и негативно сказаться на уровне самооценки индивида [17]. Таким образом, социальный рейтинг при учете всех преимуществ и рисков может выступить в роли сильного мотива для саморефлексии и улучшения социального климата в обществе. Сторонники частичного внедрения социального рейтинга подчеркивают мотивационный потенциал и способность системы формировать социально одобряемое поведение [16; 17], в то время как критики указывают на риски избыточного конформизма, подавления индивидуальности и создания атмосферы постоянного социального контроля, что может привести к тревожности и самоцензуре, подрывая подлинную социальную активность [5].

Обобщая различные подходы к осмыслению и интерпретации социального рейтингования, можно представить следующее авторское определение социального рейтинга – это процедура оценивания человека на основании показателей его поведения, реакций, деятельности, установленных создателем или заказчиком (государством и/или корпорацией), фиксируемых посредством цифровых технологий в ходе определенных коммуникаций и действий, посредством технологии искусственного интеллекта и зависящих от приоритетов, мировоззренческих ценностей, политико-культурных традиций создателя, а также нормативно-правовых особенностей конкретного государства.

Таким образом, концепция социального рейтинга способна формировать более полное представление о социальной структуре и потребностях общества и может выявить важные данные для разработки эффективной программы социальной политики, направленной на повышение уровня жизни населения страны.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что системы социального рейтингования и социального кредита требуют очень тщательной проработки и изучения, чтобы обеспечить баланс между общественными интересами и индивидуальными правами граждан. Важно, чтобы внедрение таких систем в жизнь государства происходило по особым правилам, а использование было ограничено и подконтрольно обществу. Для этого необходимо изучить то, как находить баланс между преимуществами и недостатками социального рейтинга, а права и свободы человека и гражданина должны быть поставлены во главу.

Следует отметить, что процесс формирования систем социального рейтингования наблюдается и в российской практике (можно привести примеры Яндекс Go, Ozon, Wildberries, Avito, Добро.рф). Многие из них формируются на цифровых платформах и носят пока экспериментальный и рекомендательный, так как сложность общества, неоднозначная оценка их со стороны граждан не позволяет ввести общеобязательную методику. Однако тем самым актуализируется осмысление самого феномена и процесса его развития для прогнозирования связанных с ним рисков и угроз.

Методы и материалы. Цель исследования: выявление особенностей осуществления и перспектив реализации систем социального рейтингования в современной России. Для достижения цели был использован метод экспертного опроса, проведенный по полуструктурированному гайду. Исследование проводилось в апреле – июне 2024 года. Респондентами выступили 32 специалиста (государственные служащие, депутаты, политтехнологи, специалисты в сфере цифровых технологий, сотрудники администрации вузов и преподаватели). Эксперты были целенаправленно отобраны из сфер, непосредственно связанных с темой исследования:

- государственные служащие: представители власти, вовлеченные в разработку и реализацию политики, потенциально включая цифровые инициативы;
- депутаты: законодатели, формирующие правовую среду и понимающие политические процессы;

- политтехнологи: специалисты по политическим коммуникациям, общественному мнению и избирательным технологиям, понимающие восприятие населением;

- специалисты в сфере цифровых технологий (ИТ): эксперты по технической реализации, данным, алгоритмам, безопасности и этике цифровых систем, включая потенциальные платформы рейтингования;

- сотрудники администрации вузов и преподаватели: представители образовательной системы, сталкивающиеся с вопросами управления большими коллективами, данными студентов, оценками, а также обладающие академическим взглядом на социальные процессы.

География экспертов представлена следующим образом: Москва, Санкт-Петербург, Костромская область, Волгоградская область, Алтайский край, Краснодарский край, Ярославская область. Интервью проводились по единому инструментарию в смешанном формате: часть взята очным интервьюированием, часть посредством дистанционных технологий связи.

Ключевыми вопросами, анализ которых был включен в данную статью, выступили:

- определение социального рейтинга;
- цели создания социальных рейтингов;
- регулирование социальных рейтингов;
- критерии (показатели) социальных рейтингов;
- практики применения социальных рейтингов;
- механизмы обратной связи в системах социального рейтинга;
- угрозы и возможности введения социальных рейтингов;
- участие / неучастие в социальном рейтинговании;
- перспективы введения социального рейтингования.

Анализ собранных данных. Запрос на формирование социальных рейтингов.

В настоящее время, по мнению большинства экспертов, у граждан не наблюдается реального запроса на создание социальных рейтингов. Эксперты подчеркивают, что отношение населения к концепции социального рейтинга в значительной степени определяется их социализацией, политической культурой, традициями

в отношении государственной власти, образовательной системой и распространенными в обществе ценностями. Эксперты считают, что российские граждане, как правило, склонны адаптироваться к государственной идеологии, а не выдвигать и развивать собственные идеи (*«граждане осваивают риторику и символы господствующей идеологии, часто без глубокой внутренней идентификации. Эта адаптивность – не пассивность, а активная стратегия, позволяющая сохранять приватную сферу и избегать конфликта»* – цит. эксперта, госслужащий).

В то же время другая группа экспертов отмечает, что социальный рейтинг проистекает из идеи элитарности, которая соответствует как консервативным, так и либеральным идеям (*«парадокс социального рейтинга в том, что он находит точки соприкосновения между, казалось бы, непримиримыми идеологиями. Консерваторы видят в нем механизм укрепления традиционных норм и социальной сплоченности через поощрение правильного поведения. Либералов привлекает потенциал справедливой оценки заслуг и прозрачности»* – цит. эксперта, преподаватель). Это предполагает, что социальные группы, считающие себя условно либеральными или условно консервативными, имеют интерес к социальным рейтингам.

Социальные рейтинги в первую очередь выгодны компаниям и индивидуальным предпринимателям, которые занимаются коммерцией, поскольку они помогают сформировать базу потенциальных клиентов, и, следовательно, запрос на социальные рейтинги в первую очередь исходит от бизнеса.

Эксперты выделяют несколько целей, связанных с разработкой социальных рейтингов:

1. Со стороны государства:

- уменьшение социальной напряженности, создание более ясных принципов работы «вертикальных лифтов» и профессионального роста;
- укрепление электоральной поддержки политической власти среди социальных групп;
- управление и стандартизация поведения индивидов и общества в целом в интересах власти;
- дополнительная легитимация политической системы и властвующей элиты в частности;

– обеспечение высокого уровня социальной безопасности и предсказуемости в общественных отношениях;

– моделирование и регулирование подведомственных организаций и институтов.

2. Со стороны бизнес-структур:

– коммерциализация и цифровизация социальных отношений;

– адаптация рыночных направлений к устойчивому развитию;

– создание кадрового резерва и управление собственными сотрудниками;

– стремление к формированию лояльных групп потребителей и исследование их цифровых следов для создания психопрофилей;

– выполнение госзаказов на разработку и поддержку систем социального рейтинга.

Таким образом, можно констатировать, что общая цель как бизнеса, так и государства заключается в оптимизации распределения ресурсов для внутренней структуры и внешнего взаимодействия, повышение собственной эффективности функционирования и поддержки среди целевых групп.

Критерии формирования социальных рейтингов. Эксперты сошлись во мнении, что универсальных критериев создания социальных рейтингов не существует. Объединяющими критериями социального рейтингования назывались: отношения гражданина с государством (попытки обмана властей, участие в протестах, оплата налогов); поведение гражданина в обществе (проявление героизма, отношение к родителям, участие в деятельности религиозных организаций и сект, честность в профессиональной деятельности); поведение в цифровой среде (поддержка власти в Интернете, достоверность размещаемой гражданами в Интернете информации, постинг антиправительственного контента) (*«...универсальных метрик нет, но прослеживается явная конвергенция вокруг трех ключевых измерений гражданина: государственный, социально-нравственный и цифровой»* – цит. эксперта, преподаватель).

Также некоторые эксперты полагают, что критерии оценки можно сгруппировать по нескольким направлениям, таким как:

- законопослушность: соблюдение законодательных норм и правил, что может включать отсутствие судимости, выполнение обязательств перед государством и т. д.;

- финансовая ответственность: кредитная история, своевременные выплаты по займам и другим финансовым обязательствам, наличие долгов за коммунальные услуги и т. д.;

- активность в обществе: участие в волонтерских инициативах, благотворительных проектах и других формах социального вклада и т. д.;

- социальные взаимодействия: качество социальных связей, включая общение с другими гражданами (в соотношении с их социальным рейтингом) и участие в различных группах или организациях;

- профессиональные успехи: достижения в карьере, уровень образования и квалификация и т. д.

В то же время часть экспертов предупреждают, что универсальные рейтинги увеличивают риски, так как не учитывают особенности различных социальных групп, включая их национальные, культурные и религиозные различия.

Регулирование социальных рейтингов. Эксперты сходятся во мнении, что социальное рейтингование должно регулироваться законодательством. Особенно это касается алгоритмов расчета рейтинга и контроля их алгоритмов. Исходя из этого, часть экспертов отметила, что в России пока недостаточно развито законодательство для реализации систем социального рейтингования (*«соцрейтинг новый феномен как для граждан, так и для юристов, он непонятен и не сформулирован, поэтому ввести его в нормативу сложно, но обязательно нужно иначе будут двойные стандарты и проблемы»* – цит. эксперт, юрист). Регулирование процесса создания и внедрения системы социального рейтингования, по мнению участников опроса, можно охарактеризовать через несколько ключевых аспектов:

1. Законодательные аспекты:

- нормативные документы: для реализации системы социального рейтингования требуется разработка и утверждение соответствующих законов и подзаконных актов, которые будут определять цели, методы и механизмы работы данной системы, включая установление критериев оценки и прав тех граждан, чьи данные будут использоваться;

- защита личных данных: необходимо разработать меры по обеспечению конфиден-

циальности и безопасности информации, чтобы предотвратить злоупотребления и нарушения прав граждан;

- прозрачность и подотчетность: законы должны включать механизмы контроля за функционированием системы, требующие предоставления отчетов о ее деятельности и результатах.

2. Технологические аспекты:

- алгоритмы и технологии: для реализации системы социального рейтингования нужно создать сложные алгоритмы для обработки информации и формирования рейтингов, включая применение больших данных и искусственного интеллекта;

- интеграция данных: система должна уметь собирать данные из различных источников, таких как банки, государственные органы и социальные сети для комплексной оценки граждан.

3. Этические аспекты:

- социальная справедливость: при разработке критериев рейтинга необходимо учитывать этические принципы, чтобы избежать дискриминации и обеспечить равное отношение ко всем гражданам;

- общественное мнение: введение системы должно опираться на потребности общества и учитывать мнения граждан, что может быть достигнуто через открытые обсуждения и консультации.

Таким образом, эксперты согласны с тем, что для эффективного регулирования социального рейтинга важно определить правила сбора, хранения и использования данных, а также установить меры безопасности и конфиденциальности, учитывая правовые и этические нормы, чтобы минимизировать общественное сопротивление (что также отмечается и в других исследованиях по данной тематике) [21].

Участие / неучастие в социальном рейтинговании и обратная связь. Эксперты считают, что государство, бизнес и граждане должны понимать: социальный рейтинг – это система, участие в которой добровольно и открывает перед гражданином новые возможности и ресурсы (не только материальные и профессионально-карьерные возможности, но и право участия в общественной экспертизе, в обсуждении законопроектов и т. д.).

При этом отмечается, что мотивация должна быть, главным образом, позитивной, а не негативной (*«...добровольность – это основной критерий для введения социального рейтинга. Только по желанию граждан можно его вводить и реализовывать, иначе это не имеет смысла»* – цит. эксперта, преподаватель).

Другая часть экспертов считает, что в бизнес-историях включение в систему социального рейтингования должно быть добровольным решением потребителя, согласованное на юридическом уровне, так как за счет информации о потребителе происходит создание особого рода продукта – аналога «цифрового аватара», отражающего социальный рейтинг. Потребитель должен быть вправе отказаться от этого, так как он не принадлежит потребителю и может послужить причиной ограничения его потребительских возможностей.

Касательно российского общества эксперты сошлись во мнении, что можно оттолкнуться от российских традиций гостеприимства, добрососедства, уважительного отношения к представителям других этносов, культур и религий (*«рейтинги должны быть адаптированы к культурным особенностям народа / страны куда они вводятся»* – цит. эксперта, преподаватель). Согласно их мнению, системы социального рейтинга вызывают интерес у различных профильных сторон, включая правительство, бизнес, общественные организации и отдельных пользователей. Однако обсуждение этой темы остается ограниченным.

Для того чтобы системы социального рейтингования работали успешно, необходимо наладить взаимодействие и диалог между всеми участниками. Правительство должно выступать в качестве регулятора, гарантируя прозрачность и законность в установлении критериев рейтинга, учитывая мнения общества и защищая интересы граждан. Бизнес может воспользоваться этими системами для повышения своей репутации. Общественные группы должны представлять интересы уязвимых слоев населения и работать над соблюдением этических стандартов. Граждане также должны иметь возможность влиять на определение критериев и оценку действий других участников.

Роль этих механизмов в повышении эффективности и объективности рейтингования заключается в том, что они позволяют участникам системы выражать свое мнение, делиться информацией и влиять на формирование общего мнения об объекте рейтингования. Благодаря обратной связи можно быстро исправлять ошибки, улучшать качество предоставляемой информации и создавать более надежные системы рейтингования. Эксперты сошлись во мнении, что рейтинги, полученные с учетом обратной связи, будут более объективны и достоверны. Также они отметили важную роль тестировщиков при введении систем социального рейтингования, так как именно они должны выявлять возможные ошибки и утечки данных для того, чтобы минимизировать опасные последствия для граждан. Внешний вид, интерфейс и даже дизайн создаваемой системы должны получить оценку самих граждан, общественных организаций, программистов, экспертов.

Перспективы и общественно-политические последствия введения социального рейтингования и способы его совершенствования. Эксперты выделили несколько ключевых вероятных последствий внедрения систем социального рейтингования. С одной стороны, по их мнению, произойдет повышение ответственности граждан за свои поступки. С другой – не исключен и обратный эффект, когда меняющееся социальное поведение граждан станет оказывать влияние и на само государство и политическую систему, в условиях которой был введен социальный рейтинг. Однако пока такие политические трансформации сложно прогнозировать, они могут быть довольно непредсказуемыми. Также нельзя полностью исключать и негативные проявления – граждане станут лишь подстраиваться под критерии системы и большая часть из них пойдет по пути конформизма. Опять же, не исключена государственно-корпоративная гибридизация и появление новых типов режимов власти, в которых политическая ответственность, ресурсы будут распределяться между представителями политической и корпоративной власти.

В целом эксперты считают, что развитие социального рейтингования может как спровоцировать быструю эволюцию и популяризацию

либеральных идеологий и режимов, увеличить их устойчивость, так и наоборот стать причиной роста эгалитарных настроений в обществе и политике, дать толчок новому этапу становления социалистической / коммунистической идеологии («...ну социальный рейтинг это прежде всего контроль поведения. Неужели мы вернемся к какой вариации коммунизма как в Китае? Вопрос открытый» – цит. эксперта, госслужащий). Также есть риск постепенного уклонения от социального рейтингования в политическом поле после того, как человек добьется определенного статуса в этой системе. Граждане могут опасаться, что участие в политической коммуникации негативно отразится на их социальном рейтинге, например, если их мнение не будет согласовываться с мнением большинства или с позицией влиятельных людей. Поэтому они могут предпочитать избегать (не участвовать) политических дискуссий (политической коммуникации) и не высказывать свое мнение, чтобы сохранить свою высокую социальную позицию («Граждане просто будут не участвовать чтобы их оценка не понижалась. Это логичная стратегия чтобы сохранить свои очки, но нужно ли это государству. Я думаю, нет» – цит. эксперт, преподаватель).

Эксперты считают, что для совершенствования систем социального рейтингования граждане должны демонстрировать свою активность, а не только корпорации, эксперты. При этом эксперты считают, что важно подробно регламентировать критерии и методы введения социального рейтинга. Для этого необходимо создать систему классификации социального рейтингования относительно задач, которые организации будут решать.

Помимо этого, эксперты отметили, что системы социального рейтингования должны учитывать разнообразие социальных и культурных особенностей. Например, в разных регионах могут быть специфические нормы и ценности, которые следует учитывать при оценке поведения граждан. Это поможет избежать дискриминации и несправедливых оценок.

Также нужно интегрировать социальное рейтингование с другими системами оценки, такими как финансовый скоринг и профессиональные достижения, чтобы создать более комплексный и справедливый подход к оценке

граждан. Это может помочь в более точном определении социального статуса и уровня доверия к человеку.

Важную роль в будущем, по мнению экспертов, будут играть образовательные программы по вопросам социального рейтингования. Обсуждение проблем социального рейтингования в научной и образовательной среде может помочь гражданам лучше понять, как работает система, и как они могут улучшить свои рейтинги. Это повысит уровень осведомленности и активного участия граждан в процессе.

Результаты. Исследование позволяет говорить, что в современных условиях цифровизации и развития искусственного интеллекта созданы необходимые условия для сбора и обработки всеобъемлющих данных относительно каждого отдельного индивида, определения степени его соответствия заявляемым приоритетам государства или отдельной организации (корпорации). Тем самым формируется новый институт регулирования поведения человека: если ранее главным регулятором была система запрета через систему наказания (Уголовный и Административный кодексы), то теперь появляется механизм стимулирования желаемого поведения через систему социального рейтингования. Для введения единой системы важным фактором является появление ряда условий: определение приоритетов развития государства (корпорации), операционализация поддерживаемых форматов и моделей поведения, совпадение интересов политических и корпоративных элит государства, запросов большинства социальных групп.

Более того, новый институт органично базируется на стремительной цифровизации, создании цифрового профиля каждого индивида, а также инструментах «мягкой силы» (возможности влиять через формирование лояльности, общности, единых приоритетов и моделей поведения). Тем самым формируются дополнительные условия и инструменты формирования широкой поддержки политической системы.

Однако развитие систем социального рейтингования потенциально может привести не только к повышению устойчивости функционирования государства, но и наоборот дестабилизации посредством создания дополни-

тельных возможностей для манипуляций, стимулирования социального неравенства и сегрегации. Созданные на их основе системы регулирования доступа к ресурсам и статусам могут существенно изменить функционирование традиционных социальных институтов и политических систем.

Таким образом, внедрение систем социального рейтингования в современных обществах может способствовать значительным политическим последствиям. С одной стороны, социальные рейтинги могут стать новым инструментом властей для оценки «лояльности» граждан, что потенциально приводит к социальной сегрегации и дискриминации определенных групп. С другой стороны, системы рейтингования при правильном планировании и внедрении могут стимулировать повышение прозрачности и ответственности, побуждая граждан участвовать в социально полезных действиях. Однако баланс между этими аспектами остается хрупким. Важно учитывать, что без должной прозрачности и контроля за процессом рейтингования такие системы могут усугубить социальные неравенства и нарушить основные права человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беззубиков К. С., Мкртчян Д. Э. Анализ перспектив цифрового развития страны: риски и проблемы внедрения системы социального рейтинга в России // Научные записки молодых исследователей. 2020. Т. 8, № 1. С. 50–58.
2. Блудян Н. О. Оценка и прогнозирование развития мирового рынка такси // Проблемы прогнозирования. 2021. № 4 (187). С. 145–154.
3. Буткевич С. А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 111–116.
4. Габов А. В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.
5. Графов Д. Б. Система социального рейтинга в КНР как информационно-коммуникационная технология поощрения и наказания // Власть. 2020. Т. 28, № 2. С. 250–259. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7165>
6. Данилин П. Н., Хилько И. Ю. История развития и перспективы внедрения системы социального кредита (рейтинга) в Китайской Народной Республике и Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2018. № 8 (123). С. 48–50.
7. Елисеева А. Д., Лейфу Г., Беспалько А. А., Курбатов Д. С. Система социального кредита как инструмент информационной поддержки для современной меритократии // Systems and Management. 2019. № 1 (4). С. 195–205.
8. Каленов О. Е. Цифровые экосистемы организаций // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2022. Т. 19, № 1 (121). С. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-1-139-147>
9. Катрашова Ю. В., Митяшин Г. Ю., Плотников В. А. Система социального рейтинга как форма государственного контроля над обществом: перспективы внедрения и развития, угрозы реализации // Управленческое консультирование. 2021. № 2. С. 100–109.
10. Козырев А. Н., Неволин И. В. Социальный кредит в Китае: обзор // Цифровая экономика. 2019. № 3. С. 70–74.
11. Крылов В. С., Бекирова Э. А., Крылов Д. В. Цифровая экономика в Китае: качественный анализ системы социального рейтинга // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2018. № 3 (61). С. 79–83.
12. Лазаров А. А. Право на доступ к информации при применении системы социального кредитования (социального скоринга) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 136–142. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.136-142>
13. Науменко Т. В., Секретарева К. Н. Китайская система социального кредита: антиутопия или фактор общественного благополучия? // Журнал исследований социальной политики. 2022. № 3. С. 419–432.
14. Петров А. А. Идеология и экспериментальные проекты балльно-рейтинговой системы Китая // Chronos. 2020. № 9 (48). С. 12–24.
15. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2021.12.36824>
16. Самусева О. А. Социальный рейтинг как системная характеристика политической надежности в китайском обществе // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. С. 349–361.
17. Тагаров Б. Ж., Салахи Д. Э. Возможности и угрозы, связанные с внедрением системы социального рейтинга в России // Экономика и предпринимательство. 2024. № 4 (165). С. 171–173. DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.165.4.031>
18. Тихон А. В., Макеева Ю. К. Социальный скоринг как основа современной дискримина-

ции // Правовой статус личности в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики: материалы Всерос. круглого стола, посвящ. 85-летию со дня рождения Н.В. Витрука, Москва, 7 дек. 2022 г. М.: Рос. гос. ун-т правосудия, 2023. С. 108–113.

19. Backer L. C. China's Social Credit System: Data-Driven Governance for a "New Era" // *Current History*. 2019. Vol. 118, № 809. P. 209–214.

20. Brett A., Duffield R. Beyond Surveillance Capitalism: Privacy, Regulation and Big Data in Europe and China // *Economy and Society*. 2020. Vol. 49, № 2. P. 187–212.

21. Fan L., Das V., Kostyuk N., Hussain M. Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure // *Policy and Internet*. 2018. Vol. 10, № 4. P. 415–453.

22. Foka A. F. An Artist Ranking System Based on Social Media Mining // *Information Retrieval*. 2018. Vol. 21, № 5. P. 410–448. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10791-018-9328-z>

23. Fritz F., Moretti S., Staudacher J. Social Ranking Problems at the Interplay Between Social Choice Theory and Coalitional Games // *Mathematics*. 2023. № 11. P. 4905. DOI: <https://doi.org/10.3390/math11244905>

24. Lin L.Y.-H., Milhaupt C.J. China's Corporate Social Credit System: The Dawn of Surveillance State Capitalism? // *The China Quarterly*. 2023. Vol. 256. P. 835–853. DOI: <https://doi.org/10.1017/S030574102300067X>

25. Liu C. Multiple Social Credit Systems in China // *Economic Sociology: The European Electronic Newsletter*. 2019. Vol. 21, № 1. P. 22–32.

26. Suzuki T., Horita M. Consistent Social Ranking Solutions // *Social Choice and Welfare*. 2024, № 62. P. 549–569. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00355-023-01502-1>

REFERENCES

1. Bezzubikov K.C., Mkrtchyan D.E. Analiz perspektiv tsifrovogo razvitiya strany: riski i problemy vnedreniya sistemy sotsialnogo reytinga v Rossii [Analysis of the Prospects for Digital Development of the Country: Risks and Problems of Implementing a Social Rating System in Russia]. *Nauchnyye zapiski molodykh issledovateley* [Scientific Notes of Young Researchers], 2020, vol. 8, no. 1, pp. 50–58.

2. Bludyan N.O. Otsenka i prognozirovaniye razvitiya mirovogo rynka taksi [Assessment and Forecasting of the Development of the Global Taxi Market]. *Problemy prognozirovaniya* [Forecasting Problems], 2021, no. 4 (187), pp. 145–154.

3. Butkevich S.A. Sistema sotsialnogo kredita v Kitayskoy Narodnoy Respublike v zerkale kriminologii [The System of Social Credit in the People's Republic

of China in the Mirror of Criminology]. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1, pp. 111–116.

4. Gabov A.V. Tsifrovaya platforma kak novoye pravovoye yavleniye [Digital Platform as a New Legal Phenomenon]. *Permskiy yuridicheskiy almanakh* [Perm Law Almanac], 2021, no. 4, pp. 13–82.

5. Grafov D.B. Sistema sotsialnogo reytinga v KNR kak informatsionno-kommunikatsionnaya tekhnologiya pooshchreniya i nakazaniya [The System of Social Rating in China as an Information and Communication Technology of Encouragement and Punishment]. *Vlast* [Power], 2020, vol. 28, no. 2, pp. 250–259. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i2.7165>

6. Danilin P.N., Khilko I.Yu. Istoriya razvitiya i perspektivy vnedreniya sistemy sotsialnogo kredita (reytinga) v Kitayskoy Narodnoy Respublike i Rossiyskoy Federatsii [The History of Development and Prospects for the Introduction of the Social Credit System (Rating) in the People's Republic of China and the Russian Federation]. *Yevraziyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2018, no. 8 (123), pp. 48–50.

7. Yeliseyeva A.D., Leyfu G., Bepalko A.A., Kurbatov D.S. Sistema sotsialnogo kredita kak instrument informatsionnoy podderzhki dlya sovremennoy meritokratii [The Social Credit System as an Information Support Tool for Modern Meritocracy]. *Systems and Management*, 2019, no. 1 (4), pp. 195–205.

8. Kalenov O.E. Tsifrovyye ekosistemy organizatsiy [Digital Ecosystems of Organizations]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova* [Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics], 2022, vol. 19, no. 1 (121), pp. 139–147. DOI: <https://doi.org/10.21686/2413-2829-2022-1-139-147>

9. Katrashova Yu.V., Mityashin G.Yu., Plotnikov V.A. Sistema sotsialnogo reytinga kak forma gosudarstvennogo kontrolya nad obshchestvom: perspektivy vnedreniya i razvitiya, ugrozy realizatsii [The Social Rating System as a Form of State Control over Society: Prospects for Implementation and Development, Threats to Implementation]. *Upravlencheskoye konsultirovaniye* [Administrative Consulting], 2021, no. 2, pp. 100–109.

10. Kozyrev A.N., Nevolin I.V. Sotsialnyy kredit v Kitaye: obzor [Social Credit in China: An Overview]. *Tsifrovaya ekonomika* [Digital Economy], 2019, no. 3, pp. 70–74.

11. Krylov V.S., Bekirova E.A., Krylov D.V. Tsifrovaya ekonomika v Kitaye: kachestvennyy analiz sistemy sotsialnogo reytinga [Digital Economy in China: A Qualitative Analysis of the Social Rating System]. *Uchenyye zapiski Krymskogo inzhenerno-*

pedagogicheskogo universiteta [Scientific Notes of the Crimean Engineering Pedagogical University], 2018, no. 3 (61), pp. 79-83.

12. Lazarov A.A. Pravo na dostup k informatsii pri primeneniі sistemy sotsialnogo kreditovaniya (sotsialnogo skoringa) [The Right to Access Information During the Use of the System of Social Credit (Social Scoring)]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)], 2022, no. 4 (92), pp. 136-142. DOI: <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2022.92.4.136-142>

13. Naumenko T.V., Sekretareva K.N. Kitayskaya sistema sotsialnogo kredita: antiutopiya ili faktor obshchestvennogo blagopoluchiya? [The Chinese Social Credit System: Dystopia or a Factor of Social Well-Being?]. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 2022, no. 3, pp. 419-432.

14. Petrov A.A. Ideologiya i eksperimentalnyye proyekty ballno-reytingovoy sistemy Kitaya [Ideology and Experimental Projects of China's Point-Rating System]. *Chronos*, 2020, no. 9 (48), pp. 12-24

15. Ruvinskiy R.Z., Ruvinskaya E.A., Komarova T.D. Obshchestvennoye vospriyatiye praktik tsifrovogo profilirovaniya i sotsialnogo reytingovaniya: situatsiya v Rossii i Kitaye [Public Perception of Digital Profiling and Social Rating Practices: The Situation in Russia and China]. *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2021, no. 12, pp. 56-76. DOI: <https://doi.org/0.25136/2409-7144.2021.12.36824>

16. Samuseva O.A. Sotsialnyy reyting kak sistemnaya kharakteristika politicheskoy nadezhnosti v kitayskom obshchestve [Social Rating as a Systemic Characteristic of Political Reliability in Chinese Society]. *Sotsialno-gumanitarnyye znaniya* [Socio-Humanitarian Knowledge], 2019, no. 6, pp. 349-361.

17. Tagarov B.Zh., Salakhi D.E. Vozmozhnosti i ugrozy, svyazannyye s vnedreniyem sistemy sotsialnogo reytinga v Rossii [Opportunities and Threats Related to the Implementation of the Social Rating System in Russia]. *Ekonomika i predprinimatelstvo* [Economics and Entrepreneurship], 2024, no. 4(165), pp. 171-173. DOI: <https://doi.org/10.34925/EIP.2024.165.4.031>

18. Tikhon A.V., Makeyeva Yu.K. Sotsialnyy skoring kak osnova sovremennoy diskriminatsii [Social Scoring as the Basis of Modern Discrimination]. *Pravovoy status lichnosti v Rossiyskoy Federatsii: aktualnyye problemy teorii i praktiki: materialy Vseros. kruglogo stola, posvyashch. 85-letiyu so dnya rozhdeniya N.V. Vitruka, Moskva, 7 dek. 2022 g.* [Legal Status of Personality in the Russian Federation: Actual Problems of theory and Practice. Proceedings of the All-Russian Round Table Dedicated to the 85th Anniversary of the birth of N.V. Vitruk, Moscow, December 7, 2022]. Moscow, Ros. gos. un-t pravosudiya, 2023, pp. 108-113.

19. Backer L.C. China's Social Credit System: Data-Driven Governance for a "New Era". *Current History*, 2019, vol. 118, no. 809, pp. 209-214.

20. Brett A., Duffield R. Beyond Surveillance Capitalism: Privacy, Regulation and Big Data in Europe and China. *Economy and Society*, 2020, vol. 49, no. 2, pp. 187-212.

21. Fan L., Das V., Kostyuk N., Hussain M. Constructing a Data-Driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. *Policy and Internet*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 415-453.

22. Foka A.F. An Artist Ranking System Based on Social Media Mining. *Information Retrieval*, 2018, vol. 21, no. 5, pp. 410-448. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10791-018-9328-z>

23. Fritz F., Moretti S., Staudacher J. Social Ranking Problems at the Interplay between Social Choice Theory and Coalitional Games. *Mathematics*, 2023, no. 11, p. 4905. DOI: <https://doi.org/10.3390/math11244905>

24. Lin L.Y.-H., Milhaupt C.J. China's Corporate Social Credit System: The Dawn of Surveillance State Capitalism? *The China Quarterly*, 2023, vol. 256, pp. 835-853. DOI: <https://doi.org/10.1017/S030574102300067X>

25. Liu C. Multiple Social Credit Systems in China. *Economic Sociology: The European Electronic Newsletter*, 2019, vol. 21, no. 1, pp. 22-32.

26. Suzuki T., Horita M. Consistent Social Ranking Solutions. *Social Choice and Welfare*, 2024, no. 62, pp. 549-569. DOI: <https://doi.org/10.1007/s00355-023-01502-1>

Information About the Authors

Alexander V. Sokolov, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Sovetskaya St, 10, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, alex8119@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>

Sung-Hoon Jeh, PhD (Political Sciences), Professor, Head of the Department of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Imun St, 107, 02450 Seoul, Republic of Korea, shjeh@hufs.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0001-5837-5524>

Papik A. Babajanyan, Assistant Lecturer, Department of Socio-Political Theories, Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Sovetskaya St, 10, 150003 Yaroslavl, Russian Federation, babajanyanpapik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2828-5581>

Информация об авторах

Александр Владимирович Соколов, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская 10, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, alex8119@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7325-8374>

Сун Хун Чже, PhD (политические науки), профессор, заведующий кафедрой российских исследований, Университет иностранных языков Хангук, ул. Имун, 107, 02450 г. Сеул, Республика Корея, shjeh@hufs.ac.kr, <https://orcid.org/0000-0001-5837-5524>

Папик Артурович Бабаджанян, ассистент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, ул. Советская 10, 150003 г. Ярославль, Российская Федерация, babajanyanpapik@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2828-5581>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.18>

UDC 323.2+314.6+172.12

LBC 66.041.12

Submitted: 08.08.2025

Accepted: 07.10.2025

FAMILY AXIOLOGY AND ELECTORAL SOVEREIGNTY OF RUSSIAN VOTERS IN THE ERA OF GLOBAL POLITICAL TRANSFORMATIONS

Sergey A. Pankratov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Sergey I. Morozov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article reveals the axiological foundations of the functioning of the family institution in the context of global transformations of society and the state and presents the vectors of rethinking family values, the reproduction of which allows interpreting the diversity of practices of electoral behavior of Russian citizens. Attention is focused on the qualitative characteristics of the electoral sovereignty of voters. *Methods and materials.* The authors use various methodological approaches to interpreting the nature of values (E. Durkheim), as well as the diversity of values through the prism of, on the one hand, the functional target setting of the activities of social institutions (M. Weber, D.A. Leontiev), and, on the other hand, as a socio-political construct (G.H. Mead). When characterizing the Russian family and its potential in the process of political socialization/resocialization of members belonging to different generations, the ideas expressed in the works of domestic and foreign scientists are used, in particular A. Giddens, A.I. Antonov, and E.B. Shestopal. Conceptual approaches to understanding the specifics of the modern electoral process and the electoral sovereignty of voters (I.B. Borisov, R.V. Evstifeev) form the basis of the authors' interpretation of the character and methods of inclusion of members of domestic families in civic and political activity, including participation in elections. *Analysis and results.* The study interpreted the dominant factors and vectors that determine the character of the transformation of the value status of the family institution, as well as the dynamics of the reproduction of family value orientations in the context of the diversity of forms and principles of civil and political activity of the population. The basic characteristics of the electoral sovereignty of Russian voters are identified and analyzed. *Authors' contribution.* S.A. Pankratov developed the theoretical and methodological basis of the study. S.I. Morozov analyzed the mechanisms and forms of influence of the institution of family and its values on the formation and reproduction of the electoral sovereignty of the population in the Russian Federation. *Funding.* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the Expert Institute for Social Research within the framework of the project FZUU-2024-0005 "Participation in elections as a family tradition: resources of the institution of the family and vectors of mobilization of civic engagement of modern Russian youth."

Key words: electoral sovereignty, family, values, civic engagement, transformation, Russia, security.

Citation. Pankratov S.A., Morozov S.I. Family Axiology and Electoral Sovereignty of Russian Voters in the Era of Global Political Transformations. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 224-233. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.18>

АКСИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКИХ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Сергей Анатольевич Панкратов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Сергей Иванович Морозов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье раскрываются аксиологические основания функционирования института семьи в условиях глобальных трансформаций общества и государства, а также представлены векторы переосмысления семейных ценностей, воспроизводство которых позволяет интерпретировать многообразие практик электорального поведения российских граждан. Акцентируется внимание на качественных характеристиках электорального суверенитета избирателей. *Методы и материалы.* Авторы используют различные методологические подходы к интерпретации природы ценностей (Э. Дюркгейм), а также многообразие ценностей сквозь призму, с одной стороны, функциональной целевой установки деятельности социальных институтов (М. Вебер, Д.А. Леонтьев), а с другой стороны, социально-политического конструкта (Дж.Г. Мид). При характеристике российской семьи и ее потенциала в процессе политической социализации / ресоциализации членов, относящихся к различным поколениям, используются идеи, высказанные в трудах отечественных и зарубежных ученых, в частности Э. Гидденса, А.И. Антонова, Е.Б. Шестопал. Концептуальные подходы к пониманию специфики современного избирательного процесса и электорального суверенитета избирателей (И.Б. Борисов, Р.В. Евстифеев) положены в основу авторской интерпретации характера и способов включения членов отечественных семей в гражданскую и политическую активность, в том числе участия в выборах. *Анализ и результаты.* В ходе исследования интерпретированы доминирующие факторы и векторы, определяющие характер трансформации ценностного статуса института семьи, а также динамику воспроизводства семейных ценностных ориентаций в контексте многообразия форм и принципов гражданской и политической активности населения. Выделены и проанализированы базовые характеристики электорального суверенитета российских избирателей. *Вклад авторов.* С.А. Панкратов разработал теоретико-методологическую базу исследования. С.И. Морозов проанализировал механизмы и формы влияния института семьи и ее ценностей на формирование и воспроизводство электорального суверенитета населения в Российской Федерации. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ, Экспертного института социальных исследований в рамках проекта FZUU-2024-0005 «Участие в выборах как семейная традиция: ресурсы института семьи и векторы мобилизации гражданской активности современной российской молодежи».

Ключевые слова: электоральный суверенитет, семья, ценности, гражданская активность, трансформация, Россия, безопасность.

Цитирование. Панкратов С. А., Морозов С. И. Аксиология семьи и электоральный суверенитет российских избирателей в эпоху глобальных политических трансформаций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 224–233. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.18>

Введение. Первая треть XXI в. характеризуется глубинной трансформацией сложившегося после распада СССР миропорядка, суть которой заключается в том, что «подчинение большинства меньшинству, присущее международным отношениям в период доминирования стран Запада, уступает место многосто-

роннему, более кооперативному подходу» [20]. Отличительной чертой данного процесса является усиление цивилизационной, историко-политической значимости специфики развития отдельных обществ и государств, во многом определяемой системой ценностных доминант, передаваемых в рамках межпоколенческой

коммуникации. В этой связи исследовательский ракурс политологов охватывает аксиологические аспекты функционирования институциональных / неинституциональных акторов, включенных в систему политической (гражданской) социализации / ресоциализации потенциальных и действенных участников избирательного процесса. Актуализируется потребность в анализе восприятия ценностной значимости самих агентов социализирующего воздействия на коллективном и индивидуальном уровнях, а также ценностно-содержательного потенциала, транслируемого в условиях внешних / внутренних рисков и угроз для обеспечения России и его гражданам суверенитета, в том числе электорального [2].

Одним из институциональных агентов политической социализации, участвующих в формировании гражданской, в том числе электоральной, активности представителей различных поколенческих групп, выступает семья. Как подчеркнул в своем выступлении В.В. Путин, «в семье укорены наша культура, идентичность, национальный характер», при этом «семейные ценности воспитываются с детства и не обрываются за порогом родительского дома, воплощаются дальше в делах и поступках» [19]. В рамках политологического дискурса важно объективировать факторы (положения), позволяющие семье сохранять и воспроизводить в сознании российских граждан свою институциональную ценность в целом, а также значимость отдельных членов родственного межпоколенческого союза в трансляции социально одобряемых ценностей и поведенческих практик.

Таким образом, актуальность исследования ценностных характеристик современной российской семьи в обеспечении электорального суверенитета определяется целым рядом факторов, в том числе трансформацией института семьи, его образа и места в системе традиционных ценностей, имеющей объективные социально-исторические основания, а также активным конструированием в публичном пространстве иных (чаще всего либеральных, западнцентричных) моделей брачных и семейных отношений, нередко носящих деструктивные идеологические и поведенческие паттерны; усилением темпоральной неопределенности в моделях межпоколенческой комму-

никации среди различных типов семей (родительская, репродуктивная) и формированием ценностных оснований позитивной гражданской / политической активности, в том числе в рамках избирательных циклов в России; необходимостью обеспечения электорального суверенитета страны и каждого гражданина в контексте минимизации внутренних и внешних вызовов.

Методы и материалы. Использование методологии, теоретических и эмпирических методов исследования определяется целью и задачами работы, в первую очередь обоснованием в рамках политологического дискурса аксиологических оснований функционирования российской семьи как институционального актора социализирующего воздействия на членов родительской и репродуктивной организации в условиях многовекторности и высокой степени неопределенности / противоречивости трансформаций на национальном, региональном и глобальном уровнях. При этом акцентируется внимание на многообразии факторов, оказывающих влияние при формировании и воспроизводстве гражданской / политической активности у российских граждан: (1) относящихся к различным поколенческим когортам; (2) обладающих неоднородным жизненным опытом, (3) практиками усвоения и трансляции семейных ценностей, на доминирующие модели электорального поведения и обеспечение электорального суверенитета.

Исходя из этого, целесообразно говорить об использовании междисциплинарного подхода, включающего: структурно-функциональную интерпретацию сущностных характеристик ценностей (в том числе семейных), ресурсы социально-политического конструирования [6; 7; 12]; социологические и психологические теории поколений, политической социализации / ресоциализации членов семей, относящихся к различным возрастным когортам [1; 14; 15; 25]; концептуальные интерпретации деятельности-активистского и коммуникативного подходов для обоснования характера и способов включения членов отечественных семей в гражданскую и политическую активность, вариантов обеспечения электорального суверенитета избирателей [4; 5]. Важно подчеркнуть, что для раскрытия аксиологических оснований российской семьи как

традиционной ценности авторы опирались на положения в том числе цивилизационного подхода [3; 22; 23].

Анализ. В Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей [16] наряду с другими к традиционным ценностям как нравственным ориентирам, формирующим мировоззрение граждан России, отнесены крепкая семья и преемственность поколений. Данный документ символизирует собой, с одной стороны, ответ, а с другой стороны, ценностно ориентированный посыл государства на идейно-нравственный и политический запрос отечественного социума. Как отметил в своем выступлении на Международном симпозиуме «Создавая будущее» в Национальном центре «Россия» генеральный директор ВЦИОМ В. Федоров, в настоящее время «самый широкий тренд – это запрос на традиционные ценности. Они [традиционные ценности] обещают устойчивость, стабильность, единство общества вопреки всем разобщающим, подрывающим, разлагающим нас внешним и внутренним вызовам. От текущей современности назад к твердой, устойчивой, понятной, как нам кажется, жизни» [8].

Результаты опросов представителей различных возрастных, поколенческих, социально-профессиональных и иных групп населения на протяжении нескольких лет подряд выявляют первенство ценности института семьи как эмоционального и нравственного ядра российской идентичности [21]. Основой идеальной модели данного института выступает традиционно полная семья, включающая мужа, жену и детей с доминирующими скрепами любви, взаимопонимания, заботой и доверием.

В рамках данного исследования важно акцентировать внимание на динамическом преодолении ранее эмпирически фиксируемого «обострения» межпоколенческих конфликтов вследствие распада СССР и слома прежних государственных, социальных структур, переориентации на иные стереотипы образа жизни. Сегодня ценность семейных отношений (так называемая ресурсная семья как идеальная модель) включает в своем большинстве обязательное участие (равноправное присутствие) в жизненном пространстве представителей старших поколений (баланс тра-

диционной структуры) с гармонизацией эмоционального фона и обеспечения как минимум базового уровня достатка, способных минимизировать проявления внутренних и внешних вызовов членам семейного коллектива, принадлежащим к различным поколенческим когортам.

При этом параллельно названному сосуществует социальный тренд на активное отстаивание традиционных российских ценностей, в том числе внутрисемейных, с демонстрацией неприятия и отторжения принципов либеральной гендерной идеологии с постулированием наличия несколько десятков гендеров и межполовых отношений [10].

С нашей точки зрения, в рамках исследования целесообразно выделить две объективно существующие в настоящее время тенденции межпоколенческого взаимодействия в рамках семейной организации. Первая заключается в том, что с конца 90-х гг. прошлого века социологи и социальные психологи фиксируют нарастающую тенденцию снижения «полезности» рекомендаций родителей относительно выбора жизненного пути представителями последующих поколений. Опыт старших нередко оказывается неприменим, а в отдельных случаях бесполезен и «вреден» для когорты «детей» первой трети XXI в. в вопросах формирования представлений и реальных действий в выборе супруга, рождении и воспитании детей, наилучшего получения образования и профессии.

Вторая тенденция проявляется в достаточно высокой значимости для российской молодежи сохранения духовно-эмоциональной взаимосвязи между членами разнопоколенной родительской, а позже и собственной созданной репродуктивной семьи (так называемое «сбережение» семейного благополучия) [18]. Такое проявление фиксирует «относительное единство в многообразии» не только в сфере межличностных коммуникаций, но и в отношении к историческому прошлому страны, оценке текущих политических событий в стране и мире, значимости патриотических чувств и поведенческих практиках гражданской и политической активности.

В этой связи, с нашей точки зрения, целесообразно акцентировать внимание на ценностных историко-патриотических трендах, во

многим определяющих символическую коннотацию межпоколенческой взаимосвязи в публичном пространстве России. Три четверти опрошенных представителей различных поколенческих групп (Институтом социологии ФНИСЦ РАН опрошено 2 000 респондентов старше 18 лет методом персональных интервью в феврале 2024 г.) считают предметом гордости: победу в Великой Отечественной войне; воссоединение Республики Крым и города Севастополя с Россией (46 %); полет Ю. Гагарина в космос (44 %); Крещение Руси в 988 г. (44 %); образование СССР (40 %). При этом 43–46 % представителей средних, старших возрастных групп и 35–36 % молодежи поддерживает устремление руководства страны на самобытный путь развития, обеспечение и поддержание суверенитета [24].

В современном российском обществе на основе эмпирических исследований социологи фиксируют три сформировавшиеся и конкурирующие идейно-политические позиции: «жесткие» государственники; «мягкие» государственники; новые «западники» с позиционированием опоры на собственные силы и ресурсы при минимизации внешнего (государственного, семейного и т. д.) влияния / поддержки. Последняя позиция распространена, по мнению научного руководителя ФНИСЦ РАН М. Горшкова, но не доминирует в определенных слоях молодежной когорты. Вместе с тем данный факт нельзя игнорировать, так как может привести к определенной радикализации части молодежи, ее вовлеченности в экстремистские организации.

Результаты эмпирического исследования, проведенного в рамках грантового проекта при непосредственном участии авторов, показывают, что семья по-прежнему оказывает существенное социализирующее влияние на формирование политических ориентаций новых поколений, в том числе участие в выборах. Исследование включало количественные методы (онлайн-опрос и ассоциативный опрос), а также качественные методы (формализованные интервью и фокус-группы). Целевыми группами выступали члены семей, относящиеся к различным поколенческим когортам, в том числе молодежь от 18 до 21 года, впервые принимавшая участие в выборах. Участники реализации проекта выявили, что

члены семьи, относящиеся к старшим поколенческим группам (родители, бабушка и дедушка, иные родственники), в первую очередь формируют чувства доверия / недоверия к электоральным институтам и процедурам российской избирательной системы в целом. «Это способствует формированию рационально-легального типа легитимности выборов у молодежи, где акцент делается на уважении к процедуре, а не на поддержке конкретных кандидатов» [13, с. 231]. Фактически речь идет о проявлениях форм и методов воспроизводства принципов электорального суверенитета среди членов семьи.

Одной из самых распространенных дефиниций понятия электорального суверенитета государства выступает предложенное И.Б. Борисовым определение как «установление национальных демократических процедур, порядка и правил организации публичной власти, правомочности самостоятельно, без какого-либо внешнего влияния реализовывать любую модель политической системы, включая порядок ее формирования» [4, с. 48].

Соглашаясь в целом с представленным пониманием электорального суверенитета, считаем, что следует акцентировать внимание не только на международных и национально-государственных сторонах данного феномена [11], но и на индивидуальных (межличностных) аспектах обеспечения и воспроизводства электорального суверенитета. По нашему мнению, институт семьи выступает через социализирующие, воспитательные механизмы, реализацию функции трансляции межпоколенческой преемственности и исторической памяти, сохранение и воспроизводство цивилизационного кода, формирование гражданской и политической активности населения полноправным актором обеспечения электорального суверенитета страны. Электоральная активность граждан и свободный сознательный выбор в рамках участия в избирательных процессах на федеральном, региональном и муниципальном уровнях – неотъемлемый структурный элемент электорального суверенитета.

Эмпирически зафиксированы и теоретически аргументированы доминирующие мотивационные отличия электората, участвующего в выборах: представители старшего

поколения чаще мотивируются принципом «принесения пользы» другим, в то время как российская молодежь, не отрицая данный принцип, отдает приоритет возможностям самореализации, а также выполнению гражданского долга перед обществом и государством [17, с. 11]. При этом молодые люди демонстрируют электоральные практики участия в выборах в роли не только избирателя, но и наблюдателя за ходом голосования и подсчетом бюллетеней, предотвращением распространения недостоверной (фейковой) информации и т. д.

Именно институт семьи наиболее полно может использовать неформализованные ресурсы политической социализации для включенности членов семей различных поколений в избирательный процесс, формирования доверительных позиций к государственным и общественным институтам: через обсуждение в «семейном кругу» происходящих и ожидаемых событий в контексте интересов каждого из ее членов; воспроизводство различных эмоциональных состояний через семейно-родственную событийность; транслирование приемов и способов в освоении публичного пространства.

Мировоззренческие установки и умения осуществлять свой политический, идеологический, ценностный выбор на разных этапах жизненного пути и ситуациях, в том числе в рамках сложившейся избирательной системы и противостояния возможным манипулятивным влияниям со стороны различных политических сил внутри и вне страны (личный электоральный суверенитет), также первоначально осваиваются в рамках семейных коммуникаций и зависят: от воспроизводства в семьях типа воспитания; сложившихся проявлений родительского контроля; соотношения детьми родительского поведения с другими влияниями «иных значимых»; компетентности членов семьи в освещении социально-политических процессов, раскрытии в контексте «семейной родословной»; наличия и устойчивости партийной / идеологической идентификации конкретных представителей семьи.

Таким образом, трансляция и защита традиционных ценностей (в том числе семьи как социального института, опосредованно влияющего на практики реализации электорального суверенитета) вызваны потребнос-

тью и необходимостью в сохранении культурно-исторического, цивилизационного кода народов и государств, национальной идентичности, естественным стремлением этносов обеспечить «историческое бессмертие» и преемственность.

Результаты. Вступление российского государства и общества на путь инновационного развития с неизбежностью актуализирует теоретическую и практическую потребность научного анализа ценностного потенциала и функциональной специфики института семьи как одного из ключевых звеньев в воспроизводстве цивилизационных особенностей России, а также как актора политической и гражданской социализации всех членов семейной организации, в том числе участия в выборах и обеспечения электорального суверенитета на национальном и индивидуальном (личностном) уровнях. В настоящее время ракурс в решении целого ряда проблем в стране включает не только социально-экономические и правовые меры поддержки населения («за ближайшие шесть лет государство планирует выделить из федерального бюджета на реализацию национального проекта “Семья” 18 триллионов рублей» [9, с. 5]), но и идейно-политический аспект укрепления традиционных российских ценностей. Важнейшей задачей выступает минимизация влияния западных идеологических доктрин, отрицающих значимость крепкой семьи, брака, естественного продолжения рода.

В первой трети XXI в. общественное сознание в России демонстрирует определенную степень толерантности к формам организации семьи: детям, рожденным вне брака; сожительству без регистрации брака; многодетной или малодетной семье; существенному перераспределению внутрисемейных обязанностей между супругами и др. Вместе с тем утвердился и воспроизводится на уровне представителей практически всех поколений идеальный образ традиционной (не путать с патриархальной) семьи, включающей маму, папу и детей, скрепленной отношениями любви, уважения и доверия с неотрицанием глубинных духовных и хозяйственных связей с более старшими по возрасту и зрелыми по жизненному опыту поколениями (дедушки, бабушки и др.).

Ход специальной военной операции России по денацификации Украины, результаты выборов Президента РФ в марте 2024 г. и проведение избирательных кампаний в российских регионах в единый день голосования 2024–2025 гг. свидетельствуют о вступлении в начальную стадию институционализации условно консолидированной модели участия в выборах, с приоритетным соблюдением принципов электорального суверенитета. Одним из ведущих акторов этой модели является институт российской семьи, обладающий большим ресурсом ценностного доверия и способностью инкорпорации позитивных форм гражданской и политической активности. К ее характерным чертам относятся соотношение электоральных процессов со спецификой обеспечения безопасности России, а также применение технологий, направленных на консолидацию отечественного социума на основе традиционных ценностей, управленческих решений, диалога с органами государственной власти.

В контексте сложившейся в настоящее время социально-политической, экономической и социокультурной ситуации целесообразно:

– через инструменты воспроизводства исторической памяти способствовать поддержанию семейно-родственных, поколенческих связей, которые способны выступать значимым ресурсом, удовлетворяющим потребность молодых людей в чувстве гражданской сопричастности, формировании социального оптимизма и уверенности в будущем и ответственности за свою страну;

– на регулярной основе проводить общественную экспертизу качества и уровня реализации региональных целевых программ в сфере семейной и молодежной политики, принимая во внимание возрастание значимости такого индикативного показателя, как их соответствие традиционным ценностям;

– избирательным комиссиям субъектов РФ в состав экспертных общественных советов привлекать специалистов, обладающих знаниями по переводу конфликтных дискурсов среди представителей различных поколений в публично-правовое пространство, предоставляя возможность реализации молодым согражданам, особенно впервые участвующим в выборах, ориентированным на позитивные формы и практики гражданского волеизъявления.

Таким образом, семья и семейные ценности выступают одним из базовых параметров в формировании образа будущего России с сохранением и воспроизводством ее цивилизационной идентичности, безопасного и стабильного развития как суверенного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонов А. И., Синельников А. Б., Новосёлова Е. Н. Социологические исследования в области семьи и демографии: отвечая на вызовы современности // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2024. № 30 (4). С. 189–207. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206
2. Антюшин Н. А. Система целеполагания в государственной политике управления электоральными инновациями: аспект обеспечения электорального суверенитета государства // Южно-российский журнал социальных наук. 2024. Т. 25, № 3. С. 83–97. DOI: 10.31429/26190567-25-3-83-97
3. Багдасарян В. Э. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения. Ярославль: ЯГПУ, 2022. 256 с.
4. Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010. 156 с.
5. Бродовская Е. В., Коваленко Д. С., Лукушин В. А. Ценностное сознание граждан российского государства-цивилизации: концептуальные основания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2024. № 4. С. 3–13. DOI: 10.24412/2071-6141-2024-4-3-13
6. Быков А. В. Концепция ценностей в социологии Э. Дюркгейма // Мониторинг общественного мнения. 2009. № 3. С. 219–226.
7. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Академия, 1994. 248 с.
8. ВЦИОМ отметил развитие тренда на традиционные ценности. URL: https://news.rambler.ru/world/55421842/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
9. Доля бедных многодетных семей в РФ снижается // Профиль. 2025. № 29/30. С. 5.
10. Дунаевский И. Диктатура гендера // Российская газета. Неделя. 2021. 10 марта.
11. Евстифеев Р. В. Проблема иностранного влияния на национальные выборы: теоретические рамки и практические оценки // Социально-политические исследования. 2023. № 3 (20). С. 19–33.
12. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 44–48.
13. Макаренко К. М., Панкратова Л. С. Социализирующее воздействие родителей на формиро-

вание электоральных установок современной российской молодежи в контексте глобальных кризисов идентичности и доверия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 3. С. 222–234. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.3.20

14. Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состязательность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000. 162 с.

15. Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1983. С. 322–361.

16. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : утв. Указом Президента России от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

17. Панкратов С. А. Семейные ценности и традиции гражданской активности молодежи в политико-правовом пространстве современной России // Парадигмы управления, экономики и права. 2024. № 3 (13). С. 7–15.

18. Панкратова Л. С. Общественное мнение молодежи о семье как институциональной поддержке в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 189–196. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-189-196

19. Путин В. В. Выступление на Всероссийском форуме «Родные – любимые». 23 января 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73297>

20. Путин В. В. Выступление на пленарной сессии XXII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2 октября 2025 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78134>

21. Смак Т. Традиционные ценности: ожидание и реальность : [обзор результатов опроса ВЦИОМ]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost>

22. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. В 2 кн. Кн. 1. Индийская, Африканская, Исламская и Китайская цивилизации. Латиноамериканская цивилизационная общность. М.: ЛЕНАНД, 2022. 304 с.

23. Хорос В. Г. Цивилизации в современном мире. В 2 кн. Кн. 2. Европейская цивилизация. Российская цивилизация. М.: ЛЕНАНД, 2022. 240 с.

24. Четверикова А. Яблочко, куда ты? Социологи выяснили, чем отличаются разные поколения россиян и что у них общего // Российская газета. 2024. 16 дек.

25. Шестопал Е. Б. Глубинная трансформация ценностных и идентификационных матриц россий-

ского общества: размышления над итогами круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2023. Т. 1, № 6. С. 7–30.

REFERENCES

1. Antonov A.I., Sinelnikov A.B., Novoselova E.N. Sotsiologicheskie issledovaniia v oblasti semyi i demografii: otvechaia na vyzovy sovremennosti [Sociological Research in the Field of Family and Demography: Responding to the Challenges of Our Time]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 18. Sotsiologiiia i politologiiia* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2024, no. 30 (4), pp. 189–207. DOI: 10.24290/1029-3736-2024-30-4-188-206

2. Antyushin N.A. Sistema tselepolaganii v gosudarstvennoi politike upravleniia elektoralnymi innovatsiiami: aspekt obespecheniia elektoralnogo suvereniteta gosudarstva [The System of Goal-Setting in the State Policy of Electoral Innovation Management: The Aspect of Ensuring Electoral Sovereignty of the State]. *Iuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2024, vol. 25, no. 3, pp. 83–97. DOI: 10.31429/26190567-25-3-83-97

3. Bagdasarian V.E. *Traditsionnye tsennosti: strategiiia tsivilizatsionnogo vozrozhdeniia* [Traditional Values: Strategy of Civilizational Revival]. Yaroslavl, YaGPU, 2022. 256 p.

4. Borisov I.B. *Elektoralnyi suverenitet* [Electoral Sovereignty]. Moscow, ROIP, 2010. 156 p.

5. Brodovskaya E.V., Kovalenko D.S., Lukushin V.A. Tsennostnoe soznanie grazhdan rossiiskogo gosudarstva-tsivilizatsii: kontseptualnye osnovaniia [Value Consciousness of Citizens of the Russian State-Civilization: Conceptual Foundations]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanities], 2024, no. 4, pp. 3–13. DOI: 10.24412/2071-6141-2024-4-3-13

6. Bykov A.V. Kontseptsiiia tsennostei v sotsiologii E. Diurkgeima [The Concept of Values in the Sociology of E. Durkheim]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia* [Monitoring of Public Opinion], 2009, no. 3, pp. 219–226.

7. Veber M. *Izbrannoe. Obraz obshchestva* [Selected Works. Image of Society]. Moscow, Akademiya Publ., 1994. 248 p.

8. *VTsIOM otmetil razvitie trenda na traditsionnye tsennosti* [VCIOM Noted a Growing Trend Toward Traditional Values]. URL: https://news.rambler.ru/world/55421842/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

9. Dolia bednykh mnogodetnykh semei v RF snizhaetsia [The Proportion of Poor Large Families in Russia Is Declining]. *Profil* [Profile], 2025, no. 29/30, p. 5.

10. Dunaevskii I. Diktatura gendera [Dictatorship of Gender]. *Rossiiskaia gazeta. Nedelia* [Rossiyskaya Gazeta. Week], 2021, Mar. 10.

11. Evstifeev R.V. Problema inostrannogo vlianiia na natsionalnye vybory: teoreticheskie ramki i prakticheskie otsenki [Problem of Foreign Influence on National Elections: Theoretical Framework and Practical Assessments]. *Sotsialno-politicheskie issledovaniia* [Social and Political Researches], 2023, no. 3 (20), pp. 19-33.

12. Leontyev D.A. Tsennost kak mezhdistsiplinarnoe poniatie: opyt mnogomernoi rekonstruktsii [Value as Interdisciplinary Concept: The Experience of Multidimensional Reconstruction]. *Voprosy filosofii* [Philosophy Questions], 1996, no. 4, pp. 44-48.

13. Makarenko K.M., Pankratova L.S. Sotsializiruiushchee vozdeistvie roditeli na formirovanie elektoralnykh ustanovok sovremennoi rossiiskoi molodezhi v kontekste globalnykh krizisov identichnosti i doveriia [The Socializing Influence of Parents on the Formation of Electoral Attitudes of Modern Russian Youth in the Context of Global Crises of Identity and Trust]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 3, pp. 222-234. DOI: 10.15688/jvolsu4.2025.3.20

14. Mangeim K. *Ocherki sotsiologii znaniia: Problema pokolenii – sostizatel'nost' – ekonomicheskie ambitsii* [Essays on the Sociology of Knowledge: The Problem of Generations – Competition – Economic Ambitions]. Moscow, INION RAN, 2000. 162 p.

15. Mid M. Kultura i preemstvennost. Issledovanie konflikta mezhdu pokoleniiami [Culture and Continuity: A Study of Intergenerational Conflict]. Mid M. *Kultura i mir detstva* [Culture and the World of Childhood]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 322-361.

16. *Osnovy gosudarstvennoi politiki po sokhraneniui i ukrepleniiu traditsionnykh rossiiskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostei: utv. Ukazom Prezidenta Rossii ot 09.11.2022 № 809* [Executive Order Approving Fundamentals of State Policy for Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values. Approved by Decree of the President of Russia Dated November 9, 2022 No. 809]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

17. Pankratov S.A. Semeinye tsennosti i traditsii grazhdanskoi aktivnosti molodezhi v politiko-pravovom prostranstve sovremennoi Rossii [Family Values and Traditions of Civic Engagement of Young People in the Political and Legal Space of Modern Russia]. *Paradigmy upravleniia, ekonomiki i prava*

[Paradigms of Management, Economics and Law], 2024, vol. 13, no. 3, pp. 7-15.

18. Pankratova L.S. Obshchestvennoe mnenie molodezhi o semye kak institutsionalnoy podderzhke v sovremennoi Rossii [Youth Public Opinion about the Family as Institutional Support in Contemporary Russia]. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanities], 2023, iss. 1, pp. 189-196. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-1-189-196

19. Putin V.V. *Vystuplenie na Vserossiiskom forume «Rodnye – liubimye». 23 yanvaria 2024 g.* [Speech at the Family – Loved Ones All-Russian Family Forum. January 23, 2024]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73297>

20. Putin V.V. *Vystuplenie na plenarnoi sessii XXII zasedaniia Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai». 2 oktiabria 2025 g.* [Speech at the Plenary Session of the 22nd Annual Meeting of the Valdai International Discussion Club. October 2, 2025]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/78134>

21. Smak T. *Traditsionnye tsennosti: ozhidanie i realnost: obzor rezultatov oprosa VTsIOM* [Traditional Values: Expectations and Reality. Review of the VCIOM Poll Results]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-tsennosti-ozhidanie-i-realnost>

22. Khoros V.G. *Tsivilizatsii v sovremennom mire. V 2 kn. Kn. 1. Indiiskaia, Afrikskaia, Islamskaia i Kitaiskaia tsivilizatsii. Latinoamerikanskaia tsivilizatsionnaia obshchnost* [Civilizations in the Modern World. In 2 Books. Book 1. Indian, African, Islamic, and Chinese Civilizations. The Latin American Civilizational Community]. Moscow, LENAND, 2022. 304 p.

23. Khoros V. G. *Tsivilizatsii v sovremennom mire. V 2 kn. Kn. 2. Evropeyskaya tsivilizatsiia. Rossiyskaya tsivilizatsiia* [Civilizations in the Modern World. In 2 Books. Book 2. European Civilization. Russian Civilization.]. Moscow, LENAND, 2022. 240 p.

24. Chetverikova A. Yablochko, kuda ty? Sotsiologi vyiasnili, chem otlichayutsya raznye pokoleniia rossiian i chto u nih obshchego [Yablochko, Where Are You Going? Sociologists Have Discovered the Differences Between Different Generations of Russians and What They Have in Common]. *Rossiiskaia gazeta*, 2024, Dec. 16.

25. Shestopal E.B. Glubinnaya transformatsiia tsennostnykh i identifikatsionnykh matrits rossiyskogo obshchestva: razmyshleniia nad itogami kruglogo stola [Deep Transformation of Identification and Value Matrixes of Russian Society: Some Thoughts After the Roundtable]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki* [Moscow University Bulletin. Series 12. Political Sciences], 2023, vol. 1, no. 6, pp. 7-30.

Information About the Authors

Sergey A. Pankratov, Doctor of Sciences (Politics), Professor, Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Sergey I. Morozov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Russian Statehood, Sociological and Political Sciences, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

Информация об авторах

Сергей Анатольевич Панкратов, доктор политических наук, профессор кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, pankratov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1733-730X>

Сергей Иванович Морозов, кандидат политических наук, доцент кафедры российской государственности, социологических и политических наук, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, morozovsi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4802-9203>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.19>

UDC 316.4
LBC 66.3(0)

Submitted: 01.07.2024
Accepted: 30.11.2024

THE INSTITUTIONAL ASPECT OF IDENTITY POLITICS IN THE METROPOLITAN AGGLOMERATIONS: ANALYSIS OF LEGAL DOCUMENTS

Sofia K. Kalashnikova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Mariia Ya. Pogodina

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* We are discussing the effectiveness of the project approach to political governance and the correctness of the chosen methods for implementing and evaluating public programs in different areas. In this article, we focus on the institutional aspect of regional identity politics to identify the basic symbolic grounds for the formation of the image of the “we”-community, which are used by the regional political-administrative elite in the official political discourse. *Methods and materials.* We assess identity politics as a political strategy characterized by specific goals and intended outcomes. Our method for analyzing state programs in the Saint Petersburg and Moscow metropolitan areas involved qualitative content analysis, enabling us to identify and consider the main narratives promoted by the political-administrative elite. The political-administrative elite employs these narratives to construct a collective “we” identity and establish a symbolic foundation for population cohesion. Special attention is paid to the issue of agglomeration development in the texts of state programs operating in the territory of megacities. *Analysis.* The article describes the main characteristics of the images of residents of agglomeration territories presented in state programs and development strategies. The documents devoted to Greater Moscow reflect the urbanistic vector of agglomeration development and vividly “draw” the image of the territory’s future. St. Petersburg authorities rely more on the cultural and historical heritage of the territory and the unique symbolic capital of the Northern Capital. *Results.* Based on the results of the study of agglomerations and the analysis of state programs, it can be stated that the problems of territorial development are raised in the framework of projects related to the transport and infrastructure development of the megacity and adjacent settlements. However, explicit political risks related to interethnic relations and problems of social integration are not given due attention in the official discourse. *Authors’ contribution.* S.K. Kalashnikova – research methodology, data collection. M.Ya. Pogodina – data analysis, comparative case analysis. *Funding.* The research was carried out at SPbSU with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the research project № 23-28-00933, “Identity politics in Russian agglomerations in the context of international experience.”

Key words: identity politics, territorial identity, regional identity, branding of regions, agglomeration development, analysis of state programs.

Citation. Kalashnikova S.K., Pogodina M.Ya. The Institutional Aspect of Identity Politics in the Metropolitan Agglomerations: Analysis of Legal Documents. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 234-243. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.19>

УДК 316.4
ББК 66.3(0)

Дата поступления статьи: 01.07.2024

Дата принятия статьи: 30.11.2024

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В СТОЛИЧНЫХ АГЛОМЕРАЦИЯХ: АНАЛИЗ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

Софья Константиновна Калашникова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Мария Ярославовна Погодина

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В настоящий момент в публичном поле и в научной дискуссии обсуждаются вопросы результативности проектного подхода к политическому управлению, а также корректности выбранных методов реализации и оценки эффективности государственных программ в разных областях. В статье мы сфокусировали свое внимание на институциональном аспекте региональной политики идентичности для того, чтобы выявить базовые символические основания для формирования образа «мы»-сообщества, которые используются региональной политико-административной элитой в официальном политическом дискурсе. *Методы и материалы.* Политика идентичности оценивается нами как политический курс, реализация которого предполагает наличие определенных целей и результатов. Методом исследования государственных программ в Петербургской и Московской агломерациях стал качественный контент-анализ, позволяющий учесть и выявить основные транслируемые политико-административной элитой нарративы, используемые для создания «мы»-образа и символической базы для консолидации населения. Особое внимание уделяется вопросу развития агломераций в текстах государственных программ, действующих на территориях мегагородов. *Анализ.* В статье описаны основные характеристики образов жителей агломерационных территорий, представленные в государственных программах и стратегиях развития. Документы, посвященные Большой Москве, отражают урбанистический вектор развития агломерации и ярко «рисуют» образ будущего территории. Петербургские власти в большей степени опираются на культурно-историческое наследие территории и уникальный символический капитал Северной столицы. *Результаты.* По итогам изучения особенностей агломераций и анализа государственных программ можно утверждать, что проблемы развития территорий поднимаются в рамках проектов, связанных с транспортным и инфраструктурным развитием мегаполиса и прилегающих к нему населенных пунктов. Явным политическим риском, связанным с межэтническими отношениями и проблемами социальной интеграции, не уделяется должного внимания в официальном дискурсе. *Вклад авторов.* С.К. Калашникова – методология исследования, сбор данных. М.Я. Погодина – анализ данных, сравнительный анализ кейсов. *Финансирование.* Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

Ключевые слова: политика идентичности, территориальная идентичность, региональная идентичность, брендинг регионов, развитие агломераций, анализ государственных программ.

Цитирование. Калашникова С. К., Погодина М. Я. Институциональный аспект политики идентичности в столичных агломерациях: анализ нормативных правовых актов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 234–243. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.19>

Введение. Проектный подход к управлению популяризируется российской политико-административной элитой с начала 2010-х годов. Разработка и утверждение профильных государственных программ, обсуждение и формирование групп документов под названием «Стратегии развития» городов и ре-

гионов, проектные инициативы на федеральном и региональном уровнях – все это составляет нормативно-правовую базу для реализации приоритетных общественно значимых направлений деятельности государственной власти. Переход к программно-целевым методам управления должен был обеспечить

утверждение стратегических задач на несколько лет вперед и определить критерии эффективности исполнительных органов по их реализации. Однако в настоящий момент в публичном поле и в научной дискуссии обсуждаются вопросы результативности такого подхода, а также корректности выбранных методов реализации и оценки эффективности. Даже высокопоставленные государственные управленцы публично признавались в некоторой неудовлетворенности положением дел, отмечая, что само правительство признает несостоятельность института государственных программ.

В ходе недавнего исследования региональных государственных программ В.И. Клисторин и С.В. Седипкова выявили ряд проблемных зон в формировании этой группы документов: недостаточная связь со стратегическими целями развития регионов; неоправданно большое количество целевых показателей и их недостаточная обоснованность; несоответствие объемов финансирования программ в сравнении с декларируемыми целями и задачами и другие [7]. Кроме того, отсутствие стандартизации такого типа документов и закрытый характер оценивания препятствуют внешней независимой оценке документов. При исследовании зарубежного опыта выяснилось, что привлечение к оценке госпрограмм внешних экспертов – один из факторов эффективной реализации проектов.

Стоит отметить, что анализ государственных программ проводится по определенным тематическим направлениям: инновационное развитие [1], экономическое стимулирование [8; 10], молодежная политика [6], социальная политика [9] и другие. Разработка данной темы активно ведется в экономическом и управленческом ключе. Отдельно стоит выделить блок работ, связанных с оценкой Стратегий развития регионов [2; 3; 15; 16].

Методы и материалы. Занимаясь исследованиями в области символической политики, достаточно затруднительно выработать комплексную методику оценки эффективности реализуемой политики. В рамках разработки данной темы мы уже обращали внимание на некоторую «размытость» политики идентичности как на федеральном, так и на региональном уровне, так как функции по реализации различных направлений политики

идентичности делегированы разным политическим институтам. Поэтому оценка эффективности может базироваться на применении комплекса прикладных методик, которые опираются на конструктивистскую и неинституциональную методологии.

В этой статье мы сфокусировали свое внимание на институциональном аспекте региональной политики идентичности для того, чтобы выявить базовые символические основания для формирования образа «мы»-сообщества, которые используются региональной политико-административной элитой в официальном политическом дискурсе.

В контексте данного исследования под политикой идентичности понимается определенный набор чаще всего закрепленных в юридических актах политических проектов, практик и инструментов, имеющих символическое и идеологическое наполнение [11]. Политика идентичности оценивается нами как политический курс, реализация которого предполагает наличие определенных целей и результатов. Методом исследования государственных программ в изучаемых агломерациях стал качественный контент-анализ, позволяющий учесть и выявить основные транслируемые политико-административной элитой нарративы, используемые для создания «мы»-образа и символической базы для консолидации населения. Особое внимание уделяется вопросу развития агломераций в текстах государственных программ, действующих на территории этих мега-городов. Из-за диффузии агломерационной политики и отсутствия отдельной нормативно-правовой базы по этому вопросу корпус текстов включает ранее выделенные программы и стратегии, реализуемые на территории региона и города-ядра агломерации.

Столичные агломерации в большей степени отражают урбанизационные и глобализационные мировые тренды. Территориальная идентичность здесь формируется на пересечении региональной и локальной идентичности. В различных частях агломерации жителям присущ собственный баланс этих компонентов, который зависит от ряда факторов. Однако необходимость интеграции и консолидации населения в агломерациях, снижения социальной напряженности, формирования доверия к местным и региональным

органам власти делают политику идентичности важной частью управленческой повестки в целом.

Анализ. Оценка государственных программ включает в себя ряд блоков, среди которых мониторинг выполнения программ, анализ затрат и результатов, а также оценка воздействия. Для нас наиболее актуальным представляется последний блок, который сфокусирован на причинно-следственных связях между реализацией программы и достигнутым в итоге результатом. Оценка воздействия – ключевое направление оценки государственных программ в сфере символической политики, так как результат проектов подразумевает изменение политических установок и поведения жителей территории.

Сравнительный компонент исследования строится на ряде индикаторов. В первую очередь выявляется и оценивается институционально-организационная структура агломерации и управленческий подход. Также сравниваются нормативные правовые документы, регулирующие развитие агломераций и объем финансирования. Третьим индикатором сравнения выступает баланс выделенных тем и упоминания ключевых слов в текстах программ и стратегий. Кроме того, сопоставляются «мы»-образы жителей города-ядра агломерации.

Московская агломерация является одной из крупнейших в мире. По данным Росстата, население Москвы на 1 января 2020 г. составляет 12 692 466 человек, а население Московской области – 7 690 863. В Стратегии развития Центрального федерального округа (далее – ЦФО) Большая Московская агломерация, также именуемая Московским регионом, выделена как единственная агломерация в рамках округа. Несмотря на заявленный в стратегии переход от централизованной модели к более сбалансированному развитию всех территорий ЦФО, в документе отсутствуют конкретные механизмы, которые могли бы способствовать формированию других перспективных агломераций. Таким образом, стратегия оставляет без внимания потенциал роста и интеграции остальных территорий округа.

Проблема формирования сбалансированной системы управления агломерациями пока остается нерешенной в России. Н.В. Гришин,

опираясь на опыт других государств, приводит примеры нескольких моделей управления такими территориями: объединение в единое муниципальное образование; создание на уровне агломерации нового надмуниципального органа управления; модель межмуниципальной кооперации; модель управления агломерацией со стороны регионального уровня власти. Российский подход продиктован административной логикой: обычно управление агломерацией – зона ответственности региональных органов власти [5].

Еще в начале 2000-х гг. для развития Московского региона была создана Объединенная коллегия исполнительных органов государственной власти Москвы и Московской области. Среди направлений деятельности Коллегии значились, например, подготовка совместных законодательных инициатив, интеграция регионов в области промышленного производства, земельные отношения и использование природных ресурсов, использование трудовых ресурсов и расширение сферы занятости. Однако решения Коллегии обладали рекомендательным характером. Хотя на данный момент Коллегия не выполняет своих функций, с 2022 г. реализуется Стратегия развития транспортной системы Москвы и Московской области, рассчитанная до 2035 года. Этот проект был подготовлен автономной некоммерческой организацией «Дирекция Московского транспортного узла». В дополнение к этому в сфере транспортного развития региона также активно работает Координационный совет, координирующий усилия по совершенствованию транспортной инфраструктуры Москвы и области. Можно сделать вывод о превалировании транспортных задач над другими, в том числе интеграционными, направлениями деятельности региональных властей.

В рассмотренных нами документах термин «агломерация» упоминался крайне редко, что было весьма неожиданно, учитывая, что Москва является, с гигантским отрывом, центром самой большой агломерации в России и одной из самых крупных в мире.

В документе «Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 г.» кратко перечисляются проблемы, связанные с построением агломерации в контексте повышения

туристической привлекательности: «отсутствие ключевых звеньев развития региона, в частности: крупных городских агломераций, включенных в рынок туристско-рекреационных услуг» [14].

Стоит отметить, что город Тверь часто упоминается в данных документах в контексте зависимости от агломераций Москвы и Петербурга. Тверь оценивается как выгодоприобретатель развития столичных агломераций, так как является транзитным регионом. На эти два замечания приходится 70 % использования термина «агломерация» в четырех основополагающих документах, регулирующих политику идентичности Московской агломерации.

Можно сделать вывод об инфраструктурном фокусе развития Московской агломерации, что подтверждает результаты проведенного дискурс-анализа выступлений мэра С.С. Собянина. Культурные вопросы дистанцированы от проблем расширения агломерации и интеграции жителей, а акцент делается на транспортной и экономической составляющих.

В отличие от описанного ниже кейса Петербурга, в московских документах нигде не упоминается особенное «московское самосознание». Также в государственных программах не описываются базовые характеристики образа жителя Москвы. Отсутствуют какие-либо фигуры речи, определяющие «мы»-образ. Однако встречается термин «общероссийская идентичность москвичей». Возможно, из-за столичного статуса политико-административная элита региона не считает необходимым отдельно «прорисовывать» образ жителя города. Такая установка может быть следствием особого положения метрополии по отношению к субъектам в составе федерации. Москва символически возводится в надна-

циональный и надэтнический статус, является больше «мировым» городом. Расхожая обывательская фраза «Москва – не Россия», отражающая высокое экономическое развитие города и отличный от российских регионов образ жизни москвичей, находит свое подтверждение и в дискурсе власти, и в официальных документах.

Несмотря на эти ценностные ориентиры, в документах (табл. 1) также фиксируется, что Москва – движущая и идейная сила российского государства на протяжении истории: «Настоящая Стратегия определяет место, которое округ стремится занять в этой внешней для него среде. Исторически в Центральной России формировалась государственная идеология, национальная идентичность и интеллектуальный потенциал страны. Здесь создавалась основа экономики, и отсюда в течение столетий к окраинам России текли финансовые и людские потоки, связывающие ее в единое целое» [14]. В то же время мы видим образ Москвы как открытого и космополитичного города, который определяет курс развития всей страны, является идейным лидером.

Что касается брендинга территории, сам термин «бренд» встречается только в контексте повышения туристической привлекательности ЦФО. Предлагается активнее распространять бренд «малого Золотого кольца», включающего в том числе южные части Московской агломерации.

Городская агломерация Северной столицы охватывает территорию сразу двух субъектов – Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Санкт-Петербург вместе с прилегающими районами Ленинградской области формирует единое, тесно взаимосвязанное пространство с населением свыше 6 млн человек. Эту агломерацию отличает высокая степень

Таблица 1. Перечень НПА, регулирующих сферу политики идентичности в Московской агломерации

Table 1. List of regulatory acts governing identity policy in the Moscow agglomeration

№ п/п	Наименование НПА	Общий объем финансирования, руб.
1.	Государственная программа города Москвы «Развитие культурно-туристической среды и сохранение культурного наследия» (2017–2024)	1 335 647 979 200
2.	Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 г.	–
3.	Концепция «Умный город – 2030»	–
4.	Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 г.	–

интеграции в экономике, занятости, транспортной сети, образовании, культуре, досуге и других ключевых сферах жизни (табл. 2).

В государственной программе «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга» отсутствует четкое определение границ агломерации и не предлагаются конкретные рекомендации по развитию этой комплексной территориальной структуры: «Санкт-Петербург и прилегающие к нему территории Ленинградской области фактически образуют единое территориальное пространство с общим населением, превышающим 6 млн человек, отличающееся интенсивными хозяйственными, трудовыми, транспортными, образовательными, бытовыми, культурными, рекреационными и иными связями» [17]. То же самое можно сказать и о Стратегии развития региона. Единственным документом, который полностью посвящен развитию Петербургской агломерации, является Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 г. и с перспективой до 2050 года. Границы 6 муниципальных районов определяются как «зона интенсивной урбанизации». На момент формирования и подписания Концепции в 2018 г. численность населения агломерации составила 6 млн человек, по прогнозу, изложенному в Концепции, к 2030 г. население агломерации достигнет 7 250 000 человек, а к 2050 – 8 660 000.

Кроме инфраструктурных, жилищных и транспортных проблем в Концепции упоминается несколько принципов градостроительного развития агломерации, в том числе «оптимизация расселения с учетом сохранения

идентичности Санкт-Петербурга и поселений Ленинградской области и формирование статуса подцентров агломерации» и «формирование единого культурного ландшафта, достойного историко-культурного потенциала Северной столицы» [7]. Однако конкретные шаги для реализации этого направления в Концепции не обозначены. В открытом доступе каких-либо промежуточных отчетов по исполнению Концепции не обнаружено.

В других стратегических документах агломерация преимущественно рассматривается через призму транспортной связи и миграции рабочей силы. Формирование зон урбанизационного развития происходит вдоль ключевых транспортных коридоров, отходящих от Санкт-Петербурга, и основывается на четырех основных принципах. Во-первых, это эффективность транспортной системы, предполагающая использование комфортного общественного транспорта как основного средства пассажирских перевозок. Во-вторых, гуманизация плотности и высотности застройки в пределах Ленинградской области, обеспечивающая комфортную среду для населения. В-третьих, это касается сбалансированного прогнозирования роста численности населения на территориях Ленинградской области, вовлеченных в агломерационные процессы, с учетом реальных демографических тенденций и необходимости устойчивого развития. Наконец, многофункциональная застройка агломерационных зон позволяет гибко адаптировать территорию для различных видов использования. Эти принципы направлены на обеспечение структурированного и сбалансированного развития агломерации, учитывающего

Таблица 2. Перечень НПА, регулирующих сферу политики идентичности в Петербургской агломерации

Table 2. List of regulatory acts governing identity policy in the Saint Petersburg agglomeration

№ п/п	Наименование НПА	Общий объем финансирования, руб.
1.	Государственная программа Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры в Санкт-Петербурге» (2023–2028)	309 833 137 000
2.	Государственная программа Санкт-Петербурга «Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга» (2023–2028)	153 907 012 700
3.	Государственная программа Санкт-Петербурга «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» (2023–2028)	47 897 199 200
4.	Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 г.	–
5.	Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области (агломерации) на период до 2030 г. и с перспективой до 2050 г.	–

социальные, экономические и экологические аспекты интеграции территорий.

Транспортный вопрос и проблемы корректного стратегического планирования дальнейшего разрастания города в пределы Ленинградской области освещаются как краеугольные. Решение этих задач необходимо для претворения в жизнь эффективного агломерационного проекта, однако документы указывают на отсутствие правового регулирования статуса агломераций и процессов их развития. На взгляд авторов, такое положение дел тормозит этот процесс. Развитие агломерационных связей с Ленинградской областью – одна из задач градостроительной политики: «Выполнение указанной задачи направлено на реализацию согласованного механизма управления развитием территорий Санкт-Петербурга и Ленинградской области для обеспечения решения задач, связанных с возрастающей урбанизацией прилегающих к границам Санкт-Петербурга территорий Ленинградской области, влекущей увеличение нагрузки на транспортную систему (для реализации маятниковой миграции до центра Санкт-Петербурга), энергетическую систему и социальную инфраструктуру Санкт-Петербурга» [7].

В государственной программе «Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге» на шесть упоминаний слова «идентичность» приходится около пятидесяти слов «патриотизм». Тем не менее в описательной части прямо указывается конечная цель обеспечения общественного согласия: «Основная часть мероприятий нацелена на формирование общероссийской гражданской идентичности и петербургского самосознания у жителей города разного этнического происхождения; обеспечение конструктивного взаимодействия всех представленных в городском сообществе этноконфессиональных групп, использование потенциала национально-культурных объединений и религиозных организаций; создание условий для профилактики межэтнических и межкультурных конфликтов, искоренения проявлений ксенофобии, мигрантофобии, расизма; выработку и реализацию системного подхода к процессу языковой и социокультурной интеграции учащих-инофонов в петербургское сообщество» [12].

Включение политики предотвращения этнических конфликтов в программы развития столичных агломераций обосновано особенностями их этнокультурной структуры, формируемой значительными миграционными потоками. Такие меры способствуют снижению вероятности социальной напряженности и обеспечивают условия для равноправного участия различных этнических групп в общественной жизни. Политика предотвращения конфликтов, направленная на развитие механизмов интеграции и взаимодействия, минимизирует риски сегрегации и способствует устойчивому функционированию агломераций в условиях многообразия. Однако стоит отметить, что этим проблемам в текстах уделяется минимальное значение в отличие от инфраструктурных городских преобразований.

Отдельно стоит выделить такое часто встречающееся словосочетание, как «петербургское самосознание», на фоне «общероссийской гражданской идентичности». Однако каких-либо базовых характеристик такого «сознания» в документах не обнаружено. Вместе с тем в документе «Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 г.» дается развернутое описание того, кто такие петербуржцы: «Петербуржцы открыты и дружелюбны, любят свой город, гордятся его культурой и историей, активно участвуют в общественных событиях Санкт-Петербурга. Санкт-Петербург создает условия для социализации, социокультурной адаптации, активного включения иностранных граждан в его жизнь. Культурное достояние является базовым элементом общегородской идентичности, важнейшим фактором, формирующим отношение к Санкт-Петербургу со стороны горожан и его гостей» [13]. Стоит отметить, что в документ в разряд проблем отнесли недостаточные усилия по формированию общероссийской идентичности, но ничего не говорится про «петербургское самосознание».

Все рассмотренные документы упоминают вопросы политики идентичности в схожем ключе: предлагается комплекс мероприятий по созданию условий для социальной, языковой и культурной интеграции и обеспечения конструктивного взаимодействия всех представленных в городском сообществе этноконфессиональных групп.

Во всех изучаемых документах бренд Петербурга упоминается только один раз: «Необходимо оказывать содействие организациям Санкт-Петербурга в расширении их участия в международной экономической кооперации, в том числе в презентации экспортного потенциала петербургских компаний в рамках бизнес-миссий в зарубежных странах и Санкт-Петербурге, в продвижении продукции экспортеров на зарубежные рынки, обеспечить присутствие торговых представительств Санкт-Петербурга за рубежом, продвигать региональный бренд на внешних рынках» [13]. Брендирование территории понимается как процесс продвижения образа города и его положительных качеств на международной арене. Ни население других регионов, ни собственные жители в качестве целевых аудиторий не упоминаются.

Результаты. Фундаментальным вызовом в развитии столичных агломераций остается неопределенность институционально-управленческой структуры, необходимой для эффективного регулирования отношений между центром и периферией. В настоящее время эти вопросы находятся в ведении региональных органов власти, что лишь частично решает проблемы координации и межрегионального взаимодействия.

На данный момент создание единого муниципального образования или надмуниципального органа управления для столичных агломераций не рассматривается, что затрудняет реализацию комплексных стратегий развития и согласование интересов различных территориальных единиц. Такой подход может привести к разрозненности управленческих решений, что негативно сказывается на интеграции территорий и устойчивом развитии агломераций.

Образ «мы»-сообщества жителей Петербургской агломерации представлен в документах более полно, в то время как описание Большой Москвы во многом кажется оторванным от образа москвичей. Анализируемые документы, посвященные развитию Москвы, отражают урбанистический вектор развития агломерации и ярко «рисуют» образ будущего территории, который сосредоточен на модернизации инфраструктуры, создании новых деловых и общественных пространств.

В противоположность этому петербургские власти в большей степени опираются на культурно-историческое наследие территории, делая акцент на сохранении уникального облика города и укреплении его идентичности.

По итогам изучения особенностей агломераций и анализа государственных программ можно утверждать, что проблемы развития территорий поднимаются в рамках проектов, связанных с транспортным и инфраструктурным развитием мегаполиса и прилегающих к нему населенных пунктов. Обе агломерации обладают развитой системой нормативно-правовых актов, регулирующих развитие территорий и задающих вектор реализации стратегических инициатив. Кроме того, существует недостаток интереса к вопросам социальной интеграции: административно-политическая элита не уделяет должного внимания проблемам, связанным с созданием единого социального пространства для жителей агломераций, что может затруднить их дальнейшее развитие [4].

Даже явные политические риски, связанные с межэтническими отношениями, не акцентируются в официальном дискурсе, несмотря на то что они потенциально могут влиять на социальную стабильность. Вопросы взаимодействия центра с периферией, интеграции пригородов в общую социально-экономическую ткань мегаполисов остаются второстепенными. Это особенно важно для Петербургской агломерации, где множество пригородных поселений исторически тесно связано с городом, но часто лишено равного доступа к инфраструктуре и возможностям развития.

Таким образом, развитие обеих агломераций характеризуется акцентом на технических и инфраструктурных аспектах, в то время как гуманитарные, культурные и социальные вопросы остаются менее проработанными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова М. И., Манахов С. В. Анализ действующих государственных программ инновационного развития в субъектах Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2016. № 12. С. 130–135.
2. Барышева Г. А., Дибров А. М. Анализ актуализации стратегий развития регионов России // Экономическое возрождение России. 2012. № 4(34). С. 63–69.

3. Булочников П. А. Анализ эффективности формирования стратегии развития региона // Петербургский экономический журнал. 2021. № 1. С. 51–59. DOI: 10.24411/2307-5368-2021-00007

4. Гришин Н. В. Политические элиты и политика идентичности городских агломераций // Вопросы элитологии. 2023. № 4 (2). С. 61–74.

5. Докшина А. Ю., Фардзинова З. А. Анализ государственных программ поддержки молодежных и детских общественных объединений в Дальневосточном федеральном округе // Интерактивная наука. 2016. № 4. С. 54–56.

6. Клисторин В. И., Седипкова С. В. Анализ методик оценки государственных программ субъектов РФ // Мир экономики и управления. 2021. № 21 (4). С. 159–174. DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-4-159-174

7. Концепция совместного градостроительного развития Санкт-Петербурга и территорий Ленинградской области. URL: <https://arch.lenobl.ru/ru/dokumenty/dokumenty-territorialnogo-planirovaniya/koncepciya-sovmestnogo-gradostroitel'nogo-razvitiya-sankt-peterburga-i/>

8. Кораблев Д. В. Анализ государственных программ, направленных на социально-экономическое развитие макрорегионов // Финансовый журнал. 2013. № 4. С. 109–116.

9. Мальсагова Р. Г., Ленков И. Н. Анализ эффективности государственных программ стимулирования экономики // Инновации и инвестиции. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-gosudarstvennyh-programm-stimulirovaniya-ekonomiki>

10. Мирошников С. Н. Проблемы и направления стратегического планирования в региональном развитии // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 4. С. 61–77. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-00038

11. Попова О. В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–113.

12. Создание условий для обеспечения общественного согласия в Санкт-Петербурге. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kpmp/gosudarstvennaya-programma-sankt-peterburga-sozdanie-usloviy-dlya-obes/>

13. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/

14. Стратегия социально-экономического развития Центрального федерального округа на период до 2020 г. URL: <http://government.ru/docs/all/78940/>

15. Тулякова И. В. Оценка эффективности государственных программ: проблемы и перспекти-

вы // Финконтроль. 2017. № 4. URL: https://rufincontrol.ru/online/article/332551/#_ftn10

16. Шеломенцев А. Г., Дорошенко С. В., Трушкова Е. А., Шихвердиев А. П. Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России // Ars Administrandi. 2017. № 9 (4). С. 570–592.

17. Экономическое и социальное развитие территорий Санкт-Петербурга. URL: <https://docs.cntd.ru/document/822403667?ysclid=mhny0zftza238416710>

REFERENCES

1. Abramova M.I., Manakhov S.V. Analiz deystvuyushchikh gosudarstvennykh programm innovatsionnogo razvitiya v subyektakh Rossiyskoy Federatsii [Analysis of Current State Programs for Innovative Development in the Constituent Entities of the Russian Federation]. *Vestnik GUU* [Bulletin of the State University of Management], 2016, no. 12, pp. 130-135.

2. Barysheva G.A., Dibrov A.M. Analiz aktualizatsii strategiy razvitiya regionov Rossii [Analysis of Updating the Development Strategies of Russian Regions]. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii* [Economic Revival of Russia], 2012, no. 4 (34), pp. 63-69.

3. Bulochnikov P.A. Analiz effektivnosti formirovaniya strategii razvitiya regiona [Analysis of the Effectiveness of Forming a Regional Development Strategy]. *Peterburgskiy ekonomicheskii zhurnal* [Petersburg Economic Journal], 2021, no. 1, pp. 51-59. DOI: 10.24411/2307-5368-2021-00007

4. Grishin N.V. Politicheskiye elity i politika identichnosti gorodskikh aglomeratsiy [Political Elites and Identity Politics of Urban Agglomerations]. *Voprosy elitologii* [Issues in Elitology], 2023, no. 4 (2), pp. 61-74.

5. Dokshina A.Yu., Fardzinova Z.A. Analiz gosudarstvennykh programm podderzhki molodezhnykh i detskikh obshchestvennykh obyedineniy v Dalnevostochnom federalnom okruge [Analysis of State Programs to Support Youth and Children's Public Associations in the Far Eastern Federal District]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 2016, no. 4, pp. 54-56.

6. Klistorin V.I., Sedipkova S.V. Analiz metodik otsenki gosudarstvennykh programm subyektov RF [Analysis of Methods for Assessing State Programs of the Constituent Entities of the Russian Federation]. *Mir ekonomiki i upravleniya* [World of Economics and Management], 2021, no. 21 (4), pp. 159-174. DOI: 10.25205/2542-0429-2021-21-4-159-174

7. Kontseptsiya sovmestnogo gradostroitel'nogo razvitiya Sankt-Peterburga i territoriy Leningradskoy oblasti [Concept of Joint Urban Development of St. Petersburg and the Territories of the Leningrad Region].

URL: <https://arch.lenobl.ru/ru/dokumenty/dokumenty-territorialnogo-planirovaniya/koncepciya-sovmestnogo-gradostroitel'nogo-razvitiya-sankt-peterburga-i-/>

8. Korablyov D.V. Analiz gosudarstvennykh programm, napravlennykh na sotsialno-ekonomicheskoye razvitiye makroregionov [Analysis of State Programs Aimed at the Socio-Economic Development of Macroregions]. *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2013, no. 4, pp. 109-116.

9. Malsagova R.G., Lenkov I.N. Analiz effektivnosti gosudarstvennykh programm stimulirovaniya ekonomiki [Analysis of the Effectiveness of State Programs to Stimulate the Economy]. *Innovatsii i investitsii* [Innovations and Investments], 2022, no. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-gosudarstvennykh-programm-stimulirovaniya-ekonomiki>

10. Miroshnikov S.N. Problemy i napravleniya strategicheskogo planirovaniya v regionalnom razviti [Problems and Directions of Strategic Planning in Regional Development]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [STAGE: Economic Theory, Analysis, Practice], 2019, no. 4, pp. 61-77. DOI: 10.24411/2071-6435-2019-00038

11. Popova O.V. O nereshennykh problemakh teorii gosudarstvennoy politiki identichnosti v rossiyskoy politologii [On the Unsolved Problems of the Theory of State Identity Policy in Russian Political Science]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2020, no. 4, pp. 86-113.

12. *Sozdaniye usloviy dlya obespecheniya obshchestvennogo soglasia v Sankt-Peterburge*

[Creating Conditions for Ensuring Public Harmony in St. Petersburg]. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/kpmp/gosudarstvennaya-programma-sankt-peterburga-sozdanie-usloviy-dlya-obes/>

13. *Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sankt-Peterburga na period do 2035 g.* [Strategy for the Socio-Economic Development of St. Petersburg for the Period up to 2035]. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/

14. *Strategiya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Tsentralnogo federalnogo okruga na period do 2020 g.* [Strategy for the Socio-Economic Development of the Central Federal District for the Period up to 2020]. URL: <http://government.ru/docs/all/78940/>

15. Tulyakova I.V. Otsenka effektivnosti gosudarstvennykh programm: problemy i perspektivy [Evaluation of the Effectiveness of Government Programs: Problems and Prospects]. *Finkontrol* [Finkontrol], 2017, no. 4. URL: https://rufincontrol.ru/online/article/332551/#_ftn10

16. Shelomentsev A.G., Doroshenko S.V., Trushkova E.A., Shikhverdiev A.P. Strategii-2030: podkhody k razrabotke v regionakh Rossii [Strategies-2030: Approaches to Development in the Regions of Russia]. *Ars Administrandi*, 2017, no. 9 (4), pp. 570-592.

17. *Ekonomicheskoye i sotsialnoye razvitiye territoriy Sankt-Peterburga* [Economic and Social Development of the Territories of St. Petersburg]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/822403667?ysclid=mhny0zftza238416710>

Information About the Authors

Sofia K. Kalashnikova, Postgraduate Student, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, sofyakalashnikova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>

Mariia Ya. Pogodina, Research Intern, Faculty of Political Science, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7/9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation, mariapogodina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1536-6109>

Информация об авторах

Софья Константиновна Калашникова, аспирант факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, sofyakalashnikova15@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9837-3363>

Мария Ярославовна Погодина, стажер-исследователь факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7/9, 199034 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, mariapogodina@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1536-6109>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.20>

UDC 327.82

LBC 66.49

Submitted: 01.04.2024

Accepted: 30.09.2024

INTERNATIONAL POLITICAL ACTIVITY OF MEGACITIES AS AN OBJECT OF POLITICAL URBANISM

Maxim I. Kolykhalov

Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article examines the international political activities of megacities as an object of political urban studies and a source of significant resources for achieving urban policy goals. Political urban studies is an emerging and developing subdiscipline of political science, and the international political activities of megacities are a highly specific political process, carried out outside the standard administrative-hierarchical structure of “municipality-region-state,” which determines the relevance of this study. *Methods and materials.* The methodological basis of the article consists of a systemic, structural-functional analysis and an inductive method. The theoretical and methodological basis of the study is represented by approaches to the concepts of neoliberalism and transregionalism. The source base of the article includes modern works of Russian and foreign urbanists, sociologists, and political scientists, and statistical data from official information resources of municipalities. *Analysis.* This article examines several areas of megacities’ international political activity related to their involvement in transnational global networks, the paradiplomatic activities of large urban centers, and the formation and promotion of local identities. The capital city factor and the city-state phenomenon are significant factors in achieving megacity local policy goals. For the purposes of this study, the term “megacity” was defined through the prism of involvement in international political processes. *Results.* The study showed that the urban policy of a megacity, depending on the position of the official government leader, as well as the nature of the relationship between the center and sub-state territorial entities, may thus differ from the position of the central authorities. At the same time, megacities’ involvement in transnational global networks allows them to access significant financial and investment resources used in international activities. Megacities play a significant role in globalization processes, forming and preserving local identities, which allows them to promote their image and increase the visibility of the relevant local territory globally. It was revealed that the capital factor and the city-state phenomenon allow the corresponding megacities to influence or determine state policy.

Key words: megacity, global city, transnational network, international political activity, political urban studies, urban policy.

Citation. Kolykhalov M.I. International Political Activity of Megacities as an Object of Political Urbanism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhduнародnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 5, pp. 244-255. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.20>

УДК 327.82

ББК 66.49

Дата поступления статьи: 01.04.2024

Дата принятия статьи: 30.09.2024

МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕГАПОЛИСОВ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ

Максим Игоревич Колыхалов

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена исследованию международно-политической деятельности мегаполисов в качестве объекта политической урбанистики и источника значительных ресурсов достижения целей городской политики. Политическая урбанистика является формирующей и развивающейся

субдисциплиной политической науки, а международно-политическая деятельность мегаполисов – весьма специфичным, осуществляемым вне стандартной административно-иерархичной структуры «муниципалитет – регион – государство» политическим процессом, что определяет актуальность данного исследования. *Методы и материалы.* Методологическую базу статьи составили системный, структурно-функциональный анализ, индуктивный метод; теоретическая и методологическая база исследования представлена подходами концепций неолиберализма, трансрегионализма. Источниковой базой статьи стали современные труды российских и зарубежных урбанистов, социологов, политологов, статистические данные официальных информационных ресурсов муниципалитетов. *Анализ.* В статье исследован ряд направлений международно-политической деятельности мегаполисов, связанных с вовлеченностью в транснациональные глобальные сети, парадипломатической деятельностью крупных городских центров, формированием и продвижением локальных идентичностей, а также фактор столичности и феномен города-государства, являющиеся значимыми факторами достижения целей локальной политики мегаполиса. В целях проведения данного исследования был определен термин «мегаполис» через призму вовлеченности в международно-политические процессы. *Результаты.* Исследование показало, что городская политика мегаполиса в зависимости от позиции лидера городских властей, а также характера отношений центр – субгосударственные территориальные образования может определенным образом отличаться от позиции центральных властей, в то же время вовлеченность мегаполисов в транснациональную глобальную сеть способствует получению доступа к значительным финансовым и инвестиционным ресурсам, задействованным в сферах международной деятельности. Была определена значительная роль мегаполисов в процессах глокализации, формирования и сохранения локальных идентичностей, что позволяет продвигать имидж и повышать известность соответствующей локальной территории на глобальном уровне. Было выявлено, что фактор столичности и феномен города-государства дают возможность соответствующим мегаполисам влиять либо определять политику государства.

Ключевые слова: мегаполис, глобальный город, транснациональная сеть, международно-политическая деятельность, политическая урбанистика, городская политика.

Цитирование. Колыхалов М. И. Международно-политическая деятельность мегаполисов как объект политической урбанистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2025. – Т. 30, № 5. – С. 244–255. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.5.20>

Введение. Первоосновой, инициацией зарождения политических процессов, формирования политических трендов и общественных движений являются городские микрополитии, которые максимально приближены к гражданскому обществу, призваны решать вопросы развития общественных институтов, местного самоуправления, развития гражданских инициатив. Как отмечают Е. Морозова, А. Волкова, «политика, как борьба за власть, как реализация политических курсов, как способ согласования общественных интересов, происходит в конкретном месте» [34, р. 510].

Характер взаимоотношений между акторами городской политики определяется набором ресурсов власти, которыми они обладают и используют для позиционирования и во взаимоотношениях друг с другом. По мнению А.Е. Чириковой, в городской политике «отношения власти и влияния вариативны и репрезентируются через широкий спектр паттернов – от грубой силы и открытого принуждения до мягких форм влияния и тонких манипуляций, не осознаваемых объектом» [18, с. 167].

Показательно, что процессы реализации реальной политики, политическая субъектность перманентно смещаются в сторону мегаполисов, это является одной из детерминант современных политических процессов. Мегаполис представляет собой пространство концентрации финансовых, человеческих, политических ресурсов, именно в мегаполисах продуцируются и аккумулируются новые идеи и политические концепции, мегаполисы активно вовлечены в процессы международного обмена [7, с. 145].

Очевидно, что крупные города и в первую очередь мегаполисы как место сосредоточения политических элит, центров принятия политических решений, государственных институтов также являются субъектами политики, причем не только на локальном уровне, в процессе решения вопросов местного значения, но и на вышестоящих – региональном, национальном, глобальном. Исследованиями политического измерения процессов урбанизации, анализом городов в качестве акторов политических процессов занимается

формирующийся раздел политической науки – политическая урбанистика.

В сфере исследования политических аспектов процессов урбанизации, международно-политической деятельности мегаполисов актуальным является ряд фундаментальных задач по концептуализации исследовательских подходов и методологии, формированию и уточнению терминологического аппарата. Так, по мнению М.М. Лебедевой, «изучение политической роли городов, как внутри национальной политической системы, так и в мировой политике, в настоящее время можно рассматривать в качестве нового, еще окончательно не сформировавшегося направления исследований в рамках политической науки. Проблемы, подлежащие изучению, и методологические подходы, пригодные для разрешения этих проблем, имеют весьма специфический характер и поэтому требуют отдельного серьезного обсуждения» [8].

Целями городской политики, исходя из сущности политических процессов и специфики городов в качестве политических субъектов, являются: формирование городской политической элиты, влияние на постановку политических целей в национальном масштабе, распространение властного влияния по горизонтали и вертикали, получение доступа к статутным ресурсам. Город не может опереться на принуждение и право легитимного насилия, но он влияет на формы и средства этих инструментов, например, разрешить демонстрацию или запретить – в полномочиях городских властей. Тем самым мегаполис активно участвует в формировании и апробации новых политических технологий, оказывает влияние на политический курс в национальном масштабе [7, с. 145].

В этой связи международно-политическая деятельность мегаполисов ввиду вовлеченности в транснациональные сети, возможности осуществлять парадипломатическую деятельность, наличия международно-известного имиджа и бренда города, сосредоточения штаб-квартир транснациональных корпораций и международных организаций, наличия статуса города-региона либо города-государства, а также значительных материальных и нематериальных ресурсов является источником ряда значимых факторов формирования и реализации городской политики.

Целью данной статьи является исследование международно-политической деятельности мегаполисов в качестве объекта политической урбанистики с целью выявления факторов вовлеченности и влияния мегаполисов на политические процессы локального и глобального масштаба.

Методы и материалы. В зарубежных исследованиях тематика политизации городских пространств получила развитие в 70–80-х гг. XX в. в трудах исследователей Ю. Хабермаса [27], Х. Арндт [21], Э. Соджи [39], А. Лефевра [31] и ряда других. Так, К. Кауфман, исследователь кафедры политологии Государственного университета Уэйна (США) в работе «Политический урбанизм: городская пространственная организация, политика и политики», вышедшей в 1974 г., заявляет, что основными задачами городских исследований выступают выявление специфики городской политики на основе сравнительных городских исследований, концептуализация понятий данной области исследования, выявление универсальных аспектов и ключевых факторов [28].

Следует отметить формирование Лос-Анджелесской школы политической урбанистики, зародившейся и сформировавшейся также в 70–80-х гг. XX в. как новое течение в изучении города. Ее основными представителями являются Э. Соджа, М. Дэвис [25], А. Скотт [37], М. Дж. Дир. Специфика подходов данного исследовательского направления заключается в переходе от модернистского к постмодернистскому урбанизму, в котором изменившаяся социально-политическая реальность переопределяет смысл и практику городской политики [26].

В современных зарубежных научных трудах рассматриваются аспекты лидерства и достижения целей городской политики, фрагментации городских пространств, специфика городской политики разных стран, общественно-политическое измерение концепции умных городов и ряд других направлений. Так, С.А. Болленс утверждает, что политические лидеры муниципалитетов активизируют достижение целей городской политики в периоды политических преобразований, когда городской политикум принимает участие и вносит вклад в национальное миростроительство, причем, как отмечает исследователь,

«некоторые города играют конструктивную роль в формировании демократизации, а другие нет, что приводит к тому, что эта прогрессивная функция города... может быть неуместна или игнорироваться» [23].

С. Бенджамин в своих работах подчеркивает специфику городской политики в Индии, которая заключается в противостоянии индийской городской элиты, крупных застройщиков и международных инвесторов, лоббирующих комплексное планирование в противовес «политике банка голосов» со стороны бедных. Несмотря на участие государства, эта местная политика остается автономной. Такой нарратив рассматривает городские территории как состоящие из множества политических пространств, вписанных в сложную местную историю [22].

К. Макфарлан анализирует фрагментацию городских пространств, развивая исследования политики городских фрагментов как вклад в дебаты по теории города, городской бедности и неравенству [33].

Социально-политические аспекты феномена реализации концепции умных городов на основе формирования и развития города-государства Сингапура изучаются Л. Конгом и О. Вудсом [29].

Отечественные исследования процессов формирования и реализации городской политики, специфики и характера локальных политических режимов начались несколько позже зарубежных; теоретические подходы, развивающие направления политической урбанистики, представлены в трудах ведущих исследователей: А.И. Щербинина [19], В.Г. Ледяева [10], Р.Ф. Туровского [16], А.Е. Чириковой [18], А.Л. Бардина [1].

Методологическую базу статьи составили общенаучные и специальные методы исследования, соответствующие задачам и объекту исследования: системный, структурно-функциональный анализ, индуктивный метод, которые позволили выявить структуру транснациональной городской системы, проанализировать основные факторы городской политики, определить общие тенденции и закономерности изучаемого объекта. Теоретическая и методологическая база исследования представлена подходами концепций неолиберализма, трансрегионализма, рассматри-

вающих субгосударственные территориальные образования в качестве акторов мировой политики; концепцией глокализации, исследующей взаимодействие актуальных глобальных процессов глобализации и локализации в характерных пространствах – мегаполисах.

Анализ. Глобализация и урбанизация, пожалуй, два самых главных глобальных тренда человечества, которые существенным образом трансформируют все сферы деятельности общества, в том числе и политическую, расширяя состав акторов мировой политики негосударственными и комбинированными (государственно-негосударственными) участниками, к которым в том числе относятся субгосударственные территориальные образования – субнациональные регионы и города [5].

Представляется, что на современном этапе урбанизация трактуется не только как процесс роста городского населения и реализация градостроительной политики. Современные процессы урбанизации активно развиваются и в политико-управленческой плоскости, связанной с формированием локальной системы власти, политической элиты, проектов социально-экономического и общественно-политического развития территорий, постановкой целей городской политики, причем городская политика крупных городов-мегаполисов распространяется и на глобальные, внегосударственные сферы и уровни [2, с. 75].

В то же время следует отметить, что города и в первую очередь мегаполисы являются важным элементом процесса глобализации и способствуют развитию дипломатических и политических отношений как инструментами публичной дипломатии, так и через официальные институты [13, с. 555].

Следует уточнить термин «мегаполис», который является основным актором в международно-политической деятельности городских центров и, соответственно, важным объектом исследования политической урбанистики. Термин *megacity* (соответственно, мегаполис) появился в 1970-е гг. в официальных докладах ООН и впоследствии получил широкое международное распространение в утвержденных ООН количественных параметрах. По определению ООН, «*megacities* – это городские поселения с населением 10 млн и более человек»¹. В то же время американский политолог и урбанист

К. Аббот использует термин *metropolitan area*, который можно перевести как «крупный город», «городская агломерация», или «мегаполис», подразумевающая крупнейшие города США с населением более 1 млн человек [20, p. 42].

Аналогичным образом отечественные традиции идентификации мегаполиса основываются на численности населения города свыше 1 млн человек. Так, согласно словарю-справочнику «Социально-экономическая география: понятия и термины», мегаполис – крупная форма городского расселения, город с численностью населения свыше 1 млн жителей, в иерархическом ряду городских образований занимает промежуточное положение между терминами «крупный город» и «мегаполис» [15, с. 133].

Вместе с тем О.В. Нотман отмечает, что «с учетом специфики российской действительности, задающей определенные понятийные нормы, мегаполис в самом общем толковании может быть определен как сверхкрупный город с численностью населения, превышающей 1 млн чел., и имеющий определенный юридический статус (город федерального значения, административный центр, столица субъекта РФ)» [11, с. 145].

С точки зрения вовлеченности мегаполиса в международно-политические процессы М.М. Лебедева использует термин «мегаполис», под которым подразумевается крупный городской центр, в котором сосредоточены международные финансовые и экономические структуры, расположены научные, исследовательские, образовательные учреждения международного уровня и образуются так называемые межсетевые узлы, которые открывают для города новые возможности и являются своеобразными «воротами» в глобальный мир «поствестфальской» эпохи, без обозначения конкретной численности города – «мегаполиса» [8].

Таким образом, термин *мегаполис* возможно определить как крупный город численностью 1 млн человек и более, который за счет экономического потенциала, вовлеченности в глобальные транснациональные сети, соответствующего имиджа, международной известности и ресурсов политического влияния имеет потенциал стать одним из глобальных городов [6].

Ряд отечественных исследователей утверждают, что городская политика мегаполиса в зависимости от характера отношений центр – субгосударственные территориальные образования, конституционных особенностей, позиции лидера городских властей может определенным образом отличаться от позиции центральных властей. В качестве приоритетов локального политического курса могут выступать вопросы социально-экономического развития конкретной территории с учетом ее специфики, исторических особенностей, традиций, локальной идентичности, а также возможностей деятельности на международной арене и в транснациональных глобальных сетях [8; 9].

Исследуем, каким образом международно-политическая деятельность мегаполисов позволяет достигать целей городской политики в виде влияния на национальный политический курс, формирования локальной идентичности и городской политической элиты, распространения властного влияния по горизонтали и вертикали, укрепления политических позиций при взаимодействии с центральными властями, получения доступа к значимым ресурсам для эффективного социально-экономического и инфраструктурного развития.

В первую очередь в качестве фактора городской политики проанализируем *вовлеченность мегаполисов в транснациональные глобальные городские сети*. Мегаполисы, активно интегрированные в различные сферы международной деятельности, участвующие в экономических, культурно-гуманитарных, общественно-политических глобальных сетях, совокупность которых формирует транснациональную городскую сеть, являются в общем виде городами – международными центрами влияния [6].

М. Кастельс, развивая концепцию сетевого общества, выдвигает утверждение, что на основе активного развития информационно-коммуникационных сетей и технологий формируется *пространство потоков*, в основе которого лежит сеть постоянно меняющихся взаимодействий информационно-властных узлов в различных сферах. Формирующееся пространство потоков в современном сетевом обществе вступает в противостояние с традиционным *пространством мест* [24].

Ряд исследователей сопоставляют транснациональную сеть городов – международных центров влияния, которая в первую очередь формирует глобальное пространство потоков – с доминирующей метагеографией национальных государств – пространством территорий (пространством мест) [40, р. 95].

Исходя из этого, можно констатировать формирование конкурентности в международно-политическом поле традиционного пространства мест с формирующимся пространством потоков.

Пространство мест представлено традиционной административно-иерархичной структурой «национальное государство – субнациональный регион – муниципалитет», которая основывается на Вестфальских принципах, где ведущим субъектом и основным актором международных отношений является национальное государство, субнациональные регионы осуществляют внешнеэкономические связи в определенных сферах международной деятельности при координации центральных властей, а муниципалитеты участвуют в трансграничных проектах и программах побратимства [4].

Соответственно, этой иерархии противостоит пространство потоков – структура глобального мира, опирающаяся на принципы сетевого общества, представленная сетями взаимодействия глобальных городов, осуществляемого «поверх» национальных границ [17, с. 43].

Данные сети наделяют каждый узел своей ролью и весом в иерархии международных обменов, потоки ресурсов и информации, курсирующие в глобальных сетях, значимым образом влияют на развитие либо деградацию соответствующего мегаполиса – узла сети.

По мнению Д.А. Савкина, именно города – международные центры влияния формируют транснациональную городскую сеть и, минуя посредничество государств, «распространяют свое геополитическое и геоэкономическое влияние для поиска возможностей своего развития за пределами национальных территорий, в этой связи наиболее важным является определение роли мегаполисов в многосторонней дипломатии городов в поле внешнеторговых или локально-политических процессов» [14].

Показателен пример Дубая, в 1950 г. представлявшего собой небольшое поселение с населением не более 20 тыс. человек, а к 2023 г. ставшего мировым городом с населением более 3,5 млн человек с развитой по мировым стандартам инфраструктурой и целым рядом международно значимых достижений. Следует отметить, что Дубай добился таких результатов в первую очередь за счет вовлеченности и распространения влияния в глобальных сетях международного обмена, завоевав лидирующие позиции в ряде сфер международной деятельности [3, с. 633].

Примечательно, что, по данным информационных ресурсов, доходы бюджета Дубая в результате формирования и развития его в качестве ведущего города международного центра влияния выросли за последние 45 лет в 14 тысяч раз ².

Таким образом, вовлеченность мегаполисов в транснациональную глобальную городскую сеть позволяет получать доступ к ресурсам, задействованным в сферах международной деятельности, распространять свое геоэкономическое и геополитическое влияние на субъекты, вовлеченные в данные сети за пределами национальных территорий. Это способствует привлечению иностранных инвестиций для развития социально-экономической сферы города, а также значительных финансовых ресурсов для формирования городского бюджета.

Вторым направлением международно-политической деятельности мегаполисов в рамках реализации целей городской политики является *дипломатия городов*, которая представляет собой процесс принятия внешнеполитических решений на городском уровне и участие в парадипломатической деятельности. Основными направлениями городской парадипломатии являются: участие муниципалитетов в деятельности международных организаций, форумах лидеров местных властей; реализация двухстороннего сотрудничества, развитие института побратимства; участие в трансграничных культурно-гуманитарных и социально-экономических проектах; реализация инструментов публичной дипломатии [14].

Для достижения целей городской политики в зависимости от характера взаимоотношений «центр – субгосударственные регионы и города», авторитета, политического веса

и позиции лидера городских властей позиция мегаполиса в международной деятельности может отличаться от позиции центральных властей. К тому же ряд городов – международных центров влияния создали полугосударственные структуры в целях осуществления международных и внешнеэкономических связей, обладающие еще большей свободой действий благодаря их негосударственному статусу. В качестве примера можно привести New York City Global Partners, Inc. – некоммерческую организацию, размещающуюся в бюро по международным делам мэрии Нью-Йорка, программу «Международный альянс» администрации Торонто, собственные агентства имеются у Милана (Eventing Milan) и Лондона (London & Partners) [32].

Парадипломатическая деятельность субнациональных регионов с развитой идентичностью позволяет получить определенную известность и признание на международной арене и повышать свой статус и значимость во взаимоотношениях с центральными властями. В то же время административные центры этих регионов, в основном мегаполисы, являются важнейшими агентами данных процессов, выступая площадкой для проведения международно значимых мероприятий, размещения дипломатических и консульских учреждений, принятия международных делегаций, а также участвуя в формировании имиджа территории и в деятельности международных специализированных учреждений [36].

Таким образом, парадипломатическая деятельность мегаполисов позволяет повышать статус местных и региональных властей и уровень влияния во взаимоотношениях с центральными властями, уровень самостоятельности и международно-правовой статус субнациональных территорий, получать особые условия распределения государственных ресурсов, участвовать в формировании элиты национального уровня, во внешнеэкономической деятельности и трансграничных пространствах и проектах, влиять на политический курс национального государства.

Следующим важным направлением международно-политической деятельности мегаполисов в процессах реализации городской политики является их **вовлеченность в процессы формирования и сохранения локаль-**

ных идентичностей. Самыми узнаваемыми образами в глобальном пространстве выступают известные городские символы либо образы, ассоциированные с мегаполисами: Берлинская стена, площадь Тяньаньмэнь в Пекине, Брюссель как символ Европы, протокол Рио-де-Жанейро и Киотский протокол [38, р. 35], Московский Кремль, разводные мосты и дворцы Санкт-Петербурга [4].

Локальная идентичность городов основывается на их физическом разграничении от других территорий, возможности дифференцировать себя именем города или узнаваемым символом. Мегаполисы индивидуализируются, это происходит главным образом двумя способами: через дифференциацию пространства, либо идентификация происходит через память, присутствующую в текстах культуры и истории [38].

Кроме того, локальные идентичности зачастую представлены уникальным городским ландшафтом – достопримечательностями, городскими символами, но в то же время особой атмосферой, культурой, историей, традициями, призванием, брендом города. Это то, что формирует его уникальные отличия, создает его узнаваемость и известность, дифференцирует от других крупных городов в мировом контексте, создавая так называемые глокальные урбан-коды.

Как видим, участие мегаполисов в процессах формирования и сохранения локальных идентичностей позволяет продвигать имидж и повышать известность соответствующей локальной территории на глобальном уровне, развивать политическую культуру и формировать микрополитику мегаполиса на основе актуальных как глобальных тенденций, так и локальных традиций, символов, идентичностей, тем самым усиливая влияние как в транснациональных глобальных сетях, так и во взаимоотношениях с центральными властями.

Исследуем **фактор столичности** в качестве элемента городской политики. Столица государства в первую очередь имеет международно-политическое измерение, являясь символом государства на мировой арене. Не случайно в политическом и экспертном дискурсе часто ассоциируют столичный мегаполис с самим государством – «Москва заявила, Вашингтон обозначил и т. д.» [12].

Столичный мегаполис является воротами государства во внешний мир – в нем располагаются дипломатические и консульские учреждения, штаб-квартиры международных организаций, принимаются иностранные делегации, проводятся международные мероприятия различного уровня и направленности.

Столичный статус за счет развития инфраструктуры, концентрации финансовых ресурсов, развитого рынка труда, максимального развития сферы услуг, потребления и развлечений нередко делает столичный город самым привлекательным, густонаселенным и быстрорастущим в стране. Так, по данным ряда исследований, столицей, как правило, является крупнейший город страны: 64 % столиц мира гипертрофированно развиты, 20 % гипотрофированны, и только 15 % пропорциональны общей численности населения страны [12, с. 72].

Ввиду этого столичный мегаполис аккумулирует основные финансовые, экономические, трудовые ресурсы, является центром накопления и потребления национального богатства, формирует свою идентичность и распространяет свое влияние на всю национальную территорию.

Показателен феномен мегаполиса, являющегося *городом-государством*, когда городская политика становится эквивалентной политике национального государства, а решение городских вопросов – вопросами государственного значения. Город-государство трактуется как независимый суверенный город, который служит центром политической, экономической и культурной жизни на прилегающей территории [35]. В научном и политическом дискурсе присутствует несколько позиций по поводу количества и состава современных городов-государств, наиболее часто обсуждаемыми кандидатами являются Сингапур, Монако и Ватикан. Несколько значимых влиятельных мегаполисов проводят активную международную деятельность, обладают значительными ресурсами, определенной степенью автономии и в ряде случаев трактуются в качестве городов-государств: Гонконг, столица ОАЭ Дубай и Абу-Даби. Однако только Сингапур является единственным международно признанным государством-городом со всеми государственными атрибутами – меж-

дународной правосубъектностью, государственным суверенитетом, участием в международных отношениях и международных организациях [30].

Для анализа феномена мегаполиса как города-государства в контексте международно-политического измерения городской политики показателен кейс Сингапура. Он является ведущим глобальным городом, активно вовлеченным в транснациональные глобальные городские сети, и мировым лидером в ряде сфер международной деятельности. Стоит отметить, что Сингапур получил свое развитие и статус глобального мегаполиса именно на основе вовлечения в международную деятельность. Ключевой особенностью феномена Сингапура в качестве мегаполиса – города-государства считается характер экономики, которая является самой открытой экономикой мира, имея соотношение объема экспорта и импорта к ВВП более 300 %³.

В Сингапуре особая унитарная система власти. Отсутствуют мэр города и городской совет. Правящая Партия народного действия упразднила городской совет в 1959 г., и роль мэра исчезла. Местное самоуправление представлено пятью советами общественного развития (Центральный Сингапур, Северо-Восточный, Северо-Западный, Юго-Восточный и Юго-Западный), которые были созданы по территориальному признаку и не являются органами, избираемыми напрямую. В здании мэрии разместились правительственные учреждения, оно стало использоваться для проведения государственных и международных мероприятий⁴. Вопросами местного значения, развитием и содержанием инфраструктуры, городским планированием, организацией деятельности муниципальных служб, предоставлением муниципальных услуг занимается министерство национального развития в структуре правительства Сингапура⁵.

Таким образом, в мегаполисе – городе-государстве складывается особый конгломерат муниципальной и государственной власти, который, с одной стороны, решает вопросы местного значения и предоставляет муниципальные услуги, а с другой – представляет город на международной арене и решает государственные задачи по обеспечению безопасности, валютного регулирования, участия

в международных отношениях. Глобальный город – мегаполис, будучи городом-государством, имеет возможность формировать максимально открытую экономику и реализовывать все преимущества международного центра в ряде сфер международной деятельности.

Результаты. Проведенное исследование показало, что подходы политической урбанистики как субдисциплины политической науки в отечественном научном дискурсе находятся в состоянии развития и концептуализации, спецификой данных исследований является их междисциплинарный характер на стыке политологии, международных отношений, урбанистики. Объект исследования политической урбанистики, городской центр, обладает ресурсами политического влияния, формирует собственную городскую политику, участвует в процессах глокализации. В то же время международно-политическая деятельность мегаполиса, который в этом исследовании трактуется как крупный город с численностью населения более 1 млн человек и вовлеченный в ряд сфер международной деятельности, обладает рядом специфических черт, ее исследование является весьма перспективным направлением исследований политической урбанистики. Данная деятельность городов – международных центров влияния, связанная с участием в транснациональных сетях, формированием и продвижением локальной идентичности, парадипломатической деятельностью, является значимым фактором достижения целей городской политики и позволяет распространять свое влияние за пределами национальных территорий, привлекать существенные инвестиции и значительные финансовые ресурсы, повышать статус и влияние во взаимоотношениях с другими субнациональными акторами и центральными властями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 2018 Revision of World Urbanization Prospects // United Nations, 2018. URL: <https://www.un.org/development/desa/publications/2018-revision-of-world-urbanization-prospects.html>

² Доходы Дубая (ОАЭ) выросли за последние 45 лет в 14 тысяч раз. URL: <https://russianemirates.com/news/uae-news/dokhody-dubaya/>

³ ВВП Сингапура: объем, темпы роста на душу населения, структура. URL: <https://take-profit.org/statistics/gdp/singapore/>

⁴ Официальный сайт правительства Сингапура. URL: <https://www.gov.sg/features>

⁵ Там же. URL: <https://www.sgdi.gov.sg/ministries/mnd>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бардин А. Л. Креативный потенциал города в контексте цифровизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 519–538. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-519-538
2. Забузов О. Н., Шушпанова И. С. Феномен «политическая урбанизация»: проблемы определения // Знание. Понимание. Умение. 2021. № 4. С. 74–84. DOI: 10.17805/zpu.2021.4.6
3. Колыхалов М. И. Генезис Дубая как мирового города // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 630–646. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-630-646
4. Колыхалов М. И. Основные исследовательские подходы, тенденции и современные феномены концепции глобальных городов // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12, № 5 (86). С. 1686–1696. DOI: 10.35775/PSI.2022.86.5.017
5. Колыхалов М. И. Сущность, содержание и основные тенденции международной деятельности субгосударственных регионов в современном мире: сравнительный анализ кейсов России и Швейцарии. М.: Русайнс, 2021. 122 с.
6. Колыхалов М. И. Теоретические аспекты международной деятельности мегаполисов в транснациональной городской сети // Регионоведение. 2022. Т. 30, № 4 (121). С. 961–979. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979
7. Кошкин А. П., Мельков С. А. Политическая урбанистика: проблемы и перспективы // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2015. № 1 (79). С. 144–159.
8. Лебедева М. М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 1 (48). С. 7–16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16
9. Лебедева М. М., Сергеев В. М. Мегаполис как актор мировой политики // Космополис. 2004. № 4. С. 193–200.
10. Ледяев В. Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Политическая география: Современная российская школа. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 453–471.

11. Нотман О. В. Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системный подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 2. С. 143–149. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-2-143-149
12. Окунев И. Ю. Столицы в зеркале критической геополитики. М.: Аспект Пресс, 2017. 208 с.
13. Подобуева В. А. «Право на город» и политизация городского пространства: краткий обзор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 3. С. 553–563. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-553-563>
14. Савкин Д. А. Глобальный город как актор мировой политики: дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2010. 220 с.
15. Социально-экономическая география: понятия и термины / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
16. Туровский Р. Ф. Поселение как субъект локальной политики: теоретические основы исследований // Политическая наука. 2019. № 2. С. 13–30. DOI: 10.31249/poln/2019.02.01
17. Чернышева Е. Н. Пространство потоков и структура глобального мира // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2013. № 11 (65). С. 38–43.
18. Чирикова А. Е. Власть в малых российских городах: управленческие проблемы и мотивация акторов // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15, № 1. С. 165–183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9
19. Щербинин А. И. Культурные истоки права на город // Оздоровление городской среды. М.: Моск. центр урбанистики «Город», 2022. С. 22–25. DOI: 10.58633/9785990703926_2022_22
20. Abbott C. The International City Hypothesis: An Approach to the Recent History of US Cities // Journal of Urban History. 1997. Vol. 24, № 1. P. 28–52.
21. Arendt H. The Promise of Politics. Schocken, 2009. 259 p.
22. Benjamin S. Occupancy Urbanism: Radicalizing Politics and Economy Beyond Policy and Programs // International Journal of Urban and Regional Research. 2008. Vol. 32, № 3. P. 719–729.
23. Bollens S. A. Urbanism, Political Uncertainty and Democratisation // Urban Studies. 2008. Vol. 45, № 5–6. P. 1255–1289.
24. Castells M. The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process. Oxford, UK; Cambridge, MA: Blackwell, 1989. 416 p.
25. Davis M. Magical Urbanism: Latinos Reinvent the US City. Verso Books, 2024. 259 p.
26. Dear M., Dahmann N. Urban Politics and the Los Angeles School of Urbanism // Urban Affairs Review. 2008. Vol. 44, № 2. P. 266–279.
27. Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedia Article // Critical Theory and Society. Routledge, 2020. P. 136–142.
28. Kaufman C. Political Urbanism: Urban Spatial Organization, Policy, and Politics // Urban Affairs Quarterly. 1974. Vol. 9, № 4. P. 421–436.
29. Kong L., Woods O. The Ideological Alignment of Smart Urbanism in Singapore: Critical Reflections on a Political Paradox // Urban Studies. 2018. Vol. 55, № 4. P. 679–701.
30. Kwok K. W., Low K. H. Cultural Policy and the City-State: Singapore and the “New Asian Renaissance” // Global Culture. Routledge, 2016. P. 149–168.
31. Lefebvre H. The Urban Revolution. University of Minnesota Press, 2003. 191 p.
32. Marchetti R. City Diplomacy: From City-States to Global Cities. University of Michigan Press, 2021. 129 p.
33. McFarlane C. Fragment Urbanism: Politics at the Margins of the City // Environment and Planning D: Society and Space. 2018. Vol. 36, № 6. P. 1007–1025.
34. Morozova E. V., Volkova E. V. Political Urban and Rural Studies: Introducing the Issue // RUDN Journal of Political Science. 2023. Vol. 25, № 3. P. 509–518. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-509-518
35. Morris R. Modern City State // AQ-Australian Quarterly. 2012. Vol. 83, № 2. P. 26–28.
36. Puybureau B., Talom R. T. Sub-State Diplomacies: Regions, Parliaments, and Local Authorities // Global Diplomacy: An Introduction to Theory and Practice. Springer International Publ., 2020. P. 167–181.
37. Scott A. J. Metropolis: From the Division of Labor to Urban Form. University of California Press, 2022. 245 p.
38. Sedda F. Glocal Cities. Spaces and Subjectivities in Contemporary World // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 1 (45). С. 33–55.
39. Soja E. W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions. Blackwell Publishers, 2000. 462 p.
40. Taylor P. J., Walker D. R. F., Beaverstock J. V. Firms and Their Global Service Networks // Global Networks, Linked Cities. Routledge, 2016. P. 93–115.

REFERENCES

1. Bardin A.L. Kreativnyj potencial goroda v kontekste cifrovizacii [The Creative Potential of the City in the Context of Digitalization]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2023, vol. 25, no. 3. pp. 519-538. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-519-538

2. Zabuzov O.N., Shushpanova I.S. Fenomen «politicheskaja urbanizacija»: problemy opredelenija [The Phenomenon of “Political Urbanization”: Problems of Definition]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2021, no. 4, pp. 74-84. DOI: 10.17805/zpu.2021.4.6
3. Kolykhalov M.I. Genezis Dubaja kak mirovogo goroda [The Genesis of Dubai as a World City]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], 2023, vol. 25, no. 3, pp. 630-646. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-630-646
4. Kolykhalov M.I. Osnovnye issledovatel'skie podhody, tendencii i sovremennye fenomeny koncepcii globalnyh gorodov [Main Research Approaches, Trends and Modern Phenomena of the Global City Concept]. *Voprosy nacionalnyh i federativnyh otnoshenij* [Issues of National and Federative Relations], 2022, vol. 12, no. 5 (86), pp. 1686-1696. DOI: 10.35775/PSI.2022.86.5.017
5. Kolykhalov M.I. *Sushhnost, sodержanie i osnovnye tendencii mezhdunarodnoj dejatel'nosti subgosudarstvennyh regionov v sovremennom mire: sravnitel'nyj analiz kejsov Rossii i Shvejcarii* [Essence, Content and Main Trends in the International Activities of Substate Regions in the Modern World: A Comparative Analysis of the Cases of Russia and Switzerland]. Moscow, Rusajns Publ., 2021. 122 p.
6. Kolykhalov M.I. Teoreticheskie aspekty mezhdunarodnoj dejatel'nosti megapolisov v transnacionalnoj gorodskoj seti [Theoretical Aspects of the International Activity of Megacities in the Transnational Urban Network]. *Regionologija* [Regionology. Russian Journal of Regional Studies], 2022, vol. 30, no. 4 (121), pp. 961-979. DOI: 10.15507/2413-1407.121.030.202204.961-979
7. Koshkin A.P., Melkov S.A. Politicheskaja urbanistika: problemy i perspektivy [Political Urbanism: Problems and Prospects]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova* [Bulletin of the Russian Economic University Named After G.V. Plekhanov], 2015, no. 1 (79), pp. 144-159.
8. Lebedeva M.M. Transformacija roli gorodov i vnutrigosudarstvennyh regionov v mirovoj politike [Transformation of the Role of Cities and Intrastate Regions in World Politics]. *Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya* [Oikumena. Regional Studies], 2019, no. 1 (48), pp. 7-16. DOI: 10.24866/1998-6785/2019-1/7-16
9. Lebedeva M.M., Sergeev V.M. Megapolis kak aktor mirovoj politiki [Megapolis as an Actor in World Politics]. *Kosmopolis* [Cosmopolis], 2004, no. 4, pp. 193-200.
10. Ledyayev V.G. Sociologiya vlasti: teoriya gorodskih politicheskikh rezhimov [Sociology of Power: The Theory of Urban Political Regimes]. *Politicheskaya geografiya: Sovremennaya rossijskaya shkola* [Political Geography: Modern Russian School]. Moscow, Aspekt Press, 2022, pp. 453-471.
11. Notman O.V. Konceptualizaciya ponyatiya “megapolis”: formalno-kolichestvennyj, pravovoj, funkcionalnyj i sistemnyj podhody [Conceptualization of the Concept of “Megapolis”: Formal-Quantitative, Legal, Functional and Systemic Approaches]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya* [News of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science], 2021, vol. 21, no. 2, pp. 143-149. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-2-143-149
12. Okunev I.Yu. *Stolicy v zerkale kriticheskoy geopolitiki* [Capitals in the Mirror of Critical Geopolitics]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2017. 208 p.
13. Podobueva V.A. «Pravo na gorod» i politizaciya gorodskogo prostranstva: kratkij obzor [“The Right to the City” and Politicization of Urban Space: A Brief Literature Review]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* [RUDN Journal of Political Science], 2023, vol. 25, no. 3, pp. 553-563. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-3-553-563>
14. Savkin D.A. *Globalnyj gorod kak aktor mirovoj politiki: dis. ... kand. polit. nauk* [Global City as an Actor in World Politics. Cand. polit. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2010. 220 p.
15. Gorkin A.P., ed. *Socialno-ekonomicheskaya geografiya: ponyatiya i terminy* [Socio-Economic Geography: Concepts and Terms]. Smolensk, Ojkumena Publ., 2013. 328 p.
16. Turovsky R.F. Poselenie kak subyekt lokalnoj politiki: Teoreticheskie osnovy issledovanij [Settlement as a Subject of Local Politics: Theoretical Foundations of Research]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2019, no. 2, pp. 13-30. DOI: 10.31249/poln/2019.02.01
17. Chernysheva E.N. Prostranstvo potokov i struktura globalnogo mira [The Space of Flows and the Structure of the Global World]. *Vestnik Rossijskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plehanova* [Bulletin of the Russian Economic University Named After G.V. Plekhanov], 2013, no. 11 (65), pp. 38-43.
18. Chirikova A.E. Vlast v mal'yx rossijskikh gorodah: upravlencheskie problemy i motivaciya aktorov [Power in Small Russian Cities: Management Problems and Motivation of Actors]. *Vestnik Instituta sociologii*, 2024, vol. 15, no. 1, pp. 165-183. DOI: 10.19181/vis.2024.15.1.9
19. Shcherbinin A.I. Kulturnye istoki prava na gorod [Cultural Origins of the Right to the City]. *Ozdorovlenie gorodskoj sredy* [Improving the Urban Environment]. Moscow, Mosk. centr urbanistiki

«Gorod», 2022, pp. 22-25. DOI: 10.58633/9785990703926_2022_22

20. Abbott C. The International City Hypothesis: An Approach to the Recent History of US Cities. *Journal of Urban History*, 1997, vol. 24 (1), pp. 28-52.

21. Arendt H. *The Promise of Politics*. Schocken, 2009. 259 p.

22. Benjamin S. Occupancy Urbanism: Radicalizing Politics Economy and Beyond Policy and Programs. *International Journal of Urban and Regional Research*, 2008, vol. 32, no. 3, pp. 719-729.

23. Bollens S.A. Urbanism, Political Uncertainty and Democracy. *Urban Studies*, 2008, vol. 45, no. 5-6, pp. 1255-1289.

24. Castells M. *The Informational City: Information Technology, Economic Restructuring, and the Urban Regional Process*. Oxford, Cambridge, Blackwell, 1989. 416 p.

25. Davis M. *Magical Urbanism: Latinos Reinvent the US City*. Verso Books, 2024. 259 p.

26. Dear M., Dahmann N. Urban Politics and the Los Angeles School of Urbanism. *Urban Affairs Review*, 2008, vol. 44, no. 2, pp. 266-279.

27. Habermas J. The Public Sphere: An Encyclopedia Article. *Critical Theory and Society*. Routledge, 2020, pp. 136-142.

28. Kaufman C. Political Urbanism: Urban Spatial Organization, Policy, and Politics. *Urban Affairs Quarterly*, 1974, vol. 9, no. 4, pp. 421-436.

29. Kong L., Woods O. The Ideological Alignment of Smart Urbanism in Singapore: Critical Reflections on a Political Paradox. *Urban Studies*, 2018, vol. 55, no. 4, pp. 679-701.

30. Kwok K.W., Low K.H. Cultural Policy and the City-State: Singapore and the “New Asian Renaissance”. *Global Culture*. Routledge, 2016, pp. 149-168.

31. Lefebvre H. *The Urban Revolution*. US of Minnesota Press, 2003. 191 p.

32. Marchetti R. *City Diplomacy: From City-States to Global Cities*. University of Michigan Press, 2021. 129 p.

33. McFarlane C. Fragment Urbanism: Politics at the Margins of the City. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2018, vol. 36, no. 6, pp. 1007-1025.

34. Morozova E.V., Volkova A.V. Political Urban and Rural Studies: Introducing the Issue. *RUDN Journal of Political Science*, 2023, vol. 25, no. 3, pp. 509-518. DOI: 10.22363/2313-1438-2023-25-3-509-518

35. Morris R. Modern City State. *AQ-Australian Quarterly*, 2012, vol. 83, no. 2, pp. 26-28.

36. Puybureau B., Talom R.T. Sub-State Diplomacies: Regions, Parliaments, and Local Authorities. *Global Diplomacy: An Introduction to Theory and Practice*, 2020, pp. 167-181.

37. Scott A.J. *Metropolis: From the Division of Labor to Urban Form*. University of California Press, 2022. 245 p.

38. Sedda F. Glocal Cities. Spaces and Subjectivities in Contemporary World. *Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 2021, no. 1 (45), pp. 35-55.

39. Soja E.W. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Blackwell Publishers, 2000. 462 p.

40. Taylor P.J., Walker D.R.F., Beaverstock J.V. Firms and Their Global Service Networks. *Global Networks, Linked Cities*. Routledge, 2016, pp. 93-115.

Information About the Author

Maxim I. Kolykhalov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Department of Public Administration and Industry Policies, Siberian Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhegorodskaya St, 6, 630102 Novosibirsk, Russian Federation, maxim_kolykhalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3137-1889>

Информация об авторе

Максим Игоревич Колыхалов, кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и отраслевых политик, Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. Нижегородская, 6, 630102 г. Новосибирск, Российская Федерация, maxim_kolykhalov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3137-1889>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.
  2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.
  3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.
  4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.
  5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.
  6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.
  7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.
  8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.
  9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.
  10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.
- Отправка автором рукописи статьи** и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».
- Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.
  2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
  3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
  4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.
  5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
  6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
  7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.
  8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
  9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
  10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.
- The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.
- The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истор. Регионовед. Междунар. отнош. 2025. Том 30. № 5. 1–257.